

Елизавета Сагирова

Лето придёт во сне

Недалёкое будущее... На Земле отгремела третья мировая война. Россия, оставшись в числе победителей, вновь нареклась Русью и с целью не допустить прежних ошибок, опустила железный занавес между собой и остальным миром. У власти встала православная церковь, которая вернула своему народу духовные скрепы и традиционные ценности. Больше нет алкоголизма и наркомании, безработицы и преступности, блуда и безнравственности. Но, как известно, за благополучие одних всегда платят другие. Это не повествование о великой борьбе и обязательной победе, это рассказ маленьких людей попавших в жернова Истории...

Пролог.

Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду — волк
И помнить: я — овца.

Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, но почти.

В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка, — молчу.
Ах, если бы и мне,

взглянув на небо, знать, что там
И мне звезда зажглась
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!

Марина Цветаева.

Мне было девять лет, когда я попала в коррекционный приют. Сюда все попадали по разному, но никто — от хорошей жизни.

Здесь были дети из малообеспеченных семей, родители которых не смогли позволить себе содержание очередного ребёнка, незаконнорождённые дети матерей-одиночек, дети-полукровки, зачатые от иноверцев, дети преступников, чьи родители отбывали заключение. И дети — сами преступники, дожидаящиеся здесь четырнадцатилетия для отправки в колонию.

Но я принадлежала к худшей категории. И самой редкой. Единственный в приюте ребёнок дикарей-беглецов. Так называли тех, кто, отринув новую власть, новые законы, и православную веру, ушел в сибирскую тайгу жить своими автономными поселениями.

Не знаю, кому мы там мешали. У нас была небольшая деревушка с ласковым названием Маслята, огороды, скотина, охота и рыбалка. Мы не строили козней против государства и церкви. Мы просто хотели быть подальше от них. Но однажды с неба спустились вертолеты, из них выпрыгнули вооруженные люди в камуфляже, и забрали всех с собой.

Детей повезли отдельно от взрослых, и в другое место. Перед тем как меня оторвали от мамы, она успела шепнуть «Запад, беги на запад». Я, как и положено ребёнку, живущему среди бескрайних лесов, могла определить стороны света в любое время суток, но на тот момент была так напугана, что не успела никуда побежать, и беспомощно повисла в руках схватившего меня чужого человека.

В вертолёте нас везли недолго. Потом был уже самолёт, который перенёс меня в огромный город, такой шумный и дымный, что я подумала тогда, что попала в ад. Тот самый ад, который, как говорили родители — не существует, а был придуман в старину, чтобы пугать неграмотных людей.

Нас снова везли, уже в закрытом фургоне, потом разделили, и я осталась одна наедине с чужими, странно одетыми людьми. А ещё через какое-то время оказалась в коррекционном приюте. Там меня сначала мыли и переодевали, потом тыкали какими-то железяками и иголками, зачем-то заглядывали в глаза и зубы, вертели и ощупывали, роняя незнакомые слова: «прививки», «возможные инфекции», «рентген». И наконец — «карантин». После чего в мою руку еще раз ткнули иглой, и я погрузилась в спасительное забвение.

На карантине я пробыла несколько дней, пока делались всевозможные анализы, а со мной беседовал серьезный дядечка со стеклышками на носу. Он осторожно расспрашивал меня сначала о самочувствии, потом о родителях и жизни в деревне. На этом месте я неизменно начинала плакать, и тогда он озабоченно бубнил в прижатую к уху маленькую черную коробочку «Серьезная психологическая травма... ребёнок дезориентирован... наблюдение психолога», а потом с жалостью смотрел на меня сквозь свои стеклышки.

И это был единственный человек, посочувствовавший мне, за время моего невольного путешествия из родной деревни в коррекционный приют.

Приют представлял собой шесть зданий на большой, обнесённой бетонным забором территории, посреди соснового леса. В одном здании жили мальчики, в другом девочки, в третьем находилась школа и столовая, в четвертом больница, куда, как и я, в первую очередь попадали новички на карантин. В пятом — администрация приюта и общежитие для его сотрудников. А шестое — церковь. Еще были будки охраны в разных углах территории. Стадион, игровые площадки для самых маленьких, искусственный прудик с рыбами. Чуть в стороне от жилых строений — небольшое сельскохозяйственное угодье с огородом и теплицами, призванными как обеспечивать приют своими овощами и зеленью, так и служить обучающим пособием на уроках садоводства.

Меня поселили в комнатку на четырёх девочек моего возраста, такие комнатки здесь называли дортуарами. В дортуаре стояли две двухъярусные кровати, и четыре шкафчика, где мы хранили свои вещи. Но, строго говоря, ничего своего здесь у нас не было. Всё только казённое. Мою одежду — старенькие джинсы, свитер, и сшитую из шкуры лося безрукавку, забрали перед карантином и больше я их не видела. Еще в дортуаре находился

длинный стол с четырьмя стульями, за которым нам полагалось учить уроки. Но больше всего мне нравилось окно, — высокое, закруглённое сверху, с широким подоконником, на котором было удобно сидеть.

Я далеко не сразу привыкла к местному распорядку. Этот мир был чужим для меня, многих вещей я просто не понимала. Поэтому вместо того, чтобы как все дети ходить в школу и церковь, первые недели я, по рекомендации дядечки со стеклышками, посещала психолога.

Это была женщина средних лет по имени София Ивановна. Она носила длинную светлую косу, заплетенную на один бок, и улыбалась никогда не разжимая губ. Но улыбалась часто, и была со мной очень терпелива. Мы разговаривали часами, первые дни говорила только она, а я загнанно молчала, уставившись в одну точку, или плакала. Но потом стала отвечать на вопросы, а еще через какое-то время и задавать их.

Благодаря Софии Ивановне, мне удалось кое-как разобраться с местом, в котором я оказалась, и с причиной, по которой меня сюда забрали.

— Твои родители, и другие взрослые из вашей деревни, — неторопливо объясняла София Ивановна ровным убаюкивающим голосом, — Вели жизнь неприемлемую для православного человека, жили в дикости, в распутстве, в безбожии. Но что еще хуже — учили этому своих детей. Церковь не может такого допускать. Мы заботимся, прежде всего, о вас.

На мои многочисленные вопросы о родителях, она неизменно отвечала только одно — если я буду слушаться и хорошо себя вести, то обязательно увижусь с ними.

Поэтому, когда встречи с Софией Ивановной закончились, и я зажила по обычному распорядку воспитанницы коррекционного приюта, главная цель, которую я себе поставила — слушаться и хорошо себя вести.

Но, как выяснилось позже, София Ивановна обманула меня. Я больше никогда не видела своих родителей.

Часть первая.

Приют.

Глава первая.

Пчёлка.

Два года спустя.

— Пресвятая Троице, помилуй нас: Господи, очисти грехи наша, Владыко, прости беззакония наша, Святый, посети и исцели немощи наша, имени Твоего ради-и-и! — прогремел батюшка Афанасий и пришлось послушно подхватить:

— Господи помилуй, господи помилуй, господи пом-и-и-илуй!

Мы, двадцать две девочки одиннадцати лет, в одинаковых длинных сарафанах, в одинаковых платках, завязанных под подбородками, стояли в церкви коррекционного приюта. Шла воскресная служба. Шла она уже долго, и мы устали опускаться на колени, снова подниматься, бить поясные поклоны, бить земные поклоны, креститься, и петь бесконечные «аминь».

Чтобы хоть как-то развлечься, я украдкой поглядывала на своих одноклассниц. По лицам было отлично видно, кто молится от души, а кто, как я, ждет не дожидается конца службы. Вон Полина Заярова, не отрывает от батюшки глаз, на которых блестят слезы. Её привезли после того, как родители-алкоголики умерли в один день, чем-то отравившись во время очередного запоя. И Полина задалась целью отомстить их грех. А вот Ярина Донаева моя соседка по дортюару и лучшая подруга. Она стоит рядом, и я прекрасно слышу, что во время всеобщего «Ами-и-инь!», Яринка не издает ни звука, а просто открывает рот. Жаль, что у меня так не получится — я одна из трёх девочек, которые несколько раз во время службы должны петь соло. Голос мой, кое-кому показался для этого подходящим. Не очень-то мне хотелось петь на службах, но я соблюдала главное правило моей нынешней жизни — слушаться и хорошо себя вести.

— Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу! — батюшка Афанасий добавил децибел, и мы синхронно опустившись на колени, склонили головы.

— Пресвятая Троице, помилуй нас. Господи, очисти грехи наша, Владыка, прости беззакония наша, Святыи, посети и исцели немощи наша, имени Твоего ради-и-и!

Настала моя очередь. Я набрала в грудь воздуха и затанула:

— Господи помилуй, господи помилуй, господи пом-и-и-и-илуй!

Краем глаза я видела, как Яринка удивленно покосилась на меня, а батюшка, на миг замерев, словно в наслаждении прикрыл веки. Ну, еще бы! Вчера я умудрилась свалиться с дерева и разбить коленки, а стоять разбитыми коленками на жестких половицах, то ещё удовольствие. Так что трогательная дрожь в моем голосе на этот раз была совершенно искренней. Одно радовало — до конца службы оставалось совсем немного.

После того как мы гуськом покинули церковь, и, развернувшись на крыльце, опять крестились и кланялись (я при этом незаметно потирала коленки под сарафаном), Яринка дернула меня за рукав и хихикнула:

— Ну и скулила же ты на службе. Никак божья благодать снизошла?

— Тебе бы такую благодать, — огрызнулась я, и сбавила шаг. Кажется, коросты на коленках все-таки стерлись об пол, и кожа стала липкой от крови. Яринка посмотрела на мое перекошенное лицо, и сочувственно спросила:

— Больно? А почему к Марье не пошла?

Марья, пожилая и добродушная женщина с громким голосом и заразительным смехом, была нашей дежурной медсестрой.

— Ага, чтобы она рассказала Агафье, как я по деревьям скачу?

Агафья, полная противоположность Марье, высокая, прямая, похожая на сухую палку, вдруг научившуюся ходить — воспитательница нашей группы.

— Чего тебя на дерево-то понесло?

— Да так, — после недолго раздумья ответила я, — По тайге соскучилась.

Яринка примолкла. А я подавила легкие угрызения совести за то, что солгала лучшей подруге. Нет, по тайге я, конечно, очень скучала, но на дерево полезла не за этим.

Церковь осталась позади, и я позволила себе стянуть с головы платок. Яринка сделала это ещё раньше, и теперь её ярко-рыжие волосы блестели на солнце.

Мы прошли мимо стадиона, где гоняли мяч мальчишки. Я посмотрела на них с привычной завистью — нам, девочкам, такие игры запрещались. Будущей жене и матери не нужно быть сильной и спортивной, на то у неё будет муж. Женщине же положено быть слабой и кроткой, потому что именно в этом заключается истинная женская сила. По

крайней мере, так говорила наша Агафья.

Я не могла с ней согласиться, потому что росла там, где сила (общая, а не какая-то женская) нужна всем. Тайга не спросит твой пол, когда ты окажешься с ней один на один. В нашей деревне охотниками были как мужчины, так и женщины. Работать на огороде и со скотиной, строить избы, колоть дрова, удить рыбу, свежевать добычу и выделывать шкуры, шить, готовить, — умели все. И детей учили всему, не разделяя на мальчиков и девочек. Потому что девочка не умеющая добыть себе еду и разжечь костер без спичек, погибнет, оставшись одна. И мальчик не умеющий приготовить добытое, и сшить себе из шкур теплую одежду, погибнет тоже.

Кому-то это может показаться преувеличением, ведь мы жили всё-таки в деревне, в домах, хоть и глубоко в тайге. Какой костёр, какие шкуры? Но это были необходимые навыки на случай, если придётся бежать. Бежать в тайгу бросив всё, когда придут те, кому негоден наш образ жизни. Я уверена, что кому-то удалось скрыться той страшной ночью, когда прилетели вертолеты. И именно благодаря этим навыкам, уверена и в том, что они выжили.

— Эй! — из раздумий меня вывел Яринкин голос, — Ты чего так на пацанов уставилась? Влюбилась в кого?

— В Муромца, — ответила я, и мы обе прыснули. Муромцем прозвали учителя физкультуры, который полностью оправдывал поговорку о том, что мужчина должен быть могуч, вонюч, и волосат.

Миновав стадион, мы направились к столовой — за воскресной службой следовал обед. На крыльце, поджав губы, высилась Агафья, поджидающая свою группу. На группы в приюте делили по возрасту. Восьмая группа — восьмилетние дети, девятая группа — девятилетние, и так далее. За каждой группой закреплялся свой воспитатель. Это не то, что учитель. Это, как нам объяснили, вторая мама. Хотя и я, и большинство девочек из нашей группы одиннадцатилеток, предпочли бы не рождаться вовсе, чем у такой матери. Не то чтобы Агафья была злая или особо противная. Строгая — да, но надо признать, что в большинстве случаев строгая справедливо по здешним меркам. Проблема заключалась в другом — Агафья ни разу никого не приласкала и не похвалила. Если девочка вела себя хорошо или делала какие-то успехи, Агафья её просто не замечала, но вот стоило провиниться... Из всех воспитателей приюта Агафья чаще всего наказывала своих питомцев розгами. Ибо сказано в Священном Писании: «Урок же ему урок, лоза же ему лоза».

Мне розог еще не доставалось. Благодаря всё тому же своему нерушиму правилу — слушаться и хорошо себя вести. Но когда мы приблизились к крыльцу, и я увидела, что Агафья, не замечая других девочек, неотрывно следит за мной, у меня зародилось нехорошее подозрение, что шанс отведать «лозы» наконец-то появился. Ноги ослабли, я невольно замедлила шаг. Что если Агафья узнала о том... о том, зачем я вчера лазила на дерево? Ой...

— Дарья, — сухой голос Агафьи заставил меня замереть на ступеньках крыльца, когда я уже думала, что все обошлось, — Дарья, задержись.

Вообще-то никакая я не Дарья. Родители дали мне имя Дайника. Дайка. У нас в деревне никого не называли именами, распространёнными за её пределами. Мы не хотели иметь ничего общего с тем, что принято *там*. Поэтому родители просто придумывали имена своим детям, или брали их из прочитанных ранее книг и просмотренных фильмов. И те, кто не родился в деревне, а пришел в нее уже взрослым, тоже переименовывались, как хотели. Получалось очень интересно и весело, не то, что здесь, где у каждого в приюте

насчитывалось по несколько тёзок, и для того чтобы различать этих детей приходилось добавлять к имени фамилию.

Но через пару месяцев после того, как я попала сюда и начала привыкать к местным порядкам, Агафья отвела меня в церковь, где батюшка спросил, не хочу ли я принять крещение в православную веру? Вопрос был риторический, — не желающим креститься место только в тюрьме, как иноверцам, или того хуже — атеистам.

И меня окрестили Дарьей.

Я остановилась, уважительно склонив голову.

— Да, сударыня?

Агафья молчала пока все мои одноклассницы не прошли мимо, и не скрылись за дверями столовой. Потом сухо бросила:

— Приподними подол.

— А... что?

— Ты слышала, Дарья. Приподними свой подол.

Недоумеваю, я ухватилась обеими руками за ткань сарафана и приподняла его, открыв ноги до середины голени.

— Выше, — велела Агафья.

И тут я увидела. На подоле двумя пятнами проступала кровь. Очевидно во время ходьбы, мои коленки начали кровоточить сильнее, а я и не заметила. Но делать нечего — пришлось поднять подол выше и продемонстрировать Агафье боевые раны. Она несколько секунд молча их разглядывала, потом спросила голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Что с тобой произошло, Дарья?

— Я упала...

Мысли металась в голове, как испуганные воробьи под куполом нашей церкви. Сейчас Агафья спросит, где я упала. А если она уже знает? И тогда моя ложь станет ещё одним поводом для наказания, да ещё каким! Уж что-что, а ложь наша воспитательница карала со всей строгостью.

— Где ты упала?

Решив — будь что будет, я принялась врать.

— Вчера после обеда я вернулась в дортуар, чтобы взять тетрадь по истории... Потому что... потому что утром её забыла. А потом, чтобы не опоздать на урок очень торопилась, споткнулась и упала на дорожке.

Это походило на правду, в приюте дорожки между строениями были вымощены крупным гравием, и чтобы, упав на них содрать колени в кровь, особых стараний не требовалось.

— Допустим, — так же холодно продолжала Агафья, — почему сразу после этого ты не обратилась в медпункт?

— Я опаздывала на урок, — пробормотала я, уронив голову на грудь.

— Такое рвение похвально. Тогда почему ты не сделала этого после уроков?

С перепугу на меня снизошло вдохновение и я, вполне натурально всхлипнув, выдавила:

— А... а потому что сестра Марья стала бы меня мазать йодом. А я боюсь... от него еще больнее.

Голос Агафьи слегка смягчился.

— Глупая. Сестра Марья обрабатывает ссадины не йодом, а перекисью водорода. Сейчас же ступай к ней. И... Дарья, посмотри на меня.

Я подняла глаза. Агафья выставила перед собой указательный палец, как делала всегда, собираясь сообщить что-то по ее мнению очень важное.

— Запомни накрепко — ты будущая женщина, а значит будущая мать. И твое тело не принадлежит тебе одной. Та, которая не заботится о своем здоровье, не заботится и о здоровье будущих детей. Есть ли для женщины более тяжкий грех?

Она приподняла брови, давая мне понять, что ждет ответа.

— Нет, Агафья Викторовна... то есть да... то есть, нет, не существует грех...

— Иди уже, — махнула рукой воспитательница, — Я возьму в столовой порцию на тебя.

— Спасибо, Агафья Викторовна, — я снова склонила голову, и заторопилась к больнице, не веря в то, что так легко отделалась. Упала на дорожке, ха! Только такая зануда, как Агафья, всю жизнь прожившая в четырёх стенах, может поверить будто девочка, выросшая в тайге, способна упасть на ровном месте.

Но как оказалось, не только она. Сестра Марья поверила тоже. Она жалостливо охала, пока обрабатывала мне коленки, и костерила всех, кто по ее мнению был виновен в случившемся. От архитекторов приюта, задумавших такое покрытие для дорожек, до министерства образования, установившего настолько короткие перемены между уроками, что дети должны «сломить голову». В итоге мне даже стало стыдно перед доверчивой и доброй Марьей за свою ложь.

Из медпункта я вышла с настолько туго перетянутыми бинтом коленками, что ковыляла вразвалочку, не в состоянии согнуть ноги. Столовая уже наполовину опустела, но Яринка сидела на своем обычном месте, её рыжую голову было видно издалека. Рядом с ней на подносе стоял мой остывающий обед.

— Спасибо, что подождала, — я неуклюже, боком, плюхнулась на стул, вытянув негнувшиеся ноги перед собой.

— Фигня, — отмахнулась подруга, — Ну что? Чего Агафья от тебя хотела?

Я коротко поведала события последнего получаса, и Яринка заметно расслабилась.

— Молодца, отмазалась. А то за лазанье по деревьям Агафья бы тебе всыпала.

Я кивнула и принялась за еду, но видела краем глаза, что Яринка не ест, а продолжает внимательно смотреть на меня. Какое-то время я упрямо пыталась этого не замечать, но потом со стуком положила ложку, и повернулась к ней.

— Что?

— Может, всё-таки расскажешь, что ты на самом деле забыла на дереве? — Яринка хитро прищурилась.

Вот-вот, мою подружку так просто не обманешь, слишком хорошо она меня знает. Да и не собиралась я обманывать, просто выжидала подходящий момент для разговора.

— Расскажу, — сдалась я, — только после обеда и не здесь.

— Когда? — Яринка возмущенно всплеснула руками, — Мы едем в музей анимации после обеда, забыла? А это через двадцать минут!

Я застыла с куском хлеба во рту. Забыла.

В свободные от учебы дни, а это суббота и воскресенье, администрация приюта частенько устраивала детям выезды в город на всякие культурные программы. Но наша группа вчера уже ездила в Новодевичий монастырь, а две поездки за одни выходные — такого еще не было.

— Ну, Ярин... ну, значит, вечером расскажу. Так ещё лучше будет.

Яринка вроде как надулась, но я знала, что это не всерьёз, поэтому спокойно

продолжила обед. А к тому времени как закончила, у меня созрел великолепный план.

Сейчас подойду к Агафье, продемонстрирую перебинтованные коленки и пожалуюсь на боль. Она, разумеется, оставит меня в приюте, по её мнению это будет еще и наказание — отлучить воспитанницу от поездки в город. За что наказание? Хотя бы за то, что забыла на урок тетрадь, из-за чего опаздывала, торопилась, и упала. Мораль — девочки, собирайтесь перед занятиями внимательнее, не то, как Дарья, в выходные будете сидеть в приюте.

А мне сегодня того и надо. Когда наша группа уедет (и Агафья в том числе) никто мне не помешает уйти в дальний конец приюта, за прудик, туда, где деревья растут гуще всего. И осуществить задуманное. То, ради чего я вчера лазила на дерево.

Настроение моментально взлетело до высшей отметки, и это не укрылось от Яринки.

— Да, — радостно подтвердила она, — Две экскурсии подряд. Овечек стали чаще выводить пастись.

— Тише ты, — привычно шикнула я, зыря глаза по сторонам, но взрослых поблизости не обнаружилось, только на кухне гремела тарелками посудомойщица. Была у Яринки очень вредная в нашем положении привычка — вслух говорить всё, что она думала. Поэтому пока подруга не решила углубиться в тему выпаса овечек, я поспешила поставить опустевшую посуду на поднос и покинуть столовую.

Наша группа уже собиралась у крыльца, Агафья строила девочек по парам. Я решительно вдохнула и, направилась к ней, демонстративно прихрамывая.

А дальше всё было так, как я задумала. Воспитательница строго воззрилась на мои перебинтованные коленки, потом на искаженное «страданием» лицо, и громко изрекла:

— Дарья, ступай в дортуар. Ты сегодня никуда не едешь. А вечером еще раз покажешься сестре Марье, — она оглядела притихших девочек, — Вот к чему приводит пренебрежение здоровьем. Уверена, если бы Даша сразу обратилась в медпункт, то сегодня чувствовала себя лучше, и поехала на экскурсию вместе со всеми.

Я уронила голову, изображая сожаление и раскаяние. Подъехал автобус. Многие девочки, перед тем как сесть в него, махали мне рукой и сочувственно улыбались, а Яринка шепнула:

— Я тебе всё расскажу. Всё-всё-всё. Так что тебе покажется, что ты сама там была.

Автобус покатило прочь, а я всё так же прихрамывая, на случай если Агафья смотрит в окно, медленно побрела к нашему корпусу.

Торопиться не следовало. Для начала я поднялась в дортуар, где с огромным облегчением сняла дурацкий сарафан и надела повседневное платье длиной чуть ниже колен. Выше не разрешалось. Девочки, а тем более девушки не должны показывать голые ноги. И не должны носить брюки, как мужчины. К последнему мне было особенно трудно привыкнуть. В Маслятах я всегда ходила или в джинсах, которые вместе с другой одеждой, взрослые доставали через своих людей в ближайших населенных пунктах, или в сшитых вручную штанах. Тепло, удобно, практично, защищает ноги от крапивы и укусов насекомых. Можно бегать, играть, работать в огороде, ездить верхом, и не беспокоиться за подол, который постоянно норовит или задраться, или зацепиться за что-нибудь. Но в приюте мне рассказали какую-то невероятную дичь о том, что брюки мешают черпать из земли женскую энергию. Я тогда еще не понимала, что выслушивать подобное лучше молча, и наивно спросила у Агафьи, нужно ли тогда ходить и без трусов, ведь они наверняка тоже мешают черпать? Агафья покрылась красными пятнами и велела мне два часа стоять в коридоре носом в угол.

Теперь наступила очередь бинтов. Я аккуратно размотала их, только затем чтобы намотать снова, но уже гораздо слабее, чтобы колени свободно сгибались. Получилось далеко не так аккуратно, как у сестры Марьи, но под подолом всё равно ничего не было видно, так что это меня не беспокоило.

Переодевшись и перебинтовавшись, я влезла на подоконник для изучения обстановки во дворе. По счастью дортуар, в которую меня определили, находился на последнем, четвертом этаже, и отсюда открывался вид почти на всю территорию приюта. Сейчас там было пусто, многие группы, как и наша, разъехались на воскресные экскурсии и прогулки. Только на стадионе играли в футбол старшегруппники, да у столовой чесали языками поварихи.

Из корпуса я вышла неторопливым прогулочным шагом. Прошлась по дорожкам, поиграла со струями фонтанчика перед школой, и, обогнув стадион, как бы невзначай направилась к пруду.

Возле прудика я принялась собирать камни-голыши и пытаться с их помощью пускать по воде «блинчики». И только тот, кто бы вдруг вздумал пристально наблюдать за мной сейчас, мог заметить, что большую часть собранных камней, я не кидаю в воду, а опускаю в карманы. Когда же карманы раздулись, и начали заметно оттягивать вниз подол платья, я отвернулась от воды, и, прикрывая их растопыренными ладонями, не торопясь направилась прочь.

Почти сразу за прудом и до самого забора густо росли деревья и кусты. Перед тем как шагнуть в их тень, я воровато оглянулась. Но никто не следил за мной. И я нырнула в зелень и запах хвои. Нырнула так, что не шелохнулся ни один листочек, ни хрустнул сучок под ногами, нырнула, бросая позади послушную воспитанницу коррекционного приюта Дашу, как бросают за спиной надоевшую и больше не нужную вещь. И под деревья вошла уже Дайка из сибирской таёжной деревушки.

Территорию приюта отгораживал от внешнего мира бетонный забор. Не очень высокий, метра два с половиной, но с натянутой поверху колючей проволокой. В том месте, куда я пробралась, с обеих сторон к нему вплотную подступали деревья. Здесь начинался лес, потому что сам приют находился за городом. А как же иначе? Дети, даже такие бракованные как мы, должны дышать свежим воздухом.

Я с сомнением посмотрела на ветки над головой, потом перевела взгляд на свои забинтованные коленки. Они сейчас не болели, но меня все равно грызло опасение, что я не смогу перелезть на другую сторону после вчерашнего падения, да еще с полными карманами камней, оттягивающих подол. Или, чего доброго, опять свалюсь.

Но я смогла. Да, намного медленнее, чем обычно, но я вскарабкалась на дерево, а с его нависающей над забором ветки, на другое дерево с той стороны. И уже по тому, второму дереву, спустилась на землю. Землю за территорией приюта.

Как всегда этот момент доставил мне глубокое внутреннее удовлетворение, и я совершила своеобразный танец свободы — раскинула руки в стороны ладонями наружу и несколько раз подпрыгнула на месте от радости (из карманов посыпались камни). Конечно, эта свобода была краткой и иллюзорной, но сама мысль о том, что я делаю нечто запрещенное, поступаю по-своему, не спрашивая ни у кого позволения, наполняла меня ликованием. Поэтому, не в силах заставить себя идти шагом, я побежала между деревьев, тихонько повизгивая от восторга, и не обращая внимания на вернувшуюся боль в коленях.

Жаль только, бежать пришлось не долго. Я не могла себе позволить уходить слишком далеко, и устроила тайник всего в паре минут бега от забора. Просто вырыла ямку под стволом упавшей сосны и замаскировала отверстие дёрном вперемешку с прошлогодними листьями

И сейчас я, присев на корточки, и убрав маскировку, по локоть запустила руку в тайник. Под пальцами зашуршал целлофан. Ухватив его, я извлекла наружу пакет, а из пакета её — мою тайну последних дней, большую самодельную рогатку в черно-жёлтую полоску. «Пчёлку».

Это место, благодаря которому можно так быстро и незаметно сбежать из приюта, я обнаружила три месяца назад, когда только сошел снег. Бродила одна без цели, а увидев нависающие над забором ветки деревьев, не колебалась ни секунды, хоть и знала, что самовольный выход за территорию считается одним из самых серьезных проступков. Особенно для девочки. Особенно в группе Агафьи. Но тогда я об этом не думала, ветер зовуще шумел в ветвях, пахло хвоей, руки и ноги привычно находили точки опоры, и я опомниться не успела, как уже спрыгнула на землю по ту сторону забора.

Это был наверно мой самый счастливый день за время пребывания в приюте. Я носилась по лесу как сумасшедшая, подбирала с земли охапки прошлогодних листьев и зарывалась в них лицом, обнимала деревья, качалась на ветках. И весь последующий день удача была со мной. Когда я вернулась к ужину, никто не заметил моего отсутствия и грязных пятен на одежде, никто не спросил, почему я такая румяная и взбудораженная. Яринка конечно и заметила бы, и спросила, но она была отправлена Агафьей на дополнительные занятия по рукоделию, поскольку не очень преуспевала на этом предмете.

С тех пор любая возможность использовалась мною для побега в лес. Но я была очень осторожна, и ни одна живая душа не знала о моих прогулках. Даже Яринка. Не то чтобы я ей не доверяла, но что-то мне мешало говорить об этом. Какое-то интуитивное опасение спугнуть радость, растерять очарование своей тайны, облачив ее в скучные рамки слов и предложений.

Прокол произошел лишь вчера, когда я перелезала через забор не налегке, как обычно, а с узелком, в который завязала всё необходимое для изготовления рогатки. Уже позже я сообразила, что было бы куда умнее, сначала перекинуть на другую сторону узелок, а потом уже карабкаться самой. Но — хорошая мысль приходит опосля, и я сорвалась с высоты двух метров, что и закончилось ободранными коленями.

Однако моим планам это не помешало, рогатку я сделала. Ничего сложного, да и не в первый раз, в конце-то концов. А поскольку рогатка являлась каким-никаким, но всё-таки оружием, тем более оружием ручной работы, то я украсила её полосами из черно-желтой изоленты, и нарекла именем «Пчёлка».

Какое-то время я с удовольствием разглядывала результат своих стараний, взвешивала то в одной руке, то в другой, гладила витки изоленты, натягивала и вновь ослабляла тяжи. А вдоволь налюбовавшись, повесила "Пчёлку" на шею, и принялась деловито шнырять между деревьями, собирая сосновые шишки, и укладывая в ряд на поваленный ствол, скрывающий мой тайник. Когда шишки выстроились по всей длине ствола, я остановилась, критически оглядела готовое стрельбище, и осталась довольна.

Настроение вновь взлетело до небес. Я в лесу! Разумеется, это не тайга, и строго говоря,

даже не лес, а скорее лесопарк, но достаточно того, что уже и не приют. У меня есть тайна, есть рогатка, действительно моя и только моя вещь, созданная мною, память о родителях и друзьях, о тайге и Маслятах. Изготовив «Пчёлку», я словно вернула себе кусочек счастливой и вольной жизни, осколок прошлого. А Агафья далеко, и у меня полно времени, чтобы насладиться минутами свободы.

Припрыгивая, я отбежала от поваленного ствола, повернулась к нему лицом, и, отвесив неуклюжий поклон, провозгласила:

— Достопочтенные шишки! Не поможете ли вы мне поупражняться в стрельбе?

Шишки не возразили, и я сняла с шеи рогатку. А потом тело вспомнило давно заученные движения и зажило отдельной жизнью.

В левой руке «Пчёлка», правую запустить в карман, достать камень, вложить в кожеток, медленно натянуть тяжи, одновременно поднимая рогатку на уровень глаз, замереть так на какое-то время, и...

Руки пришли в движение. Десять выстрелов без единой паузы, восемь шишек исчезли с поваленного ствола, словно их и не было. А две остались лишь потому, что из «Пчёлки» я стреляла впервые, а любая рогатка имеет свои неповторимые особенности и требует индивидуального обращения. Это вам не какой-нибудь фабричный арбалет, у оружия ручной работы есть душа и характер, который надо знать. Именно этим я и занималась сейчас, узнавала характер своего оружия, и налаживала дружбу. Характер у «Пчёлки» оказался отличный, и дружба ладилась.

Да, в Маслятах я отлично стреляла, впрочем, как и все мы, уделяла этому много времени, и моим оружием были только рогатки лишь по причине возраста. «От отдачи ты улетишь дальше, чем пуля» — смеялся папа, когда я просила у него ружьё. Но я всегда знала, что настанет день, и не так уж долго ждать, когда у меня будет огнестрельное оружие. Так бы и получилось, не вмешайся в мою жизнь церковь со своей заботой о людях, живущих в дикости, распутстве, и безбожии.

Но сейчас я убедилась, что год, проведённый в приюте, его правила, запреты, его постоянное «ты-должна-вести-себя-скромно-и-прилично-потому-что-ты-девочка-будущая-жена-и-мать» не смогли заставить меня разучиться тому, что я умела раньше. И тем более разлюбить это.

От радости я снова попрыгала на месте, издавая победные взвизги, и опять вскинула рогатку, приготовившись расстрелять следующий десяток шишек.

— Однако, снайпер.

Негромкий голос раздался слева и сзади. Я замерла, как зверёк. Сколько раз перелезала через забор, чтобы погулять в лесу, и никогда никого здесь не встречала, никогда даже не видела следов присутствия человека. Ни тебе брошенных бумажек, ни костровищ, ни обломанных или срезанных веток. Поэтому голос, раздавшийся, словно из воздуха, подействовал на меня как гром с ясного неба. Через тело словно прошел разряд тока, отчего оно стало ватным и неспособным двигаться.

Так я и стояла, замерев, подняв рогатку, и только с нарастающим ужасом слушала звук приближающихся шагов. Шаги остановились у меня за спиной.

— Эй, — голос был уже не насмешливым, а встревоженным, — Малявка, отомри.

Я отмерла. Не потому что мне так велели, а потому что называли малявкой. Это значило, что подошел ко мне кто угодно, только не воспитатель и не учитель, они не допускали подобных фамильярностей. Опустив «Пчёлку», я, наконец, смогла повернуться.

Сзади стоял парень. Из приюта, но почти совсем взрослый — старшегруппник. Парень как парень, средний рост, русые волосы, серые глаза, школьная форма. И он был мне знаком. Нет, не лично. Старшие редко снисходили до общения с младшими, но я часто видела его в окно. Он бегал на стадионе, иногда с другими парнями, но чаще один. И в дождь, и в снег, и в жару, когда все отсиживались в прохладных дортуарах, он бегал по кругу, долго и отрешенно, в одном темпе, без остановок. Иногда, когда я сидела на подоконнике в одном из приступов тоски по утраченной прошлой жизни, то следила за ним, как за секундной стрелкой часов, просто потому что взгляду было удобно зацепиться за равномерно движущийся объект.

Наверно вид у меня был очень перепуганный, потому что парень улыбнулся и успокаивающе поднял перед собой ладони.

— Не бойся. Я никому не расскажу, что ты убегаешь из приюта. Я ведь тоже убежал, так что мы в одной лодке. Круговая порука, понимаешь?

Я кивнула, но продолжала молчать.

— Я просто засмотрелся, как ты стреляешь, — продолжал старшегруппник, — Кто тебя научил?

Разлепив, наконец, губы, я ответила, только очень тихо.

— Папа.

Но он расслышал. И удивился.

— Батя учил тебя стрелять из рогатки? Девчонку?

На этот раз я смогла ответить громче.

— Да. Нас всех учили.

— Кого это вас? — глаза парня вдруг расширились, — погоди, я тебя вспомнил! Тебя привезли в прошлом году. Ты из дикарей!

От обиды я окончательно забыла о недавнем испуге, и ко мне вернулся голос.

— Сам ты дикарь!

Парень запустил руку в светло-русые волосы, растерянно взъерошил их и улыбнулся. Кажется виновато.

— Ладно, не пузырись. Просто я привык, что вас так называют. А тебя вспомнил, в позапрошлом году твое появление много шуму наделало.

Лично я не помнила вокруг себя никакого шуму. Хотя это не удивительно, я вообще мало что помнила из того ужасного времени, когда меня выдернули из привычной жизни, как рыбку на крючке выдергивают из озера, внезапно и навсегда.

— Можно посмотреть рогатку? — парень протянул ладонь.

Я секунду поколебалась, но потом протянула ему «Пчелку». Даже обрадовалась, что кто-то может оценить мою работу по достоинству. И ее оценили.

— Круто! — Парень вертел мое оружие так и этак, натягивал и ослаблял тяжи, прицеливался, — И ты сама ее сделала? Одна?

Я скромно кивнула.

— Тоже папа научил?

— Не. Делать научила мама, а папа — стрелять.

Парень внимательно поглядел на меня, словно только что увидел.

— Я смотрю, там жилось интереснее, чем здесь?

На это я даже не сочла нужным отвечать, только презрительно оттопырила нижнюю губу.

— Слушай, — старшегруппник снова занялся рогаткой, — А где ты взяла такую резину? Прочная.

Я заморгала. Уставилась в землю. Парень правильно расценил мое замешательство и заулыбался.

— Да не бойся ты, мне можешь рассказать. Спёрла?

Он произнес это так легко и весело, что я тоже улыбнулась.

— Ага. Грелку из медпункта. Из грелок самые лучшие тяжи для рогаток получаются.

Парень вернул мне «Пчелку» и вдруг спросил:

— А остатки грелки где? Выбросила?

Я возмущенно мотнула головой. Нас в деревне приучили ценить любые вещи. Всё может пригодиться, всё пойдёт в дело. Выкинуть что-то, пусть даже сломанное или испорченное, было почти преступлением.

— Слушай, — Парень замялся, — А ты не могла бы дать мне немного резины? На рогатку?

— Ты тоже умеешь делать? — я огорчилась. Неужели мои навыки здесь не такие уж и особенные?

Кажется, мое разочарование не укрылось от старшегруппника, потому что он слегка усмехнулся, и торопливо ответил:

— Да куда уж мне. Не повезло родиться в свободном поселении. Я вот тут подумал, может, сделаем вместе? Ты мне будешь показывать как.

Я удивлённо заморгала, а потом раздулась от гордости. Впервые здесь, я почувствовала себя человеком, личностью, а не одной из множества марионеток, способной лишь на то, чтобы слушаться и хорошо себя вести. Мои умения были нужны, меня просили об услуге. И кто! Почти взрослый парень! Чудеса.

— Давай, — быстро ответила я, — У меня для этого все есть.

— Отлично! — мой новый знакомый явно обрадовался, — Когда ты сможешь снова прийти сюда?

Когда? Завтра понедельник, шесть уроков, плюс домашнее задание...

— Завтра в пять, — неуверенно ответила я, — Или в шесть, как сумею прокрасться. Ты сможешь?

Парень непонятно усмехнулся:

— Я-то всегда смогу.

И от этого я действительно почувствовала себя малявкой.

Глава 2.

Рога Дьявола.

— Осторожно, больно! — я подпрыгнула на стуле, и Яринка за моей спиной торопливо пробормотала:

— Ой, прости.

Мы совершали утреннюю процедуру причёсывания. В приюте девочкам до 12-ти лет полагалось носить две косички. Девочкам старше и девушкам — одну.

В задаче заплести себе косички, ничего сложного нет. Подвох лишь в том, чтобы разделить волосы сзади ровным пробором. Но тут схема была уже отработана.

Берется два стула и четыре девочки (обычное количество девочек на один дортуар). Две

девочки садятся на стулья, две другие встают у них за спинами, и делают сидящим пробор. После чего сидящие быстро заплетают себе косы, и девочки меняются местами. Весь процесс занимает три-четыре минуты. Сейчас Яринка тонкой расческой, разделяла мне волосы на равные части, но при этом уже второй раз немилосердно их дёрнула.

Она со вчерашнего вечера была сама не своя, и я даже знала почему. Потому что после того, как Яринка вернулась с экскурсии и рассказала мне о ней, я в свою очередь тоже рассказала ей и о «Пчелке» и о парне-старшегруппнике, с которым познакомилась в лесу. Яринка пришла в невероятное возбуждение. Сначала она надулась на меня за то, что я так долго скрывала от нее лазейку на свободу и ходила туда одна. Потом потребовала в следующий раз обязательно взять ее с собой. И я пообещала, только не в следующий раз, а после того, как помогу сделать парню рогатку. Потому что ему я пообещала раньше. Яринка для порядка снова надулась, но надолго её не хватило, и скоро она уже просила меня рассказать ей подробности про моего нового знакомого. Чтобы задобрить подругу, я рассказала всё, что знала сама, а это, как оказалось, совсем не много.

Парень учился в пятнадцатой группе, и звали его Денис. Но мне он разрешил звать себя Дэном. Я расценила это как жест доверия, потому что в приюте, под угрозой наказания, запрещались искажения православных имен, тем более такие, с явным закосом под запад. Запад был нашим пугалом. Запад и обитающие там геи. О геях говорилось с таким ужасом и отвращением, что сначала я думала будто это чудовища-мутанты, вроде тех, которые по слухам завелись на востоке, после того, как туда сбросили ядерные бомбы. Или вообще нечисть, как лешие и кикиморы, которыми нас в Маслятах пугали взрослые. Поэтому я испытала немалое облегчение, когда выяснилось, что геи — это всего лишь мужчины, любящие друг друга.

Я тоже сказала Дэну свое настоящее имя, и он стал вторым человеком после Яринки, кто здесь называл меня Дайкой. Да и чего таиться? Я и Дэн уже стали заговорщиками и злостными нарушителями дисциплины. Сбежали за территорию, собирались сбежать снова, и воспользоваться ворованным имуществом приюта. Розги заслужили сполна. Точнее я заслужила, старших наказывали по-другому.

Яринка все это выслушала с выражением щенячьего восторга на лице, но даже она сразу подумала о последствиях.

— Ой, Дайка... если вас поймают за территорией по одному, то это полбеды. Но если поймают вдвоем...

Она не стала договаривать, да это и не требовалось. Самый страшный проступок для воспитанницы приюта, кроме побега, конечно, это — быть уличённой в отношениях с мальчиком.

— Так я же... — глупо пробормотала я, — Я же ничего... и вообще ещё маленькая.

— Зато твой Дэн уже большой, — возразила Яринка, — Он точно в колонию отправится.

— За что в колонию? — я слабо возмутилась.

— А за то, что если вас поймают в лесу вместе, никто не поверит, что вы там из рогаток стреляли. Поэтому его, как старшего — сразу в колонию. А тебя — через три года.

Четырнадцать лет, минимальный возраст, когда несовершеннолетний преступник может стать заключённым.

Услышав про три года, я немного успокоилась. Когда тебе всего одиннадцать, то три года — целая вечность. Но Дэн... ему-то уже пятнадцать.

— Вот-вот, — прочла мои мысли Яринка, — Так что слишком своими прогулками не увлекайтесь.

В её голосе я уловила нотки ревности, и попробовала утешить себя тем, что подруга явно преувеличивает возможное наказание. Хотя, кому из нас двоих лучше знать законы? Она, в отличие от большинства воспитанников, попала в приют не в младенческом возрасте, а лишь на год раньше меня.

Вообще Яринкина история была трагичнее моей, не смотря на то, что родилась моя подруга в полной и порядочной семье. По крайней мере, так казалось со стороны. Но с первых лет жизни её существование было отравлено отношениями родителей. Нет, родители не ссорились, это нельзя было назвать ссорами — мать просто боялась перечить отцу, когда он изводил и её, и дочь. Придирки, крики, вечное недовольство и рукоприкладство, это всё, что Яринка видела от него. И она очень быстро поняла, в чём кроется причина такого отношения, тем более, что отец её не скрывал, и при каждом удобном случае упрекал жену за то, что родила ему дочь, а не сына. Забеременеть снова она почему-то не смогла, и это тоже ставилось ей в вину. Маму Яринка помнила всегда молчащей — она редко улыбалась, ходила по дому не поднимая глаз, и только постоянно что-то мыла, стирала, готовила. Лишь по ночам, когда отец засыпал, мать и дочь могли посвятить время друг другу — они тихонько читали сказки на кухне, обнимались, и мечтали о том, как однажды уедут далеко-далеко.

Но случилось другое.

Когда Яринке исполнилось восемь лет, мама вдруг расцвела. Нет, она по-прежнему одевалась серо и неброско, трудилась по дому, и продолжала молчать. Но глаза её заблестели, щёки зарумянились, а походка стала лёгкой и пружинистой. И иногда, за рутинными делами, она, забывшись, улыбалась мечтательной отсутствующей улыбкой. Глядя на маму, Яринка радовалась, и думала, что она так изменилась, потому что скоро они, как и мечтали, уедут далеко-далеко. Вдвоём уедут от этих тесных пропитанных безнадёжностью комнат, и от вечно раздраженного отца.

Но вместо этого, однажды, когда мамы не было дома, к отцу заявили двое полицейских, и сообщили, что его жена арестована за прелюбодеяние.

Больше мама домой не вернулась. Той же ночью, в камере, она разорвала на полосы свое платье, связала их в одну веревку, и повесилась на решётке.

Каким-то образом перед этим ей удалось уговорить одного из полицейских передать её дочери письмо, и просто чудом Яринка завладела им раньше отца. Письмо оказалось коротким, и написанным так неразборчиво, что ей пришлось потратить немало времени на чтение. Писала ли мама так нарочно, чтобы никто кроме Яринки не сумел прочесть, или просто очень торопилась, было уже не узнать. Скорее всего, первое, потому что написаны были в письме такие вещи, за которые маме, не покончи она с собой, грозил бы второй срок.

Отец же еще накануне, после прихода полицейских и известия об измене жены, пришёл в такое бешенство, что поломал, растоптал и выбросил все её вещи. И остался у Яринки на память о маме только сложенный вчетверо лист с неразборчивыми каракулями. Яринка спрятала его в щель под подоконником и перечитывала при каждой возможности, пока не выучила наизусть.

И вовремя. Через несколько дней после похорон мамы, Яринку забрали в коррекционный приют прямо из школы, чуть позже её немногочисленные вещи отец отправил туда же, и дома она больше не была. Отца с тех пор тоже не видела. Он

воспользовался законным правом вычеркнуть из своей жизни ребёнка блудной женщины. То, что Яринка в той же степени являлась и его ребёнком, значения уже не имело — отец ни разу не пришёл к ней, ничего не передал, и не позвонил.

И если подумать, то спасибо ему за это. Потому что, если мне смириться с новой жизнью помогла надежда увидеть родителей, то Яринка держалась за ненависть к отцу. Поначалу она отказывалась принимать местные распорядки, устраивала голодовки, прогуливала школу и воскресные службы, несколько раз была порота, но это только сделало её совсем неуправляемой. Решив, что наказать сильнее её уже не смогут, Яринка докатилась до оскорблений взрослых и плевков в церкви, за что снова получала розги. Неизвестно, сколько ещё продолжалось бы её вращение в этом замкнутом кругу, не окажись после очередной экзекуции рядом с ней сестра Марья.

Обрабатывая вспухшие красные полосы на коже плачущей девочки, она тихонько сказала:

— Если ты не перестанешь так себя вести, то когда тебе исполнится четырнадцать лет, тебя отправят в колонию для несовершеннолетних преступников. А девочку, побывавшую там, никто не возьмёт замуж. А главное — тебя, как носительницу плохой наследственности, лишат права рожать детей и стерилизуют.

Не сказать, чтобы Яринку это напугало, о чем она не замедлила сообщить сквозь всхлипы, добавив, где именно видела колонию, будущего мужа, и саму сестру Марью. Та не обиделась, но наклонилась к Яринке ещё ниже и вкрадчиво шепнула:

— Но тогда ты и в столицу никогда не сможешь вернуться, тебе разрешат жить только за сто первым километром. А ты ведь когда-нибудь захочешь встретиться со своим отцом, правда?

От неожиданности у Яринки остановились слёзы. Позже она поняла, что прожившая столько лет в приюте сестра Марья повидала много по разным причинам попавших сюда детей, и прекрасно знала, о чём единственным сейчас может мечтать потерявшая всё, осиротевшая, и избитая девочка. Знала, и использовала это, как способ обуздать мою подругу.

Убить отца. Вырасти, выйти из приюта, найти и убить отца — вот что стало тем, что заставило её, как и меня в своё время, слушаться и хорошо себя вести. Яринка изменила линию поведения, извинилась перед учителями и воспитателями, даже сходила в церковь на исповедь.

И сейчас она ничем не отличалась от любой воспитанницы приюта, — молчаливая, усердная на занятиях, лишняя раз не поднимающая глаз. И только я знала настоящую Яринку — дерзкую, непокорную и бесстрашную.

Подруга разделила мои волосы на пробор, и, подождав пока я заплету обе косички и встану, плюхнулась на моё место, подавая через плечо расчёску. Шевелюра моей подруги имела тот редкий солнечно-медный цвет, за который, как нам рассказывали на уроках истории, в старину сжигали на кострах. Поэтому, а ещё потому что глаза Яринки сверкали изумрудной зеленью, пухлые губы и правильные черты лица говорили о том, что вырастет она красавицей, — некоторые девочки за глаза называли её ведьмой. Что Яринку совершенно не смущало, и, кажется, даже радовало.

Я с наслаждением запустила пальцы в густые, блестящие локоны подруги. Мои собственные волосы, хоть и более длинные, были скучны, как пасмурный день. Такие же

серые и невзрачные, абсолютно прямые, без малейшей игривой волны, они уныло свисали по плечам и спине. А заплетенные в косички выглядели, как два мышинных хвостика. Я вообще походила на мышь. Даже папа часто окликал меня «Мышка!». Он говорил, — это потому, что я маленькая и шустрая, но подозреваю, внешность тоже имелась в виду, учитывая мои под стать волосам серые глаза и худое заострённое личико. Вряд ли жизнь в коррекционном приюте прибавила мне очарования, так что рядом с Яринкой я смотрелась, как горстка пепла на фоне пламени.

Но, честно говоря, меня это не беспокоило. Я была ещё не в том возрасте, чтобы переживать из-за внешних данных. Скорее радовалась, что на меня меньше обращают внимания, и я, действительно, как мышка, могу незамеченной проскользнуть мимо учителей и воспитателей, в то время как Яринка неизменно цепляла их взгляды, и вызывала придирки.

Пока я аккуратно разделяла на пробор роскошные Яринкины пряди, она нетерпеливо болтала ногами, и косилась на наших соседок по дортуару, которые так же помогали друг другу с причёской. Это была наша давняя игра — кто быстрее закончит. Мне она, правда, уже надоела, но Яринка ревностно следила, чтобы я и она всегда заплетались первыми. И у нас это обычно получалось, но подозреваю, не потому, что мы преуспели в парикмахерском искусстве. Просто у наших противниц волосы были не в пример длиннее наших — ниже пояса. Мои же доставали только до середины спины, Яринкины вообще едва прикрывали плечи. Объяснялось это просто, у нас в Маслятах длинные волосы не приветствовались, уход за ними отнимал слишком много времени, а оно всегда требовалось на что-то более важное. И если взрослые девушки и женщины ещё старались как-то с этим справиться, то детям было и вовсе ни к чему. Поэтому я никогда не носила волосы ниже плеч, и только здесь, в приюте, они начали отрастать. А Яринка сама их время от времени подрезала, хоть это и было запрещено.

Но наши соседки — совсем другое дело. Не смотря на то, что с ними судьба обошлась не намного лучше, чем с нами, они не утратили веру в правильность всего, чему нас учили. Обе находились в приюте с пяти лет, с того возраста, в котором осиротевших детей распределяли из дома малютки по приютам и интернатам.

Одна из девочек — голубоглазая, светловолосая, с длинным и звучным именем Анастасия, но сама такая маленькая, худенькая, и вечно чем-то испуганная, что звали её все только ласково-уменьшительно Настусей. Родители Настуси не были ни расписаны, ни венчаны, состояли в блудном сожительстве, но им удавалось это скрывать, пока не появился ребёнок. Когда преступление раскрылось, оба были лишены родительских прав и осуждены. Настуся их больше никогда не видела, и впредь видеть не желала, она была преисполнена стыда за родительский грех, за своё незаконное происхождение, и старалась забыть всё, что с этим связано.

Вторая девочка, Зина, походила на Настусю не больше чем Яринка на меня. Смуглая, черноволосая и чернобровая, с необычным кошачьим разрезом карих глаз, она так же бросалась в глаза, и так же со временем должна была превратиться в красавицу. Но как раз необычная внешность и стала проклятием Зины. Мать зачала её от иноверца, одного из тех, что бежали с востока после того, как туда сбросили ядерные бомбы. Её муж заподозрил неладное, когда увидел новорожденную Зину, так отличающуюся от других детей в роддоме. Была проведена экспертиза ДНК, которая и выявила его не причастие к появлению на свет смуглой и черноволосой девочки. После чего мама Зины отправилась в колонию, а сама Зина в дом малютки. Она, как и Настуся, осуждала свою мать, не хотела иметь с ней ничего

общего, и не терпела никаких упоминаний обстоятельств, при которых появилась на свет.

Думаю, что и Зине, и Настусе повезло больше, чем нам. Они не помнили родителей и не знали другой жизни, кроме той, какой жили сейчас. Их с пелёнок учили тому, что правильно, а что нет, как они должны себя вести, какими стать в будущем. И потому их желания, стремления были скучны, предсказуемы и правильны, как воскресная служба. О чём вообще может мечтать православная девочка, к какой цели стремиться? Выйти замуж и родить не меньше трёх детей, тем самым исполнив свой долг перед людьми и Богом. Всё. Стремиться к чему-либо другому не только бесполезно, но и не безопасно. Поэтому и Зина, и Настуся послушно мечтали, не смотря на то, что их мечтам вряд ли суждено было сбыться. У выпускниц коррекционного приюта почти нет шансов выйти замуж. Бесприданницы, сироты, с плохой наследственностью, с тянущимся за ними, как дурной запах родительским позором... кому они нужны, если полно чистых девушек из порядочных семей? Нет, нашим соседкам, как и нам, дорога после приюта была одна — в общежитие, на производство, до конца дней. У нас никогда не будет своего жилья, женщина на Руси может владеть имуществом, только став вдовой и унаследовав его от мужа. И если за осиротевшими мальчиками оставалось право наследования собственности их родителей, даже если те умерли, или получили пожизненный срок, то девочки оставались ни с чем. И выход из этого «ничего» был только один — замуж.

Полная безысходность.

Настуся и Зина спасались от этой безысходности мечтами о том, что они станут скромными, добродетельными и женственными, такими, что их просто не сможет не взять в жёны какой-нибудь хороший человек. Но мы с Яринкой смотрели на жизнь куда более цинично. И мечтали об ином.

Я — как немного подрасту, убегу в тайгу, и буду там искать деревню, наподобие Маслят, где живут свободные весёлые люди, где можно носить джинсы, лазить по деревьям, сколько угодно стрелять из рогаток и ружей. И кто знает — вдруг и мои родители тоже будут там?

Яринка мечтала убить отца. Дальше её планы не заходили. А может, заходили, но она предпочитала не рассказывать об этом даже мне.

Поэтому дружба с Зиной и Настусей у нас не заладилась. Нет, мы не ссорились, жили мирно, болтали, обсуждали новости и даже помогали друг другу с домашним заданием, но никогда ни мне, ни Яринке, не пришлось бы в голову делиться с ними секретами, или подурачиться, сцепившись на полу, как это делали мы.

Яринка заплела вторую косичку, соскочила со стула и радостно крикнула:
— Мы опять первые!

Настуся лишь бледно улыбнулась, а Зина из-под чёрной завесы волос, пренебрежительно фыркнула. Похоже, ей, как и мне, эта игра уже надоела.

На завтрак мы пошли отдельно, я с Яринкой, Зина с Настусей. Вроде и вышли из дортуара вместе, но в коридоре разделились. Яринка придержала меня за локоть, подождала пока девочки уйдут вперёд, и шепнула:

— Во сколько сегодня пойдёшь на свидание?

— Сама ты свидание! — зашипела я в ответ, — Где-то в шесть выйду, надо до ужина

успеть.

— Слушай, — Яринка понизила голос до едва слышного шелеста, — а может вас надо прикрыть?

Я чуть не рассмеялась, но потом поглядела на грустное лицо подруги, и поняла, что ей просто очень хочется быть причастной к моей тайне, сделать что-то запретное, хоть в чём-то пойти наперекор приютским правилам. Вот только как?

Яринка правильно поняла моё молчание и тихонько вздохнула:

— Были бы у нас мобильники... Я бы позвонила, если бы тебя стала искать Агафья, или ещё кто.

Если бы, да кабы. Сотовыми телефонами здесь владели только взрослые, — учителя, воспитатели, охрана. Детям запрещалось иметь такую роскошь, да и зачем? Кому звонить? Тем, чьи родители были живы, и так раз в неделю полагался один звонок со стационарного телефона в воспитательской. Друг другу? А смысл тратить деньги, если мы здесь и так все рядышком и никуда не денемся?

— Ладно, Ярин, — утешила я подругу, — Весь день впереди, может, ещё что-то и придумаем.

День правда ещё весь был впереди, и тянулся он сегодня, как нитка смолы вниз по сосновому стволу, в моей тайге...

На уроке рукоделия я исколола себе пальцы и запутала мулине. На кулинарном чуть не сожгла запеканку. А на истории, отвечая у доски, я так путалась в именах и датах, что учительница обеспокоено спросила, хорошо ли я себя чувствую?

Яринка нервничала вместе со мной. Весь день я ловила её тревожные взгляды, а по образовавшейся складочке на лбу подруги, поняла, что она что-то усиленно обдумывает.

Во время обеда, без аппетита ковыряя ложкой в тарелке, я пыталась понять, что заставляет меня так нервничать? Сколько раз я уже убегала за забор? Со счёту сбилась. И ровно столько же раз меня могли увидеть там, или хватиться здесь. Почему же именно сейчас так страшно? Потому что в этот раз я сбегая не одна, а с *парнем*? Помилуйте, это могло бы привести в ужас Настусю или Зину, но не меня! Всё это молчаливое неодобрение источаемое окружающими, даже когда мальчик и девочка просто останавливались в школьном коридоре, чтобы перекинуться парой слов, я никогда не понимала и не разделяла. В Маслятах мальчишки и девчонки дружили, вместе играли, а когда вырастали, то начинали встречаться друг с другом, и никто не видел в этом ничего плохого.

— Я придумала, чем помочь вам! — голос Яринки вывел меня из задумчивости, — Я стану отвлекать Агафью!

Я честно попыталась представить, как это будет происходить в течении как минимум двух часов, не смогла, и сдалась.

— А-а...

— Предоставь это мне, — Яринка многозначительно подмигнула, складочка на её лбу разгладилась, глаза горели азартом и решимостью. И я махнула рукой. В конце концов, если мне предстоит приключение, почему подруга должна отказывать себе в возможности тоже по-своему поиграть?

С Дэном мы встретились там же. Когда я пришла, он уже сидел на поваленной сосне, под которой я устроила тайник. Увидев меня, неловко улыбнулся и отсалютовал открытой

ладонью. Я подбежала и остановилась перед ним, запыхавшаяся и смущённая. Кажется, мы оба не знали, что сказать. Да уж — «свидание».

— Вот, — наконец заговорил Дэн, вытаскивая из-под куртки тряпичный свёрток, — Я тоже кое-что принёс.

Он продемонстрировал мне моток чёрной изоленды, и лоскут такой же чёрной ткани, видимо приготовленный для изготовления кокетки.

— Ну-ка, — я сразу перестала стесняться и деловито выдернула лоскут из его рук. Повертела, помяла, порастягивала в разные стороны. Кожа. Причём хорошая, плотная, — Годится. А изоленда зачем? У меня есть.

— На всякий случай, — Дэн покрутил моток на пальце, — У тебя рогатка чёрная с жёлтым, а моя будет вся чёрная. Вот и подумал — вдруг твоей изоленды не хватит?

Я кивнула, брякнулась на колени и полезла рукой под сосну, в свой тайник. Выудила оттуда остатки похищенной из медпункта и разрезанной грелки, сунула Дэну. А следом достала нож, обёрнутый в промасленную бумагу.

— Ёкарный бабай, — негромко произнёс надо мной Дэн непонятные слова, — А это ты откуда взяла?

Мне было понятно его удивление. Нож выглядел угрожающе, — с тяжёлой рукояткой тёмного дерева, и с очень широким, тускло поблёскивающим лезвием. Я даже на секунду замешкалась с признанием, всё-таки нож — это не грелка, и наказание за его кражу будет не в пример суровее. Но с Дэном я зашла уже достаточно далеко в признании своих грехов, чтобы имело смысл ещё что-то скрывать.

— Из кухни. Этим ножом повар режет мясо...

— Уже не режет, — казалось, Дэн с трудом сдерживал смех, — Как ты умудряешься всё тащить? Ведь и в медпункте, и на кухне всегда кто-то есть?

— Папа звал меня Мышкой, — не без гордости пояснила я, — Могу хоть куда проскользнуть. И не услышит никто, мы в тайге все умеем ходить неслышно... умели.

Дэн кивнул и снова перевёл взгляд на нож.

— А зачем он тебе?

— Ну как это? — я поднялась на ноги с ножом в руках, и Дэн всё-таки расхохотался, наклонившись вперёд, и уперевшись руками в колени.

— Извини, — выдавил сквозь хохот, — Но ты с таким ножом и в этом платье выглядишь, как девочка-зомби из японских ужастиков.

Из слов Дэна я поняла только «нож», «девочка» и «платье», остальное прозвучало абракадаброй. Поэтому я просто стояла и ждала, когда он отсмеётся. А потом обиженно пояснила:

— Нож нужен чтобы вырезать рогатку из дерева.

Дэн изменился в лице и с досадой хлопнул себя по лбу.

— Ну конечно. А я об этом даже не подумал. Вот что значит лузер в таких делах. Приношу свои извинения, мастер, и снимаю перед вами шляпу, — и он с полупоклоном помахал воображаемой шляпой в воздухе.

Я кашлянула, входя в роль «мастера» и неуверенно начала:

— Э... сначала я научу тебя, как нужно выбирать дерево для рогатки, а потом и ветку на нём. Но здесь только сосны. Пойдём-ка вон туда.

Через десять минут я уже сидела верхом на почти горизонтальном суке клёна, и пилила ножом одну из его веток, на которой приглядела развилку, идеально подходящую для

рогатульки. Дэн стоял внизу и страдальчески морщился, потом не выдержал.

— Слушай, давай я? Ты конечно в этом лучше разбираешься, но я всё-таки сильнее. А то до ужина провозимся, — не дожидаясь ответа, он полез на дерево, занял место на суку, и забрал нож из моих рук.

Дело правда пошло куда быстрее, и скоро мы спустились на землю с отменной рогатулькой. Дальше было ещё проще. Тем же ножом мы вырезали из остатков грелки тяжи, продели их сквозь кожеток, пришили суровыми нитками, чтобы не скользил. Дэн настоял на том, чтобы всё делать самому, я лишь показывала, как надо. Работа шла в молчании, на разговоры мы не отвлекались, и потому закончили даже раньше, чем я предполагала.

— Супер! — воскликнул Дэн, вытянув перед собой результат наших совместных усилий. Рогатка Дэна получилась больше моей и благодаря чисто чёрному цвету выглядела куда серьёзнее.

— Как ты её назовёшь? — спросила я, полубовавшись вместе с Дэном.

Кажется, вопрос поставил его в тупик. Но ненадолго.

— Рога дьявола! — возвестил Дэн, то ли в шутку, то ли всерьёз, но я на всякий случай уважительно кивнула. Да и название на мой вкус получилось удачным.

А потом мы отправились на стрельбище. Я сама в этот раз почти не стреляла, только учила Дэна. И он преуспевал. Да и «Рога дьявола» получились хорошей рогаткой. Мы так увлеклись, что очень быстро расстреляли все принесённые мной в прошлый раз камни. Немного полазили по траве, некоторые удалось найти и пострелять ещё чуть-чуть, но потом стало ясно, что без пополнения боезапасов не обойтись.

— Пойдём до пруда? — войдя в азарт, предложила я, — Соберём камней и обратно? Но Дэн покачал головой.

— Нет, Дайка, мы и так уже задержались, надо возвращаться, пока про нас кто-нибудь не вспомнил.

Я сникла. Вся энергия и веселье, словно электричество, утекли через моё тело в землю, стоило вспомнить о возвращении. Видимо с Дэном произошло то же самое. Молча мы уложили в теперь уже наш общий тайник рогатки и нож, прикрыли дёрном, забросали листьями. Всё это время я мучительно разрывалась между смущением и желанием спросить у Дэна — встретимся ли мы ещё раз? Но он помог мне, заговорив об этом первым.

— Послушай, Дайка, — просто сказал Дэн, — Мне бы хотелось увидеться с тобой здесь снова. Ты сможешь?

Я сначала торопливо закивала, и только потом сообразила спросить:

— А... зачем? Ещё стрелять?

— Да. И не только. Давай присядем? Время есть.

Мы опустились на поваленную сосну. Я отчего-то сильно разволновалась, и спрятала ладони под мышки, чтобы не было видно, как подрагивают пальцы. Дэн снова хочет меня видеть! И если не для того чтобы я учила его стрелять, то для чего? Неужели у меня в приюте появился ещё один друг? *Взрослый* друг! Это было так неожиданно и здорово, что просто не верилось.

— Ты умеешь хранить тайны? — спросил меня Дэн, и я опять поспешно кивнула.

— Мы с тобой в чём-то очень похожи, — медленно подбирая слова продолжал он, — Мы оба родились в несколько... необычных семьях. Про тебя я знаю, вы — беглецы. Жили в лесу, отдельно от всех, по своим правилам. Но есть люди... которые думают, так же как взрослые из вашей деревни. Но они здесь, в городах. Среди остальных. Со стороны кажется,

будто они живут как все, но они другие.

Дэн замолчал, и я несмело спросила:

— А твои мама и папа... другие?

— Да, — Дэн хрустнул пальцами, — Именно поэтому я здесь. Так же, как и ты.

— А они? В тюрьме?

— Нет. Их казнили.

Я снова сунула руки под мышки, но теперь потому, что стало холодно.

— Почему казнили? Мои мама и папа в тюрьме.

Дэн быстро глянул на меня, вроде удивлённо, но сразу отвёл глаза.

— Потому что они... не просто были другими. Они хотели, чтобы все стали такими.

Понимаешь, твои родители просто ушли подальше, они не мешали. А мои, и такие, как они, хотели всё изменить.

— Зачем?

— Ну... а разве тебе нравится, как всё вокруг устроено?

— А как устроено?

Дэн запустил пальцы себе в волосы и потряс головой.

— Блин... ну почему ты не постарше?

Я растерянно моргала. Очень хотелось понять, что пытается сказать Дэн, но не получалось. Нравится ли мне, как всё устроено вокруг? Здесь, в приюте? Конечно, не нравится! Но ведь мама и папа Дэна не были в приюте, они хотели изменить что-то там, снаружи. А откуда мне знать, как там, если я из Маслят сразу попала в приют? Когда нас вывозили в город на разные экскурсии и прогулки, всё вроде было хорошо и даже красиво.

Дэн вдруг вскочил со ствола, но только затем, чтобы сесть передо мной на корточки и заглянуть в лицо.

— Дайка, нас здесь, в этом долбаном загоне, только двое таких. Тех, кто знает, что можно жить по-другому. И мы должны держаться вместе, видеться и разговаривать. Ты жила среди беглецов, в свободном поселении, ты можешь рассказать много такого, что поможет и мне, и тем,... кто *другие*. Я тоже могу и хочу тебе помочь. Нельзя чтобы ты здесь выросла очередной безвольной куклой, способной только рожать детей и ходить в церковь. Я расскажу тебе, как всё устроено, но не сразу, постепенно. Да я бы прямо сейчас рассказал, но ты... ты маленькая ещё. Ты многое пока просто не сможешь понять, — он неловко усмехнулся и добавил, — Да и я наверно не настолько взрослый, чтобы правильно тебе объяснить.

Из всего сказанного, я точно поняла лишь одно — Дэн хочет со мной дружить! А что ещё могут означать слова про то, что мы должны видеться и разговаривать? А про то, что мы будем помогать друг другу? Так делают только друзья.

Радостно взвизгнув, я подалась к Дэну и обняла его за шею, как иногда обнимала Яринку в порыве нежности. От неожиданности он покачнулся на корточках, вскочил, и, взяв меня за плечи, отодвинул на расстояние вытянутых рук.

— А вот это ты брось. Если такое кто увидит, то будет... Ничего хорошего не будет.

— Никто не увидит! — пообещала я, — Мы же только здесь будем встречаться?

— Да уж конечно не в приюте. Но и здесь не часто. Нельзя рисковать. Скажем, раз в неделю ты сможешь?

— Смогу! Два раза смогу.

— Посмотрим, — Дэн задумчиво глядел поверх моей головы, — Сегодня понедельник.

Вот и давай в следующий понедельник в это же время.

Я разочарованно надулась — через целую неделю! Но возражать не стала, вспомнив, что Дэн рискует больше меня.

— А теперь пора возвращаться, — подвёл он итог, — Ты иди первая, я подожду минут десять и тоже пойду.

Я подумала, что надо что-то сказать на прощание. Что-то хорошее, чтобы Дэну стало приятно. Но ничего подходящего не шло в голову, а продолжать топтаться на месте становилось уже глупо. Поэтому я сказала просто:

— Спасибо!

Развернулась и побежала через лес к забору.

Радость переполняла меня, мысли метались в голове, как мотыльки вокруг ночного фонаря. А фонарём была одна единственная главная мысль — у меня теперь есть ещё один друг! И не просто друг, а друг с которым мы похожи. Он сам так сказал. Нас связывает тайна. Правда я не совсем поняла, в чём же заключается эта тайна, но особо из-за этого не беспокоилась. Дэн же сказал, что всё мне расскажет, так чего переживать? До следующего понедельника конечно далеко, но зато у меня будет время обдумать, о чём и я могу рассказать Дэну. Что именно он хотел от меня услышать, я тоже не поняла, поэтому нужно будет рассказать побольше, тогда что-нибудь да окажется важным.

Взволнованная и увлечённая этими мыслями, я не сразу обнаружила некую странность. Время близилось к ужину. Обычно в этот час, после занятий, территория приюта была оживлена. Мальчишки гоняли мяч на стадионе, девочки прогуливались по дорожкам и кучковались на скамейках, малышня галдела на игровой площадке. Сейчас же вокруг царила тишина.

Это было так непривычно и странно, что я невольно замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась. Стояла, недоверчиво вертела головой. И никого не видела. Что за ерунда? Куда все подевались? Может, мы с Дэном так увлеклись, что забыли про время, и сейчас уже очень поздно?!

Но нет — светло же! Я посмотрела на запад, где солнце спускалось за лес. Всё верно, сейчас нет даже восьми. Определять время и стороны света по солнцу, это едва ли не первое, чему учили детей в Маслятах, на случай, если те потеряются в тайге. Так что здесь я ошибиться не могла.

Переставляя ноги медленно и осторожно, словно шла не по земле, а по ведущей через трясину гати, я снова двинулась вперёд. Прудик. Стадион. Мимо школы направо. Наш корпус. На скамейке возле подъезда одинокая фигурка. В косых лучах заходящего солнца огнём горят рыжие волосы.

— Яринка!

Она вскочила мне навстречу. Глаза — огромные. Но в них не испуг, а торжество.

— Ну, наконец-то! Всё хорошо?

— У меня-то да. А здесь что? Где все?

Подруга захихикав, потянула меня за руку, и мы оказались в кустах акации, высаженных под окнами корпуса. Когда ветки сомкнулись за нами, Яринка села прямо на землю и пояснила:

— Чтобы нас не увидели, пока говорим. А то всем велено сидеть по дортуарам.

— Да что случилось?!

Невинно захлопав ресницами, подруга ответила:

— Как что? Я же сказала, что буду отвлекать Агафью, вот она до сих пор и отвлекается.

— Подожди... так это... Из-за тебя никого нет?

— Ну да, — Яринка с удовольствием вытянула перед собой ноги и гордо улыбнулась.

Чувствуя, что от всего произошедшего сегодня, голова готова лопнуть, я взмолилась:

— Да что ты сделала?! Где все?!

Яринка было напустила на себя загадочный вид, но не выдержала, и прыснула в ладошку.

— Я... а-ха-ха-а... я... ой... в вестибюле... Иисусу... а-ха-ха-ха... Иисусу пририсовала... это самое... — и она, бессильно откинувшись на ствол, принялась хохотать, зажимая себе рот руками.

— Что? — потрясённо выдохнула я, пытаюсь убедить себя, что всё неправильно поняла, — Что ты сделала?

— Ну, Иисусу нарисовала... хи-хи-хи, ой, не могу... ну то, что у мальчишек там должно быть.

Тут на землю опустилась и я.

На первом этаже корпуса, напротив входа, у раздевалок, красовалась большая, от пола до потолка мозаика — распятый на кресте Иисус. И если это ему Яринка...

Обхватив щёки ладонями, как какая-нибудь Алёнушка с картинки из книги сказок, я простонала:

— Ты спятила! Ты знаешь, что тебе за это будет?

Яринка уже утёрла выступившие от смеха слёзы, и успокоилась.

— Да ну? И кто узнает, что это сделала я?

— Да мало ли. Вдруг кто-то видел?

— Если бы видели — уже рассказали.

— Но ведь могут просто догадаться! Начнут всех перебирать, вспоминать, кто как себя вёл... а ты в церкви плевала!

Яринка беспечно махнула рукой.

— Это было давно. А если и вспомнят, на меня всё равно никто никогда не подумает. И знаешь почему?

— Почему? — послушно повторила я.

Яринка подалась ко мне и отдельно произнесла:

— Потому что я нарисовала Иисусу... ну, это самое... не в нашем корпусе, а у мальчишек.

Я открыла рот. Закрыла. Снова открыла. А потом, как недавно Яринка начала хохотать, уткнувшись лбом в колени и пытаюсь заглушить собственный смех, прижимая руки к лицу.

Потому что это было гениально. Преступление века! Никому не придёт в голову, что девочка могла зайти в мальчишеский корпус. Это было не только официально запрещено, но для всех обитателей принята, и маленьких, и взрослых — *невозможно*. Настолько абсурдно, настолько дико, что легче было поверить в спускающегося с неба ангела, чем в одиннадцатилетнюю девочку, тайком пробирающуюся в мужские дортуары. Тем более с такой целью.

Яринка тоже засмеялась, и пару минут мы давились от хохота, валяясь на земле под кустами.

— А как? — наконец смогла выдавить я, — Как ты узнала, что там никого нет?

— Так сегодня же понедельник, — обессилев от смеха, выдавила Яринка, — Сегодня же футбольный матч был у старших парней. Вот все на него и пошли. А я ко входу, по кустам, чтобы в камеры не видно было, потом внутрь по стеночке. И красным маркером...

Нас скрутил новый приступ хохота. Справившись с ним, я восторженно спросила:

— А что потом?

— Потом кто-то это увидел. Кипеж поднялся, прибежали все учителя и воспитатели, батюшка Афанасий голосил так, словно ему прищемили... то, что я Иисусу нарисовала...

Смеяться мы больше не могли, и только застонали, держась за животы.

— А дальше?

— Дальше всех по корпусам разогнали. Сами где-то в школе собрались, и до сих пор там торчат. Ну как? Хорошо я отвлекла Агафью?

— Ты чокнутая! — признала я с искренним восхищением, — Ты просто чокнутая.

Яринка потупила глаза с видом скромной победительницы.

— Ладно. Нужно идти в дортуар, а то вдруг вернётся Агафья.

Мы вылезли из кустов и направились в корпус. Поднимаясь по лестнице, я прислушивалась к непривычной тишине. Не бубнили телевизоры в комнатах воспитателей, не звучали шаги по коридорам, не доносились голоса девчонок из-за дверей. Придавленные этой тишиной, и я, и Яринка, не сговариваясь, пошли на цыпочках.

В нашем дортуаре, на одной кровати, почти прижавшись друг к другу сидели Зина и Настуся. Настуся прятала заплаканное лицо в ладонях, а Зина вскинула на нас сердитые чёрные глаза.

— Вы где были? Сказано — не выходить! Из-за вас и нам достанется.

— Уже и в туалет нельзя выйти? — огрызнулась Яринка, и бросила на меня многозначительный взгляд.

Поняв, что не имею подходящей легенды о том, где я пропадала весь вечер, я забормотала:

— А я так... гуляла. У прудика.

— Ты знаешь, что случилось? — всхлипнула Настуся.

— Н-нет. А вы?

Вместо ответа Настуся снова захныкала, и Зина пояснила вместо неё.

— Здесь дьявол появился.

Я чуть не села мимо стула, а Яринка закашлялась.

— Чего-о?

— Мы гуляли, вдруг Агафья прибежала, закричала, чтобы все шли в дортуары, и не выходили. Сама вся красная, лохматая. Мы в окно смотрели, собрались все взрослые к корпусу мальчиков...

— Батюшка Афанасий кричал, — пискнула из ладоней Настуся.

Мы с Яринкой переглянулись.

— Ну? А дьявол здесь при чём?

— А кто ещё? — удивлённо спросила Зина, — Если бы что-то другое случилось, вызвали бы охрану, а не батюшку.

— А охрану не вызвали? — быстро спросила Яринка.

— Мы не видели, — Зина пожала плечами, — Да и что охрана сделает дьяволу? Тут батюшка нужен, его и позвали.

Чтобы девочки не увидели мою дурацкую ухмылку, которая так и просилась на лицо, я

полезла к себе на второй ярус кровати. Там легла, отвернувшись к стенке. Дьявол, значит. Ну, правильно, кого ещё боятся, если ничего не понятно? Хотя скучновато конечно, вот у нас в Маслятах детский репертуар страшилок был куда шире. Лешие, кикиморы, волки-оборотни, водяные, домовые. Тут же, на все случаи жизни — один дьявол.

И хорошо если бы все так думали. Только взрослые вряд ли спишут на дьявола Яринкину выходку. Они будут искать настоящего виновника. Потому что сделанное сегодня моей подругой не просто хулиганство, а намного, намного хуже. Святотатство? Кошунство? Богохульство? Наверно всё это сразу. Каким же должно быть наказание?

Приступ веселья и чувство безнаказанности постепенно сменялись страхом. Сейчас будут трясти всех мальчишек, и если кто-то что-то видел? Малейшее подозрение на Яринку и ей припомнят всё. Плевки в церкви, отказ ходить на службы, безобразное поведение и грубость. Колония? Через три года. Нет, уже почти через два, Яринка на семь месяцев старше меня, осенью ей исполнится двенадцать лет.

При мысли о том, что подруга может исчезнуть из моей жизни, тряхнул озноб. Тогда во всём мире у меня не останется никого. Если только Дэн... Но сегодня он хочет дружить со мной, а завтра вдруг передумает? Разве ему будет интересно с девчонкой на четыре года младше его? Надо как-то срочно взрослеть.

В этот вечер ужинать мы пошли на два часа позже, чем обычно. После того, как все прочитали молитву, и расселись за столами, в столовой воцарилась непривычная тишина. Никто не шушукался, не обсуждал произошедшее, только стучали ложки. И старшие, и младшие ужинали молча, лишь бросали друг на друга подозрительные взгляды. Я тоже косилась по сторонам, пытаюсь заметить, не смотрит ли кто-нибудь слишком пристально на Яринку? Вроде не смотрели.

Воспитатели в этот раз не ушли в свою трапезную, а присутствовали здесь, просто сидели за свободным столом, отсутствующе глядя поверх голов. Это усиливало напряжение, и все буквально давились ужином, стараясь покончить с ним поскорее, чтобы покинуть столовую.

В свободное перед сном время, никто не стал как обычно, сидеть в гостиной перед телевизором или гулять на улице. Все как один разошлись по дортуарам и затихли.

Зина и Настуся сразу стали укладываться спать. Мы с Яринкой, перемигнувшись, последовали их примеру. Расстелили постели, улеглись. Свет погас. Минут через десять я почувствовала лёгкий толчок снизу. Свесила с кровати руку и поболтала ею в воздухе. Это был наш условный сигнал. Яринка на своём нижнем ярусе поднимала ногу, и пихала пружины моей постели, приглашая спуститься. Я, если была возможность, спускалась. Но сейчас Зина и Настуся ещё не спали, поэтому и понадобился жест рукой, означающий «подожди».

Яринка подождала. Я чутко прислушивалась, и когда под нашими соседками перестали поскрипывать кровати, и вместо этого донеслось ровное сопение, осторожно спустилась вниз. Яринка приподняла край одеяла, пустила меня под него, и накрыла нас обеих с головой. Лёжа рядом, почти соприкасаясь лбами, мы заговорили еле слышным шёпотом.

— Вы с Дэном сделали рогатку?

— Да. Хорошо получилось.

— Ещё увидите?

— Через неделю.

— Что делать будете?
— Разговаривать. Про родителей... и вообще.
— А мы с тобой когда в лес пойдём? Давай завтра?
— Ой, Яринка, наверно надо подождать немного после того, что сегодня... Видела, какая Агафья злая? Сейчас как собака за всеми ходить будет.
— А когда тогда?
— Не знаю. Может, в четверг? Перед пятничными контрольными всем не до нас будет.
— У меня в пятницу продлёнка по рукоделию. Если домашку не сделаю.
— Это юбку?
— Ну. Не могу я! Все пальцы уже исколола, а получается коряво.
— Попроси Лильку Кушникову сшить. А ты ей за это будешь десерт с обеда отдавать.
Мне она так фартук сшила.
— И долго отдавать?
— Как договоритесь. Я две недели отдавала.
— Ладно, спрошу. Всё равно не сошью сама.
— А в обед мой десерт есть будем, пополам.
— Тогда в пятницу?
— Ага. Ладно, я к себе, спать.
— Спокойной ночи.
— Спокойной ночи.
Как ни странно, но так крепко и сладко, как сегодня, я не спала ни разу с тех пор, как покинула родную деревню.

Глава 3

Звездопад.

В последующие дни всё постепенно улеглось. Про случай в корпусе мальчишек продолжали говорить и строить догадки о том, кто же мог оказаться виновником происшествия. В проделки дьявола, конечно, верили только самые младшие. Учителя и воспитатели расспрашивали детей, кого-то больше, кого-то меньше, кого вообще не трогали. И не было среди опрашиваемых ни одной девочки, что очень успокаивало нас с Яринкой. Никому, как мы и думали, не пришло в голову, что такое могла учинить девчонка. Мозаику с Иисусом отмыли, батюшка Афанасий провёл службу, где все дружно замаливали грех святотатства, воспитатели прочли своим группам нудные лекции об уважении к символам веры. Поскольку виновный так и не был найден, в среду перед занятиями директор приюта Пётр Николаевич, с трудом втащив свой внушительный живот на сцену в актовом зале, сообщил, что вручает наказание грешников в руки божьи. И на этом дело закрыли, к нашему великому облегчению.

Несколько раз за эти дни я видела Дэна в школьном коридоре и на спортивной площадке. Однажды, когда мы встретились глазами, даже несмело подняла руку, собираясь помахать, но тут же торопливо опустила, обругав себя за неосторожность.

А в среду вечером, Яринка, дождавшись, когда мы останемся в дортуаре одни и, забравшись ко мне на второй ярус кровати, спросила заговорщическим шепотом:

— Завтра?

Я не стала уточнять, что завтра. Сама постоянно думала о предстоящей вылазке.

— Да. После полдника лучше всего. Я обычно в это время уходила.

Яринка закусила губу.

— Блин... Я не смогу после полдника. Мне надо юбку дурацкую шить, в пятницу сдавать.

— Ты что, не договорилась с Кушниковой?!

— Да говорила я с ней! Она не может, у неё самой какие-то там дополнительные занятия.

Я испытала досаду, к которой, однако примешивалась немалая доля облегчения. Как ни любила я свои вылазки в лес, они никогда не обходились без страха быть пойманной. А идти вдвоём — двойной риск. Но как выяснилось, обрадовалась я рано. Потому что Яринка, таким тоном, словно речь шла о чём-то самом обыденном, предложила:

— Давай тогда ночью?

Я уставилась на неё, пытаясь понять, не шутка ли это? Выходить из корпусов после десяти вечера строжайше воспрещалось даже парням старшегруппникам, не говоря уже о младших, не говоря уже о девочках.

— Спятила?

Яринка пренебрежительно фыркнула.

— А что такого? Агафья будет спать, ты же знаешь, что ночью она нас не сторожит.

Я знала. Комнаты воспитателей располагались на каждом этаже, в начале коридора, напротив туалета и душевой. И когда ночью приходилось выходить по нужде, я всегда слышала из-за двери громкий храп Агафьи.

— А охрана? А камеры?

Яринка посмотрела на меня с грустным упрёком.

— Дайка, что ты дурочку из себя корчишь? Как будто не знаешь ничего.

Я знала. Как и все воспитанники приюта, прекрасно знала о том, что камеры, висящие над входами в корпуса и вдоль дорожек, захватывают не всё. Всем нам приходилось опаздывать на уроки, выбегать гулять в неположенное время, по той или иной причине стараться избежать встречи с воспитателями, и из уст в уста передавалась информация о слепых зонах, местах, не просматриваемых через камеры.

Яринка ждала моего ответа, и я вдруг разозлилась на себя. А правда, что меня так пугает? Кому надо следить за нами? И опять же, как в случае с Иисусом, кто подумает, что одиннадцатилетние девочки не побоятся бродить в темноте? И потом — это должно быть здорово! Когда я последний раз гуляла ночью? В Маслятах, целую жизнь назад.

— Давай, — сказала я, и Яринка неуверенно заулыбалась.

Дальше мы принялись было обсуждать детали предстоящей вылазки, но в комнату вернулись Зина и Настуся. Яринка скорчила недовольную физиономию и соскользнула к себе на нижний ярус.

Девочки принялись расплетать косы и расчёсываться, готовясь ко сну. Я невольно залюбовалась иссиня-чёрной гривой Зины, укутавшей её до пояса. Она словно почувствовав мой взгляд, обернулась, зыркнула необычными своими кошачье-раскосыми глазами, и вдруг спросила:

— Даша, а как ты стала певчей в церкви?

От неожиданного вопроса я растерялась, и ответила не сразу.

— Ну как... батюшка Афанасий предложил Агафье, а она уже мне.

— А откуда батюшка Афанасий узнал, что ты умеешь петь?

— Да не умею я петь! Не училась. Просто пела. А батюшка Афанасий слышал.

— Где слышал?

И чего она пристала? Тут я заметила, что моего ответа с интересом ждут уже и Яринка с Настусей. Да о чём там рассказывать?

Когда я только попала в приют, выяснилось, что мне абсолютно незнакома Библия, закон Божий, и вообще всё, без чего не должна мыслить своей жизни православная девочка. Когда батюшка Афанасий беседовал со мной первый раз и спросил, что я знаю о Спасителе, я вспомнила мамины рассказы про море, и ответила, что это тот, кто вытаскивает людей из воды, когда они тонут. Батюшка Афанасий размахисто перекрестился, и, положив руку мне на макушку, молвил: "Ступай, дитя". Как я узнала позже, он отправился к Агафье, и заявил, что нельзя допускать до школьной программы ребёнка, который путает Спасителя со спасателем. Таким образом, полтора месяца я, вместо школы, ходила в церковь, где слушала о боге и читала Библию.

Добрый батюшка Афанасий очень старался пробудить в моей душе искру веры, он воодушевлённо, иногда со слезами на глазах рассказывал об Иисусе, отдавшем свою жизнь во искупление человеческих грехов. Но я, воспитанная людьми мыслящими исключительно рационально и практично, не понимала этого. Как может один человек отвечать за всех? И зачем? И разве не эти люди сами убили Иисуса? И почему бог отправил своего сына умирать вместо того, чтобы просто взять и всем простить грехи, раз это было так нужно?

Я задавала эти вопросы батюшке Афанасию, и он принимался взволнованно говорить о самопожертвовании и божьем промысле, чем запутывал меня ещё больше. В итоге, я поняла, что лучше всего просто слушать библейские истории, как странную, местами нудную сказку, время от времени кивать, а в особо грустных местах делать большие глаза. Тогда батюшка Афанасий оставался доволен, и отпускал меня пораньше.

Но кроме чтения Библии и разговоров с батюшкой, в церкви я слушала хор. Печальные тётушки в платках, называвшиеся почему-то сёстрами, протяжно пели под звуки нежной музыки несущейся из невидимых колонок. Звуки поднимались вверх, плыли под купол церкви, и возвращались оттуда звонким эхом. Это было красиво, и трогало мою душу куда больше, чем рассказы батюшки Афанасия о божьих чудесах. Правда слова в этих песнях звучали странно, некоторые я понимала, другие нет, третьи были вроде знакомы, но тётушки произносили их неправильно. Однако слова меня мало волновали, гораздо больше завораживало то, как здесь звучали голоса.

До этого мне никогда не доводилось бывать в помещении подобном церкви. В Маслятах все дома были небольшие, с низкими потолками, что, разумеется, не способствовало хорошей акустике. А вот петь там любили. Моя мама всегда пела занимаясь домашними делами, пели девушки собираясь вечером на улице, пели парни, аккомпанируя себе на стареньких гитарах, невесть, как и когда попавших в нашу затерянную среди северных лесов деревушку. Пели и мы — дети. В основном, когда отправлялись в тайгу за грибами или ягодами. Пение развлекало, помогало скоротать дорогу, и оповещало диких зверей о приближении человека, что помогало избежать нежелательных встреч. Но никогда я не слышала, чтобы человеческий голос лился так звонко и летел так высоко, как здесь, в церкви коррекционного приюта.

И однажды, когда батюшка Афанасий во время наших занятий зачем-то вышел, а больше никого рядом не было, я попробовала спеть сама. Взбежала на клирос, и, подняв голову к куполу церкви, запела "Лето придёт во сне", или как мы ещё называли эту песню —

медвежья колыбельная. Она была очень грустной, в ней рассказывалось про мишку, проснувшегося посреди зимы, про то, как ему одиноко и холодно, как он не может понять, что случилось с миром.

Песню эту пела мне мама перед сном, часто я даже отказывалась засыпать, пока не услышу медвежью колыбельную. Сама я тоже любила иногда мурлыкать её вполголоса.

Но сейчас, в церкви, голос мой полился чисто и звонко, и полетел вверх, и вернулся оттуда прозрачным эхом. Это привело меня в такой восторг, что я спела колыбельную два раза подряд, и начала петь третий, когда заметила, что в дверях стоит батюшка Афанасий и слушает меня, прикрыв глаза. Замолчав на полуслове, я втянула голову в плечи, спрыгнула с клироса, и затрусила к своему месту возле раскрытой Библии.

Батюшка подошёл, погладил меня по голове, и непонятно вздохнул. В тот раз он ничего не сказал, и никак не прокомментировал мои певческие способности. Но полгода спустя, когда наша группа учила воскресную службу, Агафья предложила мне стать одной из певчих, и я не вижу на то какой-то другой причины, кроме протекции батюшки Афанасия.

Всё это я рассказала девочкам, и вопросительно посмотрела на Зину — довольна? Та пожала плечами.

— Странно, ты хорошо поёшь, а никак это не используешь.

— А как она может это использовать? — спросила со своей кровати Яринка.

— Ну, попроситься в церковный хор, петь не только на воскресную службу, а всегда.

— На кой чёрт? — фыркнула я, и Настуся, до этого лежавшая неподвижно, укоризненно глянула на меня.

Зина возвела глаза к потолку, но терпеливо объяснила:

— Ты можешь получить работу. Стать певчей в хоре, и не здесь, а в городе. А там глядишь, тебя заметит какой-нибудь мужчина и возьмёт замуж.

Внизу Яринка тихо буркнула что-то очень похожее на "задница", чем снова заставила переживать Настусю. А я подумала над словами Зины. Хочу ли я петь в церковном хоре? Петь мне нравилось, но не то, что заставляли учить в церкви — бессмысленный набор непонятных исковерканных слов. "Иисус воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав" — что это вообще? Как можно подарить живот, и зачем он тем, кто "во гробех"? Я пробовала спрашивать об этом у батюшки Афанасия, но он пустился в такие путанные и долгие объяснения, что я зареклась больше заикаться на эту тему. Живот так живот.

То ли дело медвежья колыбельная. Её поёшь и как живого видишь тощего бурого мишку, растерянного бродящего среди сугробов, и не понимающего, куда подевались трава и цветы, вкусные ягоды и пчёлы, несущие ароматный мёд? И жалко его, и хочется чем-то помочь, а голос от жалости делается тонким и звенящим, и летит ещё выше, особенно когда заводишь припев:

— Просто ложись и спи, лето во сне придёт...

Только разве позволят мне во время службы петь про медведя?

— Да ну, — отмахнулась я от Зининого предложения, — Это что, я буду как наши певчие, постоянно ходить в платке и с кислой рожей? Не хочу.

Зина махнула на меня рукой, и полезла под одеяло. Настуся последовала её примеру. Я же свесилась с кровати, и, глянув на Яринку, многозначительно кивнула в сторону двери — "Пойдём, договорим?". Но Яринка с сожалением кивнула на часы. Впрочем, это нас не остановило. Под подушкой у каждой хранился блокнотик с ручкой, как раз для таких

случаев. И мы принялись писать и передавать друг другу записки, в свете крошечных ночников, висящих над постелями. И ещё до того, как Агафья прошла по дортуарам, веля всем гасить свет, план завтрашней ночной вылазки был готов.

Из комнаты Агафьи донёлся могучий всхрап и Яринка шепотом запела:

— Нас крылом огородив, добрый ангел сны принёс...

С трудом сдержав рвущийся хохот, я пихнула её локтем в бок. Босиком, с распущенными волосами, держа обувь в руках, мы выбрались на лестницу и, переглянувшись, беззвучно засмеялись.

Весь день я нервничала и переживала, думая о предстоящей афере, и Яринка, судя по непривычной молчаливости тоже. Но зато когда время пришло, нами обеими овладело дурацкое веселье. С трудом мы дождались полуночи, по очереди дежуря на подоконнике и следя за охраной. Охранники делали обход территории раз в час. И когда после двенадцати они прошли под окнами в обратном направлении, мы начали собираться. Осторожно оделись, стараясь не шуршать одеждой, и настороженно поглядывая на наших соседок. Но те спали младенческим сном, и устроенной нами возни не слышали. Коридор мы миновали тоже благополучно, а на лестнице уже можно было и обуться.

— Вот Агафья храпака даёт, — хихикнула Яринка, застёгивая сандалии, — Если бы не знала, что это, подумала бы — собака рычит.

Я шикнула на неё, но сама не выдержала и тоже захихикала. Так, хихикая, мы и стали спускаться вниз. Двери, ведущие на другие этажи были закрыты, но учитывая то, что комнаты воспитателей находились у самых этих дверей, нам бы следовало вести себя потише. Однако странное, будоражащее кровь веселье, не позволяло этого сделать.

Вестибюль на первом этаже встретил нас прохладой и приглушённым на ночь светом. Распятый мозаичный Иисус укоризненно смотрел со стены. Я вспомнила, что потерпел от Яринки его близнец в корпусе мальчишек, и снова не сдержала смеха.

Входную дверь на ночь закрывали на массивный засов, хоть и не понятно от кого. Я потянула его на себя, но он оказался неожиданно тугим.

— Блин... не открывается.

— Ну-ка, — Яринка встала рядом со мной, — Раз, два, три!

Мы дёрнули одновременно, и засов неожиданно поддавшись, лязгнул так, что эхо отозвалось на лестнице. Испуганно переглянувшись, мы не сговариваясь, юркнули в приоткрывшуюся дверь, и тут же прижались к ней спинами, одновременно глянув вверх. Там, хищно нацелившись единственным глазом на крыльцо, висела камера.

Скользя вдоль стены, прячась в её тени, мы добрались до угла корпуса. Дальше оказалось ещё проще. По газонам, вдоль подстриженных кустов, служивших отличным укрытием, до прудика, а уже там — рукой подать деревья. Возле пруда мы задержались. Здесь предстояло миновать широкое открытое пространство, которое захватывала одна из камер, пусть и находящаяся в отдалении. Теперь всё зависело от того, насколько внимательна охрана.

Присев за скамейкой, мы набирались решимости для последнего рывка.

— Красиво как, — вдруг шепнула мне в ухо Яринка.

Она, подняв голову, смотрела в небо. Там висела половинка луны, по которой бежали рваные облака. В прорехи облаков тут и там выглядывали мерцающие звёзды.

— Ты никогда не выходила ночью?

— Нет, — Яринка повела взглядом вокруг, — Только в окно смотрела.

Я тоже огляделась. Такая привычная картина — школа, стадион, корпуса, деревья и дорожки между ними, сейчас, в уютном жёлтом свете фонарей, выглядели таинственно, почти волшебнно. Тихо, пусто. Я только сейчас поняла, что воздух вокруг заполняет стрёкот сверчков, а откуда-то издалека доносится странный низкий шум, в который вплетается ровный перестук.

— Что это? — я подняла палец.

Яринка прислушалась.

— Поезд идёт где-то.

— Поезд? Я раньше их не слышала.

— Я тоже, — подруга пожала плечами, — Днём их не слышно наверно из-за другого шума. Тут и шоссе из города недалеко.

Я не стала уточнять, что не слышала поездов не только днём, а вообще. Маслята находились слишком глубоко в тайге, где на десятки, а может и сотни километров вокруг не проходили железные дороги. Конечно, поезда мне не раз доводилось видеть в кино, но там они звучали совсем по-другому. Сейчас же звук поезда, постепенно затихающий вдаль, почему-то вселил в моё сердце странную тоску. Я прислушивалась, пока Яринка не нарушила затянувшееся молчание.

— Ну что, рванули?

— А? А... давай. На раз-два-три.

Уповая на то, что у охранников в их караулке есть занятия поинтереснее, чем неотрывно пялиться в мониторы, мы кинулись к деревьям с такой скоростью, на какую только были способны. Я успела увидеть, как в неподвижной воде прудика не отставая от нас, мчится половинка луны, как отсвет фонарей играет на огненных волосах бегущей рядом подруги, а потом деревья и кусты надвинулись на нас, окружив спасительной темнотой.

— Есть! — азартно шепнула я, прижимаясь к стволу сосны.

— Погоди радоваться, — Яринка настороженно оглянулась, — Если кто нас видел, сейчас прибегут.

— Не прибегут, — как всегда близость леса и свободы будоражили мою кровь и о плохом не думалось, — Пошли!

Я привычно заскользила между деревьями, Яринка двинулась за мной. Луна просвечивала сквозь ветви и листья, её свет пятнами и полосами ложился на траву, и полной темноты не было. Забор тоже белел впереди отражённым лунным светом.

— Вот здесь, — сказала я, останавливаясь, — Сейчас смотри, как лезу я, и лезь следом.

Может, у Яринки и не было такого богатого опыта лазанья по деревьям, как у меня, но она не сплеховала, и прыгнула на землю по ту сторону забора почти сразу за мной. Спрыгнула, выпрямилась и огляделась.

— Ну вот, — с гордостью произнесла я, поведя вокруг рукой, — Мой лес.

В лунном свете было видно, как трепещут Яринкины ресницы, а ноздри возбуждённо раздуваются, втягивая запах сосновой коры, мха, свежесть ночной росы.

— Кру-у-уто! — наконец выдохнула она, — Куда теперь?

— Гулять, — беззаботно отозвалась я, и направилась прочь от забора.

Здесь деревья росли куда гуще, чем на территории приюта, луна почти не пробивалась сквозь ветви и листья, поэтому идти приходилось медленнее. Но и торопиться было некуда. Я впереди, Яринка за мной, мы осторожно двигались между стволов, не слыша ничего,

кроме шороха травы под ногами. Оглядываясь, я видела, как подруга трогает кору деревьев, словно хочет удостовериться в их реальности. Меня саму не покидало ощущение не то сна, не то воспоминаний о тайге. И усиливая эти ощущения, добавляя в них нотку непонятной щемящей тоски, вдали снова застучал колёсам поезд.

И пусть шла я без цели, но в итоге ноги сами привели меня к поваленной сосне. Мы присели на её ствол. Мои глаза уже привыкли к темноте, и теперь я любовалась ночным лесом, мазками лунного света среди веток, и переплетением ночных теней.

— Странно, — тихонько сказала рядом Яринка, — Я всегда думала, что ночью в лесу страшно, а тут наоборот хорошо.

Я понимала, что она имеет в виду. Окружающая нас темнота не была враждебной, таящей опасность. Напротив, она укрывала нас, отгораживала от остального мира, так что создавалась иллюзия полной безопасности. Приют с его правилами и вечной угрозой наказания в случае не соблюдения этих правил, отсюда казался почти несуществующим.

Яринка вдруг вскочила, отбежала в сторону, и упала на траву, разбросав в стороны руки-ноги. Тихонько засмеялась.

— Иди сюда!

Я поднялась, приблизилась к подруге, но замерла в нерешительности. Если сейчас замараю платье, завтра у Агафьи могут возникнуть неудобные вопросы. Грязное платье в её понимании — повод не только для наказания, но и для тщательного расследования того, каким образом девочка могла испачкаться. Ведь девочка не должна попадать в места и ситуации, где подобное может с ней произойти.

Яринка нетерпеливо хлопнула ладонью по земле рядом с собой, и я снова почувствовала злость на себя. В кого я здесь превращаюсь? Как там Дэн сказал "очередная безвольная кукла"? Она самая! Как далеко заведёт меня стремление слушаться и хорошо себя вести?

Решительно плюхнувшись в траву, не обращая внимания на сразу намокшее от ночной росы платье, я вытянулась рядом с Яринкой, которая тут же нащупала и сжала мою ладонь. Так мы и лежали довольно долго, молча глядя на раскачивающиеся над нами верхушки сосен, растворяясь в ночной тишине и ощущении свободы.

Яринка первой нарушила тишину.

— Вот бы остаться здесь жить. Построить шалаш... только ты и я, и никаких воспитателей, никакой школы.

Я мысленно согласилась, но с одной поправкой. Чтобы с нами был ещё Дэн.

— Мама тоже сейчас в лесу, — совсем тихо добавила Яринка.

— Как в лесу? — не поняла я.

— Она самоубийца. Её похоронили не на кладбище, а за оградой. Прямо в лесу. А так даже лучше, красивее там. И тихо-тихо...

— Ты была на похоронах? — обычно мы старались не заговаривать о прошлом, ничего кроме тоски это не приносило, поэтому подробности Яринкиной жизни до приюта, я знала плохо.

— Да, меня соседка отвела. Отец не пошёл, и меня не хотел пускать, — Яринкин голос задрожал от обиды, — Но соседка сказала, что это грех — не дать ребёнку попрощаться с матерью. Тогда он заткнулся. Нагрешить, блин, побоялся. А что сам маму довёл...

Я успокаивающе сжала Яринкину ладонь, и она, судорожно вздохнув, замолчала. Чтобы нарушить тяжёлую тишину, я спросила:

— Ты больше у мамы не была?

Подруга покачала головой.

— Нет. Меня отец быстро сюда сплавил. Я даже мамино письмо не успела забрать из-под подоконника. Хоть бы он его не нашёл, не хочу, чтобы трогал своими лапами, — Яринка вдруг резко повернула ко мне голову, волосы метнулись по траве, — Дайка, я же тебе не рассказывала, что мне мама писала?

— Нет.

Подруга снова уставилась в небо, и вдруг заговорила тихим ровным голосом:

— Доченька, солнышко, рыжик мой золотой, не обижайся и не грусти. Я оказалась слабее, чем думала, прости меня. Постарайся стать счастливой несмотря ни на что, это трудная задача, но ты всё-таки сумей. Помни о том, о чём мы мечтали. Всё, что я тебе рассказывала про волшебные страны — правда. Жаль, что у нас оказалось так мало времени, и я не смогу отправиться туда с тобой, но ты справишься. Будь осторожна, не сдавайся и не останавливайся. Счастливого пути! Люблю. Мама.

Яринка замолчала. Я тоже не знала, что сказать. В глазах щипало от жалости и к ней, и к себе. И в то же время я испытала острое чувство deja-vu. Что-то в этих словах казалось очень знакомым, совсем недавно я слышала нечто похожее... Похожее не словами, но вызванными эмоциями. Дэн? На этом же месте Дэн говорил про свою семью. Он говорил другое и по-другому, но, слушая его, я испытывала похожие чувства.

— Яринка, — тихонько начала я, ещё не зная, как правильно выразить свои мысли, — А что за волшебные страны?

— Ну, это, помнишь, я тебе говорила? Как мы мечтали убежать от отца? Вот мама и рассказывала про страны за Занавесом, где всё можно, не как здесь. Что туда реально попасть, только очень опасно. Но мы попробуем, когда я подрасту.

Чувство deja-vu не исчезало. И тогда я задала вопрос, обращённый больше к себе, чем к подруге.

— Так твоя мама была *другая*?

И как ни странно, Яринка меня поняла. Может, сама думала о том же, а может просто уловила ход моих мыслей тем самым, почти телепатическим чутьём, которого не лишены все дети.

— Да, она не такая... не такая как все эти, остальные женщины. Её поэтому отец никогда не любил.

— А где? — я невольно перешла на шепот, — Где эти страны, про которые она говорила? Как называются?

Яринка покачала головой.

— Мама не рассказала, как они называются. Она говорила только "на западе".

На миг я закрыла глаза и ясно увидела прорезающие тьму, шарящие по земле, очень яркие, но какие-то мёртвые лучи прожекторов. Услышала гул винтов вертолёта, на клочья разрывающих тишину ночной тайги. И услышала горячий мамин шепот в самое ухо "Запад, беги на запад".

Мама, так ты имела в виду не сторону света?

Яринка рядом тихонько ойкнула, я поняла, что слишком сильно сжала её руку, но не нашла сил извиниться. Вместо этого сказала:

— Значит, нас не двое, а трое.

— Что? — не поняла подруга.

— Нас трое в этом долбанном загоне, — в моей памяти ожили, и заиграли новым смыслом слова Дэна.

Яринка пребывала в недоумении.

— Да кого трое? В каком загоне?

Я перекатилась на бок, поворачиваясь к ней лицом. И пересказала наш с Дэном разговор, всё то, о чём умалчивала до этого. Не потому, что не доверяла подруге, а потому, что сама до конца не понимала. Теперь, кажется, поняла.

Яринка выслушала, не перебивая, вперив неподвижный взгляд в небо. А когда я закончила, грустно сказала, подытоживая:

— Да, всё верно, мама была *другая*. Она не хотела жить так, как живут все, не могла стать счастливой. И наверно ещё много чего мне рассказала, если бы так рано не умерла.

— Значит и твоя, и моя мамы, хотели, чтобы мы убежали на запад?

— Кажется, да.

— Но как?

Яринка помолчала и рассудила по-взрослому.

— Дайка, пока рано об этом думать. Сейчас мы ничего не сможем. Надо немного вырасти. Хотя бы как твой Дэн.

Я согласна кивнула и опять легла на спину.

Вновь издалека долетел ровный стук колёс невидимого поезда. И больше он не казался мне тоскливым, пожалуй, чуть тревожным, но в то же время зовущим. Дальние дороги лежали там, за пределами нашей однообразной жизни. И если раньше они для меня были абстрактными, плоскими и безжизненными, как тусклые иконы, висящие в церкви, то теперь обрели объём и краски, стали *настоящими*. Не просто факт существующий отдельно от меня. Сейчас эти дороги куда-то вели. И по ним можно было пойти.

Яринка молчала, видимо тоже привыкая к новой картине мира. И так в тишине, мы лежали долго, звёзды над нами заметно сместились по небу, а луна начала опускаться за деревья. Наконец, Яринка заговорила, но уже совсем на другую тему:

— Как думаешь, что там?

— Где? — не поняла я, но покосившись на подругу и увидев отблески лунного света в её устремлённых вверх глазах, догадалась, — На небе?

— Ну да, — Яринкин голос звучал почти сонно, — Это ведь ерунда, что там ангелы и бог? Мама рассказывала — люди туда летали. Совсем высоко, за облака.

Я удивлённо помолчала. Раньше мы никогда не разговаривали на эту тему, но мне казалось, что подруга должна быть осведомлённее.

— Яринка, там космос. Разве вас в школе не учили?

— Да, говорили, что безвоздушное пространство. И что туда нельзя. Но ведь люди летали... были машины...

— Были, — подтвердила я, — А где-то и сейчас есть. И там люди летают в космос до сих пор. А может, и у нас летают, просто об этом не рассказывают.

— Папа говорил, что это грех, — при упоминании об отце, Яринка непроизвольно стиснула мою руку, и я поморщилась от боли, — Что из-за этого были все беды и войны, что люди всегда лезут туда куда нельзя. А почему нельзя?

Я пожалала плечами. Мне такого никто не говорил. Родители рассказывали про планеты и созвездия, учили определять по звёздам стороны света. Были ночи, когда мы дружно сидели на крыше, и смотрели на небо в папин охотничий бинокль. И только здесь я услышала, что в

небе есть ещё Бог со своими ангелами и архангелами, есть люди, которые умерли, и более того — я сама отправлюсь туда же, при условии, конечно, хорошего поведения. Поверить в такое я не смогла, но сделать вид, что поверила — вполне.

— А почему тогда, — продолжала размышлять вслух Яринка, — если люди из других стран летают в космос, их бог не наказывает?

— Наказывает же, — фыркнула я, — Помнишь, что Агафья говорила? У них там геи и блуд.

— Хочу туда где блуд, и геи летают в небо! — Яринка тихонько засмеялась, но вдруг осеклась, глухо замолчав. Я испугалась, что она может заплакать, и быстро сказала первое, что пришло в голову:

— Когда-то Русь называлась по-другому. Не помню. Так вот люди из этой страны, которая была вместо Руси, самые первые полетели в космос. Тогда ещё никто не летал, только они.

— И Патриарх разрешал?

— Тогда не было патриарха. Главным был царь... ой, нет... президент? Нет. Не помню в общем, но Патриарха не было, а тот, кто был, не запрещал летать. Разве тебе никто это не рассказывал?

— Про времена безбожья? — Яринка фыркнула, — Отец говорил, как же. Что раньше был сплошной разврат и грехопадение.

— Греха тоже не было. То есть не верил никто в Бога и грехи.

— Ну, так это и есть грехопадение, — снисходительно пояснила Яринка, — Когда не верят. А во что верили?

Я напрягла память, по крохам собирая всё, что когда-то слышала о прошлом Руси. А вспомнив, уверено сказала:

— Верили только в науку.

— Что, и молились науке?

— Нет, науке не молились, а грызли...

— Грызли?! — даже в темноте стало видно, какими огромными стали Яринкины глаза.

— Да не перебивай! Не по-настоящему грызли, конечно, а просто так говорили. Грызть науку. Узнавать её значит. И ещё! Девчонки и мальчишки учились вместе.

— Вместе? В одной группе и мальчики и девочки?

— Ага.

— Фигня какая-то. Это что — мальчики тоже учились домоводству, а девочки военному делу?

Я пожала плечами.

— Про это не знаю.

— Наверно тогда было интереснее, чем... — начала Яринка, и вдруг тихонько охнула. Небо над нами рассёк яркий росчерк падучей звезды. И почти сразу, чуть в стороне — ещё один. И секунду спустя — ещё!

— Звездопад! — я рывком села в траве, откуда-то издалека пришло воспоминание — такая же ночь на исходе лета, мой папа на крыше, и оброненное им странное слово "персеиды". Но из всех папиных объяснений я тогда поняла только то, что в августе с неба всегда падают звёзды.

И они падали. То здесь, то там, через промежутки в несколько секунд небо роняло по

одной, а то и сразу по две звезды. Яринка восторженно взвизгивала, продолжая сжимать мою ладонь. А я вспомнила ещё кое-что.

— Ярин! Желание! Загадывай желание!

— Ой, точно! Нет, подожди!

— Что?

— Если загадать вдвоём? Как думаешь, получится сильнее?

Прямо над нашими головами вспыхнула, начала и тут же завершила короткий полёт очередная падучая звезда.

— Вдвоём? Да, я думаю да!

— Давай загадаем, — Яринка тоже села, — Чтобы нам не потерять друг друга. Никогда! Чтобы когда вырастем всё равно вместе? До конца?

— Давай! Сейчас звезда полетит, и сразу загадываем!

Забегая вперёд, скажу, что это двойное желание, загаданное одиннадцатилетней нашей августовской ночью, сбылось. Именно так — до конца.

Глава 4

Крик сойки.

Если бог и сидел где-то на небе выше космоса, то он проявил благосклонность ко мне и Яринке. Ничто и никто не помешало нам вернуться в дортуар, и лечь досыпать остаток ночи.

До утра я плавала среди звезд, медленно падающих в густые кроны сосен, и когда Яринка холодными пальцами ухватила меня за пятку, громко взвизгнула и чертыхнулась, вызвав смех подруги.

— Вставай, заплетаться пора. Ты даже будильника не слышишь.

Я высунулась из-под одеяла, оглядела комнату с трудом открывшимися глазами. Зина и Настуся уже оделись и заправляли постели. Настуся поймала мой взгляд и укоризненно покачала головой, недовольная моим недавним поминанием чёрта. Яринка пританцовывала от нетерпения, встряхивая взлохмаченными кудрями и воинственно потрясая расчёской. Ой, ну как мне уже надоела эта игра в "Кто быстрее заплетётся"!

Спрыгнув на пол, я обречённо поплелась к уже поставленному подругой посреди дортуара стулу, плюхнулась на него, и взвыла от боли — так рьяно Яринка взялась за мои волосы. Воспользовавшись поднятым шумом, подруга наклонилась и шепнула мне на ухо:

— Никто ничего не слышал и не видел. Девчонки всю ночь спали, Агафья тоже, а то бы уже прибежала.

Я облегчённо кивнула. Повезло, да ещё как! Прошедшая ночь до сих пор напоминала о себе приятным гудением в мышцах, кожа хранила прикосновение ночной росы и прохладное дыхание ветерка, а волосы пахли травой. Поддаваясь радостному порыву, я оглянулась на Яринку, и встретила её счастливый взгляд. Мы подмигнули друг другу, и были сегодня так довольны собой, что ничуть не расстроились, когда Зина и Настуся заплелись первыми и дружно показали нам языки.

Но дальше всё пошло не так гладко. Собирая сумку в школу, Яринка вдруг обречённо застонала и плюхнулась на кровать, обхватив голову руками.

— Ты чего? — испугалась я.

— Юбка! — подруга выхватила из-под кровати помятый лоскут ткани, с торчащими из него нитками, и яростно потрясла перед собой, — Я так и не дошила проклятую юбку, а мне

её сегодня сдавать!

Я сочувственно вздохнула. Наша преподавательница по рукоделию, женщина непреклонная, была свято убеждена в том, что каждой девочке природой дано умение шить-вязать-вышивать-плести, а любые неуспехи на этом поприще, объясняются исключительно ленью.

— Теперь мне точно придётся каждый вечер ходить на продлёнку, — продолжала страдать Яринка, нещадно комкая недошитую юбку, виновницу своих несчастий.

— Ничего страшного, — вдруг строго оборвала её Настуся, — Я вот сама вызвалась ходить, это очень интересно. Варвара Петровна на продлёнке показывает то, чего нет на основных уроках. Вот, смотри...

Настуся выдернула из шкафа и встряхнула перед собой какую-то цветастую вещицу. Вещицей оказался сарафан, причём весьма симпатичный, с ярким пояском и тесёмочками на коротких рукавах.

— Я его сшила всего за четыре продлёнки, — похвасталась Настуся, — А материалы и выкройку мне Варвара Петровна дала, она всегда помогает, если просишь.

— погоди, — Яринка нацелилась на Настусю как стрелка компаса на север, — Так ты хорошо шьёшь?

Та скромно потупилась, но ответила не без гордости:

— Варвара Петровна говорит, что я очень старательная и усидчивая, и если буду...

— Да погоди ты с Варварой Петровной, — бесцеремонно перебила Яринка, — Мне юбку дошить сможешь? Тут немного осталось. А я тебе буду месяц десерт с обедов отдавать?

Настуся аккуратно сложила сарафан и твёрдо ответила:

— Нет.

— Да почему нет? — зачастила Яринка, цепляясь за ускользающий шанс, — Это же простая юбка, для тебя это тьфу, за вечер управишься. Хочешь, два месяца десерт буду отдавать?

— Не в этом дело, — в голосе Настуси зазвучало непривычная твёрдость, — Если я сошью тебе юбку, ты не попадёшь на продлёнку к Варваре Петровне, и многому не научишься.

Яринка застыла с раскрытым ртом, а Настуся, сунув сарафан в шкаф, решительно вышла из дортуара.

Кое-как справившись с оторопью, Яринка доверительно поделилась:

— Иногда мне хочется её убить — слишком правильная для этого мира.

— Не держи на неё зла, — вступилась за подругу Зина, — Она действительно тебе добра желает. Ведь учиться шить всё равно придётся, Варвара от тебя не отстанет. Я тоже долго мучилась, а сейчас ничего.

Яринка развернулась к ней всем корпусом, но Зина опередила её, торопливо сказав:

— Я сладкое не люблю. И то, что я научилась шить, не значит, что мне нравится это делать.

Когда и она вслед за Настусей отправилась на завтрак, Яринка в сердцах запустила недошитой юбкой в стену.

— У-у, гадина! — адресовался этот нелестный эпитет несчастной юбке или Варваре Петровне, я не поняла, но попыталась утешить подругу.

— Тебе юбку сегодня сдавать. Даже если бы Зина или Настуся согласились помочь, они бы уже не успели.

Буркнув себе под нос что-то явно очень грубое, Яринка подняла юбку с пола и принялась ожесточённо запихивать в школьную сумку. Но потом вдруг замерла, просветлела лицом и повернулась ко мне.

— Ладно, чёрт с ней, с продлёнкой, ведь в лес мы будем ходить только ночью? Пошли завтра снова?

На миг в Яринкиных глазах я ясно увидела звёзды, падающие сквозь пушистые еловые лапы, и потянулась к ним всей душой. Но тут же словно одна из этих лап хлестнула меня по лицу, возвращая в дортуар.

— Нет. Нельзя, слишком опасно так часто...

Яринка возвела глаза к потолку.

— Да чем опасно-то?! Увидят, поймают? Ну и что? Не убьют ведь. Ну, получим розги в крайнем случае. Переживём.

— Розги-то переживём, а что дальше, подумала? Деревья спилят у забора, и мы больше не сможем никогда ходить в лес, — пояснила я, а мысленно добавила "И мне будет негде встречаться с Дэном".

Яринка поникла — поняла. Я тоже её понимала. Свобода, даже такая кратковременная и иллюзорная, пьянит. Потом ещё труднее возвращаться к унылой повседневности, и только сильнее тянет вырваться из неё. А такая волшебная ночь, как вчерашняя, даже меня, уже привыкшую к регулярным побегам, теперь надолго выбила из колеи. Что уж говорить о Яринке, только-только впервые вдохнувшей свободы, а теперь снова вынужденной вернуться в клетку.

Я поспешила её утешить.

— Я не говорю, что мы не будем убегать в лес совсем. Просто это надо делать редко, и придумать что-то похожее на правду, на случай если нас поймают.

Яринка энергично закивала.

— Я придумаю. Я такое придумаю, что не только комар, сама Агафья носа не подточит.

Кажется, нам обеим представилась Агафья с длинным комариным носом, потому что мы глянули друг на друга и прыснули со смеху.

К сожалению худшие Яринкины опасения оправдались. Первое, что сделала Варвара Петровна, начиная урок рукоделия, это сказала:

— Напоминаю, что сегодня последний день, когда я принимаю задание с прошлого месяца. Кто ещё не сдал юбки — сдавайте. Оценки получите на следующем уроке.

Поднялись три ученицы, понесли к учительскому столу аккуратные свёртки. Я покосилась на Яринку, сидящую слева от меня через проход, но она как будто примёрзла к стулу.

— Это всё? — Варвара Петровна подняла глаза на класс, — Все сдали?

Раздался унылый Яринкин вздох, и я увидела, как она встаёт из-за парты.

— Я не сдала...

Брови преподавательницы поднялись над тонкой дужкой очков:

— Чего же ты в таком случае ждёшь?

— Я... моё задание не готово.

Варвара Петровна посуровела.

— И почему же ты не потрудились его выполнить?

— Я потрудилась, сударыня, — забормотала Яринка, — Я очень трудилась, я несколько

раз начинала сначала, перешивала... но у меня не получается.

— Глупости! — преподавательница требовательно протянула руку, — Дай мне то, что вышло в итоге.

Мятая недошитая юбка с торчащими нитками, которую Яринка поспешно извлекала из сумки, выглядела жалко. По классу пронеслись смешки.

Чем дальше Варвара Петровна разглядывала неудачный результат Яринкиных стараний, тем мрачнее становилось её лицо, а лицо самой Яринки постепенно приближалось по цвету к её волосам.

— У тебя было две недели, — наконец горько изрекла преподавательница, — И за две недели ты не смогла сшить простую прямую юбку! Что же будет, когда мы дойдём до юбок — колоколов, юбок — клёш, юбок — солнце? Сядь на место и заberi этот позор.

Яринка поплелась к парте, а Варвара Петровна добавила, глядя в её ссутуленную спину: — Думаю, тебе пойдёт на пользу, позаниматься со мной дополнительно. Начнём с понедельника, Агафью Викторовну я поставлю в известность, — она повысила голос, — А теперь все достаём пяльцы, сегодня будем вышивать крестиком вот эту... что тебе ещё, Ярина?

Яринка, которая уже села на место, тянула руку вверх.

— Варвара Петровна, а можно спросить?

— Ну, спрашивай.

— Почему в церковь певчими берут только тех, у кого талант, а шить должны хорошо все? А если таланта нет?

Варвара Петровна растеряно мигнула. Класс притих.

— Потому что для умения шить талант не нужен. Нужно трудолюбие и усидчивость. Чего у тебя нет, Ярина.

Яринка упрямо тряхнула косичками.

— Знаете, сколько я над этой юбкой сидела? Каждый вечер. А как старалась? У меня не получается, потому что нет таланта.

Варвара Петровна снисходительно улыбнулась.

— Ярина, вот увидишь, как только ты походишь ко мне на дополнительные занятия, талант появится как по волшебству. И тебе самой будет смешно, что раньше ты не могла сшить прямую юбку.

Глаза Яринки прищурились, стали зеленее чем обычно.

— Хорошо, Варвара Петровна, может талант для шитья и не нужен, но если и желания нет?

Улыбка сползла с лица преподавательницы.

— Что, прости?

Я сверлила взглядом Яринкину покрасневшую щеку, пытаясь мысленно передать ей одно единственное слово "Молчи, молчи, молчи!"

— Если я не хочу уметь шить?

Ой, мама...

— Что значит — не хочу? — Варвара Петровна тоже покраснела, — Есть такое понятие, как надо. И каждая женщина должна уметь шить, готовить, содержать дом в порядке и уюте, быть прилежной хозяйкой...

— Ну, какой дом, Варвара Петровна? — перебила преподавательницу Яринка, презрев все правила школьного этикета — Какой у меня может быть дом? Вы же знаете про мою

маму? Кто возьмёт замуж дочь такой женщины? Я пойду на производство, и у меня не будет ни денег, ни времени на рукоделие. Зачем же учиться?

В классе воцарилась тяжёлая тишина — Яринка задела запретную тему. Разумеется, преподаватели и воспитатели знали грехи наших родителей, знали и по какой причине оказался в приюте тот или иной ребёнок, но никогда не говорили об этом. Старательно делали вид, что приют — обычная школа, а дети в нём — обычные дети. Напоминать себе, что у этих детей нет будущего, взрослые избегали.

А Яринка напонила.

Варвара Петровна суетливо сняла очки, глянула поверх голов, кашлянула.

— Не нужно так думать, — даже голос преподавательницы стал другим, почти виноватым, — Бог милостив, всегда стоит надеяться на лучшее.

— Надейся на лучшее, готовься к худшему, — дерзко парировала Яринка.

Очки вернулись на нос Варвары Петровны, и сквозь них она строго взглянула на мою подругу.

— Пути Господни неисповедимы. Не впадай в грех гордыни, считая, что можешь знать что-то наперёд. И раз уж мы заговорили об этом, то в интересах каждой из вас, учиться как можно лучше. Прилежной, кропотливой, и хозяйственной девушке прощаются многие недостатки. И мой учительский долг — дать вам как можно больше знаний и умений. Поэтому! — Варвара Петровна повысила голос, заметив, что Яринка собирается что-то возразить, — Поэтому, Ярина, учитывая твой запущенный случай, я считаю, что нам не стоит откладывать его исправление до понедельника. Сегодня вечером после полдника жду тебя здесь на дополнительное занятие. Так же не будем делать исключение для субботы и воскресенья.

— Ну чего ты умничать начала? — выговаривала я подруге на перемене, — Кто тебя за язык тянул? Теперь Варвара от тебя не отвяжется, пока не будешь шить и вязать, как... как... да как она сама!

— Ой, без тебя тошно, — огрызнулась Яринка, — Ещё посмотрим, кто первый от этих занятий устанет. Я ей такого нашью!

Своё обещание Яринка сдержала. К вечеру воскресенья её пальцы были исколоты так, что шить она уже не могла. О чём довольно сообщила, вернувшись с продлёнки, и демонстрируя мне опухшие подушечки.

— Уж я их тыкала, тыкала! Варвара сказала, чтобы я ей на глаза не попадалась, пока пальцы не заживут. Так что завтра я смогу отвлекать Агафью, пока ты гуляешь в лесу с Дэном.

Я ещё не пришла в себя от вида кровоточащих пальцев Яринки, но последнее предложение повергло меня в ужас.

— Нет! Ты же не собираешься выкинуть что-то такое, как в прошлый раз?

— Такое же — нет, конечно. Надо что-то новое придумать.

— Не надо! — с перепугу я начала соображать быстрее обычного, — Я уже придумала!

— Да? — подозрительно спросила Яринка, — И что же?

— Если... если Агафья будет про меня спрашивать, ты прибежишь к забору и два раза крикнешь сойкой!

От неожиданности Яринка примолкла, но потом опасливо спросила:

— А как кричит сойка?

Я прикрыла глаза, воскрешая в памяти лесные звуки. Затем глубоко вдохнула и честно попыталась воспроизвести крик сойки.

Яринка попятилась.

— Ой... так громко?

— Да, сойки кричат громко, — важно заверила я, переводя дыхание, — А как же иначе мы с Дэном услышим тебя в лесу?

— Ясно, — к Яринке стремительно возвращался энтузиазм, — Вот так?

Дортуар огласился новым воплем. На этот раз попятилась я.

— Ну-у... похоже. Только надо визгливее...

Яринка вошла во вкус, изобразила подряд два крика сойки, набрала в грудь воздуха для третьего, но тут дверь распахнулась и на пороге возникла Зина с круглыми глазами.

— Это что? Это здесь?

— Это... я учу Ярину петь, — не придумала я ничего лучше, — А сейчас пойдём на улицу.

С трудом сдерживая смех, мы торопливо выскользнули из дортуара мимо ошарашенной Зиной, и устремились вниз по лестнице.

Таким образом, в понедельник, Яринка осталась гулять по территории приюта, следить за перемещениями Агафьи, и готовиться при малейшей необходимости пробраться к забору и закричать сойкой. А я встретила с Дэном возле нашего тайника. Снова было солнечно, тепло, и он снял школьный китель, постелив его на ствол поваленной сосны. Кивнул мне, приглашая садиться.

— Ну, привет, дитя бескрайних лесов. Как дела?

— Хорошо, — я осторожно присела рядом с ним, — А у тебя?

— Тоже норм. Только воспитатели достали с этим случаем... ну, у нас в вестибюле какой-то идиот мозаику с Иисусом разрисовал, слышала ведь? Как раз в тот день, когда мы виделись в прошлый раз.

— Слышала, — я торопливо опустила глаза, чтобы Дэн не заметил в них смешинку, — Так ведь и не нашли кто это сделал?

— Да как найдёшь? Кто угодно мог. Но трясли всех подряд.

Я изобразила сочувственный вздох. Дэн махнул рукой.

— Ладно, сейчас вроде успокоились. Ну что, пойдём стрелять, или просто погуляем?

— Давай наверно лучше гулять, — протянула я, а потом быстро, чтобы не дать себе времени на отступление, выпалила, — Дэн, мне нужно тебе признаться.

— Признаться? — Дэн поднял брови, — В чём?

Я помолчала, собираясь с мыслями. Все выходные мною обдумывались варианты того, как лучше покаяться Дэну в том, что я пересказала Яринке наш с ним разговор.

Нет, я ничуть не жалела, что разоткровенничалась с подругой. Она такая же, как я и Дэн, она тоже *другая*, она понимает, что вовсе не обязательно жить так, как жили мы до сих пор, как живут остальные. И я была уверена, что знай Дэн Яринку, он не стал бы ничего от неё скрывать. Но он не был знаком с Яринкой. И не давал мне разрешения кому-то пересказывать свои слова. Выбалтывать чужие секреты очень нехорошо, это я знала с пелёнок. А если уж выболтаешь, то потом нужно извиниться. Что я сейчас и сделала, путаясь в словах, и виновато повесив голову.

Дэн выслушал меня не перебивая. А когда я, наконец, замолчала и осмелилась поднять глаза, то увидела, что он тревожно хмурится.

— Дэн? Ты очень сердишься?

— Эх ты малявка, — нет, сердитым он не выглядел, только расстроенным, — Больше хоть никому не говорила?

— Нет! — поспешно заверила я, — И никому не скажу. Просто Яринка, она такая же, как мы, понимаешь? Ей можно.

— Яринка, это рыженькая? С которой вы всегда вместе ходите?

— Да! Она никому ничего не скажет.

— Я бы не был так уверен, — хмыкнул Дэн, а я затрясла головой.

— Нет! Она знаешь какая? Она... — я осеклась, но потом, мысленно махнув рукой (на семь бед один ответ!) продолжила, — Когда мы с тобой встречались в прошлый раз, это она у вас в корпусе Иисуса разрисовала. Чтобы всех отвлечь, чтобы не заметили, что нас нет.

Дэн округлил глаза, помолчал, переваривая новую информацию, а потом, совсем как я в тот вечер, начал хохотать. Да так, что сполз с поваленной сосны на землю. Кое-как выговорил:

— Ну, девочки... и ведь не подумаешь.

Я несмело улыбнулась, подождала пока Дэн переведёт дух, и спросила:

— Теперь ты видишь, что Яринке можно доверять? Она и сейчас нас страшует.

— Что? Опять так же?!

— Нет-нет! — я торопливо рассказала Дэну про крик сойки, чем вызвала у него новый приступ смеха.

— Да вам в разведке нужно служить. Правда соек я в этих местах что-то не припомню, ну да ладно. Скажи своей Яринке, что если её кто-то застанет за этими воплями, пусть говорит, будто видела птицу, которая так кричала, и хочет её приманить. В вашем возрасте такое простительно.

Я обрадовано закивала, слегка заискивая перед Дэном.

— Это здорово придумано. Так ты больше не сердишься?

— Да ну тебя совсем, — отмахнулся он, снова садясь на ствол, — Ты лучше расскажи, как вы сюда ночью ходили?

Я кивнула, выдержала паузу для важности, и начала рассказывать. Дэн слушал, не перебивая, лишь, когда я дошла до места, где мы с Яринкой лежим на траве и говорим про космическое прошлое Руси, он удивился:

— Откуда ты это знаешь?

— Нам дед Венедикт читал, — отмахнулась я, торопясь продолжить рассказ, но Дэн перебил.

— Подожди, Дайка. Кто такой дед Венедикт? И зачем он вам это рассказывал?

Я помолчала, переключаясь на другую тему, и пояснила:

— Дед Венедикт у нас в Маслятах был как бы учителем. Только здесь учителей столько, сколько и уроков, а дед Венедикт один всё знал.

— У вас там было что-то вроде школы? И историю преподавали?

— Нет. Да, — я беспомощно развела руками, — Просто взрослые всегда заняты, и детей днём отводили к старикам. Они нас учили читать, писать, рассказывали про всё. И про то, как раньше было тоже. Чаще дед Венедикт, но и другие были. Бабушка Сима больше с девочками занималась, а у бабушки Риты был компьютер, и она нам показывала, как с ним работать.

— У вас и компы там были? — впечатлился Дэн, — А где вы брали электричество?

Мне опять пришлось напрягать память.

— Ну... Из таких чёрных коробок. Их привозили из города.

— Коробок? Может, аккумуляторы? Ладно, не важно. И что вам ещё рассказывал дед Венедикт про прошлое?

— Всякое. Он там жил. Ещё когда были эти... времена безбожья.

— Что?! Ему сколько лет?

— Много, — я подумала и твёрдо добавила, — Сто.

— Сто? — Дэн недоверчиво уставился на меня, — Ты уверена?

— Да. Папа говорил "Дед Венедикт, тебе сто лет в обед, а ты детей электробритвой пугаешь".

Дэн захохотал, запрокинув голову.

Я подождала пока он успокоится, и подытожила:

— Вообще, я про это всё мало знаю, только то, что уже рассказала. Нам больше нравилось слушать про рыцарей, принцесс и драконов.

— Подожди, — улыбка слетела с лица Дэна, — Ваш дед Венедикт рассказывал, что раньше были драконы?

— Ну да, — я удивлённо посмотрела на него, — Были, совсем давно. Их скелеты и сейчас находят. Нас тут возили в музей, и я видела.

— А, динозавры! — Дэн с облегчением хлопнул себя по лбу, и задумчиво добавил, — Всё-таки как-то систематизировать учебный материал вам там не помешало бы.

Я хихикнула, потому что вспомнила, как однажды мой папа разговаривал с дедом Венедиктом о том, что детям нужно хоть какое-то подобие учебной программы, но тот лишь отмахивался. Тогда папа повернулся ко мне и спросил: "Мышка, что делают люди в море?" И я важно ответила, что они там плавают на подводных лодках и ходят на абордаж. Дед Венедикт затрясся от смеха, а папа, воздев руки к небу, снова начал доказывать ему, что нельзя безо всякой системы пичкать детей всем подряд.

Я собралась уже рассказать это Дэну, но решила отложить до другого раза. Куда больше мне сейчас хотелось довести до конца историю нашей с Яринкой ночной прогулки. На всякий случай, я немного подождала, не спросит ли меня Дэн ещё про что-нибудь, но он молчал.

— Так вот, — решила я, — А ещё мы видели звездопад. Звёзды вдруг начали падать часто-часто, и мы загадали желание. Ну а потом стало холодно, ещё больше росы выпало, и пришлось возвращаться. Платья мы почистили в туалете, утром погладили, и никто ничего не узнал.

— Шустры, — одобрил Дэн, — Только надеюсь, вы не собираетесь превратить это в привычку?

Я уклончиво повела плечом, но к счастью интерес Дэна переключился на другое.

— Дайка, скажи, вот вы с подружкой обсуждали то, как люди в космос летали, и бога с ангелами там нет. А тебе про это что говорили в вашей деревне?

Я помолчала, припоминая.

— Мы про бога почти и не разговаривали. Мама иногда говорила "о, господи", когда сердилась. Дед Венедикт рассказывал, что бога придумали в старину, чтобы пугать людей грехами. А папа как-то сказал, что существует высший разум, только он ничего никому не запрещает, потому что ему до нас дела нет.

— Ну а сама ты про это что думаешь? — Дэн сорвал травинку и теперь крутил её в

пальцах.

Я вспомнила бессонные ночи, которые бывают наверно у всех. Когда ты лежишь не шевелясь, смотришь в темноту, и гадаешь — зачем я? Откуда я? Где я была, пока не родилась? И где буду, когда умру? А всё остальное — зачем и откуда? А если всё-всё вдруг исчезнет, что останется? А что было, когда ещё ничего не было?

— Я? Мне кажется, что где-то... кто-то есть. Большой и самый главный. Но не такой, не тот, про кого рассказывают в Библии.

— А какой?

— Ну... такой, — я не знала, как выразить словами то, что чувствовала, поэтому встала и раскинула в сторону руки, — Вот такой, везде! Такой большой, что он никогда не станет делать того, о чём рассказывал батюшка Афанасий. Потому что оно слишком маленькое для него.

На этом поток моего красноречия иссяк, и я снова села.

Дэн спросил, тихо и осторожно, будто не хотел меня пугать:

— Так тебе не нравится то, что пишут в Библии. Почему?

— Потому что, — я привычно хотела подобрать слова помягче, но вспомнив, что говорю с Дэном, а не с батюшкой, и не с Агафьей, выпалила: — Потому что это чушь! Чушь свинячья!

Дэн обрадовано кивнул.

— Категорично. А что именно кажется тебе чушью?

— Ой, да много чего! Я даже спрашивала у батюшки Афанасия, только он от этого расстраивается, начинает что-то объяснять, но всё равно непонятно.

— Представляю, — согласился Дэн, — Про что ты у него спрашивала?

— Ну, например, зачем бог создал дерево с запретными плодами, если не хотел, чтобы Адам и Ева съели эти плоды? И почему не хотел, чтобы они их ели? Ведь это было дерево познания Добра и Зла, а что плохого в том, что Адам и Ева стали бы в этом разбираться? Батюшка сказал, что это было такое искушение, бог хотел проверить как Адам и Ева его слушаются. Но ведь бог всеведущ, разве он не мог просто посмотреть в будущее, чтобы увидеть, послушаются его или нет? И раз бог так хотел, чтобы люди были послушными, почему он не создал их сразу такими? Получается, сам ошибся, а их наказал?

— И что на это ответил батюшка?

— Что не надо понимать всё так буквально, что Библия это не документальный пересказ событий, а скорее... э... какое-то слово он сказал...

— Метафоры?

— Кажется да. А я спросила, почему тогда не писать так, как и надо понимать? Вот как в других учебниках, написано же понятно всё, ничего переспрашивать не надо. А в Библии и слова-то такие, что язык сломаешь.

— А он? — кажется, Дэн от души забавлялся.

— Ой, батюшка Афанасий начал бегать туда-сюда, что-то быстро говорить, говорить... Но я ничего не поняла. Потом ещё, позже спрашивала его про всемирный потоп, ведь Ной спас всех зверей по одной паре. Где потом нашли себе пары их детёныши? И вообще, зачем бог устроил всемирный потоп, он же разозлился на людей, а погибли ещё и все звери, и все птицы. И разве он не мог сделать, чтобы люди просто исчезли, а Ной с семьёй остался?

— А как он запихал всех зверей в ковчег? — поддразнил меня Дэн.

— Да! И как он взял зверей из других стран, которые за морем? Он, что, на ковчеге за

ними плавал ещё до потопа? А ещё — в начале Библии говорится, что сначала бог создал свет, а только на четвёртый день солнце. Откуда же был свет без солнца? И если был, то почему сейчас того света ночью нет?

— Ну-у..., — начал Дэн, но я перебила. Недоумение, накопившееся во мне за два года изучения божьего слова, давно искало выход, и теперь было трудно остановиться.

— Или вот ещё, когда бог создал Адама, он устроил ему смотр всех животных, чтобы Адам их назвал, так? И все кого создал бог прошли перед Адамом? Но как прошли рыбы? А всякие тюлени, киты, осьминоги? А ещё когда Ной уснул пьяный и голый, и его увидел Хам, и ржал над ним, Ной, когда проснулся, проклял не Хама, а почему-то его сына! А зачем бог велел Аврааму принести в жертву Исаака? Он его, конечно, остановил, но ведь это была очень глупая и злая шутка. Хотя Авраама мне и не жалко после того, как он выгнал в пустыню свою служанку, которая родила ему другого сына, и бог его за это даже не наказал.

Я сделала паузу, пытаюсь воскресить в памяти то, чего ещё не смогла понять из Библии.

— Потрясающе! — Дэн одобрительно похлопал меня по плечу, — Устами младенца глаголет истина. Вот что значит ребёнок, которого воспитывали вдали от всей этой зомбо-шутеры. Критическое мышление в действии. Так и надо детей растить!

Я улыбнулась от удовольствия и даже распрямила спину, потянувшись макушкой вверх, уж чем-чем, а похвалами меня тут баловали не часто. Поощрённая, я продолжила:

— И ещё вот чего не понимаю совсем. Пусть Ева ослушалась бога, съела плод, да ещё и Адама подговорила, она виновата. Но я-то здесь при чём?!

— А что ты? — удивился Дэн.

— Ну как это? Наша Агафья только и знает, что зудеть о первородном грехе, о том, что Ева согрешила, и теперь все женщины от рождения грешны. Поэтому они должны рожать с болью, и подчиняться мужчинам. И я тоже, конечно. Но ведь я-то не ела того яблока, почему я должна отвечать за Еву?

— А ты спрашивала об этом у вашей Агафьи?

Я сникла.

— Ага, у неё спросишь. Она чуть что — розгами. Вон как с Яринкой.

Я кратко поведала Дэну историю Яринкиного появления в приюте, и её неравной борьбы с местными правилами, которую она вела и проиграла.

— Тоже много спрашивала. За что бог наказал её маму, но не наказал отца, почему позволил довести её до греха и самоубийства, раз он такой добренький? Теперь не спрашивает.

— Я правильно понимаю, ваша Агафья та ещё стерва? — задумчиво спросил Дэн.

— Ой, — я закатила глаза, — Не то слово. А нам говорят "Воспитательница — ваша мама"! На фиг такую маму.

— А к тебе она как относиться?

— Да как ко всем. Никак точнее. Пока веду себя хорошо, не замечает. В прошлое воскресенье только без экскурсии оставила за разбитые коленки, но я только рада была.

— Вот что, Дайка, — Дэн перекинул одну ногу через ствол, садясь ко мне лицом, — Нам надо как можно лучше обезопасить наши встречи. Твоя Агафья не должна и мысли допускать, что с тобой что-то не так.

Я пожала плечами.

— Да она и не допускает. Я всегда её слушаюсь и учусь не плохо.

— Этого мало. Надо чтобы ты была у неё на хорошем счету, понимаешь? У неё есть

любимицы? У всех воспитателей есть.

Я призадумалась.

— Вроде нет. Она внимание обращает только на тех, кто в чём-то провинился. А остальные ей по боку.

— И всё-таки? — настаивал Дэн.

На этот раз я молчала дольше.

— Ну-у... разве что две-три девочки. Я не помню, чтобы она их хоть раз наказывала. Одна живёт в нашем дортуаре, Настуся.

— Отлично, — поощрил меня Дэн, — Подумай, за что к этой Настусе такое расположение?

— Да ни за что. Она просто такая... очень набожная. Дольше и чаще других молится, всё у неё только через "господи, благослови", да "господи, прости". В церкви вечно торчит.

— Вот! — Дэн поднял указательный палец, — Вот что тебе нужно — набожность.

— Ага, щас! — подскочила я, — Да я и так устала от этой церкви, ещё и по воскресеньям петь заставили!

Дэн насторожился.

— Ты поёшь в церкви?

— Ага. Угроздило как-то запеть при батюшке, вот до сих пор и пою.

— Так это же здорово! Полдела считай в кармане.

— Какие ещё полдела?

— Тебе самой нравится петь? — вкрадчиво спросила Дэн, и хоть я чуяла какой-то подвох, но врать не захотела.

— Да, петь я люблю.

— Вот! — снова поднял палец Дэн, — Значит, совместишь приятное с полезным. Подойди к своей Агафье, и скажи, что хочешь петь в церкви не только по воскресным службам, а всегда.

У меня пропал дар речи. Да что они, сговорились? То Зина ко мне с этим пением привязалась, теперь Дэн!

— Но я не хочу!

— Ты же любишь петь.

— Я другие песни люблю, а которые в церкви — нет. И вообще... — я не знала, как объяснить то, что меня очаровал только полёт собственного голоса под высоким церковным куполом, а не протяжные непонятные псалмы, которые теперь придётся учить.

— Дайка, — тихо и серьёзно попросил Дэн, — Пойми — надо. С твоим пением очень удачно получилось, теперь нужно лишь чуть-чуть проявить инициативу, и ты будешь уже не просто воспитанницей приюта, а почти что его сотрудником. На голову выше других и перед воспитателями, и перед батюшкой. У тебя будет не только безупречная репутация, но и разные поблажки.

— Ты откуда знаешь? — тоскливо спросила я, чувствуя, что не устою перед аргументами.

— Тут и знать нечего, — Дэн шутливо потянул меня за косичку, — Если батюшка Афанасий захотел, чтобы ты пела на воскресных службах, значит, ты действительно хорошо поёшь, абы кому это не доверят. Знаешь, как говорят про людей наделённых талантом? Что они поцелованы ангелом. А разве кто-то подумает про поцелованную ангелом девочку, что она способна на грубые нарушения дисциплины? Попросившись в певчие, ты покажешь

воспитательнице свою добродетель и стремление к богу, а это именно то, что нам сейчас нужно.

— Добродетель! — передразнила я, — А ты не думаешь, что Агафья может наоборот насторожиться, с чего бы это вдруг такая добродетель?

— Вряд ли. Вот если бы на твоём месте была твоя Ярина, или другая девочка, которая раньше хулиганила, тогда — да. Но за тобой-то косяков не числится?

Я вспомнила своё до сих пор безупречное поведение. И только Яринка, да теперь Дэн знают, что вызвано оно было отнюдь не добродетелью, а лишь надеждой увидеть родителей. Поэтому приходится признать, что план Дэна вполне может сработать. Незаметная девочка-сирота, ни в каких плохих поступках ранее не замеченная, поющая в церкви по воскресеньям, вдруг захотела петь там каждый день. Вызовет ли это у окружающих какие-то подозрения? Вряд ли.

— Ну, так что? — поторопил с решением Дэн.

— Ладно, — я обречённо махнула рукой, — Подойду завтра к Агафье.

— Умница, — Дэн погладил меня по голове, смутился, отдёргнул руку, и поднялся на ноги, — Давай теперь, постреляем? Хватит разговоров на сегодня.

Я обрадовано вскочила. Фиг с ним, с церковным пением, пока у меня есть капелька свободы! Но...

— Дэн, я про главное чуть не забыла сказать.

— Говори, малявка, — Дэн уже сидел на корточках, разбрасывая листву, прикрывающую наш тайник. Глядя, в его согнутую спину, я сказала:

— Моя и Яринкина мамы хотели, чтобы мы убежали на Запад.

Глава 5.

Белесый.

На следующий день, прежде чем идти к Агафье проситься петь в церкви, я решила провести небольшую разведку, и после ужина подошла к Нюре, девочке из группы тринадцатилеток, которая пела в церковном хоре вместе с взрослыми певчими.

Выслушав мои сбивчивые вопросы, Нюра покивала.

— Я слышала, как ты поёшь, очень неплохо. Думаю, батюшка Афанасий обрадуется. И в будущем тебе пойдёт плюсом такой опыт. Но ты должна понимать, что это всё не так просто.

— Что не просто? — опасливо спросила я.

— Ты наверно думаешь, что пришла на службу, спела и ушла? Нет. Это займёт гораздо больше времени — учёба, репетиции. А если будешь делать успехи, то станешь выезжать на выступления в другие церкви и храмы. Я уже ездила.

— Так это же хорошо?

— Конечно, хорошо. Моя мечта — попасть в хор при нашем монастыре, и остаться там.

— Ты хочешь стать монахиней? — изумилась я.

— Да, — просто ответила Нюра, — монахиней-хористкой.

Я потрясённо примолкла.

Наш приют основан при большом монастырском комплексе, хоть и находится чуть в стороне. Мы не видим за лесом его многочисленных куполов, зато по воскресеньям и праздникам прекрасно слышим многоголосый колокольный гул, в который вплетался и звон

колокола нашей приютской церкви. Воспитанники приюта обычно там не бывают, и очень редко выросшие здесь девушки принимают подстриг в этом монастыре.

Поэтому слова Нюры меня немало удивили. Не секрет, что все приютские девочки мечтают выйти замуж, чтобы получить фамилию мужа, а вместе с ней право иметь детей, наследовать собственность, и работать, если муж разрешит. В противном случае попадешь на производство, станешь вечной жительницей общежития, навсегда привязанной к одному рабочему месту. Но был и третий вариант — монастырь. Он мало кем рассматривался по причине труднодоступности. Чтобы стать монахиней девочка должна отличаться крайней набожностью, не иметь взысканий по поведению, и получать высшие отметки на таких предметах, как Слово Божье и Основы православной культуры. Но желающих податься в монахини наблюдалось мало не только поэтому. Жизнь послушницы монастыря, по слухам была ещё тяжелее и обделеннее, чем у работницы завода или фабрики. Постоянное соблюдение постов, бесконечные молитвы, тяжёлый труд, невозможность покидать пределы монастыря, всё это отпугивало самых искренне верующих девочек. Но главное — становясь монахиней, ты теряешь все шансы на замужество. А такая надежда оставалась даже на производстве, известны случаи, когда девушки-рабочие выходили замуж.

А вот Нюру оказывается ничто не пугало, и я невольно прониклась уважением к этой серьёзной девочке с мудрыми глазами. Вот только её слова о предстоящих трудностях, которые подстерегают меня в роли церковной певчей, настораживали. И к Агафье со своей просьбой я шла уже неохотно.

Агафья не удивилась моему желанию, молча выслушала, покивала. И отправила к батюшке Афанасию, велев передать от себя, что не имеет ничего против. А вот сам батюшка проявил куда больше эмоций, он радостно потирал руки, пока я сбивчиво излагала своё желание, а потом разразился речью о том, что бог, награждая кого-то тем или иным талантом, хочет, чтобы эти таланты были реализованы, и я, обучаясь церковному пению, буду исполнять волю господа. После чего мы оказались в небольшой комнатке за клиросом, где я никогда не была раньше, и даже не подозревала о её существовании. В комнатке стоял стол, стулья, и большой музыкальный инструмент с клавишами, который и занимал почти всё пространство комнаты. Велев мне ждать, батюшка Афанасий выскользнул за дверь.

А спустя минуту, в неё всплыла необъятная дама в монашеском одеянии.

Вечером, после ужина, я сидела в дортуаре, обложившись учебными материалами, врученными мне в церкви, и унывала. Нюра оказалась права — одним пением на службах для меня ничего не заканчивалось. Марфа Никитовна, которую за глаза все звали просто Никитичной, та самая внушительных габаритов женщина, приглашённая батюшкой Афанасием на моё прослушивание, была регентом церковного хора, она же занималась обучением девочек-певчих.

После того, как я дрожащим голосом исполнила на клиросе "Иисус воскрес из мертвых", Никитична замахала на меня пухлыми руками, и густым низким голосом протянула:

— Деточка, я не кусаюсь, расслабься. У тебя от страха горло перехватило, пищишь как мышь за печью. Во-первых, встань поудобнее, ты не плацу. Во-вторых, спой то, что тебе самой нравится, а не то, что должно понравиться мне.

— Дашенька, — подал голос батюшка Афанасий, стоящий в стороне и нервно ломающий пальцы, — Спой ту песню, которую ты пела, когда я впервые тебя услышал.

И я, мысленно махнув рукой (если примут в хор — хорошо, а если не примут — ещё лучше) спела им "Лето придёт во сне", мою медвежью колыбельную. Видимо получилось у меня неплохо, потому что энергичная Никитична вновь поволокла меня в комнатку за клиросом, где долго объясняла, чему я должна буду научиться, чтобы стать настоящей певчей, составила для меня график занятий, и наконец, всучила целую папку материалов для чтения.

Теперь, вернувшись в дортуар, я пыталась хоть как-то разобраться во всём этом дремучем для меня лесу, но только всё больше приходила в отчаяние.

— Какая ты счастливая, — сказала Настуся, наблюдающая за моими мучениями с растроганной улыбкой, — Бог дал тебе красивый голос, чтобы его славить.

— Всё-таки решила воспользоваться моим советом? — вставила свои пять копеек и Зина. — Правильно. Может, станешь певчей в какой-нибудь церкви в городе, и встретишь там будущего мужа.

Едва сдержавшись, чтобы не высказать соседкам, что я думаю о будущем муже и о боге, которого теперь придётся славить, я выдавила из себя кривую улыбку.

— Мне просто нравится петь, — и, подумав, добавила — Псалмы.

Яринка, валяющаяся у себя на кровати, еле слышно фыркнула. Она была в курсе настоящей причины моей внезапной любви к псалмам. Вернувшись со вчерашней встречи с Дэном, я в подробностях передала ей наш разговор. В том числе и ответ Дэна на предположение о том, что моя и Яринкина мамы хотели, чтобы мы убежали на Запад. А ответил он совсем немного. Посоветовал не торопить события, обещал, что на эту тему мы ещё обязательно поговорим, и велел на следующую встречу принести с собой планшет.

Конечно, после такого ответа, моё любопытство и нетерпение только увеличилось, но Дэн был непреклонен. С тем и расстались до очередного понедельника.

Как ни странно, Яринка отреагировала на это куда спокойнее меня, мудро сказала "потом, так потом". Куда больше её заинтересовало, зачем же Дэну мог понадобиться мой планшет?

Планшеты имелись у всех воспитанников приюта, их выдавали сразу, как только ребёнок начинал посещать местную школу. Времена бумажных книг окончательно уступили место электронным изданиям, и теперь учебники в начале каждого учебного года просто закачивали нам на планшеты. Тем более, что в обучающей программе использовалось много видео и аудио материалов. Разумеется, гаджеты у нас были самые простенькие, с минимальным набором необходимых функций, и без выхода в интернет. Интернетом разрешалось пользоваться только со школьных компьютеров стоящих в библиотеке, и только в строго определённые часы. На этих компьютерах был установлен какой-то фильтр, блокирующий все сайты, кроме нескольких общеобразовательных. Правда ходили слухи, что среди старшегруппников отыскивались умельцы, умудряющиеся взламывать эту защиту, и скачивать из сети что-нибудь запрещённое. Поэтому, у старших воспитанников планшеты время от времени проверялись воспитателями.

И удивительно, что сегодня Марфа Никитовна выдала мне кипу листов и брошюр, а не велела принести планшет для закачивания учебного материала. Тем более, что материала оказалось много. С нарастающим ужасом, я узнала, что кроме постановки вокала и зубрёжки псалмов, мне придётся научиться читать ноты и играть на фортепиано. А ведь мне, выросшей вдали от культуры, музыканты всегда казались, чуть ли не волшебниками, и я даже в самых смелых мечтах не могла представить себя одной из них.

— Почитай это, пробегись глазами, — посетовала мне на прощание Марфа Никитовна, — Чтобы тебе стало ясно, чем мы будем заниматься на уроках.

Это я сейчас и пыталась сделать, но с каждой минутой понимала, что мне не только не становится что-то ясно, но и те очень поверхностные знания о музыке, которыми я обладала, стремительно рушатся. В конце концов, совершенно сбитая с толку, я начала собирать разбросанные листы и запихивать их обратно в папку. Яринка, прекрасно чувствующая моё состояние, сочувственно спросила:

— И когда тебе на урок?

— Буду ходить три раза в неделю, по вторникам, средам, и четвергам, — буркнула я, — После обеда и до полдника. Завтра первое занятие.

— Ну вот, — расстроено отозвалась Яринка, — И что я буду делать одна?

Я только вздохнула. Обычно эти свободные от занятий часы мы посвящали играм, смотрели в общей гостиной телевизор, листали журналы в библиотеке, или просто болтали сидя на подоконнике в дортуаре. В тех же случаях, когда одна из нас оставалась на продлёнку, другая скучала в одиночестве. Так что теперь я могла лишь посочувствовать Яринке.

Вообще вся эта затея Дэна уже не казалась мне такой необходимой. Но сделанного не воротишь, и на следующий день, после обеда, я в обнимку со злополучной папкой потащила в церковь, на свой первый музыкальный урок.

Время до понедельника пролетело очень быстро. В субботу и воскресенье нас возили на экскурсию в Сергиев Посад, и это заняло почти все выходные. В будни после школы я занималась в церкви, и не только во время с обеда до полдника, но и после. Оказалось, когда церковь закрывается для всех, там собираются другие ученицы Марфы Никитовны. Нюра и ещё три приютские девочки, тринадцати-пятнадцати лет. И тогда-то начинается самое интересное.

Если днём на занятиях я учила псалмы и осваивала азы нотной грамоты, то вечером, когда Марфа Никитовна запирала изнутри массивные церковные двери, и садилась к фортепиано, мы начинали петь. И пели самые разные песни. В первый вечер я молчала, и только слушала, заворожёно глядя, как порхают над чёрно-белыми клавишами пальцы преподавательницы. Во второй начала робко подпевать. А на третий Марфа Никитовна попросила меня спеть остальным "Лето придёт во сне". И я спела медвежью колыбельную, выйдя на клирос, а девочки, и сама Марфа Никитовна громко мне аплодировали. После этого я уже не стеснялась. Нотная грамота тоже оказалась не такой сложной, как показалось вначале. Я обнаружила, что если представлять семь нот в виде разноцветных шариков, которые скачут по пяти таким же разноцветным нитям, то всё запоминается намного легче. Так что, в общем, была довольна.

Беспокоила разве что Яринка. Все эти дни она ходила слишком тихая и задумчивая. И хоть её исколотые пальцы уже зажили, Варвара Петровна не спешила возвращать на свои занятия нерадивую ученицу. Но даже это не радовало мою подругу. А когда я в понедельник засобиралась на встречу с Дэном, Яринка лишь спросила без тени прежнего азарта:

— Мне кричать сойкой, если что?

— Кричи, конечно, — осторожно ответила я и добавила, надеясь поднять ей настроение, — А мы с тобой в пятницу пойдём в лес, хорошо? В пятницу у меня не будет занятий.

Но Яринка лишь вяло кивнула.

Прихватив планшет, как и велел Дэн, я направилась к пруду, на берегу которого и устроилась, притворившись, что читаю. В тёплую погоду после уроков многие так делали, и территория приюта пестрела сидящими на скамейках и газонах воспитанниками. Опустив голову, я исподлобья поглядывала вокруг, а улучив момент, когда никого не оказалась поблизости, поднялась, и юркнула под деревья.

Мы с Дэном договорились на шесть часов, но сейчас не было и половины шестого — я вышла заранее, боясь, что долго не подвернётся момента незаметно ускользнуть. Но вышло по-другому, и теперь в моём распоряжении оказался лишний час свободы. Который я решила потратить на прогулку по лесу. Никакой стрельбы, никакой беготни и прыжков, просто прогулка в тишине и уединении.

Перевалившись через забор, я, немного подумав, зашагала влево, постепенно углубляясь в лес. День выдался солнечный, и листва играла на лёгком ветерке. Планшет, чтобы не мешался, я втиснула в один из карманов платья, но он торчал оттуда почти на половину, поэтому приходилось постоянно проверять — не вывалился ли? Зато руки были свободны, и я могла поднимать с земли шишки, чтобы запускать их в кроны деревьев.

Я успела погулять совсем недолго, минут пять, когда в лесу что-то изменилось. Прежними остались деревья, солнечные лучи и трава под ногами, но я уже знала, что больше здесь не одна. Остановилась, опасливо посмотрела по сторонам. И увидела неподалёку мужчину.

Сердце на миг замерло и пустилось вскачь. Нет, сама неожиданная встреча меня не напугала, после знакомства с Дэном, я допускала, что в лесу могут оказаться и другие люди. Но я увидела во что одет незнакомец. В штаны и куртку зелёно-пятнистой расцветки, в тон листвы и коры (поэтому я заметила его так поздно). Камуфляж, вот как это называлось. В Маслятах охотники отправлялись в тайгу в похожей одежде. Но здесь так могла одеваться только одна группа людей.

Охрана.

Вот, кажется, я и догулялась...

Охрана ходила по территории приюта только по ночам, когда воспитанникам запрещалось покидать корпуса. Днём мы с охранниками обычно не пересекались, разве что видели их издали, у ворот или у здания администрации. Но их форму нельзя было спутать ни с чем.

Охранник неторопливо приблизился ко мне. И чем ближе он подходил, тем ниже опускалась моя голова, так что в итоге я увидела только его чёрные шнурованные ботинки.

— И что это тут у нас? — голос у охранника оказался неожиданно высоким и каким-то мяукающим, так что получилось "тут у ня-ас?".

Отвечать на этот явно риторический вопрос я не стала, только неопределённо шевельнула плечом.

— Ты как тут оказалась? Сбежала? — я снова не ответила, и охранник повысил голос, — Я с кем разговариваю?

— Я... я просто гуляю.

— Что? Говори громче. И смотри на меня, когда отвечаешь.

Я повиновалась. Ростом охранник удался, так что мне пришлось высоко задрать голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Оно оказалось неприятным. Очень бледное, но с двумя яркими пятнами румянца на полных щеках. Светлых ресниц почти не было видно, а такие же

светлые волосы и глаза делали портрет охранника словно полустёртым, смазанным.

И я про себя окрестила его Белесым.

Белесый пошевелил редкими кустиками бровей.

— Так что ты здесь делаешь? И как сюда попала?

Пытаться врать я посчитала бессмысленным.

— Перелезла через забор...

— Вот как? — Белесый быстро облизнул полные губы, — А ты знаешь, что это запрещено?

— Знаю...

— Ну, так как — пойдём к твоей воспитательнице? Я думаю, что её заинтересует твоя прогулка.

Я знала, что очень заинтересует, и снова опустила голову.

Белесый протянул руку, взял меня за подбородок, заставил снова смотреть на себя. Сейчас он улыбался, но от этого не стал привлекательнее.

— Такая милая девочка, — у него получилось "мьи-илая дье-евочка", — И такая непослушная. Сколько тебе лет?

— Одиннадцать, — ответила я, с трудом сдерживаясь, чтобы не дёрнуть головой, освобождая подбородок из цепких пальцев.

— Одьи-и-иннадцать, — протянул Белесый, — Прекрасный возраст. А знаешь, я ведь могу и не выдавать тебя воспитателям.

Его слова меня не обрадовали и не вселили надежду на благополучное завершение нашей встречи. Не дождавшись ответа, Белесый чуть наклонился ко мне, продолжая улыбаться.

— Так ты хочешь, чтобы никто не узнал о твоей выходке?

— Хочу, — выдавила я, просто потому, что утверждать обратное было бы глупо.

Белесый выпрямился, отпустил мой подбородок, и быстро зыркнул по сторонам.

— Пойдём-ка поговорим, малышка?

Я не хотела идти говорить. Я хотела в дортуар, и желательно под одеяло.

Однажды, когда мне было восемь лет, я одна ушла в тайгу за малиной. Погода стояла не очень, накрапывал дождь, и другие дети предпочитали сидеть в избе у деда Венедикта, слушая его истории. Мне же захотелось прогуляться, я любила иногда бывать одна. И выбрала местом прогулки большой малинник к западу от Маслят. Место недалёкое и хорошо знакомое. Добралась я быстро, и уже через полчаса лакомилась спелой малиной. Взрослые в деревне освобождались только вечером, ужинали все не раньше, чем стемнеет, и маслятовские дети частенько в течении дня перебивались подножным кормом. Стоял июль, малина висела на ветках налитая и тёмная от сока, и я так увлеклась этим лакомством, что не сразу услышала за спиной треск веток и чью-то шумную возню. А когда, услышав, оглянулась — обмерла.

Большой медведь стоял среди кустов малины и смотрел на меня. Разделяло нас каких-то десять шагов, и я прекрасно видела маленькие глаза зверя, влажный и подвижный чёрный нос, роящихся вокруг приоткрытой пасти мошек. Этого медведя я знала заочно, окружающий лес и сопки входили в его владения, и как водится у этих животных, сородичей он здесь не привечал. А вот с людьми на своей территории ужился вполне мирно, наши охотники не трогали его, а уважительно называли дедушкой или хозяином, соблюдая древнюю таёжную традицию. Медведь в свою очередь не досаждал деревне своим присутствием и не брал наш

скот.

Но сейчас "дедушка" явно был недоволен тем, что пожаловав в малинник за лакомством, обнаружил здесь кого-то ещё. Его ноздри угрожающе раздувались, в горле рокотало негромкое ворчание.

В тот миг, когда моя голова волшебным образом опустела перед лицом смертельной опасности, вместо уплывших куда-то мыслей, я и слышала голос-без-слов. Внутреннее повеление, пришедшее ниоткуда, которого невозможно было послушаться. И повинуясь этому древнему, как мир, могучему инстинкту самосохранения, я замерла на месте без движения. И стояла так, когда медведь шагнул в мою сторону, когда издал низкий рык, и даже когда приподнялся на задние лапы, став в два раза выше меня.

А потом дедушка ушёл. Просто развернулся и ушёл в кусты малины, оглядываясь, выражая недовольство громким фырканием. И лишь когда вдали стихла тяжёлая поступь зверя, я побежала...

А сейчас, спустя два года, вдали от тайги, стоя перед белесым охранником, я снова слышала голос-без-слов. Только если в прошлый раз он велел мне замереть и не двигаться, то сейчас кричал — беги! Ослушаться его, как и тогда, я не могла, и неловко развернувшись на ставших вдруг деревянными ногах, бросилась прочь.

Фактор неожиданности сыграл мне на пользу, дал чуток форы. Я успела увидеть показавшийся в просвете между деревьями забор, когда грубая рука легла мне на плечо и остановила таким сильным рывком, что я опрокинулась на спину.

Белесый, запыхавшись, встал надо мной. От вынужденной пробежки его щёки стали совсем красными, и он походил на злобного клоуна.

— Ну, ты и шустра! Вставай.

Я медленно поднялась, и Белесый тут же ухватил меня за плечо. Тряхнул.

— Я вспомнил тебя. Вот как ты поскакала дикой козой через кусты, так и вспомнил. Ты дикарка, которую привезли из какой-то сибирской пещеры, да? Городские девчонки так по лесу не носят.

— Мы не дикари и не из пещеры! — от ярости я перестала бояться, попыталась вывернуться из-под ладони Белесого, но он перехватил меня второй рукой.

— Да конечно, не дикари, ага! Я про ваших читал, — он вдруг наклонился ко мне так низко, что я почувствовала неприятный запах, исходящий из приоткрытого пухлогубого рта, — А правда, что у вас взрослые этим прямо при детях занимаются? Ты видела? А может и сама уже...

Его рука вдруг скользнула вниз, под подол моего платья. Я рванулась в сторону, но Белесый цепко держал меня за кисть, и я добила только того, что снова оказалась на земле.

— А ну встань! — рывок за руку был сильным и болезненным, но я, чуть приподнявшись, сразу упала обратно, так мне почему-то казалось безопаснее.

Крякнув, Белесый наклонился, схватил меня за подмышки и дёрнул вверх. Но не поставил на ноги, а держа на весу, прижал спиной к стволу дерева, так, что наши лица оказались на одном уровне.

— Да ты настоящий зверёныш, — охранник смеялся, у него были очень крупные и белые зубы.

Глядя на эти зубы, я заболтала ногами, пытаюсь вырваться...

Как выяснилось, заболтала очень удачно. Нога попала во что-то мягкое, Белесый охнул,

округлил глаза, и, выпустив меня, начал оседать. Я упала на колени, тут же вскочила и побежала к забору. Затравленно оглянулась на ходу, но Белесый не думал гнаться за мной, он так и остался стоять на коленях, скрючившись в три погибели.

Как я взлетела на дерево, как перемахнула через забор, не помню. Остановилась только, когда почти врезалась в Дэна, появившегося, словно из воздуха. Отпрянула от неожиданности.

— Дайка? — Дэн встревожено уставился на меня, — Что с тобой?

Поняв, что это он, что мне больше ничего не угрожает, я обессилено привалилась плечом к сосне, и разревелась.

Рассказ о происшедшем не занял много времени. Когда Дэн принялся спрашивать, что случилось, я, всхлипывая и шмыгая носом, выпалила всё одним длинным спутанным предложением. Как ни странно, Дэн понял. Положил ладонь мне на макушку и зло процедил:

— Мудаки...

Я перестала хныкать и насторожилась — слово показалось мне знакомым.

— Кто?

— Да все они... Добились, мать их, женского целомудрия. Мужики голодные как собаки, кидаются на всё что движется, — Дэн вдруг спохватился и досадливо мотнул головой, — Тьфу, не слушай меня, Дайка. Так говорить нехорошо.

— А что это значит? — не отстала я.

— Ну... плохие люди.

— Значит, этот охранник — мудак?

— Он самый, — Дэн закусил губу, сдерживая улыбку, — И прекрати повторять это слово.

— Ладно, — я вздохнула, размазывая по щекам остатки слёз и покосилась на Дэна, — Мы теперь в лесу погулять не сумеем?

— Боюсь, что нет. Он может быть ещё там.

Мой испуг прошёл, и теперь я чувствовала только злость. Ведь как всё было хорошо! Если бы не Белесый мы бы с Дэном сейчас или разговаривали, или стреляли из рогаток, и я узнала бы, наконец, зачем он просил меня принести планшет, потому что свой планшет Дэн тоже принёс и сейчас держал в руке...

Планшет!

Карманы пустовали. Только теперь я поняла, что когда я бежала к забору, ничто не мешало мне, не оттягивало подол платья...

— Ой, Дэн!

На этот раз я не заплакала. Ронять слёзы имеет смысл, когда страшное позади, только тогда они приносят облегчение. Теперь же всё плохое для меня только начиналось. То, что крепко влетит за утерю школьного имущества — ерунда, но ведь Агафья станет допытываться, где именно я умудрилась потерять планшет, да так, что даже под угрозой наказания не смогла найти. И если в результате всплывёт наша лазейка на свободу, деревья у забора срубят, и прощай лес...

Мой застывший взгляд напугал Дэна, и он потряс меня за плечо.

— Дайка, да что с тобой?

Глухим неживым голосом я объяснила, и Дэн жестом отчаяния запустил руку в волосы.

— Блин, малявка ты, малявка...

Он прислонился спиной к дереву и замолчал. Я его понимала, что можно сказать в такой ситуации? А ещё я начала понимать, что даже не потеряй я планшет, Белесый, сейчас пойдёт к воспитателям, и расскажет, как поймал за территорией воспитанницу, и как она вместо того, чтобы раскаяться в своём проступке оказала ему сопротивление, подло ударив в самое уязвимое место. А если я начну говорить о том, что он меня хватал и говорил гадости, кто мне поверит?

— Как думаешь? — вдруг спросил Дэн, — Охранник видел, что ты выронила планшет?

Я попыталась восстановить в памяти подробности.

— Наверно планшет выпал, когда я побежала в первый раз, а он меня догнал. Я тогда упала.

— Значит, скорее всего, он или видел это, или нашёл его уже потом на земле, — подытожил Дэн.

Я безразлично пожала плечами. Трава там невысокая, планшет в белом чехле, его трудно не заметить. Так что дела ещё хуже — Белесый пойдёт к воспитателям с прямым и неопровержимым доказательством моей вины. Это я и сказала Дэну.

— Вряд ли пойдёт, — возразил он, — По крайней мере, не сразу. Дайка, он к тебе приставал. А тебе одиннадцать лет. Знаешь, что по закону за это бывает?

— Да кто мне поверит? Он — охранник, а я... дикарка.

Дэн притянул меня к себе и погладил по волосам.

— Никакая ты не дикарка. Ты ребёнок. А он...

— Мудак? — быстро вставила я, и Дэн фыркнул, сдерживая смех.

— Пусть будет мудак. А теперь слушай внимательно. Мы можем вернуть твой планшет. Но от тебя понадобится немного смелости.

Я вспомнила, как, не шевелясь, стояла перед поднявшимся на дыбы хозяином тайги, и решительно сказала:

— Сколько угодно.

План Дэна был прост, но действительно рискован. Впрочем, уж мне-то терять было нечего, смущало только то, что приходится втягивать в это его и Яринку. Третий человек был необходим, поэтому я, оставив Дэна возле забора, побежала на поиски подруги. К счастью долго искать не пришлось, Яринка сидела на скамейке возле школы и бдительно поглядывала по сторонам, выполняя свои функции подстраховщицы. Поэтому меня увидела издалека. Перевела взгляд на висящие над школьным крыльцом часы, которые показывали пятнадцать минут седьмого.

— Уже всё? Быстро вы сегодня.

— Нет, — я присела на скамейку, переводя дух, — У меня беда, Ярин, нужна твоя помощь.

Яринка слушала и словно наливалась вибрирующей энергией. От её ставшей привычной за последние дни меланхолии не осталось и следа. Глаза заблестели и азартно прищурились, даже волосы и веснушки, словно стали ярче.

— Пошли, — она пружинисто поднялась, едва я закончила рассказ о своих злоключениях.

И мы вернулись к Дэну, который улыбнувшись Яринке как старой знакомой, сразу начал объяснять, что от неё требуется. И Яринка слушала, кивая так деловито, словно для

неё было в порядке вещей совершать рискованные аферы с незнакомыми парнями. Я даже на минутку залюбовалась ими.

Дэн заставил нас подробно повторить то, что требовалось сделать. Мы послушно повторили. У меня начали нервно подрагивать руки, и пересохло во рту, хотя я и пыталась не думать о предстоящем. И чтобы не затягивать это мучение, не дожидаясь распоряжения Дэна, первая полезла через забор.

— Дайка, ничего не бойся, — говорил Дэн, следуя за мной, — Помни — я рядом. Если что — кричи, и я сразу приду.

— Я тоже, — угрюмо вставила Яринка, — Так приду, что мало не покажется.

А потом они остались стоять у забора, и дальше я пошла одна. И хоть знала, что скоро друзья последуют за мной, всё равно каждый шаг приближающий меня к неизбежному, давался с трудом. В конце концов, я даже начала убеждать себя, что Дэн ошибся, и Белесого в лесу уже нет, что он всё-таки пошёл жаловаться воспитателям, и как бы ужасно это не было для меня в итоге, зато здесь и сейчас встречаться с ним не придётся.

Но Белесый оказался на прежнем месте. Сидел под деревом, и в его грубых руках беспомощно белел мой планшет.

Я двинулась к нему на ватных ногах.

Белесый заметил меня и начал улыбаться. И чем ближе я подходила, тем шире становилась его зубастая улыбка, как будто он собирался проглотить меня словно какой-нибудь крокодил.

— Я знал, что ты придёшь, — голос охранника звучал так самодовольно, что в нём ещё заметнее проступили мячущие интонации, — Ты же умная дьё-евочка и неприятностей не хочешь, вье-ерно?

Я молча кивнула, остановившись подальше от Белесого. Тот поднял и повертел перед собой мой планшет.

— А я тут пока ждал, учебники твои почитал. Ты хорошо учишься?

Я снова ограничилась кивком, но вспомнила слова Дэна "Отвлекай его. Неси какую угодно чушь, но чтобы он слушал тебя и смотрел на тебя", и торопливо заговорила:

— Сударь, пожалуйста, отдайте мне планшет, если я его потеряю, меня накажут. Если хотите, можете пожаловаться на меня воспитательнице, только отдайте планшет.

Белесый ухмыльнулся и начал подниматься на ноги.

— Вот как ты заговорила? А драться ещё будешь?

— Нет, не буду, — я подумала, не попробовать ли зареветь для убедительности, но это было бы уже слишком унижительно.

Белесый направился ко мне, и я с трудом подавила желание убежать. Это никак не входило в наши планы.

Нарочито медленно охранник расстегнул куртку и спрятал планшет во внутренний карман. А потом протянул мне открытую ладонь.

— Пойдём.

Меньше всего мне хотелось брать его за руку, я прекрасно помнила, как эти руки хватили и держали меня. И чтобы потянуть время спросила:

— Мы пойдём к воспитателям?

— А разве ты этого хочешь? — удивился Белесый, — Вряд ли. И хоть ты меня ударила, я не сержусь, и могу никому не рассказывать о том, как плохо ты себя ведёшь.

— Тогда куда мы пойдём?

— Поговорить, как и хотели до того как ты начала бегать и пинаться.

Я собралась сказать, что не хотела ни о чём разговаривать тогда, не хочу и сейчас, но Белесый нетерпеливо потряс открытой ладонью, и пришлось взяться за неё.

— Умница, — он потянул меня вглубь леса, и я засеменила рядом, с трудом принаравливаясь к его широким шагам.

Мы пришли почти на то место, где встретились в первый раз, там, чуть в стороне, оказалась поваленная сосна, побольше той, под которой я устроила тайник. Белесый подвёл меня к ней, а сам уселся на ствол, продолжая держать меня за руку. Вытащил из-под куртки мой планшет, показал, и положил рядом с собой на ствол.

— Ты заберёшь его, и никто не узнает, что ты здесь была. Хочешь этого?

Я беспомощно кивнула.

— Как тебя зовут?

— Дай... Даша.

— Дашенька, — Белесый улыбнулся, — Ты же хорошая девочка, мы могли бы с тобой подружиться. Хочешь, я буду твоим другом? Это же здорово, представляешь — у тебя будет взрослый друг.

— А вам это зачем? — я уже от души жалела, что ввязалась во всё это. Не лучше ли было получить розог за потерянный планшет и забыть Белесого как страшный сон?

— Взрослые тоже хотят дружить, — Белесый наградил меня очередной крокодильей улыбкой, — Нам тоже не хватает общения, нежности, любви. Тебя кто-нибудь любит?

Решив, что глупо рассказывать про Яринку и Дэна, я отрицательно потрясла головой.

— Ну, вот видишь. Хочешь, я буду любить тебя? — Белесый свободной рукой принялся гладить меня по щеке, и я с трудом сдержалась, чтобы не отшатнуться.

— Иди ко мне, — и не успела я опомниться, как оказалась сидящей на широких коленях охранника, затянутых в камуфляжные штаны. Начала вырываться, но он обхватил меня обеими руками, и засмеялся в ухо:

— Чего ты глупая? Я же тебя обнимаю, разве это плохо?

Я уже приготовилась боднуть его головой в нос, но опять вспомнила наказ Дэна, и задеревенела без движения. Белесый продолжая что-то успокаивающе бормотать, тяжело дыша, ткнулся губами в моё ухо.

Следующие минуты оказались невыносимо омерзительными. Белесый облизывал мне шею, лицо, его горячие даже через одежду ладони ползали по моему телу, поглаживая и сжимая, а я только и могла, что отворачиваться, зажмутив глаза. И только когда Белесый попытался рукой залезть мне под подол, снова начала вырываться. Но он лишь сильнее сжал меня, на корню прервав попытки сопротивления, сдавил потной рукой коленку.

— Тихо, малышка, я не сделаю тебе ничего...

И тут со стороны раздался спасительный голос Дэна:

— Ну, хватит, дядя.

Глава 6.

Три реальности.

Белесый вскочил на ноги так резко, что я, не успев среагировать, свалилась к его ногам.

Дэн стоял метрах в пяти от нас, между деревьями. Удивительно, что он смог подобраться так близко, я ведь совсем плохо справлялась со своим заданием отвлекать

Белесого.

— Ты откуда взялся, сучьё-оонок?! — теперь голос охранника точь-в-точь походил на завывания испуганного кота.

— Спокойно, дядя, — Дэн выглядел невозмутимым, но я заметила, как ходят желваки на его лице, — Погляди-ка лучше сюда.

Он поднял правую руку и продемонстрировал свой включенный планшет, дисплей которого светился той же зеленью, что и окружающий нас лес. Белесый сразу всё понял.

— Ты снимал меня, сволочь?! — он шагнул вперёд, но Дэн резким движением отвёл руку в сторону.

Из-за соседнего дерева выскочила Яринка, схватила планшет, и опрометью кинулась в лес. Среди листвы, как лисий хвост мелькнули её рыжие волосы, и наступила тишина.

Всё это произошло так быстро, что Белесый замер, отвесив челюсть. А Дэн негромко позвал:

— Дайка, иди сюда.

Мой планшет так и лежал на сосновом стволе. Я вскочила на ноги и, схватив его, кинулась к Дэну, прижалась плечом. Он успокаивающе приобнял меня. И сказал:

— Значит так, дядя. Поскольку ты в охране работаешь, законы должен знать. И я не стану напоминать о том, что тебе грозит за растление ребёнка. Поверь, видос получился очень убедительный.

— Да ты! Я тебя... — теперь лицо Белесого стало полностью красным, верхняя губа задёргалась, как у злой, но перепуганной собаки.

— Что — ты меня? — спокойно спросил Дэн, — Запись в надёжных руках. Думаешь, что обо всём буду знать только я да эти девочки? Недавно здесь работаешь, да?

— Что? Какого...

— Значит, недавно, — перебил Дэн, а потом добавил непонятную фразу, — Не тронь детдомовских.

И это возымело действие. Белесый осунулся, даже словно стал ниже ростом, и спросил уже совсем другим голосом:

— Чего ты от меня хочешь?

— А вот это уже правильный разговор, дядя, — Дэн позволил себе улыбнуться, — А хотим мы немного. Для начала, скажи — какого лешего ты делал здесь — в лесу?

— Грибы собирал, — вновь ощерился Белесый.

— А корзинка где? — не дрогнул Дэн.

— В манде! Твоё какое дело?

Дэн пожал плечами.

— Да, в общем-то, никакого. Только чтобы больше ты сюда за грибами не ходил. И остальным скажи, что грибов тут нет.

Белесый вскинулся, но Дэн заговорил громче.

— Охраны здесь быть не должно. И отныне это твоя проблема. Если кого-то из наших тут заметёт охрана, ты быстро окажешься там, где и место вонючему извращенцу.

— Ты чё, пацан?! — Белесый почти кричал, — Как я тебе это гарантирую?! У меня не спрашивают разрешения в лес ходить! Я здесь никто!

— Твои проблемы, — повторил Дэн, — Я сказал, ты услышал. Пошли, Дайка.

— Да погоди ты! Пацан! Не, ну серьёзно, я за других не отвечаю!

Но Дэн спокойно шагнул прочь, увлекая меня за собой, и вопли Белесого стихли позади.

Преследовать нас он не посмел.

Я семенила рядом с Дэном, прижимая к груди с таким трудом отвоёванный планшет, и ликовала. Восторжествовала справедливость! Враг повержен и наказан, мне больше ничего не грозит, прогулки в лес спасены! Если только...

— Дэн! — я слегка притормозила, — А если другие охранники будут здесь ходить, ты правда его в полицию сдашь?

— Да нет, конечно, — Дэн тоже пошёл медленнее, — Это я сказал, чтобы он не вздумал никому проболтаться, что по лесу дети лазают. Сейчас-то он про лес вообще лишний раз не заикнётся. Пусть понервничает, ему полезно.

Мы перелезли через забор, и на нас откуда-то сразу выскочила Яринка.

— Ну что? Получилось? Он испугался? Он не пойдёт жаловаться?

Дэн похлопал её по плечу.

— Всё получилось. Ты была великолепна. Где мой планшет?

Яринка кивнула назад.

— Я его спрятала. Принести?

— Будь добра.

Подруга метнулась прочь, а Дэн повернулся ко мне. Вздохнул. Отвёл глаза.

— Дайка, ты на меня не сердишься?

— За что? — растерялась я.

— За то, что я послал тебя снова к этому... я понимаю, как это было для тебя мерзко, но по-другому мы бы ничего не исправили.

Я так замотала головой, что косички ударили меня по щекам.

— Нет, нет! Ты всё придумал хорошо, мы теперь и в лес можем продолжать ходить, и этому отомстили. Ты с ним здорово разговаривал!

Дэн слабо улыбнулся.

— Ты главное не думай, что это ты виновата в том... в том, что он к тебе полез. Ты ребёнок и ничего плохого не сделала. Просто есть такие люди... мужчины... которым нравятся маленькие девочки. Или такие, кому всё равно, взрослая ты девушка или маленькая девочка.

— Чего он от меня хотел?

— Он... — я с удивлением увидела, что Дэн краснеет, — Как бы это... всем мужчинам нравятся женщины, и между ними...

Тут я поняла, что просто неправильно задала вопрос, и поправилась:

— Я имела в виду, он хотел меня только потрогать или изнасиловать?

Дэн поперхнулся и уставился на меня.

— Ого! Вижу тебе не нужно объяснять, откуда берутся дети?

Я пренебрежительно фыркнула. В Маслятах не делали тайны из отношений полов. Да и трудно это было бы, учитывая, что у всех есть скотина, домашние животные, которые хотят размножаться вне зависимости от того, присутствуют ли при процессе несовершеннолетние. Лет в семь я уже помогала маме принимать роды у коров и свиней, в девять свободно обсуждала с папой, какого кобеля выбрать для нашей лайки.

Это я и объяснила Дэну слегка снисходительным тоном. Тот явно почувствовал облегчение. И ответил на мой вопрос:

— Не думаю, что он стал бы тебя насиловать. По крайней мере, не сразу. Скорее всего, заставлял бы приходиться к нему в лес снова и снова, и делать... всякое.

Я поёжилась, но тут с треском кустов вернулась запыхавшаяся Яринка. Протянула Дэну планшет.

— Всё спокойно, — сообщила она с важным видом, — Агафья сидит на скамейке у школы с училками, нас не потеряла.

Я показала ей большой палец, а Дэн сказал "спасибо". Мы помолчали, переживая недавние события. Со стороны стадиона доносились азартные крики мальчишек, чуть дальше галдела малышня. Я вдруг подумала, что совершенно потеряла чувство времени, и понятия не имею который сейчас час. Та же мысль пришла в голову и Дэну.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Гулять сегодня уже не будем, — сказал он извиняющимся тоном, — Но одно дело сделаем. Дайка, давай сюда планшет, у меня есть кое-что для тебя... для вас.

Яринка начала улыбаться, сначала потихоньку, затем всё шире. Я обрадовано подмигнула ей. Дэн сказал "для вас". Он признал Яринку такой же, как мы, признал *другой*.

И пока мы глупо улыбались, он, взяв с двумя планшетами, объяснял:

— В прошлый раз Дайка рассказывала мне о вашем разговоре ночью. О космосе, о истории Руси. И я подумал, что вам будет это интересно.

— Что? — нетерпеливо спросила я.

— Я закачиваю тебе на планшет несколько книг про девочку вашего возраста, Алису. Книги эти были написаны в СССР... ну, в смысле во времена безбожья, и рассказывают о том, как тогда люди представляли будущее.

Яринка подалась вперёд.

— Дэн, это... запрещённые книги?

— Ну, скажем так — не криминальные, уголовного преследования за их распространение не будет. Но они не одобряются церковью и уж конечно запрещены к прочтению детям... особенно девочкам.

— Почему? — спросила я.

— Дабы не смущать юные умы несбыточными мечтами, — то ли всерьёз, то ли передразнивая кого-то, ответил Дэн, — Так что смотрите, чтобы их у вас никто не увидел.

Я покосилась на Яринку, которая молчала, закусив губу. И выражение её глаз мне не понравилось. В них читался... страх? Любой, кто знает мою подругу, сейчас был бы немало удивлён, потому что Яринка и страх понятия несовместимые. Что же могло её напугать?

О запрещённой литературе я конечно слышала. В основном это были книги неугодные церкви, но я до сих пор не задумывалась, чем именно они могли быть ей неуютны.

— Дэн, — даже голос Яринки звучал непривычно робко, — Откуда ты их взял?

Дэн вернул мне планшет, свой спрятал в карман, и сказал уже знакомые слова:

— Не всё сразу. А теперь бегите. В следующий понедельник, в это же время. И начните читать.

До ужина мы с Яринкой демонстративно просидели на скамейке прямо под окнами дортуара, всем своим видом показывая — вот они мы, прилежные воспитанницы, никуда не отлучались. А я просто физически ощущала, как жжёт мне кожу сквозь ткань платья вернувшийся в карман планшет. Книги! Запрещённые! Яринка тоже ёрзала. Но мы героически исполнили свою роль хороших девочек, и только после этого отправились в дортуар, где я перекинула книги и Яринке. Дэн показал нам, как можно сделать папку невидимой в проводнике. Конечно, если бы кто-то из воспитателей вздумал специально что-

то искать в наших планшетах, эта хитрость бы не спасла, но так, по крайней мере, ничего не бросалось в глаза. Мы хотели сразу приступить к чтению, но в дортуар вернулась с продлёнки Настуся. Она выглядела очень довольной, и, увидев нас, поспешила поделиться радостью:

— А я до конца четверти освобождена от домашних заданий по рукоделию! А знаете почему?

— Очень интересно, — буркнула Яринка, но Настуся не заметила её недовольства.

— Потому что я уже сделала всё, что Варвара Петровна будет задавать, — похвасталась она, — И халатик, и вышивку, и ночнушку, и чепчик...

— Какой ещё чепчик? — Яринка повысила голос.

— А, вам в конце сентября зададут шить ночные чепчики. Такие смешные, на тесёмочках. Сейчас покажу.

Настуся нырнула в свой шкафчик, а Яринка, выразительно посмотрев на меня, покрутила пальцем у виска.

— Зачем нам нужны ночные чепчики? Дайка, ты собираешься спать в чепчике?

Я, хихикая, замотала головой, а Настуся наставительно сказала из шкафа:

— Это не затем чтобы спать, Ярина, а чтобы учиться шить самые разные вещи. Чепчик — это не сложно.

Она, наконец, отыскала, и продемонстрировала нам что-то вроде кружевного мешочка на широких тесёмках.

— Вот. Тут самое сложное собрать ткань вокруг резиночки... — Настуся вдруг осеклась, и посмотрела на Яринку, — А ты почему больше не ходишь на продлёнку?

Яринка засопела.

— Я пальцы исколола.

— Но ведь они у тебя уже зажили.

— Меня Варвара Петровна обратно не зовёт.

— А-а, — вспомнила Настуся, — точно, она же говорила о тебе.

— Что говорила? — насторожилась подруга.

— Что ты... сейчас... абсолютно безнадёжный случай. Что она ошибалась насчёт того, что научиться рукоделию может каждая и для этого не нужен никакой талант.

Яринка зло прищурилась.

— Да неужели Варвара признала свою ошибку?

Настуся не почувствовала угрозы в её голосе и беспечно продолжала:

— Ага. Она сказала, что какой-то, хоть крошечный талант всё-таки нужен, но у тебя и такого нет.

Яринка вскочила, и, фыркнув, как разъярённая кошка, вылетела из дортуара, хлопнув дверью.

Настуся растерянно заморгала, продолжая держать перед собой чепчик.

— Ой... я её обидела?

— Не обращай внимания, — успокоила я, — Скоро она об этом разговоре и не вспомнит.

Но как показало будущее, я ошиблась.

После ужина Агафья объявила, что сейчас в гостиной включит сказку про Летучий Корабль, и хоть я её уже видела, решила посмотреть со всеми ещё раз. Чтобы не оставаться

одной, и отвлечься от тягостного мерзкого чувства, которое всё это время сидело где-то на задворках моего сознания, а сейчас, с наступлением сумерек, начало выбираться наружу. И было оно связано с Белесым, с его мяукающим голосом и шумным дыханием, с руками, которые могут хватать и стискивать...

Пока я была с Дэном, с Яринкой, пока в крови ещё играл мстительный азарт, всё произошедшее казалось приключением, чем-то интересным и почти смешным, учитывая то, как ловко мы взяли верх над Белесым. Но чем дальше, тем сильнее веселье уступало место угнетённости, странному чувству потерянности, словно под ногами вдруг исчезла знакомая тропа.

Сидя вместе с Яринкой и другими девочками на разноцветных пуфиках и креслах перед широким экраном, я старалась следить за сюжетом сказки, и даже смеялась вместе со всеми в забавных местах, но внутри меня разрастался мокрый и грязный сугроб, в который я всё глубже проваливалась. Наконец, поняв, что притворяться больше нет сил, я на цыпочках покинула гостиную, и вернулась в дортуар. К счастью там никого не было, никто не стал спрашивать, почему я съёжилась на подоконнике, прильнув виском к стеклу.

Грязный сугроб стал больше, холод от него распространялся на всё тело, теперь даже мысли делались тусклыми и мёрзлыми...

Еле слышно открылась и закрылась дверь, послышались лёгкие шаги, и рядом со мной на подоконнике оказалась Яринка. Устроилась напротив в такой же позе — руки обнимают согнутые колени, голова прильнула к стеклу.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, — глядела она грустно, но понимающе.

— Что? — даже голос стал тихим и хриплым, *мёрзлым*.

— У нас в подъезде на первом этаже один дядька жил. Мне тогда семь лет было, я только в школу пошла, и он утром стал караулить меня на лестнице, там темно у самого выхода. Сначала шоколадки разные давал, всё говорил, какая я красивая девочка. Потом стал в щёку целовать и по попе хлопать. Ну как бы в шутку, я и внимания не обращала. А однажды сказал, что даст мне шоколадку, если я его тоже потрогаю... ну там. А я ещё мелкая была, ничего не понимала, вот он взял мою руку и стал водить себе по штанам. Тут наверху кто-то дверь открыл, он испугался, сунул мне шоколадку и ушёл. А на следующее утро опять... только теперь хотел, чтобы я руку ему в штаны засунула, но мне противно стало, я вырвалась и убежала. А после школы рассказала отцу.

Яринка замолчала, уткнувшись носом в колени.

— И что отец? — наконец спросила я.

— Отец побил меня.

— За что?!

— Сказал, что если я такая маленькая уже мужчин завлекаю, то, что дальше будет? Кричал "Шлюха в доме растёт!". А потом запер меня в кладовке и маме не разрешил открывать. Она меня выпустила только когда он уснул. Я всё плакала и спрашивала, почему, если это всё так плохо, папа побил меня, а не соседа? Ведь это он придумал. А мама сказала, что многим людям легче обвинить слабого, чем защитить его. Понимаешь?

— Нет, — призналась я.

— Дэн всё правильно придумал. Если бы ты просто пошла к Агафье и рассказала, как было, тебя бы наказали и за планшет, и за то, что в лес бегала, и ещё за то, что на охранника наговорила. Тебе никто бы не поверил. Потому что ты маленькая и девочка. А он взрослый и мужчина. Прав тот, кто сильнее.

Я молчала, обдумывая её слова, а Яринка добавила:

— Даже если бы Агафья про себя поверила тебе, а не ему, всё равно бы наказала.

— Да почему?!

— А им это надо? Легче тебе всыпать, чем вызывать полицию, разбираться с охранником, и выносить сор из избы. Это же пятно на репутации приюта.

Я удивлённо покосилась на неё.

— Ты сейчас говоришь как училка или воспитательница.

— А я просто мамины слова повторяю, — хмыкнула Яринка, — Только она говорила про репутацию семьи, за которую беспокоился отец.

— А потом что было? Сосед от тебя отстал?

— Отстал. Но не сразу. Он по утрам так же меня на лестнице ждал, только я хитрее стала — сначала из окна подъезда на втором этаже вылезала на козырёк, и уже оттуда спускалась на землю.

Я невольно улыбнулась, а Яринка продолжала.

— Поэтому я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Мне тоже было плохо. И не из-за отца, а просто... ну это как будто... Мы часто во дворе в прятки играли, и вот когда тебе кажется, что ты так хорошо спряталась, и вдруг тебя находят...

Яринка замолчала, не в силах подобрать слова. Но я поняла, что она имела в виду, потому что сама ощущала нечто похожее. Как будто с меня неожиданно сорвали невидимую защиту, что-то, что позволяло мне, на правах ребёнка, считать себя неприкосновенной.

А уже ночью, завернувшись в одеяло с головой и почти засыпая, я поняла, это — навсегда. Что бы ни происходило дальше — ко мне не вернётся прежнее чувство безопасности. Но это меня не расстроило, на тот момент я уже поняла, что именно так и начинают взрослеть.

Следующая неделя для меня пронеслась словно в трёх реальностях. В одной я вела привычную приютскую жизнь, ходила в школу, в столовую, делала домашние задания. В другой осваивала премудрости музыкального искусства, училась писать в нотной тетради, неумело давила пальцами на клавиши фортепиано, пела с девочками по вечерам. А в третьей, новой и самой моей удивительной реальности, с головой погружалась в иной мир, который подарил нам Дэн. В мир девочки Алисы из чудесного будущего, которое так и не наступило.

В тот вечер, когда мы вернулись из леса, ни я, ни Яринка, так и не начали читать. Я — потому что не хотела, чтобы ощущение унижительной незащитности, охватившее меня после встречи с Белесым, испортило первое впечатление от книги. А Яринка из солидарности со мной. Было решено, что мы будем прочитывать в день равное количество страниц, не обгоняя друг друга, и делиться впечатлениями. Только не забегать вперёд оказалось ох как трудно!

К чтению мы приступали сразу после уроков, делая вид, что выполняем домашнее задание. Потом мне приходилось отправляться на занятия к Марфе Никитовне, но я брала планшет с собой, и в свободные минуты утыкалась в него, чтобы не отставать от Яринки. Поужинав, мы не шли, как обычно смотреть телевизор в гостиной, а читали в дортуаре, усевшись рядышком на подоконнике.

В Маслятах были разные книги, и бумажные, и электронные, и для взрослых, и для детей, но никогда я не читала ничего более захватывающего и удивительного, чем истории

девочки Алисы. Алису я представляла, как живую, она стала моей подругой, я сопереживала ей, беспокоилась за неё, и радовалась, что ей довелось жить в таком чудесном мире. Именно радовалась, а не завидовала. Завидовать имеет смысл, когда есть хоть какой-то шанс получить предмет зависти. В моём же случае завидовать Алисиной жизни было не только бесполезно, но и глупо.

Зато я поняла, почему Дэн на вопрос, по какой причине эти книги не рекомендованы к прочтению детям, ответил: "Дабы не смущать юные умы несбыточными мечтами". Вот уж верно. Возвращаться в реальность после путешествия в мир Алисы, было невыносимо. Даже воспоминания о Маслятах померкли перед возможностями, которые открывались там. Путешествовать в космосе и во времени, летать на другие планеты, общаться с представителями иных цивилизаций! А самое главное, чего никогда не было и наверно не будет здесь, это возможность вести себя не как девочка-будущая-жена-и-мать, а как хочется, и как интересно. Наверно именно таких мыслей, которые неизбежно возникнут при чтении об Алисе, и боялись те, кто запретил эти книги.

А ещё перед нами сразу встала проблема. В Алисиных историях часто встречались непонятные нам слова и выражения. Если я благодаря родителям и деду Венедикту знала, что такое, например орбита, невесомость, световая скорость, и могла объяснить это Яринке, то такие слова как батискаф, анабиоз или стратосфера, были совершенно непонятны. О значении некоторых мы догадывались сами, а совсем заковыристые я взялась записывать на бумажку, чтобы при встрече показать Дэну и потребовать объяснений. А потом Яринке пришла в голову отличная мысль — пойти в библиотеку.

Нет, в библиотеку мы конечно и так ходили, но в основном за книгами нужными для домашних заданий, художественной литературы там было мало, а которая всё же была, являясь редкой тягомотиной вроде "Ребёнок Иисус" или "Блаженный нищий". В общем, скукотища, которой нам сполна хватало на уроках. Да и не за книгами мы шли в этот раз, а за доступом в интернет. Каждый воспитанник имеет право раз в день на сорок пять минут заходить в сеть, искать интересующую информацию. И пусть на школьных компьютерах стояло жёсткое ограничение на любые сайты кроме общеобразовательных, мы надеялись найти там ответы. И нашли. Не на все конечно, но большая часть непонятных нам слов отыскалась в школьной энциклопедии. Так что теперь в наш распорядок дня вошли и посиделки в библиотеке.

А в четверг случилось ещё одно удивительное событие. В тот день, Марфа Никитовна ближе к вечеру уехала по своим делам, и, следовательно, мы — девочки-певчие оказались лишены удовольствия собраться в церкви после её закрытия. Поэтому я вернулась в дортуар на час-полтора раньше обычного. И застала там живописную картину.

Яринка сидела на полу перед большой выкройкой, а вокруг неё в живописном беспорядке громоздились отрезки ткани, разноцветные катушки ниток, линейки, карандаши, и ножницы. От неожиданности, я так и застыла в дверях. Яринка, при виде меня заметно смутилась, попыталась спрятать за спину руку с зажатой в пальцах иглой, поняла всю бессмысленность этого, и перешла в атаку.

— Ты чего так рано?

— Так я... это... мы там... — поняв, что дар речи вернётся ко мне не сразу, я махнула рукой, закрыла за собой дверь и пробралась к столу, осторожно минуя устроенный Яринкой творческий беспорядок. Подруга сопела, опустив голову, поэтому я решила пока её не трогать, и сделала вид, что готовлюсь выполнять домашнее задание. Расчёт оправдался — не

прошло и пяти минут тишины, как Яринка разразилась признанием.

— Ну да, я шью! Я сходила к Варваре Петровне и попросилась обратно на продлёнку. И ещё на дом взяла... вот это.

Я повернулась и пригляделась к расстеленной на полу выкройке. Сама я в этом тоже не сильна, поэтому с ходу не разобралась, что на ней изображено. Но Яринка поняла мой невысказанный вопрос, и раздвинула руками разбросанные поверх кальки обрезки ткани.

— Это плащ-дождевик, — гордо объявила она, — Точнее выкройка плаща-дождевика, но я буду шить плащ астронима.

— Это как? — изумилась я.

— Я подумала, что если сшить плащ из чёрной ткани, а к нему пришить большие серебряные звёзды и кометы, а потом из бумаги сделать такой же колпак, то получится совсем как одежда астронома из сказок.

— А, звездочёта!

— Ну да, правильно — звездочёта, — кивнула Яринка, — Ещё я тоже из бумаги сделаю подзорную трубу, и будет совсем классно.

— Ага, классно, — неуверенно согласилась я, — Только ты же никуда такую одежду не оденешь.

— Ну и что? — беспечно отозвалась Яринка, — Здесь одену, вам покажу. Сфоткаете меня. И вообще я шью не для того, чтобы носить, а для того чтобы сшить.

— Это как Настуся с чепчиком? — догадалась я, — Она ведь тоже в нём не спит.

Яринка пренебрежительно оттопырила нижнюю губу.

— Пфы — чепчик! Такую скукотищу я шить никогда не стану. Вот костюм астроно... звездочёта, совсем другое дело.

С этим я не могла не согласиться. Но всё ещё не понимала главного.

— Ярин... а зачем тебе это надо? Ты же говорила, что шить не умеешь и ненавидишь.

Яринка снова засопела. Но видимо ей хотелось выговориться.

— Просто когда ты начала ходить в этот свой хор, я по вечерам сидела одна, было очень скучно. А потом ты приходила, такая... как будто тебе там каждый раз подарки дарят, рассказывала всё. И мне стало казаться, что я живу совсем никак. Ты и к Дэну в лес убегала, и из рогатки стреляла, и петь-играть начала, а я... как мой отец! Он с работы пришёл и перед ящиком развалился, больше ему на фиг ничё не надо. Так противно стало. А тут ещё Настуся рассказала, как Варвара Петровна говорила, что у меня ни таланта, ни умения. Тут я прямо разозлилась. Вот и пошла к ней позавчера.

— А она? — заинтересовалась я.

— А она обрадовалась. Настуся права, она хорошая тётка. Начала мне выкройки показывать, сказала, что я сама буду выбирать, что шить. Вот я и выбрала. И Варвара мне сразу дала и выкройку, и ткань, и обещала серебряную фольгу для звёзд достать.

— Она не удивилась, что ты хочешь такой наряд сделать?

— Удивилась. Но по-хорошему. Сказала, что у меня есть фантазия и кри... кря...

— Креативность?

— Точно. Так что теперь буду шить. Но не всякие юбочки-чепчики, а то, что сама придумаю.

Яринка выглядела такой довольной и важной, особенно на фоне последних дней, когда она ходила словно тень самой себя, что мне захотелось её обнять и потормошить, что я и не замедлила сделать. Это вылилось в недолгий подушечный бой, после чего мы решили

отложить и шитьё и уроки до ужина, вместо этого сев на подоконник читать "Алису".

Читалось не так быстро, как бы нам хотелось. В папке, которую скинул нам Дэн, было восемь книг. Мы не осилили ещё ни одной. Конечно, большую часть времени отнимала школа, домашние задания, и занятия после уроков — у меня хор, у Яринки шитьё. Но и оставшееся время не удавалось полностью посвящать чтению, приходилось изображать общественную жизнь, чтобы затворничеством не вызвать подозрений у бдительной Агафьи. Поэтому мы как прежде гуляли во дворе и смотрели со всеми телевизор в гостиной. Да и наши соседки по дортуару усложняли процесс чтения. Настуся щебетала без умолку, а Зина взяла привычку предлагать нам помощь в домашнем задании, если замечала, что мы слишком долго висим над планшетами. Приходилось искать обходные пути. Например, читать под одеялом перед сном, сбавив до минимума яркость подсветки планшета. Но это повлекло за собой другую проблему — мы перестали высыпаться и по утрам с трудом вытаскивали себя из постелей. Так что к моменту нашей очередной встречи с Дэном, нами была прочитана только одна книга.

Яринка поступила благородно. Я думала, что теперь, когда она тоже *другая*, полноправный член нашего маленького тайного общества, ей захочется ходить на встречи с Дэном вместе со мной. Мне не было жалко, но тогда мы бы остались без прикрытия. Однако Яринка в понедельник с утра сказала:

— Ты сегодня, когда к Дэну пойдёшь, не забудь спросить, как нам правильно книжки читать.

Книги про Алису не были пронумерованы, и мы боялись забежать вперёд по сюжету, читая их не по порядку.

— А ты разве со мной не пойдёшь?

Яринка замотала головой.

— Нет, лучше буду сойкой кричать. Да и вообще — третий лишний.

Я подозрительно уставилась на неё, ожидая какой-нибудь шуточки в стиле "тили-тили-тесто" но подруга смотрела прямо и ясно.

— Ну, как хочешь. Если передумаешь — скажи.

Яринка не передумала, ни сейчас, ни потом. Подозреваю, что, не смотря на всю свою показную бравату, она просто стеснялась Дэна. Видимо пуританское воспитание, которого я в Маслятах по счастью избежала, всё-таки давало о себе знать.

И я пошла в лес одна.

Сегодня, хоть я и помнила, что Белесый теперь у нас на крючке, не стала перелезать через забор одна — дождалась Дэна. Мы ушли к нашей сосне, и всю дорогу я восторженно тараторила о том, как нам с Яринкой нравятся книги, как мы начали ходить в библиотеку, чтобы узнавать значение непонятных слов, как всё равно кое-что понять не можем, и пусть теперь Дэн объяснит мне что такое... Тут я достала из кармана бумажку с записанными вопросами и сунула ему в руку.

Дэн хоть и выглядел малость ошалевшим от такого напора, но усевшись на сосну, добросовестно начал по пунктам разбирать мои каракули. А я пожалела, что не прихватила с собой ещё одну бумажку, чтобы записать его ответы. Попыталась запоминать так, и запомнила бы, но беда в том, что объяснения Дэна повлекли за собой всё новые и новые вопросы, и это казалось бесконечным.

Наконец Дэн замахал на меня руками, и велел в следующий понедельник снова взять с собой планшет, чтобы он закачал мне туда астрономическую энциклопедию для детей.

— Разве такие есть? — усомнилась я.

— Сейчас их не издают. А вот раньше были. Раньше астрономию и в школах преподавали.

— Кру-у-уто, — я сладко зажмурилась, представив, какие бы это были интересные уроки, — А почему сейчас не преподают?

Дэн мрачно усмехнулся.

— А чтобы у людей ненужные вопросы не возникали. Типа тех, какие ты задаёшь. Например, как это бог сначала создал землю, а только потом солнце? Любой человек поверхностно знакомый с астрономическими законами, поймет, что это невозможно.

— Значит, это тоже запрещённая книга?

— Дайка, — Дэн мягко развернул меня к себе лицом, — Давай договоримся раз и навсегда — все книги и фильмы, которые я буду вам давать, никто не должен видеть. Никто не должен знать о них. Вы с Яриной никому не должны рассказывать о том, что из них узнаете, хорошо?

Я заворожено кивала, постепенно переполняясь восторгом. Фильмы? Дэн будет давать нам запрещённые фильмы?!

— Не всё сразу, — привычно уже сказал Дэн, прочитав вопрос в моих глазах, — Имейте терпение. И соблюдайте крайнюю осторожность.

— Конечно! — снова закивала я, и, не сдержавшись, всё-таки поторопила события, — А какие фильмы ты нам будешь давать? А когда?

— Ну, для начала, конечно, про Алису.

На этот раз я не сдержалась, вскочила на ноги и запрыгала от восторга, хлопая в ладоши. Но Дэн, ухватил меня за плечи и усадил обратно.

— Дайка, я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещала за себя и за Ярину. У вас будет большой соблазн сохранить у себя то, что я вам даю читать и смотреть. Но вы не должны этого делать. Обещай мне, что как только вы посмотрите фильм, или прочитаете книгу, сразу же удалите их со своих планшетов.

Я слегка надулась. Неужели Дэн считает нас с Яриной совсем глупыми? Мы конечно не такие взрослые, как он, но вполне способны понимать, чем грозит тот или иной проступок.

— Торжественно клянусь! — я подняла сжатую в кулак руку, — Боже, царя храни!

Дэн фыркнул от смеха, дёрнул меня за косичку.

— Ты где это нахваталась?

— В церкви учила старинный гимн.

Я рассказала Дэну про Марфу Никитовну, Ньюру и других девочек певчих, про свои успехи в музыке. Потом плавно перешла на Ярину с её неожиданным желанием заняться рукоделием. И как-то так получилось, что в этот раз мы не стреляли из рогаток, не гуляли по лесу, а только говорили и говорили на разные темы. Жаль, что время от этого пролетело ещё быстрее.

Вечером, в дортуаре, я постаралась как можно подробнее пересказать Ярине наш разговор, ответы Дэна на мои вопросы, и его обещание принести фильмы про Алису. На это Ярине отреагировала так же, как я — запрыгала и захлопала в ладоши.

— Ой, давай быстрее книжки читать, так хочется посмотреть запрещённое кино!

— Тише! — привычно шикнула я, хоть в дортуаре кроме нас никого не было, — А как быстрее? Надо же стараться, чтобы никто не видел.

— Что-нибудь придумаем!

И мы придумали. А помогла нам в этом, как ни странно Агафья. На следующий день она подошла к нам на перемене, и сказала:

— Ярина, Дарья, мне сообщили, что вы стали каждый день ходить в библиотеку и пользоваться доступом в интернет.

— Кто сообщил? — не подумав, брякнула Яринка, чем заслужила неласковый взгляд.

— Сообщила библиотекарь Ольга Сергеевна, — повысив голос, пояснила Агафья, — Это её прямая обязанность — ставить воспитателей в известность об интересах их питомцев.

— Извините, сударыня, — Яринка опустила голову, и Агафья, несколько секунд продержав нас в холодном молчании, заключила:

— Вот я и хочу знать, что это за внезапные интересы?

Я растерялась. К моему стыду, мысль о том, что воспитательница может и должна спросить, чем же нас вдруг привлекать библиотека, обошла меня стороной.

Меня, но как оказалось — не Яринку.

— Агафья Викторовна, — спокойным и даже радостным тоном заговорила моя подруга, — Мы с Дашей подумали, что можем найти в интернете много полезного для наших увлечений. Вы же знаете, что Даша занимается в хоре, а я решила преуспеть в рукоделии. Вот мы и ходим в библиотеку, читаем, смотрим.

— Что же вы там смотрите? — голос воспитательницы чуть смягчился.

— Ой, — у Яринки здорово получилось изобразить энтузиазм, — Там очень много интересного! Я смотрю разные выкройки, вышивки, модели одежды, ну что бы мне хотелось сшить. А Даша читает псалмы, всякие песни, чтобы выучить и принести в хор.

Теперь Агафья позволила себе сухо улыбнуться.

— Что же, девочки, не скрою, последнее время вы меня радуете. Желаю успехов.

И она зашагала от нас, как всегда прямая, словно её одежда скрывала не живое тело, а манекен, вроде тех, что стояли в пошивочной у Варвары Петровны.

— Фу-у-ух, — я плюхнулась на стул, — Ну, Яринка, ты и молодец! Я бы так отмазаться не смогла.

— Да это я с перепугу, — призналась подруга, — Как подумала, что Агафья может полезть после нас в историю посещений и увидеть, что мы там про космические корабли роём. Вот был бы номер...

Мне поплохело. Всё-таки прав оказался Дэн, снова и снова повторяя мне об осторожности. Вот и ещё одно, что я непростительно упустила из виду. История посещений браузера!

— Блин, Ярина, а ведь она может!

Тогда мы и придумали систему, которая позволила нам не только лучше шифроваться, но и больше читать. Отныне, приходя в библиотеку и занимая компьютеры, мы открывали сайты: я — по церковному пению и сольфеджио, Яринка — по кройке и шитью. Открывали, а сами доставали планшеты и погружались в чтение, иногда лишь отвлекаясь на то, чтобы переходить со страницы на страницу, создавая видимость сетевой активности. И лишь по истечении законных сорока пяти минут, быстро смотрели то, что нам действительно было интересно, сразу после этого удаляя из истории посещений всё, чего там не должно было быть. Так что отныне, вздумай Агафья проверить, чем же так увлечены её питомицы, она не нашла бы ничего подозрительного.

И моя новая увлекательная жизнь, сотканная из трёх реальностей, продолжалась.

Глава 7

Снег.

— Штурман, идём на сближение! — Яринка, раскинув руки, двинулась вперёд.

— Есть, на сближение! — я последовала за ней.

— Орудия к бою! Навожу на цель.

Мы синхронно подняли рогатки.

— Огонь!

Шишки свистели в воздухе, и, ударяясь о твёрдую кору старого пня, падали в траву. Атака была молниеносной и неотразимой, враг пал, успев дать лишь несколько ответных залпов, которые впрочем, не принесли никакого вреда двум космическим флагманам, коих являли собой я и Яринка.

— Есть! Ура! — мы запрыгали на месте, потрясая в воздухе рогатками, а потом устроились верхом на пне, отдыхать после боевой операции.

Этот пенёк был обнаружен нами во время одной из прогулок, на которые мы с Яринкой теперь выбирались вдвоём раз в неделю. Караулить Агафью и кричать сойкой при этом было некому, но мы, подумав, решились пойти на этот риск. В конце концов, я раньше убегала без всякой подстраховки и ни разу не попала. Да, две пропавшие из поля зрения воспитанницы вдвое увеличивали шансы на то, что воспитательница обратит внимание на их отсутствие, но уж очень хотелось порезвиться на воле. Поэтому вечером каждой пятницы мы до ужина отправлялись в самоволку. И пока это сходило с рук.

Я показала Яринке наш тайник, показала рогатки, свою и Дэна, и, разумеется, она тут же потребовала себе такую же. Это заняло один вечер, к исходу которого моя подруга обзавелась изящной тонкой рогаткой цвета слоновой кости (Яринка срезала с неё кору) с красивым именем Бланка.

На следующий день после изготовления Бланки мы и обнаружили нашего противника во всех предстоящих играх — почти чёрный от старости корявый пенёк. Он был кем-то наполовину выкорчеван, и походил на выбирающееся из земли чудовище с множеством устрашающих щупалец-корней. Выглядело это так жутко, что увидев пенёк впервые, мы замерли, прижавшись друг к другу.

— Ого, какой...

Яринка несмело хихикнула.

— Представляешь, если бы наткнулись на него, когда гуляли ночью?

Я тоже захихикала, но поёжилась. К счастью пенёк был обнаружен днём, и сразу принял участие во всех наших развлечениях. Ему довелось быть и морским спрутом, и подземным чудищем, и как сегодня — космическим боевым крейсером противника. В перерывах между атаками мы сидели на нём верхом болтая о чём-нибудь, или перекусывая стаченными из столовой печеньями. И скоро пенёк стал для нас таким же близким и привычным, как поваленная сосна над тайником.

Незаметно закончился сентябрь, с момента моей встречи с Белесым прошло больше месяца, и хоть теперь я дважды в неделю бывала в лесу, но кроме своих друзей не встретила здесь ни одной живой души. Кто знает, может быть, угроза Дэна возымела действие, и Белесый каким-то образом позаботился об этом? Так или иначе, но никто не нарушал нашу идиллию. С середины месяца лес начал менять наряд, зелень постепенно уступала место желтым и красным тонам, земля покрывалась хрустящим ковром из опавшей листвы. Всё

чаще под деревьями мы находили грибы — опята, грузди, и конечно маслята, чьи мокрые шапочки пахли так волшебным, что я утыкалась в них лицом, закрывала глаза, и словно возвращалась в родную тайгу. Грибы мы не трогали, приготовить их всё равно не было возможности, а так они радовали нас своим присутствием.

В приюте всё тоже шло замечательно. Я медленно, но верно осваивала музыкальные азы, уже умела играть на фортепиано простенькие мелодии, научилась не стесняться стоя на клиросе перед всей приютской паствой, и получала истинное удовольствие от наших вечерних посиделок в закрытой церкви, которые мы называли спевками. Яринка тоже преуспевала. Её костюм звездочёта заслужил похвалу не только Варвары Петровны, но и самой Агафьи, которая пообещала, что если Яринка будет и дальше столь усердна, ей позволят надеть этот наряд на Рождественский бал. Воодушевлённая подруга тут же взялась шить халатик, из которого тоже грозились сделать что-то необычное, но что именно, пока не говорила.

И конечно, мы продолжали читать при каждом удобном случае. Читали, а после уроков, в библиотеке искали значение непонятных нам слов, что заметно расширило наш кругозор, и сделало возможным такие игры, как сегодняшняя. Космические термины мы вставляли, куда только могли. "Я чуть не опоздала на урок и летела, как комета!", "Да чтоб Агафью метеором пришибло!", "До экзаменов ещё сто световых лет". Мы прекрасно понимали, что подобные выражения, услышанные кем не надо, могут повлечь за собой неудобные вопросы, но не могли отказать себе в удовольствии хоть как-то почувствовать себя причастными к великолепному миру девочки Алисы.

Про Алису нам осталось прочесть четыре книги. Того момента, когда книги закончатся, мы и боялись, и ждали. Боялись, потому что было невыносимо жалко расставаться с полюбившимися героями, но Дэн обещал принести нам фильмы по этим книгам, только когда мы закончим чтение, поэтому приходилось торопиться.

Мои встречи с Дэном теперь происходили по принципу "вопрос — ответ". Я с ходу вываливала на него всё, что накопилось непонятного за неделю, и про что мы не смогли разузнать в библиотеке. Дэн хватался за голову, но объяснял, как мог. Он, как и обещал, закачал мне на планшет астрономическую энциклопедию, но это только прибавило вопросов. Информационный голод, который не могла утолить ограниченная школьная программа с её скудным списком литературы, требовал всё новых и новых знаний. А то, что знания эти являлись для нас запретными, только подогревало интерес.

Из рогаток мы теперь почти не стреляли, времени едва хватало наговориться, и всё равно каждый раз после очередной встречи, я спохватывалась, что опять забыла что-то спросить. Полтора-два часа в неделю нам явно не хватало для общения, но Дэн не соглашался на большее, а я не смела настаивать, помня о том, что он, в силу возраста, рискует больше нас.

А в середине октября случилось то, что должно было положить конец нашим и без того редким и коротким встречам. А именно — выпал снег.

Почему-то насколько я себя помню, первый снег всегда выпадал ночью, и утром я обнаруживала за окном обновлённый мир. Так вышло и в этот раз. Мы проснулись не от будильника, а от восторженного щебета Настуси: "Снег! Выпал снег!". Я, Яринка и Зина вылезли из постелей, и подошли к окну, за которым кружились снежинки. Это было красиво, как и ослепительная белизна снаружи, особенно после последних серо-дождливых дней, и мы понимали Зину и Настусю, которые сначала выразили свой восторг счастливыми

взвизгами, а потом кинулись одеваться, чтобы встретить начало зимы на крыльце. И если бы наша с Яринкой жизнь текла в прежнем русле, мы бы сейчас составили им компанию, ведь первый снег всегда радостное событие. Первый снег — это снежки, это санки, это снеговики и горки, и конечно же приближающееся Рождество и Новый год. Но сейчас снег для нас означал, что время прогулок и игр в лесу, время встреч и разговоров с Дэном откладывается до весны. До той поры, когда сойдёт снежный покров и по следам на нём уже нельзя будет обнаружить нашу тайну, нашу лазейку, наш кусочек свободы. Поэтому мы и молчали у окна, грустно глядя, как на улицу из корпусов выплёскивается волна воспитанников и взлетают в воздух первые снежки.

— Как же теперь, — Яринка растерянно обхватила себя за плечи, — Как теперь мы к забору...

Раньше мы не говорили об этом, хотя прекрасно понимали, что с началом зимы уже почти родной для нас кусочек леса, станет недоступен. Зачем обсуждать то, что неизбежно? Только настроение портить. Смену времён года не остановишь, снег не заставишь растаять, не оставлять следов не получится. Поэтому я не ответила Яринке. Но она заговорила снова:

— Я думала, что ещё хотя бы две недели. Раньше ноября снег обычно не идёт... Ну что за подлость?

Это действительно была подлость. В Маслятах снег выпадал намного раньше, но это на севере, в сибирской тайге, здесь же такого и впрямь не должно было быть.

— А знаешь, — сказала я, чтобы хоть как-то отвлечь и себя и Яринку от грустных дум, — Мне папа рассказывал, что до войны зима наступала намного позже. А в Москве снег ложился вообще только под Новый год. И тогда зимой было тепло, как сейчас осенью.

Яринка сердито покивала.

— Мне тоже мама говорила. У нас даже фотографии молодой бабушки были, она фотографировалась в Москве как раз на Новый год. А там слякоть, лужи, и снега вообще нет. А теперь... это из-за войны?

Я кивнула.

— Дед Венедикт рассказывал, что бомбы сделали что-то с Землёй, и теперь климат меняется. И будет ещё холоднее.

Яринка повернула ко мне встревоженное лицо, хотела спросить что-то ещё, но тут дверь распахнулась и ворвались Зина с Настусей, с растрёпанными волосами, в которых блестели растаявшие снежинки, с румянцем на щеках. Они хохотали и держались друг за друга.

— Агафья прибежала, — сквозь смех сообщила Зина, — Сказала, что если те, кто выскочили без пальто потом заболеют, то будут лечиться розгами.

Настуся заглянула в зеркало и с весёлым испугом схватилась за голову.

— Ой, я даже не подумала, что волосы распущены!

— А что в этом ужасного-то? — буркнула Яринка, отходя от подоконника, — Ты же не на уроках и не в церкви.

— Нельзя ходить простоволосой, — наставительно объяснила Настуся, — Это неприлично.

— Кто тебе сказал? — настроение у моей подруги было хуже некуда, и она явно нарывалась на ссору, — Мы дома, когда во дворе играли, бегали с распущенными волосами и ничего.

Настуся не поддавалась на провокацию. Рассудительно объяснила:

— Ты тогда ещё маленькая была, маленьким можно. А мы уже почти невесты.

— Невесты! — передразнила Яринка, — То, что скоро ты будешь заплетать одну косу вместо двух, тебя невестой не сделает.

Настуся и тут не разозлилась. Спокойно ответила:

— Дело не только в косах, и ты это знаешь.

Яринка знала, поэтому не стала больше спорить, а легла на кровать лицом к стене. Мне стало её жалко, поэтому я сказала, словно между прочим:

— Первый снег — он всегда тает.

И оказалась права. Этот снег растаял уже к вечеру, потому что днём выглянуло солнце, и температура поднялась до плюсовой отметки. Повсюду образовались лужи как после дождя, и вновь показавшаяся трава, зеленела в солнечном свете почти по-летнему. Мы с Яринкой повеселели, хоть и понимали, что это всего лишь отсрочка перед неизбежным. Тем не менее, вечером в библиотеке Яринка не поленилась, нашла в интернете прогноз погоды на месяц вперёд, и радостно сообщила, что снег теперь ожидается не раньше чем в начале ноября. Полагаться на прогноз погоды давно считалось чем-то сродни веры в приметы — после войны погода перестала быть предсказуемой. Но прогнозы всё равно составлялись, и люди их читали, это стало традицией, которую никому не хотелось нарушать. И я порадовалась вместе с Яринкой, а почему бы нет? Ведь вполне может быть, что в этот раз погода случайно совпадёт с прогнозом.

Тем не менее, мы вняли предупреждению, и при следующей встрече с Дэном, первый заданный мной вопрос был о том, как же мы сможем видаться зимой?

Дэн не удивился и ответил сразу, наверно уже думал об этом.

— Боюсь, что никак, малявка. Сама понимаешь, следы, ведущие к забору, кто-нибудь да заметит.

— А если, — над этим планом мы с Яринкой размышляли весь день, — Если нам там играть в снежки, гулять, снеговиков лепить, и специально затоптать снег? Ну, чтобы на следы больше никто не обращал внимания?

Но Дэн покачал головой.

— Это от прудика до забора? Расстояние может и небольшое, и затоптать снег получится, но проблема не только в этом. Листьев-то не будет, понимаете? И лес станет просматриваться куда лучше, тем более на фоне белого снега. Из окон, да и просто с улицы кто-то может увидеть, как мы лезем через забор. И следы с той стороны охрана заметит. То, что мы больше никого не встречали в лесу, вовсе не значит, что там никого и не бывает.

— Ну, неужели нельзя что-нибудь придумать?! — меня ужасали предстоящие как минимум шесть месяцев без лесных прогулок и игр, без Пчёлки и Дэна.

Но мой старший друг был неумолим.

— Нет. Никаких следов, даже натоптанных специально. Нельзя привлекать внимание к этому участку забора. Если кто-то из взрослых заметит, как здесь стоят деревья, как удобно перелезть на ту сторону — их спилят. Тогда и летом не погуляем. Так что пусть лучше будет снег, это защита хотя бы на зиму.

Я сникла. Конечно, Дэн всё говорил правильно, но шесть месяцев! Ладно, игры и стрельба из рогаток подождут до весны, всё равно сугробы сделали бы это крайне затруднительным. Но наши встречи, разговоры... и что мы с Яринкой будем читать, когда закончатся книги про Алису?!

Я подняла перепуганные глаза на Дэна, но он, кажется, догадался, о чём я подумала, и торопливо сказал:

— Дайка, ты не думай, что мы совсем потеряем связь. Просто это будет происходить по-другому.

— Как?

Он хитро улыбнулся.

— А это вам с Яриной задание. До следующего понедельника найдите такое место, где можно будет прятать небольшие вещи.

Я озадаченно моргала.

— Какие? Зачем?

— Ну, например записки. А ещё — флэшку.

Видя, что я так ничего и не поняла, Дэн вздохнул и объяснил.

— Если найдёте хороший тайник, мы будем обмениваться записками. А ещё я буду вам время от времени оставлять там флэшку с новыми книгами и фильмами.

— Ой! — я обрадовано закивала, — Конечно, найдём!

— Только запомните, — Дэн положил руку мне на плечо и неторопливо повёл между деревьев, — Тайник должен быть сухим. Его не должно заметать снегом. Он должен быть в таком месте, куда и вы и я могли бы приходить в любое время. Но не там, где постоянно кто-то трётся, понимаешь?

— Понимаю! Не волнуйся, мы обязательно такой найдём.

Дэн потрепал меня по волосам.

— А я и не сомневаюсь.

И мы нашли. Очень быстро.

Небольшой спортивный стадион, на котором летом мальчишки играли в футбол, зимой превращался в каток. Он был огорожен проволоочной сеткой, и сетка эта крепилась на металлических столбах, проходя сквозь них, через множество вертикальных выемок. Как раз такого размера, чтобы туда мог войти сложенный в несколько раз бумажный лист или небольшой плоский предмет, вроде флэшки.

— Здорово, — радовалась Яринка, — для безопасности можно будет постоянно менять выемки. Например, по дням недели.

— Лучше прятать вон там, — я показала на другую сторону стадиона, ближе к деревьям, — Там реже ходят.

Дэн нашу идею одобрил, и даже слегка посетовал на себя, за то, что не додумался до этого раньше. Тайник действительно получался почти идеальным. Когда мальчишки катались на катке или играли в хоккей, другие воспитанники, в том числе и девочки, часто стояли вдоль ограждения, держась за столбики, наблюдая за ними сквозь сетку. Так что наше пребывание там ни у кого не вызвало бы ни малейшего удивления, а нам в свою очередь будет проще простого незаметно положить и взять что-то из тайника. И риск того, что кто-то другой наткнётся на нашу переписку, тоже казался минимальным, кому придёт в голову обшаривать ограждение стадиона? Благо, столбов много, и выемки присутствуют на них по всей длине.

Обеспечив себя связью на зиму, мы немного успокоились и стали ждать выпадения снега уже без прежней грусти. Зима не навсегда, и в чём-то Дэн прав — пусть глубокие сугробы до весны сберегут нашу тайну, не подпустят к ней посторонних, и не позволят нам самим нечаянно её выдать.

А прогноз погоды, как ни странно не обманул, и в следующий раз снег выпал именно в

начале ноября, так что в моём распоряжении оказались ещё две недели осени, ещё две встречи с Дэном, и две прогулки с Яринкой. Так же радовало, что за это время мы успели дочитать книги про Алису, и когда последний раз виделись в лесу, Дэн закачал мне не планшет два фильма и один мультик по этим книгам. Они сгладили наше огорчение, когда проснувшись однажды утром, мы обнаружили за окном снежный покров, который уже не сошёл. На неделю зарядили снегопады, и к середине ноября уже можно было лепить сколько угодно снеговиков и с головой нырять в сугробы. Что мы и делали в свободное время, которого теперь стало больше. И не только потому, что для нас стал недоступен лес, но из-за невозможности больше читать.

Фильмы и мультик про Алису мы посмотрели за три дня. И будь наша воля, пересматривали бы каждый день, но Дэн взял с нас обещание удалить запрещённое видео сразу после просмотра. Мы и удалили, чуть не плача, утешая друг друга. Не могу сказать точно, но наверно это было так же тяжело, как прощаться с любимыми друзьями. Теперь у нас не стало мира Алисы, ни фильмов, ни книг, ни игр в космические бои. Наши рогатки, так же, как и вражеский крейсер-пень остались ждать за забором, под белым одеялом, в уснувшем до весны лесу.

Снова привыкать жить без ежедневного увлекательного чтения оказалось трудно. Внезапно появилась масса свободного времени, которое нужно было на что-то тратить. Мы попробовали брать книги в библиотеке, но все эти кулинарии для начинающих, домоводства для девочек, детские православные хрестоматии, оказалось нудятиной, которая годилась разве что только в качестве быстродействующего снотворного. И теперь мы жили ожиданием.

Дэн обещал, что как только у него появится возможность достать новые книги, он закачает их на флэшку, которую вместе с запиской положит в наш новый тайник (ограда стадиона, третий столб справа, со стороны леса, пятая выемка снизу). Но когда именно это произойдёт, он не уточнил, и не велел нам слишком часто проверять тайник, чтобы не привлечь чьё-нибудь внимание. Часто мы и не проверяли, всего-то раз в день, или я или Яринка прогуливаясь по дорожке вдоль стадиона, на минутку наклонялись, держась за столб, чтобы поправить сапожок или подол платья, при этом незаметно запуская пальцы в вертикальную выемку. Но день за днём наши пальцы натыкались лишь на пыль и холодный металл.

Так подошёл к концу ноябрь, и наступил день рождения Яринки.

Дни рождения воспитанников в приюте не то, чтобы отмечали, но всё-таки не забывали, и на том спасибо. А ещё разрешали некоторые вольности. И когда утром, тридцатого ноября, я открыла глаза со звонком будильника, то первое на что упал мой взгляд — Яринка, стоящая перед зеркалом в самом фантастическом наряде, который мне доводилось видеть.

Сначала я подумала, что продолжаю спать, потому что где ещё, как не во сне, моя подруга могла обрядиться в летнюю листву и обзавестись прозрачными крылышками? Потом с соседней кровати донёсся восторженный писк Настуси, и я поняла, что имею дело всё-таки с явью. Наверно из моего раскрытого в изумлении рта тоже раздался какой-то звук, потому что Яринка повернула ко мне смеющееся лицо, и крутнулась на одной ноге.

— Ну как?

Вместо меня ответила Настуся:

— Ой, Ярина, что это?! Как красиво! Это ты сама сшила? Откуда выкройки? Ой, а что за материал?

Не дав Яринке ответить, она выпрыгнула из постели, и принялась вертеть мою подругу, как манекен. Только тут я разглядела, что никакой листвы нет и в помине, а есть наряд, сшитый из зелёных лоскутков разного оттенка имеющих форму листьев, и пришитых поверх друг друга.

Настуся крутилась вокруг Яринки, восторженно попискивая, как если бы та была наряженной новогодней ёлкой, а я спустилась вниз, не сводя глаз с чудного наряда.

— Когда ты успела? Тут же наверно работы...

— Не-а, — Яринка снова вернулась к зеркалу, критически оглядывая творение своих рук, — Это только так кажется. Помнишь, я тебе говорила, что теперь буду шить халат? Так вот это он.

Я недоверчиво уставилась на фантастический наряд подруги. Халат?

— Сейчас покажу, — Яринка принялась торопливо расстегиваться, демонстрируя нам изнанку вещи. И мы увидели, что это действительно простенький халат, на который густо нашиты вырезанные в форме листьев обрывки разной материи. Они были небрежно примётаны широкими стежками зелёной нити, так что кончики оттопыривались и торчали в разные стороны, напоя друг на друга, но именно это придавало костюму шикарный вид. Как будто кто-то швырнул в мою подругу охапкой листвы, которая чудесным образом превратилась в зелёное платье. Крылышки объяснялись ещё проще — на каркас из тонкой проволоки был натянут полупрозрачный тюль.

— И кто ты у нас? — донёсся с постели сонный голос Зины, разбуженной нашими голосами.

— Я — фея! — гордо ответила Яринка и сделала что-то вроде неуклюжего реверанса.

Зина спустила ноги с кровати и критически прищурилась.

— Слушай, фея, а тебе не кажется, что твоё платье слишком короткое? Это такая выкройка была?

Мы с Настусей торопливо отступили на несколько шагов, окидывая Яринку взглядами с головы до ног. Та немного смешалась.

— Нет, выкройка была стандартной длины, это я немного укоротила. Но ведь не заметно, да? Я по низу листьев нашила.

Зина скептически хмыкнула, а Настуся испуганно призналась.

— По-моему всё-таки заметно.

Я согласилась с ней. По правилам приюта подол обязательно должен закрывать ноги девочки ниже колен. Длиннее можно, короче — нет. А у нового Яринкиного наряда идущие по низу листья едва скрывали коленную чашечку до середины.

Яринка на миг призадумалась, потом махнула рукой.

— Да ладно, это же всего на один день, никто не заметит.

Когда мы явились в столовую на завтрак, костюм феи произвёл фурор. Девочки, и наши ровесницы, и из старших групп, обступили Яринку, вертели как куклу, засыпали вопросами, щупали листья и крылья. Галдёж продолжался, пока на них не рявкнула повариха с раздачи. Тем не менее, Яринка уселась за стол крайне довольная произведённым эффектом, и предвкушающая предстоящий день.

К сожалению, он оказался не таким, как она представляла.

Позавтракав, мы отправились ну уроки. В зимнюю форму воспитанниц входили

длинные пальто, закрывающие фигуру до середины голени, поэтому на улице Яринка не привлекла ничьего внимания. А вот в школьном коридоре моя подруга среди одетых в коричневые платья учениц бросалась в глаза, как первая зелёная травинка, на фоне бурой прошлогодней листвы. На неё удивлённо оглядывались, перешёптывались. Нет, появление в школе ученика одетого не по форме, не удивляло, все помнили про право именинника раз в году весь день ходить нарядным. Но готова спорить, что так, как Яринка не наряжался ещё никто.

Первым по расписанию шло как обычно Слово Божье, и мы стояли перед классными дверями, ожидая преподавательницу, когда нелёгкая принесла Агафью.

Девочки одиннадцати лет на взгляд воспитателей уже достаточно взрослые для того, чтобы не следить за каждым их шагом. Поэтому участие в нашем приютском быте Агафья принимала обычно с обеда, но сегодня что-то заставило её прийти проверить свою группу перед началом учебного дня. Деревянными шагами, поджав губы, она приближалась по коридору, издали выделяя Яринку в нашей однотонной группе. Вокруг постепенно нарастала тишина, девочки прекращали разговоры, машинально распрямляя спины, поправляя платья. И когда воспитательница, наконец, возвысилась над нами, стало совершенно тихо.

— Ярина Донаева, что это? — Агафья обронила всего четыре слова, но ближайšie к Яринке девочки, поспешно отступили в сторону, словно боясь заразиться чем-то навлекающим воспитательский гнев. Я их понимала — обращаться к воспитаннице вот так, по имени и фамилии, Агафья начинала только в крайне напряжённые моменты. Но Яринка подняла на неё глаза спокойно, без страха, даже с лёгким удивлением.

— У меня сегодня день рождения, сударыня.

— Это я прекрасно помню, — отчеканила Агафья, — Я спрашиваю, что на тебе надето? Подруга отступила на шаг, словно желая лучше продемонстрировать свой наряд.

— Это я сшила на продлёнке у Варвары Петровны, — ответила она без тени беспокойства, — Специально к сегодняшнему дню.

— Что. Это. Такое, — повысила голос Агафья, и вот тут Яринка стушевалась. Опустив голову, затеребила один из листиков на подоле.

— Я... сударыня, не понимаю, о чём вы спрашиваете.

— Я спрашиваю, что это за ужасная вещь? Ты решила в свой день рождения нарядиться кикиморой? Бесстыдница, ты же выглядишь как распутная девка, у тебя все ноги на виду!

Ноги у Яринки, строго говоря, были не на виду, а под коричневыми шерстяными колготками школьной формы, но гнева Агафьи это не смягчило.

— Посмотри на себя! Мало того, что подол такой длины — это просто распущенность, но ты ещё решила походить на лешего? Что за наряд?!

— Это не леший... не кикимора, — забормотала Яринка, — Это фея. У нас дома был диск с мультиком про фей, и вот у них... там... такие же платья. Ещё короче даже.

— То есть мы должны тебя поблагодарить за то, что ты совсем не обрезала подол? Мультик про фей, значит? Я всегда говорила, что все эти мультфильмы понавезённые из-за границы давно пора запретить, они развращают наших детей. Вот вам наглядный пример.

На Яринку было жалко смотреть, она стояла, вобрав голову в плечи, такая неуместно яркая перед одетой в серое воспитательницей. Я почувствовала болезненное желание хоть как-то защитить подругу, отвлечь часть внимания Агафьи на себя.

— Сударыня, — я придвинулась ближе к Яринке, — Это просто ошибка. Вы ведь знаете,

что Ярина недавно начала увлекаться шитьём, и у неё ещё не всё получается. Вот и подол вышел короче, чем надо. Она этого не хотела.

Холодный взгляд Агафьи остановился на мне.

— Неужели? Чего же стоило Ярине взять и исправить свою ошибку, раз уж она её заметила? Лень? Или желание оставить всё как есть?

Я торопливо забормотала:

— Нет-нет, просто она так хотела быть красивой в свой день рождения, а переделать не успела...

— Ах, вот как! — голос воспитательницы стал язвительным, — Так хотела вырядиться, что сочла скромность наряда не столь значимой?

Поняв, что, кажется, только ухудшила ситуацию, я потеряно замолчала.

Агафья снова перевела взгляд на Яринку.

— Вот что, Донаева. Я не стану тебя наказывать только по причине того, что сегодня твой день рождения. Сейчас ты пойдёшь в дортуар и переоденёшься в школьную форму. Именно в форму, сегодня я лишаю тебя права как-то украшаться, достаточно того, что ты уже успела. А после уроков отнесёшь свой, прости Господи, наряд Варваре Петровне, и там распорёшь его. Может ткань ещё сгодится на что-то более полезное.

— Да, сударыня, — Яринка, так и не подняв головы, побрела по коридору. Я, было, двинулась за ней, но Агафья остановила меня жестом руки. Потом ещё раз внимательно оглядев свою группу, развернулась и ушла, оставив за собой подавленное молчание.

На первой перемене я предприняла попытки расшевелить Яринку, вернуть ей хоть часть того летучего настроения, которым она заражала с утра. Я что-то рассказывала, шутила, дурачилась, но всё это разбивалось о Яринкину замкнутость. Она отвечала невпопад, не улыбалась шуткам, и я видела, что мысли моей подруги далеко. В конце концов, я тоже прекратила болтовню, ушла в себя. Так в молчании мы провели школьный день, так вернулись в дортуар. И тут Яринка сломалась.

Она взяла с кровати свой костюм феи, уткнулась в него лицом, и расплакалась.

Настуся и Зина замерли, я беспомощно затопталась рядом, не зная, что предпринять. Яринка конечно плакала и раньше, все приютские дети, осиротевшие в сознательном возрасте, иногда плачут по ночам, и я не раз слышала в темноте Яринкины всхлипы. Но чтобы моя бесстрашная и дерзкая подруга плакала вот так, у всех на виду — такого на моей памяти ещё не бывало.

Я присела рядом и осторожно приобняла её за плечи. От Яринкиных рыданий дрожали листья злополучного наряда, которым она продолжала закрывать лицо. В дортуаре висело неловкое молчание. Первой его нарушила Зина. Она поднялась на ноги, и тихонько сказала Настусе:

— Пойдём в гостиную, телик посмотрим.

— Так ведь телевизор сейчас ещё рано... — начала было Настуся, но Зина настойчиво повторила:

— Пойдём.

Я благодарно взглянула на неё, и получила в ответ понимающий кивок. А когда за девочками закрылась дверь, решительно потянула Яринку за руки, которыми она прижимала к лицу костюм феи. Яринка упиралась, пыталась отвернуться, но я настояла на своём, а увидев перед собой её заплаканное лицо, с нажимом сказала:

— Ну, ты чего? Наплюй на Агафью, всё равно все видели, какая ты молодец, и что можешь спать.

— Я не из-за Агафьи, — всхлипнула она, — Я вообще... из-за всего. Надоело.

Тут я её прекрасно понимала. Казалось бы, мы обе провели в приюте уже достаточно времени, чтобы привыкнуть к местным распорядкам, но мне как не хватало прежней свободы, так и продолжает не хватать. Как хотелось иметь возможность бегать сломя голову, так и хочется, не смотря на выработанную уже привычку всегда ходить чинным шагом. Как тянуло содрать с себя надоевшие до зубовного скрежета закрытые платья, и выйти под летнее солнце в шортах и майке, так и тянет. Как подбивало ответить грубостью на очередные замечания учителей и воспитателей, так и подбивает.

И Яринка, в своей жизни до приюта хоть и не имела возможности жить так вольно, как я жила в Маслятах, но тоже никогда не была поклонницей дисциплины. Она рассказывала мне об играх на пустыре, о шалостях на улице и в школе, о шалопаях друзьях, обо всём том, чего здесь оказалась лишена, и я её понимала. Мне тоже иногда хотелось вот так заплакать от бессилия.

— П-почему ничего нельзя? — продолжала всхлипывать Яринка, — На какие-то сантиметры п. платье короче, и что? Из-за этого надо день рождения п-п-портить...

Услышав, что подруга заикается, я перепугалась уже не на шутку. Слезы, жалобный голос, теперь ещё и заикание — всё это так не походило на привычную насмешливую Яринку. Решив, во что бы то ни стало отвлечь её от печали, я забормотала первое, что пришло в голову:

— Потерпи, ну потерпи. Мы убежим отсюда. Убежим на запад, там никто не запретит носить всё, что хочется. Ты, я и Дэн, вот увидишь. Надо только потерпеть.

Сказав это, я почему-то вдруг ясно увидела внутренним взором августовское ночное небо над кронами сосен, и падающие с него звёзды... Персеиды. В глазах защипало и пришлось часто заморгать, сгоняя непрошеную пелену.

— Сколько терпеть? Когда мы убежим? — на этот раз Яринка не заикалась, и я, закрепляя успех, ответила, стараясь придать голосу уверенность:

— Как станем совершеннолетними. Чтобы были документы.

Яринка перестала всхлипывать, задумалась, и тоскливо спросила:

— Мне исполнилось двенадцать. Ещё шесть лет ждать?

— Кажется, паспорт дают в четырнадцать?

— Всё равно до восемнадцати несовершеннолетние. Странно, да? Замуж можно с четырнадцати, а всё остальное только с восемнадцати.

Я обрадовалась тому, что к Яринке вернулась способность критиковать и придирааться, а она продолжала всё более уверенным тоном:

— Хотя знаешь, ждать до восемнадцати нам наверно не придётся. В шестнадцать можно убежать. Выглядеть будем уже как совершеннолетние...

Я понятия не имела, и особо не задумывалась, как сложится моя жизнь после приюта, это казалось слишком далёким. Тем более глупо начинать строить планы побега, когда я ещё понятия не имею о том, как устроена городская жизнь. Тут Яринке виднее. А ещё лучше Дэну.

Подруга между тем успокаивалась. Её плечи перестали вздрагивать, она вытерла лицо костюмом феи, и принялась его складывать. Хмуро попросила:

— Дайка, можешь отнести это Варваре Петровне? Пусть там лежит, а я потом распорю.

— Конечно! — я с готовностью вскочила. Мне показалось, что если унести злосчастный наряд с глаз долой, Яринка снова станет весёлой.

Варвара Петровна удивлённо глянула на меня сквозь очки, когда я протянула ей костюм феи.

— Сударыня, возьмите, пожалуйста. Ярина потом придёт, чтобы распороть.

— Зачем распороть? Это хорошая работа, Ярине очень нравилось.

Я повесила костюм на спинку стула, и беспристрастным тоном рассказала об утреннем инциденте.

Варвара Петровна сняла очки, со стуком положила на стол, и на её пухлых щеках появились красные пятна. Я испугалась, что чем-то разозлила преподавательницу, но как выяснилось — злилась она не на меня.

— Боюсь, что это моя вина, — наконец вздохнула Варвара Петровна, — Я не доглядела за тем, как именно Ярина довела до конца эту задумку.

Она сорвала костюм феи со стула и одним взмахом расстелила на столе. Я в последний момент успела подхватить заскользившие к краю очки, но преподавательница этого даже не заметила. Она придирчиво разглядывала результат Яринкиной фантазии, и всё сильнее краснела. Наконец резко выпрямилась, громко фыркнув:

— Несколько сантиметров! Я, конечно, очень уважаю педагогический опыт Агафьи Викторовны, но иногда она явно перегибает палку.

Я уставилась на неё во все глаза. Уж чего мне никогда не доводилось слышать в стенах приюта, так это как один взрослый критикует другого. Варвара Петровна видимо тоже поняла, что позволила себе лишнее. Кашлянула, суетливо надела очки, которые я заботливо вернула на край стола. Сказала уже другим, *преподавательским* тоном:

— Дашенька, ты иди и передай Ярине, чтобы она не расстраивалась, и сегодня пришла ко мне на продлёнку. Мы не будем распарывать костюм, мы переделаем его так, чтобы больше не вызывать недовольство вашей воспитательницы.

— Конечно, сударыня! — от радости я чуть не затанцевала на месте, — Я передам, Ярина очень обрадуется.

— Ну, ступай.

Обратно я полетела как на крыльях, спеша утешить тоскующую подругу. Но не смогла отказать себе в уже ставшим привычным ритуале — по дороге из школы в корпус обойти стадион, и как бы невзначай запустить руку в наш тайник, проверить, нет ли вестей от Дэна. Как оказалось, сделала я это не зря, и Яринка на свой двенадцатый день рождения получила неожиданный подарок.

— Ярин! — я влетела в дортуар, чуть не выбив дверь, и замерла, увидев там кроме своей подруги, Зину и Настюсю.

Они испуганно уставились на меня.

— Э-э, — смешалась я, и не нашла ничего лучше, как выпалить, — Пошли, тебя Варвара Петровна зовёт.

Яринка ошетибилась:

— Что, и ей длина подола не понравилась?

— Нет, нет, — поспешила я успокоить подругу, — Наоборот, хочет помочь исправить... короче, пошли.

Ухватив Яринку за локоть, я чуть ли не силой вытолкала её в коридор, и там шепнула:
— Письмо от Дэна.

Теперь мы уже наперегонки устремились в конец коридора, к двери на лестницу. На эту лестницу выходили окна с широкими подоконниками, на которых удобно сиделось. А гулкая колодезная акустика позволяла издалека слышать чьё-то приближение, так что лестничные пролёты часто использовались нами как место для секретных разговоров.

На этот раз мы не стали усаживаться не подоконник, а просто встали у стены, вплотную друг к другу. И я достала из кармана маленький свёрток. Им оказалась плоская флэшка, обёрнутая в лист бумаги, на котором чётким, очень наклонным почерком было написано "Прочитать, сразу порвать, и выкинуть".

Яринка взволнованно посмотрела на меня, я на неё, и мы приступили к выполнению инструкции.

"Привет! Я помню, что сегодня у одной из вас важный день, и по этому поводу хочу подарить замечательную книгу, героиня которой чем-то похожа на неё. Что делать после прочтения вы знаете"

Сухой стиль письма и его краткость нас не смутили. Это было обговорено — никаких имён, ничего такого, что могло бы выдать нас в случае обнаружения тайника посторонними. Тем не менее, мы перечитали скупые строчки несколько раз, прежде чем порвать лист на мелкие обрывки и съесть их. Это была Яринкина идея, подобный способ уничтожения улики она подглядела в каком-то шпионском фильме, и нам он пришёлся по душе.

— Интересно, откуда Дэн знает про мой день рождения? — Яринка таращилась на флэшку, как будто та должна была ответить на её вопрос.

— Потому что я говорила, — флэшку пришлось у подруги отнять и спрятать в карман, — Но не думала, что он запомнит число. Молодец.

Яринка довольно кивнула, и мы вернулись в дортуар. Там, дождавшись, когда Зина и Настуся отправятся на полдник, наконец, смогли увидеть, что за книгу Дэн преподнёс в подарок моей подруге. На обложке улыбалась огненно-рыжая девочка с торчащими в разные стороны косичками, и надпись под ней гласила "Пеппи Длинныйчулок".

Глава 8

Посвящение в невесты.

Книжка про Пеппи была осилена нами за неделю, она читалась быстрее, чем истории Алисы. И потому, что почти не приходилось продирается через непонятную нам терминологию, и вообще была проще написана. Но удовольствия от неё мы получили не меньше, просто оно оказалось другим. Если чтение Алисиных приключений можно было сравнить с гонками на велосипедах по крутым горкам, то книжка о Пеппи больше походила на качели. Легко, весело, и совсем не сложно. Особенно млела Яринка. Сначала я думала — это от того, что Пеппи очень похожа на неё, и не только огненными волосами, но абсолютным бесстрашием и дерзостью. Но однажды, когда мы уже дочитывали последние страницы, Яринка задала вопрос достойный не двенадцатилетней девочки, а скорее замечтавшейся малышки-дошкольницы:

— Дайка, как думаешь, может быть, что мой отец мне не родной? А родной когда-нибудь найдётся, как нашёлся папа Пеппи?

Я только вздохнула.

А когда наполненная весельем и беззаботностью книжка подошла к концу, и настало

время замечать следы, Яринка взбунтовалась:

— Это же мой подарок на день рождения! Почему я не могу её оставить? Что в ней вообще такого запретного?

— Ну, ты и спросила, — я попыталась вразумить подругу, — Она же с *Запада*. Да и то, как Пеппи себя ведёт... а представь, если дети начнут брать с неё пример?

— Не начнут. Вряд ли кто-то станет таскать на руках лошадей!

— Лошадей таскать не станут, а на взрослых плевать будут.

— Ничего, — Яринка зло рассмеялась, — Пару раз розгами огребут и перестанут.

— Ярина, удали книгу, мы же с Дэном договорились.

— А вот фиг. Подарки не отбирают.

Но сказано это было просто от обиды, как и те слёзы из-за костюма феи, потому что, выругавшись от души, и пнув стул, моя подруга сделала обещанное и отправила полюбившуюся книгу в корзину. После этого мы положили флэшку Дэна обратно в тайник вместе с запиской, на которой большими буквами написали только "Спасибо! Ещё!", и стали ждать ответа.

На этот раз ответ не задержался, как не задержался и в следующий, что было просто чудесно. После "Пеппи" последовала "Алиса в стране чудес". Сначала мы обрадовались, подумав, что это продолжение историй Алисы Селезнёвой, но в этой книге Алисой оказалась совсем другая девочка, и из другой страны. В приложенной записке Дэн писал "Боюсь, что здесь вы многого не поймёте, но прочитайте эту книгу обязаны". Почему обязаны, мы действительно не поняли. Но книжка оказалась интересной, хоть и временами очень странной. Мне она напомнила приходящие время от времени спутанные сны, в которых повседневная реальность причудливо переплетается с волшебством.

А потом вместе с короткой припиской "Этого вам хватит надолго", мы получили — ох, целую вселенную незабываемых сказочных приключений, семь книг "Хроники Нарнии". И погрузились с головой в новый увлекательный мир. До самого Нового года.

С 31-го декабря и по 8-е января наступали зимние каникулы. Из рассказов Яринки и родителей, я знала, что в обычных школах каникулы длятся очень долго, особенно летом, но в приюте мы никогда не отдыхали больше недели. Да и куда дольше? Это домашних детей родители могут взять с собой в путешествие, отправить в лагерь, да и просто отпустить целыми днями играть на улицах. А мы? Что делать нам на обнесённой бетонным забором территории? В свободное от занятий время мы гуляем по дорожкам приюта, смотрим телевизор в гостиной, ходим в библиотеку, но если из нашего распорядка надолго убрать школу, домашние задания и продлёнку, чем занять оставшиеся часы? Поэтому мы не жаловались на короткий отдых и не завидовали домашним детям.

А сейчас, в зимние каникулы надеяться на безделье подавно не стоило. Конец одного года и начало другого, в приюте самое оживлённое и важное время. Сдача экзаменов и перевод в следующую группу. Поскольку детей разделяли на группы по возрасту, то теперь, не смотря на то, что многие девочки, как и я, ещё не справили день рождения, нам предстояло из одиннадцатой группы перейти в двенадцатую. А это событие чрезвычайно важно для каждой воспитанницы, потому что по традиции именно в двенадцать лет девочка становится девушкой и невестой.

Второго января после завтрака нашу группу пригласили в актовый зал. Конечно, мы все знали о готовящемся событии, но всё равно отовсюду раздалось испуганное оханье и писк.

Девочки прижимали ладони к щекам, судорожно поправляли косички, взволнованно перешёптывались. И только мы с Яринкой отнеслись к предстоящему торжеству равнодушно, поскольку замуж не собирались и невестами себя не считали.

Даже вечно невозмутимая, не делающая лишних движений Агафья, сегодня была взбудоражена. Она зачем-то принялась строить нас парами, как будто мы были малышами, которых впервые везут на экскурсию в город. Успевала одновременно поправлять волосы и воротнички сразу нескольким девочкам, а на её сером платье мы заметили маленькую брошь в виде прозрачной капельки. Про эту брошь циничная Яринка шепнула:

— Как будто слюна от злости накапала.

Я ущипнула её за руку, но сдержать глупую улыбку не смогла, общая нервозность передалась и мне.

Ровным строем мы поволоклись в актовый зал, вызывая завистливые взгляды младших девочек, и снисходительные — старших. Агафья, не оглядываясь, маршировала впереди, напоминая мне утку, ведущую свой выводок к пруду, чтобы запустить в свободное плавание. Если бы в свободное... Но предстоящие перемены не сулили нам ничего, кроме новых обязанностей.

Именно об обязанностях счёл нужным упомянуть в начале своей торжественной речи, Пётр Николаевич, директор приюта, лично явившийся посвящать питомиц в невесты.

— Сегодня важный день в вашей жизни! — провозгласил он в микрофон на удивление визгливым для такого дородного мужчины голосом. Обычно это сочетание вызывало улыбки и хихиканье, но сейчас все были слишком взволнованы, чтобы обращать внимание на подобные мелочи. Даже Яринка не ухмыльнулась. Хотя возможно лишь потому, что на последнем ряду, совсем рядом с нами сидели учителя и воспитатели, явившиеся на посвящение.

— С сегодняшнего дня начинается ваш период взросления!

На этот раз моя подруга не удержалась, шепнула, придвинувшись ко мне:

— Ага, а до этого дня мы в подгузниках ползали.

Ближайшие девочки сердито оглянулись на нас, и Яринка преувеличено скромно потупила глаза.

— Сегодня вы расплетёте свои косички и смените их на одну прекрасную девичью косу!

Я увидела, как руки многих одноклассниц машинально поднялись к волосам. О да, обычай. Две косички по бокам — для детей, девушки носят одну, за спиной или перекинутую на плечо, не важно. Коса — девичья краса, как-то так.

— Но нельзя забывать, что становление девушкой, невестой, несёт с собой определённую ответственность и обязанности! — подчёркивая сказанное, голос Петра Николаевича взвился на недостижимую даже для моего дисканта высоту. На этот раз смешки всё-таки послышались, и мне показалось, что я чувствую спиной горячие волны ярости исходящие от сидящей в последнем ряду Агафьи. Только директор ничего не заметил.

— Отныне вы уже не имеете права потакать своей лени и детскому эгоизму! Вы не имеете права забывать, что от того, как сложится ваша жизнь, зависит и жизнь ваших будущих детей, а значит и жизнь всей Руси! На ваших хрупких плечах лежит огромная ответственность!

Я украдкой осмотрелась. Лица девочек, до этого оживлённые и взволнованные, постепенно принимали сонное выражение. Речь директора лилась без конца, и даже визгливые интонации уже никого не веселили. Я отключилась, и без конца повторяющиеся

"невесты", "обязаны", "продолжение рода" и, конечно же "Великая Русь", не мешали мне думать о своём. Впрочем, это своё я обдумывала уже недели три.

В Новый год торжество наступало не только для девочек из одиннадцатой группы, но и для мальчиков из пятнадцатой. Если двенадцатилетние девочки назывались невестами, тем самым обещая стать продолжательницами рода, то шестнадцатилетние парни начинали отдавать Родине другой долг. Военная служба. И в этом году новая шестнадцатая группа уже не будет постоянно жить в приюте. Я не знала точно, как это происходит, потому что не интересовалась судьбой местных мальчишек. Пока в моей жизни не появился Дэн. И пусть он должен был отпраздновать день рождения только в феврале, но в шестнадцатую группу переходил уже сейчас, а значит — станет солдатом вместе со всеми.

Да, мы видели, как время от времени в главные ворота въезжает автобус унылого тёмно-зелёного цвета, и парни из старших групп садятся в него, чтобы на время исчезнуть. Видели и как они возвращаются, похудевшие, странно весёлые. Но раньше это было привычной картиной местной жизни, которая меня не касалась и не стоила особого внимания. Теперь же я не могла думать ни о чём другом, кроме как об очередном унылом автобусе, который на этот раз увезёт Дэна.

Спросить обо всём его самого, я конечно не могла. Писать в записке подобные вопросы было слишком рискованно, и Дэн, понимая это, просто не стал бы отвечать. Увидеться? Теоретически любая девочка могла подойти к любому мальчику и поговорить с ним, это не запрещалось. Но и не одобрялось. О чём могут говорить девочка и мальчик, если у них даже школьные программы разные? Скорее всего, на один такой разговор мало кто обратил бы внимание, разве что покосились бы удивлённо. Но я не могла заставить себя подойти к Дэну на глазах у других. И дело даже не в том, что сам Дэн такого легкомыслия никак не мог одобрить, но мешало что-то ещё. Некий подсознательный страх, мерзкая стеснённость, как будто мне предстояло раздеться у всех на виду. И я мучилась от этого не меньше, чем от неопределённости нашего дальнейшего общения с Дэном.

Из задумчивости меня вывели бурные аплодисменты. Пётр Николаевич торжественно уносил свой огромный живот со сцены, а девочки обрадованные тем, что его бесконечно нудная речь подошла к концу, воодушевлённо рукоплескали. И под эти рукоплескания место директора перед микрофоном заняла Агафья. Она обвела свою группу цепким взглядом, отчего в зале сразу воцарилась тишина. Не та скучная и сонная, как во время выступления Петра Николаевича, но чуткая и полная напряжения. Кому, как не нам знать, что Агафья Викторовна понапрасну слов не тратит?

— Девочки, — начала воспитательница негромко, но очень отчётливо. Задумалась, и поправилась, — Девушки.

От подобного обращения, одноклассницы заметно приосанились, и мне стало смешно. Уж кем-кем, а девушкой я себя не ощущала.

— Девушки, как уже сказал уважаемый директор, у вас сегодня важный день, с чем и поздравляю. Но торжественную часть оставим на потом, сейчас же я хочу объяснить, чем теперь будет отличаться ваша жизнь от прежней. Если что-то будет непонятно, можете поднять руку и задать вопрос.

Такой подход всех только порадовал, уж чего не хотелось — так это очередной нудной лекции.

— С началом учебного года, на каждую из вас будет создана анкета на официальном сайте приюта. В анкету войдут ваши фотографии, данные о родителях, месте рождения и

подробная характеристика. Это официальная информация, которую нельзя будет изменить и которая не зависит от вас. Чего не скажешь об остальном. Со временем анкета будет дополняться. Отныне ваши оценки по всем предметам будут выкладываться на сайт, это же относится к оценкам по поведению. И вот здесь уже всё в ваших руках.

Агафья обвела взглядом притихшую группу.

— Полагаю, всем известно, с какой целью это делается, но я должна объяснить подробно. Обычно в семьях родители сами подыскивают будущего мужа для взрослеющей дочери, в вашем же случае дело обстоит сложнее. Но государство и церковь даёт шанс всем вне зависимости от происхождения и проступков родителей. Поэтому мы выкладываем подробные анкеты наших воспитанниц, чтобы мужчины желающие создать семью, могли зайти на сайт приюта и возможно отыскать среди вас свою избранницу.

По залу пробежал взволнованный вздох. Вверх взметнулась одинокая рука. Но почти сразу за ней — ещё несколько. И посыпались вопросы:

— Агафья Викторовна, а кто пишет характеристику для анкеты?

— Характеристику пишу я. Ваша воспитательница, в обязанности которой входит так же и это.

— Сударыня, а прошлые оценки записаны не будут?

— Нет. Мы даём шанс показать себя с лучшей стороны даже тем девочкам, что до этого не успевали.

— Сударыня, а если кто-то помогает на кухне или в церкви, это запишут?

— Разумеется, стремление бескорыстно трудиться во благо ближних — очень весомый плюс для девушки.

— Агафья Викторовна, а про наших родителей... всё будет на сайте?

Последовала пауза, даже те, кто хотел задать свои вопросы, опустили руки в ожидании ответа на этот. И Агафья ответила не сразу. Посмотрела поверх голов, поправила капельку-брошь на платье. А когда, наконец, заговорила, её голос зазвучал почти виновато:

— Это болезненная тема. Вы не виноваты в грехах родителей, но и мы не имеем право утаивать ваше происхождение. Это было бы нечестно по отношению к мужчинам, которые захотят искать здесь жену. Задача мужчины — заботиться о своём роде, и он должен знать всё о том, кто мать его будущих детей.

Удивительно, но следующей кто поднял руку, была Настуся.

— Сударыня, вы давно здесь работаете. Можете сказать, у кого из нас больше шансов?

Отвечая, Агафья, не смотрела никому в глаза:

— Не могу. Те наши девушки, которым посчастливилось выйти замуж, были самыми разными и попали сюда по разным причинам. Никакой закономерности я здесь не увидела.

И поскольку аудитория молчала, воспитательница продолжила прежним менторским тоном:

— Если вами заинтересуется мужчина, он через сайт свяжется с администрацией приюта. А администрация в свою очередь даст девушке разрешение на общение с ним.

Снова общий взволнованный вздох.

— Сначала общение будет происходить исключительно онлайн. На это даётся пятнадцать минут раз в неделю. В зависимости от пожеланий интересующегося, я буду сообщать выбранной девушке о времени разговора. Разговор состоится в воспитательской через один из стоящих там компьютеров. Таким образом, потенциальный жених может посмотреть на свою избранницу, а она — на него.

Поднялась рука.

— Агафья Викторовна, а если одной девочкой заинтересуются несколько мужчин?

— Значит, она пообщаться с ними всеми, чтобы выбрать одного. Но должна сказать, что такое бывает редко.

На этот раз руку подняла Яринка.

— Сударыня, а девочка имеет право отказать всем?

— Разумеется, имеет. Мы никого насильно замуж не выдаём, — Агафья на миг задумалась, и видимо приняв в расчёт то, кому она отвечает, сочла нужным добавить, — Запрещается только грубость и любые высказывания, порочащие репутацию приюта.

Яринка удовлетворенно кивнула.

— В дальнейшем, — продолжила воспитательница, — если девушка и мужчина понравились друг другу, они могут договориться о встрече. Встреча происходит в любой выбранный ими день в присутствии воспитателя. Так же в любой из выходных дней девушка может быть помолвлена в нашей церкви, если мужчина решит взять её в жёны. Помолвка происходит в присутствии администрации приюта и родных со стороны жениха. Разумеется, всё это обговаривается заранее. Ну и наконец, по достижении четырнадцатилетнего возраста помолвленная девушка выходит замуж, и покидает эти стены навсегда.

Агафья замолчала, но на этот раз руки никто не поднял. Судя по мечтательным физиономиям вокруг меня, все девочки вообразили себе счастливый день, когда прекрасный возлюбленный увезёт их куда подальше отсюда. Мне же вдруг вспомнился наш с Яринкой разговор в день её рождения.

— Слушаю, Даша, — в голосе Агафьи проскользнуло удивление, видимо вопросов от меня она не ожидала.

— Извините, сударыня, — начала я, тщательно подбирая слова, — Мой вопрос наверно не к месту, но я не понимаю, почему девушкам можно выходить замуж в четырнадцать лет, а совершеннолетие только в восемнадцать?

Кто-то с удивлением покосился, кто-то хихикнул, но Агафья не рассердилась. Видимо вспомнила, что я "из дикарей" и объяснила вполне доброжелательно:

— Совершеннолетие подразумевает становление человека полностью дееспособным, даёт возможность работать, владеть имуществом, распоряжаться финансами. Девушке находящейся в браке это не нужно, поскольку муж выступает её попечителем. И если она будет достаточно умна, чтобы сохранить семью, то не понадобится и в будущем.

Честно говоря, я ничего не поняла. Но запомнила, чтобы потом попросить Дэна объяснить простым языком, что всё это значит.

А затем наступила торжественная часть посвящения. Из невидимых колонок понеслась нежная и грустная мелодия, свет притушили, и мы все поднялись на ноги, подчиняясь единому порыву.

— И наконец! — Агафья старательно растянула губы в широкой улыбке, и это было так непривычно, что девочки стоящие в первом ряду, невольно подались назад, — Я имею честь объявить вас девушками, невестами! Благослови Господь каждую в этом зале! Расплетите волосы!

Возникло оживление, больше похожее на лёгкую панику. Девочки поспешно, словно боясь опоздать, сдёргивали с косичек тонкие разноцветные резинки, тянули пряди, стремясь поскорее отделить одну от другой, встряхивали головами. И скоро вокруг, словно дикий цветущий луг, распустились пушистые шлейфы волос — золотистые и русые, кудрявые

и прямые. И как я ни старалась оставаться равнодушной ко всему, но в горле встал комок, когда косички перестали привычно щекотать шею, а обе резинки сиротливо легли в ладонь.

Яринка из-за упавших на лицо освобождённых прядей, жалобно улыбнулась мне, и я поняла, что подруга чувствует нечто похожее. И не только она. До нас доносились тяжёлые вздохи, чьи-то всхлипы, некоторые девочки обнимались. Оглянувшись на миг, я увидела, что и кое-кто из взрослых на последнем ряду промокает глаза платочками.

Музыка постепенно стихла, Агафья чуть прокашлялась (неужели тоже растрогалась?), и жестом разрешив нам сесть, заговорила в микрофон:

— Не забывайте, что вместе с привычкой заплетать по утрам две косички, вы оставляете позади своё детство, пору беззаботности и безответственности, игр и шалостей...

На этот раз фыркнула я, незаметно пихнув Яринку локтем. Чего-то Агафью занесло. Где она нашла у нас беззаботность, а тем более безответственность? А настоящих игр и шалостей наверно в жизни не видела, раз принимает за них чинные прогулки по дорожкам приюта и посиделки у телевизора в гостиной.

Я снова отключилась, второй раз выслушивать про женское предназначение и обязанности — увольте.

Наконец, когда Агафья выдохлась, наступила заключительная часть посвящения. Снова зазвучала музыка, на этот раз торжественная, опять пришлось вставать, а на сцену заторопился Пётр Николаевич.

— Девушки! — не выдержав столь высоких нот, микрофон слегка зафонил, но директор бесцеремонно тряхнув его, дал команду к последнему действию, — Заплетите косы!

Мы с Яринкой повернулись друг к другу. Конечно, заплести самой себе одну косу гораздо легче, чем две — не нужно возиться с пробором, но ритуал предполагал иное. Я слышала, что в семьях первую косу в день двенадцатилетия девочке заплетает мама, нам же пришлось полагаться на подруг.

Резиночки кто-то убрал в карманы, кто-то надел на запястья, и на свет появились белые ленты, выданные нам накануне. Коса с вплетённой в неё белоснежной лентой — символ невинности. Отныне и до замужества так мы и должны ходить.

А потом нас по очереди поздравляли все учителя и воспитатели, что затянулось ещё на полчаса, и от пережитого волнения ужасно хотелось пить, а тяжесть косы непривычно оттягивала голову назад. В заключение у микрофона в очередной раз возникла Агафья, чтобы напутствовать своих воспитанниц в новый жизненный этап.

— Девушки, сейчас у вас будет свободное время до праздничного обеда. Советую потратить его на то, чтобы обдумать, каким образом вы можете уже сейчас положительно повлиять на своё будущее, улучшив показатели в ваших анкетах.

К её совету прислушались. Когда наша группа покидала актовый зал, уже не ровным строем, а разбившись на кучки, я со всех сторон слышала:

— Ой, у меня хвосты по русскому и кулинарии, попрошусь на продлёнку.

— А можно будет пересдавать экзамены?

— Что нужно, чтобы помогать поварам на кухне?

— Интересно, меня возьмут убирать в церкви...

Мы с Яринкой не сговариваясь, прибавили шаг, постепенно отрываясь от взволнованных одноклассниц.

— В дортуар?

— Не, — Яринка ошалело помотала головой, — Давай подышим немного, а то я уже

ничего не сообщаю.

Мы не торопясь пошли по дорожке, под медленным снегопадом. Я сняла варезку и, подняв перед собой ладонь, задумчиво наблюдала, как на неё опускаются снежинки, сразу превращаясь в крошечные капельки. Яринка же принялась ловить их ртом, задрав голову и высовывая язык. Да уж — девушка...

Пользуясь тишиной и уединением, я решила поделиться своей тревогой:

— Ярин, ты не знаешь, когда парней из шестнадцатой группы увезут? И на сколько?

— На учения? Знаю, — невозмутимо отозвалась подруга, — Сегодня у них тоже посвящение, только у нас в невесты, а у них в солдаты. А увезут первый раз, кажется в конце января и на месяц.

Я облегчённо передохнула. Значит, у меня ещё есть время, чтобы придумать, как мы с Дэном могли бы увидеться и поговорить. А Яринка продолжала:

— После этого их будут увозить каждые два месяца. Месяц там, месяц здесь.

— Откуда ты знаешь?

Она поморщилась:

— Отец любил про армию хвастать. Ему больше-то и вспомнить нечего. Сначала начинал бурчать, что мама ему сына родить не смогла, вот он бы его научил... а потом как пойдёт трещать, не остановишь! Это же не только в приюте так, но и везде. Раньше в армию забирали парней с 18-ти лет и сразу на год. А потом решили, что лучше будет вот так, с перерывами на учёбу, зато четыре года.

Мы свернули к стадиону, где весело гомоня, катались на коньках младшие мальчишки. Хотелось бы и мне так попробовать, но, увы, как я узнала здесь — спорт не для девочек. В Маслятах коньков у меня тоже не было, но на лыжах я ходила неплохо. Их, широкие лыжи, подбитые снизу шкуркой изюбря, специально сделала для меня мама...

Яринка подумала о том же.

— У нас во дворе каток был, так мы с девчонками прямо на подошвах катались, когда никто не видел.

— Получалось?

— Да ну. Падали только. Но всё равно весело. Слушай, пошли за стадион, тайник посмотрим?

— А чего его смотреть, мы же ещё "Хроники" не дочитали.

— Просто так. Всё равно делать нечего.

С этим доводом я согласилась. И как оказалось — не зря. Когда Яринка, делая вид, что вытряхивает снег из ботинка, ухватилась за металлический столбик, её ноздри затрепетали, а зрачки расширились.

— Дайка...

— Что там? — я начала торопливо оглядываться — не смотрит ли кто на нас? Никто не смотрел. А Яринка уже выпрямилась, на миг незаметно сунув руку в карман. И радостно шепнула:

— Записка.

— Пошли в дортуар! Нет, там наверно девчонки. На лестницу!

Мы так торопились, что не стали подниматься на свой этаж, а достали послание Дэна между первым и вторым.

— Читай ты, — поскольку идея проверить тайник принадлежала Яринке, я уступила ей это право.

И Яринка шёпотом прочла.

— Завтра сразу после ужина, возле прудика, сядьте на последнюю от леса скамейку справа.

Мы помолчали, моргая.

— Чего?

— Сесть на скамейку после ужина, — машинально повторила я, — возле прудика. Что там делать?

Но Яринкины глаза уже горели привычным азартом.

— А вот и узнаем, — она порвала записку пополам, одну половинку сунула в рот, другую протянула мне.

Привычно уже даваясь бумагой, я продолжала недоумевать. Вокруг прудика стоят шесть скамеек, по три с каждой стороны. Да, это место зимой было одним из самых безлюдных в приюте, но не настолько, чтобы там встречаться и болтать. Конечно, после ужина будет уже темно, и большинство воспитанников сядут смотреть телевизоры в гостиных, но ведь есть ещё окна и камеры. Ладно, будем надеяться на то, что Дэн как всегда знает что делает.

Остаток дня прошёл в поздравлениях и суматохе. После праздничного обеда вся наша группа собралась в гостиной и девочки принялись горячо обсуждать свои шансы на замужество. Чтобы не выделяться, я и Яринка посидели с ними, заодно с удивлением узнав, что наши шансы выше среднего. У меня — потому что пою в церковном хоре, что подчёркивает мою набожность, которая, как известно для девушки большой плюс, говорящий о её смирении и добродетели. У Яринки — потому что красивая. Набожность и смирение это конечно хорошо, но каждый мужчина хочет видеть рядом с собой красивую жену. Говорилось это с таким умудрённым видом, что я едва сдерживала смех. Одиннадцати-двенадцатилетние девочки, большая часть которых не помнит жизни вне приютских стен, рассуждают о том, чего хотят мужчины, с которыми они даже не общались! Умора.

Отсидев среди одноклассниц достаточный, как нам казалось срок для того, чтобы не прослыть белыми воронами, мы убрались восвояси. А точнее, Яринка отправилась в пошивочную, я — на спевку в церковь. Занятий по музыке в каникулы также не было, но наш маленький кружок продолжал собираться, чтобы поболтать и попеть.

Меня встретили аплодисментами. Я была самой младшей среди девочек-певчих, остальные уже прошли посвящение в невесты, и теперь от души поздравляли меня. Воспользовавшись случаем, я решила спросить у старших подруг о том, чего не допоняла со слов Агафьи. И это вылилось в неожиданно длинный разговор.

Мы как обычно сидели в маленькой комнатке за клиросом, Марфа Никитовна вскипятила для всех тёплый чай с мёдом, смягчающий горло до и после пения, и девочки пустились в воспоминания о своём посвящении.

— Меня выбрали уже через неделю, — грустно поделилась Аня из четырнадцатой группы, — Но я отказалась от общения с этим мужчиной.

— Почему? — хором спросили остальные.

Аня поморщилась.

— Он был старый и лысый. Некрасивый.

— Ой, у меня тоже! — подхватила Нюра, та самая, с которой я советовалась, собираясь проситься в певчие, — Меня три раза выбирали. И все три раза — старики.

— Прямо уж старики? — не поверила я.

— Ну не совсем конечно, но и не молодые. А я хочу молодого мужа.

Следом выяснилось, что и двух оставшихся девочек, Свету и Валю, мужчины приглашали к знакомству. Валю так целых четыре раза. Более того — сейчас она была помолвлена. Впрочем, новостью это оказалось только для меня.

— Я сначала тоже отказывалась, — поделилась Валя, — Потому что выбирали меня не старики конечно, но и не молодые, да ещё сплошь разведённые или вдовцы.

— А потом молодой попался? — заинтересовалась я.

Валя покачала головой.

— Нет. Но Пётр лучше остальных, те мне совсем не понравились. Надутые, как индюки, разговаривают свысока. А с ним проще было. Да и вообще, если постоянно отказываться, так и останешься ни с чем. Что бог даёт, то значит и надо.

— Так ты не влюбилась?

Старшие девочки снисходительно заулыбались, а Валя терпеливо пояснила:

— Любовь приходит со временем, уже в браке. Для начала хватит того, что мужчина тебя устраивает как человек.

Подобное объяснение мне совсем не понравилось. Живя в Маслятах, я, по малолетству не обращала внимания на то, как происходит общение у старших. Ребятня гуляла своей кампанией и не лезла к тем, кто уже вышел из детского возраста. Так называемым подросткам, юношам и девушкам. Было их немного, учитывая численность населения деревни, но шороху они задавали дай боже. И если парень с девчонкой вдруг выделяли друг друга среди остальных, то это никак нельзя было определить тусклым словом "устраивает". Букеты цветов на крыльце, гитарные серенады под окнами, поцелуи и объятия на виду у всех, скандалы с родителями, побеги с ночёвкой в тайгу. Страсти кипели так, что даже мы, младшие, будучи по уши в своих играх, не могли не обратить на это внимания.

А тут, оказывается, Валя помолвлена, у неё есть законный жених, но она даже никогда не заговаривает о нём. И зачем такой жених нужен?

Видимо эти размышления ясно отпечатались на моём лице, потому что Нюра наставительно сказала:

— Ты, Даша, ещё глупая. Жених нужен не для того, чтобы с ним в любовь играть, а для семьи, для детей. А если у двух людей семья и дети, любовь не может не прийти.

— Правильно, — подхватила и Аня, — Я сейчас так жалею, что отказала тому мужчине. Я же с ним даже почти не разговаривала, а вдруг он хороший человек? Такая же дурочка ещё была, на лысину посмотрела и сразу — нет. А больше меня никто уже не выбирал...

Девочки грустно примолкли, а я заметила одну вещь. Аню выбрали всего один раз. Она высокая, нескладная, с россыпью прыщиков на длинноносом лице. Нюру и Свету выбирали уже дважды. И они из тех, кого бы я назвала хорошенькими. Не красавицы, до моей Яринки или до экзотической Зины им далеко, но и не серые мыши, вроде меня или Настуси. А вот выбранная четыре раза Валя — хороша. Золотая коса, маленький носик, брови вразлёт, и большие светлые глаза в обрамлении пушистых и тоже золотых ресниц.

При этом не стоит забывать, что все девочки — церковные певчие, а это, если верить словам моих одноклассниц, должно было значительно повысить их успех на брачном рынке. Но преуспела пока только красивая Валя. Есть над чем задуматься.

Вечером я поделилась своими наблюдения с Яринкой, и она цинично хмыкнула:

— Дайка, ну кому нужно, чтобы его жена псалмы распевала? Вот увидишь — чаще всех будут выбирать даже не самых красивых, а у кого лучшие оценки по кулинарии.

После ужина наша группа, которой сегодня в честь важного дня позволялись небольшие вольности, устроила шумный праздник на улице. Перед Новым годом во дворе построили ледовый городок, и мы катались с горок, используя выпрошенные с кухни картонные коробки. В Маслятах зимой тоже строили горки, и я знала, что обычная картонка едет по льду не очень хорошо. Зато они были большие, и у нас получалось скатываться вниз по трое, а то и по пятеро, поэтому мы не спешили искать им замену. Девочки забыли, что они теперь девушки-невесты, дурачились как дошкольницы — устраивали кучу-малу в сугробах, пихали друг другу за шиворот снежки, и подняли такой шум, что из окна воспитательской несколько раз высовывалась Агафья, призывая нас к порядку.

А ночью, когда вымотанные дневными волнениями, все крепко спали, мы неожиданно получили ещё одно подтверждение нашего приближающегося взросления.

Меня разбудил жалобный плач. Приподняв голову, и ещё не понимая, где сон, а где явь, я в тусклом свете ночников, увидела стоящую возле своей постели Зину. Странно расставив ноги, она сжимала руками подол ночнушки и тоненько подвывала. На втором ярусе кровати замерла Настуся, которая, как и я, явно не могла понять, проснулась она или ещё нет, очень уж в непривычном виде предстала перед нами обычно всегда сдержанная и полная внутреннего достоинства Зина.

— Зин? — наконец, сумела я подать голос, — Зина, что с тобой?

Зина ничего не ответила, только громко всхлипнув, принялась тыкать пальцем в свою смятую постель. Я опасливо приподнялась на локтях, пытаюсь разглядеть, на что она показывает. Настуся, свесившаяся сверху, успела это сделать первой.

— Тут что-то разлито, — испуганно сказала она, — Какие-то пятна.

Теперь я тоже увидела. На белой простыне Зиной ярко выделялись несколько чёрных пятен.

— Это кро-овь, — проскулила Зина, и приподняла подол ночнушки, демонстрируя на нём такие же тёмные кляксы, — Я проснулась, а из меня течёт кровь...

— Ой, да не реви ты, — раздался снизу голос Яринки, которая оказывается уже не спала, — У тебя месячные начались, не понятно что ли?

Я испустила громкий вздох облегчения и откинулась на подушку. Но Зина и Настуся уставились на Яринку так, словно она вдруг заговорила на другом языке.

— Месячные, — повторила Яринка громче, — ну женские дни.

— Это у всех девочек так должно быть, — пришла я на помощь подруге, — Просто у кого-то раньше, у кого-то позже.

Настуся вдруг прыгнула с верхнего яруса их с Зиной кровати так, что подол ночнушки взметнулся до груди, оголив тонкие ноги и впалый живот.

— Я сбегая за Агафьей Викторовной! — крикнула она, и исчезла за дверью, которую не потрудилась прикрыть за собой, так что нам был слышен удаляющийся топот босых ног.

Зина снова тихонько заскулила, не меняя позы. Яринка тяжело вздохнув, вылезла из постели, и подойдя к ней, приобняла за плечи.

— Не реви, с тобой ничего страшного не происходит. Мне мама рассказывала, это бывает со всеми девочками, когда они взрослеют.

Я тоже начала спускаться вниз, чтобы помочь Яринке успокоить Зину, но в этот миг, за дверью раздались шаги, и на пороге возникла Агафья, с растрёпанными волосами, в кое-как застёгнутом халате.

— Что здесь происходит? — громким, но слегка подрагивающим голосом спросила

она, — Кто поранился?

— Зина! — тонко выкрикнула из-за её спины Настуся.

— Да не поранилась она, — начала было объяснять Яринка, но Агафья уже подошла, твёрдо отодвинула мою подругу в сторону, и, взяв Зину за плечи, наклонилась к ней.

— Что с тобой?

— Кровь, — прохныкала Зина, — Из меня бежит кровь.

Агафья бросила взгляд на её испачканный подол, потом на заляпанную постель, и выпрямилась.

— Понятно. Не плачь, всё с тобой хорошо. Пойдём-ка, — она увлекла Зину к дверям, обернувшись на пороге, коротко велела, — А вы спать!

Да куда там! Настуся хныкала не хуже Зины, Яринка выглядела раздражённой, я чувствовала, что теперь вряд ли сомкну глаза до утра.

— Ой, — Настуся, не переставая всхлипывать, полезла к себе на второй ярус, — Ой, господи...

— Да при чём тут господи?! — взорвалась Яринка, — У неё месячные начались, просто месячные, вы что, совсем ничего не понимаете?

Мне было понятно её недоумение. О так называемых месячных я знала лет с шести, когда заметила, что мама время от времени болеет, день-другой лежит в постели, и за неё всё делает папа. Меня это беспокоило, и я спросила у мамы, что с ней и могу ли я чем-нибудь помочь? Тогда мама и рассказала, почему не стоит за неё волноваться. Яринка тоже узнала обо всём от своей мамы. Что же, тогда наверно можно не удивляться тому, что Зина и Настуся, разлучённые с родителями в младенчестве, до сих пор пребывали в неведении.

Настуся продолжала всхлипывать, и я решила успокоить её. Тем более, что Яринка с решительным видом забралась на подоконник, отвернувшись от нас, и от неё ждать помощи явно не приходилось.

Приблизившись к кровати соседок, я забралась на пару ступенек, чтобы моя голова оказалась на уровне второго яруса, и тихонько позвала:

— Настуся? Настуся, не реви. Зина не больна...

Но продолжить объяснения я не успела. Дверь открылась, и Агафья впихнула в дортуар бледную, но уже не плачущую Зину, сунула ей в руки большой свёрток, сказала:

— Постель смени. Завтра с утра зайди ко мне.

И только потом обвела нас строгим взглядом.

— Я же велела спать. Быстро все по койкам!

Постояла ещё, наблюдая за тем, как выполняется её распоряжение, и только потом плотно прикрыла за собой дверь.

Дождавшись, когда стихнет звук удаляющихся шагов, мы заговорили разом.

— Зиночка, с тобой всё хорошо?

— Она тебе хоть что-то объяснила?

— Зачем тебе завтра идти к ней?

Зина опустила на край кровати свёрток, который оказался сменой постельного белья, и ответила тоже всем сразу:

— Со мной всё хорошо. Да, объяснила. Завтра мне нужно к женскому доктору.

— Зачем к доктору, если всё хорошо? — встревожилась Настуся.

— Агафья сказала, так надо. Когда начинаются... эти...

— Кстати, как их Агафья назвала? — поинтересовалась Яринка.

— Критические дни, — ответила Зина, и неожиданно хихикнула.

Мы тоже засмеялись, и просто от облегчения, и потому что выражение действительно показалось забавным.

Обстановка разрядилась, Настуся помогла Зине перестелить постель, и мы устроились досыпать остаток ночи. Последняя мысль, которую я успела поймать, перед тем, как погрузиться в сон, была о том, что я только обрадуюсь, если у меня эти критические дни не начнутся подольше.

Наверно кто-то наверху услышал моё сонное желание, потому что, как показало будущее, так и получилось.

Глава 9.

Скамейка.

Чем хороши каникулы — можно спать сколько угодно. Конечно, есть риск пропустить завтрак, но это мало кого расстраивает. И я открыла глаза, только когда позднее зимнее солнце заглянуло в дортуар. Яринка тоже ещё сопела в подушку, а вот Зины и Настуси не наблюдалось, кровати их были заправлены. Не торопясь, предвкушая день ничегонеделания, я спустилась вниз, и, не переодевая ночнушку, потянулась за планшетом. Почитаю, пока есть возможность.

Спутанные со сна пряди волос упали на лицо. Я машинально поправила их, подумав, что не мешало бы сначала заплестись, посетовала на ещё спящую Яринку без которой это будет труднее... и вспомнила вчерашний день. Ах да, две косички, ровный пробор, соревнования на скорость, всё это ушло в прошлое. Теперь я девушка и должна носить одну косу. А одну легко заплету сама.

Обрадовавшись, я выхватила из шкафчика расчёску, и направилась к зеркалу. Но там снова замерла, вглядываясь в своё отражение. Совсем нечасто мы видим себя с распущенными волосами, и я вдруг заметила, как они у меня отрасли за последнее время. Ещё немного и достанут до пояса. Может последовать примеру Яринки — украдкой их подрезать? Или пусть будет длинная коса?

Я опустила расчёску и принялась внимательно вглядываться в своё отражение, невольно вспоминая вчерашний разговор в церкви, и последовавшее за этим открытие — девочек выбирают за красоту, а не за успешную учёбу и примерное поведение. И пусть я не собираюсь выходить замуж, всё-таки интересно, выберут ли меня хоть раз?

Чем дольше я гляделась в зеркало, то убирая волосы за спину, то перекидывая набок, то забирая в хвост, тем больше убеждалась, что красавицей меня не назовёшь. Но и отталкивающих черт тоже нет. Уши не торчат, нос не большой, глаза не маленькие. Конечно, лицо могло бы быть и не таким худым, губы чуть поплотнее, а брови наоборот потоньше и повыше, но уж что есть...

— Да красивая, красивая, — ворчливо донеслось сзади, и я пристыжено оглянулась.

Яринка оказывается уже не спала, а наблюдала за моими кривляньями перед зеркалом. Вот зараза!

Заметив моё смятение, подруга успокаивающе махнула рукой.

— Всё нормально. Нам сейчас и полагается красоваться, мы же невесты.

— Сама ты невеста, — глупо огрызнулась я и начала яростно драть расчёской волосы, скрывая смущение.

Яринка между тем выбралась из-под одеяла, сладко потянувшись, подошла и встала рядом

со мной. Задумчиво уставилась на своё отражение.

— Моя мама была тоже рыжей. Отец ещё и за это её шпынял. Говорил, что у приличной женщины не может быть такого вульгарного цвета волос. И дочь такую же родила.

— Ну и идиот, — буркнула я, — Твой цвет волос самый красивый. В приюте ни у кого больше такого нет.

Яринка повертела перед носом свою чуть вьющуюся прядь.

— Может и красивый, но никто не любит рыжих женщин. Считают, что у них вредный характер, да и вообще — рыжие все от лукавого.

— Ага, лукавый их лично наштамповал. А не любят, потому что завидуют. Я бы за такой цвет что угодно отдала. Жаль, что теперь краски для волос не продаются. Мама рассказывала, раньше женщины могли цвет волос менять хоть каждую неделю, и никто на них пальцем не показывал.

— Тебе-то зачем? — искренне удивилась Яринка, — У тебя свой красивый.

— Чего-о? — настала моя очередь удивляться, — Мышиный — красивый?

Подруга театрально закатила глаза.

— Не мышиный, а русский. У тебя же чисто славянская внешность, ты очень породистая.

Не дав мне времени возмутиться на подобную, как мне показалось, собачью оценку, Яринка развернула меня лицом к себе, и начала перечислять деловым тоном:

— Тёмно — русые волосы, серые глаза, белая кожа с румянцем. Именно таких девушек чаще всего берут в жёны. Это гарантирует чистокровность детей.

— Ты-то откуда это можешь знать? — только и спросила я.

Яринка хмыкнула.

— Ну, я же не Зина или Настуся, которые, кроме нашего курятника ничего не видели. Слышала бы ты, о чём девчонки в городской школе говорят. Помочь с косой?

— Давай, — согласилась я, не потому что было лень заплетаться самой, а чтобы прекратить смущающий меня разговор о внешности.

Яринка заплела косу мне, я — ей. И поскольку завтрак был уже пропущен, мы вернулись в постели с планшетами — читать, пока в дортуаре кроме нас никого нет.

Впрочем, удовольствие длилось недолго, скоро в двери заглянула Агафья, и велела нам явиться в гостиную.

Мы оделись и явились.

Там, на креслах и пуфиках уже сидела вся наша группа, имеющая подозрительно пришибленный вид. Девочки ёжились, смотрели в пол, и — украдкой друг на друга. Причина этого выяснилась, когда Агафья, встав перед нами, объявила:

— Вчера вы стали девушками, и поэтому сегодня я должна объяснить, какие изменения в ваших организмах должны скоро произойти, а у кого-то, возможно, уже происходят.

Я покосилась на сидящую в уголке Зину — её щёки пылали, глаза уставились в пол.

— Если кому-то что-то будет непонятно, поднимайте руку и спрашивайте, — закончила вступительную часть Агафья.

Я была уверена, что в этот раз, в отличие от церемонии посвящения, поднятых рук и вопросов не будет. И ошиблась. Потому что Яринка вскинула перед собой ладонь, даже не дождавшись, когда Агафья заговорит.

— Да, Ярина?

— Сударыня, а это всегда объясняют после посвящения в невесты? Я имею в виду, что у некоторых девочек эти... хм... изменения начинаются раньше.

Агафья поджала губы.

— Да, это всегда объясняют после посвящение в невесты. Поскольку такая тема затрагивает ряд вопросов, не предназначенных для детских ушей.

— Но разве нельзя хоть как-то предупреждать? Зина ночью думала, что умирает!

Услышав это, девочки из других дортуаров испуганно повернулись к Зине, которая кажется, была готова забиться в щель между стеной и креслом. Её реакция меня удивляла — как можно стыдиться чего-то, что происходит со всеми?

— Это правила приюта, — отчеканила Агафья, — И не нам их менять.

Пользуясь тем, что мы устроились вдвоём на одном пуфике, я незаметно ущипнула подругу за бок — не вздумай отвечать! Но Яринка, конечно же, вздумала. Да ещё как!

— А почему нельзя изменить правила, если они глупые?

Кто-то испуганно пискнул, кто-то охнул, а сидящие рядом с нами девочки невольно отодвинулись.

Губы Агафьи, обычно и так сжатые в тонкую прямую черту, исчезли совсем. Но голос остался прежним, спокойным и сухим.

— Ярина Донаева, отойди к стене и стань носом в угол. Я запрещаю тебе поворачиваться и задавать вопросы. А когда мы закончим, ты останешься стоять здесь до обеда.

Раздалось чьё-то хихиканье, я же облегчённо выдохнула. В угол обычно не ставят детей после восьми лет, для старших приготовлены наказания построже, так что Яринке сказочно повезло. Но она так не посчитала. Её щёки вспыхнули, глаза зло прищурились...

Агафья не сводила с моей подруги непроницаемого взгляда, и я вдруг поняла, что такое наказание было выбрано не случайно. Она хорошо знала своих воспитанниц, и намерено унизила Яринку перед остальными, понимая, что это будет для неё болезненнее плохой оценки по поведению, или запрета на развлечения.

Глядя, как подруга сверкает глазами, я уже приготовилась снова ущипнуть её, но она проявила благоразумие — молча поднялась, ушла в угол, и застыла там без движения.

— У кого-нибудь есть ещё вопросы по поводу правил приюта? — вкрадчиво спросила Агафья. Вопросов, конечно же, больше не было, и она продолжила:

— Так вот, в период, когда девочка превращается в девушку, в её организме начинают происходить...

Я перестала слушать Агафью, ничего нового она для меня сообщить не могла, тем более, что её манера рассказывать отличалась редкой монотонностью. Подозреваю, возьмись она читать нам вслух даже книжки про Алису, и то сумела бы превратить их в нудятину.

Вопросов так никто и не задал. Не то девочки были напуганы расправой над Яринкой, не то посчитали более продуктивным обсудить услышанное друг с другом после. Под конец Агафья сказала:

— Любая из вас, у кого начнётся менструация, должна в этот же день подойти ко мне, и я сопровожу её на обязательный медицинский осмотр. Становясь девушками, вы должны обращать повышенное внимание на своё здоровье и самочувствие, от этого напрямую зависит и здоровье ваших будущих детей. Тех у кого менструация уже началась, и кто это скрывал, я жду сегодня в течении дня. Наказания за молчание не будет, но вас должен осмотреть врач.

После этих слов Агафья круто развернулась и удалилась по коридору, оставив нас в

некотором недоумении. Девочки принялись шушукаться, а я поднялась и подошла к замершей в углу Яринке.

— Ты как тут?

— Жить буду, — мрачно отозвалась подруга и шёпотом добавила нехорошее слово.

— Сама виновата, — не стала я её жалеть, — Когда научишься молчать? Думаешь, кому-то что-то докажешь?

Яринка скребнула ногтями по стене, но ответила спокойно, даже насмешливо:

— Не докажу, конечно. Но мне нравится смотреть, как они бесятся. Ты бы видела, что было, когда я в церкви плевалась.

Я испуганно оглянулась, но никто не прислушивался к нашему разговору, часть девочек уже разошлась, остальные продолжали обсуждать только что услышанное.

— Ты думаешь только о себе, — упрекнула я Яринку, — Нам сегодня после ужина надо... на скамейку идти. А ты разозлила Агафью.

Яринка вздохнула. Кажется виновато.

— Ну, до ужина ещё долго. А я буду стоять смирно-смирно.

Ободрённая её раскаянием, я безжалостно добавила:

— Не только. Когда Агафья придёт тебя отпускать, ты извинишься. Скажешь, что просто ночью испугалась за Зину, поэтому утром нервничала.

Яринка метнула на меня возмущённый взгляд, но возражать не стала, только буркнула:

— Ты иди уже. С наказанными нельзя разговаривать, а то Агафья увидит, и в соседний угол встанешь.

Это было верно. И ободряюще погладив подругу по плечу, я вернулась в дортуар.

Яринка оправдала ожидания, перед обедом она принесла Агафье свои извинения, и та снизошла до благосклонного кивка. Чтобы усыпить бдительность воспитательницы мы весь день старались быть у неё на виду, а во время ужина изображали сонливость, чтобы ну и кого не возникло сомнений, что покушав, мы сразу отправимся в дортуар. Вроде бы всё сработало, сама Агафья скрылась в воспитательской, а другим девочкам до нас дела не было. Поэтому ничто не помешало нам из столовой сразу пойти к пруду. Неторопливым шагом, взявшись под руки — просто две примерные девочки решили прогуляться перед сном по освещённым фонарями снежным дорожкам...

Скамейка справа, последняя от леса, была припорошена снегом, как и остальные — здесь зимой редко кто бывал. Переглянувшись, мы смели снег варежками и сели, как велел в записке Дэн. Минута прошла в выжидательном молчании, потом Яринка шёпотом спросила:

— И что?

Я пожала плечами, оглядываясь по сторонам, ожидая увидеть направляющуюся в нашу сторону фигуру Дэна. Это было бы конечно удивительно, я уже достаточно хорошо знала своего старшего друга, и понимала — чтобы он решился пойти вот на такой прямой контакт, по сути, на глазах у всего приюта, должно было произойти нечто из ряда вон выходящее. Но вокруг оставалось пусто, только на катке катались мальчишки, их голоса были единственными звуками, нарушающими снежную тишину.

Яринка нервничала, я чувствовала это — её нервозность передалась и мне. Времени у нас было не так много. Официально воспитанникам разрешается находиться вне корпусов до девяти вечера. Но на деле, уже после восьми Агафья проверяет дортуары — всё ли в порядке, везде ли чистота? Конечно, заметив наше отсутствие, она вряд ли заподозрит что-то дурное, в конце концов, каждая может иногда забыть о времени и задержаться на прогулке, тем

более в каникулы, но зачем лишний раз привлекать к себе внимание?

— Может Дэн не смог прийти? — озвучила нашу общую тревогу Яринка.

И неожиданно откуда-то сзади и снизу раздался глухой низкий голос:

— Смо-о-ог...

Мы коротко взвизгнули и, как подброшенные пружиной, взлетели со скамеек, держа курс на родной корпус. К счастью Яринка поскользнулась, падая схватилась за меня, в результате чего мы, не успев далеко отбежать, оказались лежащими на дорожке.

— Стойте! — приглушенно донеслось от скамейки, на этот раз, несомненно, голосом Дэна, — Стойте, это я!

Всё ещё сидя на снегу, мы насторожённо обернулись. Из-за спинки скамьи поднялась и помахала нам рука в чёрной мужской перчатке.

— Дэн?

— Да я, я. Вернитесь и сядьте уже.

Всё ещё недоумевая, мы послушались. Серdito отряхивая пальто от снега, Яринка спросила в пространство:

— Ты под скамейкой что ли?

— За, — отозвался Дэн, — Я за скамейкой. Не оглядывайтесь, делайте вид, что говорите друг с другом.

— Зачем было так пугать? — подала голос и я, — А если бы мы не упали и убежали?

— Прости, малявка, не удержался. Вот вам в качестве извинения.

Что-то стукнуло за нашими спинами, и, оглянувшись, мы увидели на спинке скамьи небольшой плоский предмет.

— Что это? — опасливо спросила Яринка, а я осторожно потянула руку.

— Да берите и прячьте в карман. Шоколадка это. Обёртку потом уничтожьте, в приюте таких нет и быть не может.

— А откуда ты... — начала Яринка, но невидимый Дэн перебил:

— Слушайте меня внимательно, времени не много.

Мы торопливо закивали, не подумав о том, что скрючившийся за скамейкой Дэн не может этого видеть. Но ему и не понадобилось.

— Вас посвятили в невесты, — быстро заговорил он, — Это значит, что скоро вами заинтересуются какие-нибудь мужчины. Ваша задача в этом случае соглашаться на первого из них.

— Что-о?! — хором изумились мы, разворачиваясь назад и испепеляя взглядами спинку скамьи.

— Тихо! — сдавлено прикрикнул из-за неё Дэн, — Сядьте нормально! Сейчас объясню.

— Да уж постарайся, — буркнула Яринка, принимая прежнюю позу. Я же осталась сидеть вполоборота, решив, что со стороны это вполне может выглядеть так, словно я обращаюсь к подруге.

— Повторяю — вами заинтересовался мужчина, вы поговорили с ним через видеосвязь, и дали добро на дальнейшее общение. Таким образом, все последующие кандидаты идут мимо.

— Ну а этот-то нам зачем, что с ним делать? — сдавлено воскликнула Яринка, зачем-то перебирая ногами.

— Общаться раз в неделю, или сколько там у вас положено.

— Зачем?

— Тут мы убиваем двух зайцев, — Дэн запыхтел и завозился, видимо сидеть в снегу, скорчившись в три погибели, давалось ему нелегко, — Вас не будут дёргать другие желающие на руку и сердце. Во-вторых общение со взрослым человеком за пределами приюта должно расширить ваш кругозор. Особенно это относится к Дайке, которая ничегошеньки не знает о современной жизни в городах.

— А если нами никто не заинтересуется? — усомнилась я.

— Это вряд ли, — успокоил Дэн, — В начале каждого года, когда в сиротских приютах подрастают новые невесты, на них появляется много желающих.

— Да ну, — засомневалась Яринка, — Всем известно, что если ты приютская, то вряд ли выйдешь замуж.

— Это не потому, что предложений мало. Девочки сами отказываются.

— Ага, сейчас! — теперь и Яринка села вполоборота к спинке скамьи, — Да наши все только и мечтают о муже! Кому охота идти на производство до старости?

— Вы будете слушать или нет? — Дэн повысил голос, — Да, девочки мечтают о семье, но поскольку девочки эти — ещё дети, то мечтают они о молодом красивом женихе, который их полюбит. Но никак не о пожилом вдовце или разведёнце уже имеющем своих детей. А желающими будут только такие.

Я сразу вспомнила разговор со старшими подругами из хора. А ведь и правда...

— Почему? — напряжённо спросила Яринка.

— Молодым парням пару ищут, как правило, родители. Без их одобрения брак невозможен. А ни одна мать или отец не пожелают видеть в невестках девочку даже из обычного сиротского приюта, не говоря уж о коррекционном. Так что на юного и красивого принца рассчитывать не стоит. Но девочки по наивности рассчитывают, и когда с ними желает связаться мужчина, годящийся им в отцы, а то и в деды, они отказываются. И упускают свой шанс. Поэтому так мало выпускниц приюта выходят замуж.

Яринка возмущённо набрала в грудь воздуха, собираясь что-то возразить, но я её опередила:

— Подожди, это правда.

И сбивчиво рассказала о своём разговоре с Нюрой, Аней, Светой и Валею. О том, как три девочки отказали в общении пожилым женихам, а четвёртая согласилась лишь потому, что оказалась смышленнее остальных и побоялась испытывать судьбу очередным отказом.

— Вот-вот, — подтвердил из-за скамейки Дэн, — Сейчас будет самое активное время поползновений старых ловеласов.

— Кого? — не поняла я.

— Не важно. Вы свою задачу поняли? Вежливо разговариваете с первым желающим вас старпёром, и даёте добро на следующие онлайн-свидания. Какой бы он ни был противный, просто помните, что вам за него замуж не идти.

Яринка сморщила нос.

— А если он захочет в приют приехать для живого общения?

— Пусть едет. Живое общение вам тоже не повредит.

— А если он целоваться полезет?

— Не полезет. Насколько я знаю, встречаться наедине до свадьбы нельзя. С вами воспитательница будет.

— А если он помолвки захочет?

— Ну и обмолвитесь... помолвитесь... тьфу! Вы же не считаете, что помолвка в церкви

обяжет вас перед богом принадлежать этому человеку? А плюсы словите.

— Это какие?

— К помолвленным девочкам учителя и воспитатели уже не придираются. Вы как бы перестаёте принадлежать приюту и становитесь собственностью будущего мужа, вот они и перекладывают на него заботу о вашем образовании. А мужу обычно на ваше образование глубоко положить, не в том он заинтересован.

— А в чём? — опередила я Яринку.

— Ну... — Дэн замялся, — Тут встаёт вопрос, зачем вообще эти мужики женятся второй раз?

— Семья, дети, — отозвалась я, правда не очень уверено.

Дэн саркастически хмыкнул. Потом снова шумно завозился, и, вздохнув, пояснил:

— Да есть у них уже дети. Как правило, взрослые. Первую жену они или похоронили или послали, то есть развелись. А тут возраст поджигает, седина в бороду, бес в ребро. Вот и женятся на девочках из приюта, удобно же — юное тело законно в их полном распоряжении, да и обслуга в доме: убрать, приготовить.

— А потом? Появятся дети... — начала Яринка, но Дэн перебил.

— Не появятся. Контрацепция на Руси, конечно, запрещена к продаже, но у мужчин есть и другие способы обезопасить себя от лишних наследников.

— Что запрещено? — не поняла я, и Дэн шумно вздохнул.

— Я вам потом книжку подгоню про всё такое. В конце концов, раз по закону вас уже можно обручать со стариками, про всякие интимные дела вы тоже имеете право знать.

— А как же те девочки? — спросила я, — Которые выйдут замуж за этих стариков? Они так и останутся бездетны?

— Скорее всего, да. Конечно, бывают случаи, когда мужья к ним привязываются и решают по-настоящему создать вторую семью, то есть завести детей. Но это редкость. Как правило, их уже имеющиеся взрослые дети пасут предка, на кону их наследство. Да и зачем нужен ребёнок от девушки из коррекционного приюта?

— Порченные гены, — бросила Яринка, — Знаю, слышала. После смерти мамы, отец только и орал, что дочь шлюхи ему не нужна.

Я успокаивающе тронула подругу за руку.

— Дэн, ну а дальше-то что? Они так и будут жить семьёй, только без детей?

— Нет, конечно. Когда старпёр наиграется, то подаст на развод. И девушка отправится на производство, поскольку, как мы знаем, она не имеет права на имущество бывшего мужа.

Я разволновалась.

— Ой... так ведь... надо предупредить Валю! Чтобы замуж не шла. И остальных...

Дэн стукнул кулаком по спинке скамьи.

— Не вздумай! Тебя с такой пропагандой быстро за жабры возьмут. И станут допытываться, где ты могла набраться таких опасных умозаключений.

— Но разве взрослые... учителя, воспитатели, не знаю про всё это?

— Да конечно знают. Все знают. Но кому, какое дело? Всё же происходит по закону. Мужчина имеет право жениться, мужчина имеет право развестись. А то, что дети не получились, так попробуй, докажи, что так и было задумано. Опять же — кому это надо?

— Но почему тогда... хотя бы наши воспитательницы? Не верю, что им на нас совсем наплевать. Ведь можно же как-то предупредить там, намекнуть...

— Им может и не наплевать, малявка, — вздохнул Дэн, — Но они думают по-другому.

Ведь есть всё-таки случаи, когда девочка оставалась в браке и рожала детей. Очень редко, но есть. Вот ваши тётушки наверно и считают, что лучше хоть маленький, но шанс.

— Курицы, — прошипела Яринка, — Кошёлки. Шанс они дают, не им же со стариками жить...

Я полностью разделяла негодование подруги — какой смысл выходить замуж, да ещё за того, кто тебе неприятен, чтобы потом в любом случае остаться ни с чем? Да и вообще, чего девчонки так его боятся, этого производства? Ну да, придётся физически работать, но с другой стороны — что ещё делать? В потолок плевать? Мы вон под конец каникул уже не знаем, куда себя деть от безделья. Жить придётся в общежитии? А сейчас можно подумать у каждой из нас отдельные хоромы, ага.

Не выдержав, я высказала эти мысли Яринке и Дэну, добавив предположение о том, что возможно работать на капризного мужа придётся ещё побольше, чем на производстве.

— Молодец, Дайка, — Дэн одобрительно похлопал по скамейке за моей спиной, — Хороший вопрос. Да не боятся ваши девчонки работы, и общежития не боятся. Женское предназначение им страшно не выполнить, слышала о таком?

— Сто раз, — кивнула я.

— Ну вот. А поскольку девочкам это вдалбливается с пелёнок, они готовы идти замуж хоть за старика, хоть за чёрта, лишь бы не остаться бездетными.

Я вспомнила слова Нюры " Жених нужен не для того, чтобы с ним в любовь играть, а для семьи, для детей", и мысленно согласилась с Дэном. Да уж, если учесть сколько раз приходилось слышать от одной только Агафьи о том, что наши тела принадлежат не нам, а государству и будущим детям, то становится понятно, почему большинство девочек и приняли это как истину в последней инстанции.

Голоса со стороны стадиона затихли. Посмотрев туда, я увидела, как уходят к своему корпусу мальчишки, перекинув за спины коньки.

— Сколько время?

— Ещё пять минут, и я вас отпущу, — успокоил Дэн, — Мне в феврале ехать на учения, так что целый месяц мы не увидимся. Но есть и хорошие новости, перед отъездом я вам подгоню столько книг, сколько хватит до моего приезда. Только будьте осторожны, пожалуйста. На этот раз книги будут более... взрослыми. На добрые сказки больше не рассчитывайте.

На Яринкиных губах заиграла предвкушающая улыбка, но я немного опечалилась. Мне нравились сказки, они помогали убегать от серой действительности. А какой смысл читать о том, что я и так постоянно вижу вокруг себя?

Не дожидаясь наших вопросов, Дэн пояснил:

— У нас не так мало времени, и вам пора принимать этот мир таким, какой он есть.

— Мало времени до чего? — спросила я, но Яринка перебила:

— Отлично, мы как раз к концу января дочитаем "Хроники Нарнии" и положим флэшку в тайник.

— Давайте в конце января, — согласился Дэн, — а ещё я хочу, чтобы вы мне кое-что написали. В этом учебном году у вас будет несколько другая школьная программа. Я точно не знаю, как учат девочек после того, как посвящают их в невесты, но явно должны как-то зацепить тему полового воспитания. Да и на уроках истории, скорее всего, будут рассказывать про христианскую революцию и про то, что ей предшествовало. Так вот — ваша задача запомнить всё, что вам рассказывают и вкратце описать мне в записках.

— Зачем? — не поняла я.

— Чтобы не дать заморочить вам голову. Я буду знать, что достать почитать на эту же тему, но с другой точки зрения. Теперь, когда я стану ездить на учения, это делать будет легче.

Идея очень понравилась и мне, и Яринке, мы довольно переглянулись. Вот вам, сударыни учительницы и воспитательницы, не получите вы из нас очередных Настусь или Нюр.

— И конечно не забывайте про осторожность, — продолжал наставлять Дэн, — Удаляйте файл сразу, как прочитаете, не храните, никуда ничего не переписывайте, всё должно быть только у вас в голове.

— Это понятно, — нетерпеливо кивнула Яринка и удивила меня следующим вопросом, — А можно нам ещё какую-нибудь книжку про то, как девочки взрослеют? Нам сегодня Агафья об этом зудела, потому что у одной из наших соседок месячные начались. Только я ничего не поняла, не умеет она рассказывать.

Судя по продолжительному молчанию из-за скамейки, Дэн не был готов к такой откровенности.

— Ну-у... целую книгу не обещаю, но какую-нибудь статью постараюсь раздобыть, — наконец ответил он, и сразу заторопился, — Ладно, время поджидает, последнее, что хочу сказать — когда вернусь с учений встретимся здесь же, ждите записки с указанием точного времени.

— Дэн, а это не слишком опасно? — забеспокоилась я, — Тебя за скамейкой со стороны конечно не видно, но могут заметить с камеры.

Яринка машинально повернула голову к фонарному столбу, на котором, как диковинная одноглазая птица, примостилась камера видеонаблюдения, та самая, от которой мы прятались августовской ночью, пробираясь на свою первую совместную прогулку в лес.

Дэн довольно хмыкнул из-за скамейки.

— Об этом не беспокойтесь. Почти половина камер на территории — муляжи.

Мы помолчали, осмысливая услышанное. Яринка громко сказала "Гы-гы-гы!" (что, разумеется, непозволительно для девочки, а тем более для девушки).

— Офигеть... А мы-то перед ними по струночке ходим.

— Вот так и ходите. Незачем отклоняться от привычной всем роли.

— А какие ещё камеры не настоящие? — Яринка опять неосознанно перебирала ногами, словно уже бежала творить недозволенности.

— Не скажу, — строго ответил Дэн, правильно истолковав её интерес, — И никому ни слова!

Плечи подруги разочарованно опустились, но теперь и я захотела узнать кусочек правды:

— А кто тебе это сказал?

Дэн опять помолчал, повозился, но видимо мальчишеское желание похвастаться взяло верх.

— А наш общий знакомый. Белобрысый охранник с проходной.

Мы забыли про конспирацию, и резко развернулись к спинке скамьи, как если бы это она сама вдруг заговорила с нами.

— Что?!

— Кто?!

— Сядьте нормально! — зашипел Дэн, — Если помните, он у нас на крючке, так что про камеры рассказал всё, как миленький. И ещё много чего расскажет, если понадобится.

Яринка тихонько рассмеялась, я же наоборот испуганно съёжилась на краешке скамейки. Любых воспоминаний о Белесом я старалась избегать. Сколько бы ни говорили Дэн и Яринка о том, что моей вины в произошедшем нет, но унижительное чувство стыда при воспоминания о чужих руках и губах на моём теле, не исчезло до сих пор.

— Нам наверно пора, — торопливо сказала я, боясь, что Яринка захочет расспросить Дэна ещё о чём-нибудь, — Уже поздно.

— Конечно, бегите, — согласился Дэн, — И не забывайте про записки. Часто и много писать не надо, скажем, раз в неделю будет достаточно.

— Хорошо. Пока, — я встала и потянула за руку Яринку.

— Пока, — донеслось из-за скамейки, и мы зашагали прочь. Проходя мимо фонаря, я не выдержала, и показала фальшивой камере язык.

Уже возле входа в корпус Яринка придержала меня за руку.

— Подожди. Давай ещё погуляем?

— Но время уже...

— Да ладно! Мы здесь, прямо под окнами, типа воздухом дышим. Если Агафья нас потеряет, то заорёт из окна. А в дортуаре сейчас не поговоришь.

С этим я согласилась, очень хотелось обсудить то, что не совсем поняла со слов Дэна.

Взявшись под руки, мы медленно пошли по дорожке. Вокруг было уже совсем безлюдно, и заметно похолодало, снег пронзительно скрипел под ногами. Я сунула руку в карман за варежками, и, наткнувшись там на что-то твёрдое и холодное, вспомнила:

— Шоколадка! Давай съедим?

— Не сейчас. А то Агафья в окно посмотрит, и потом прицепится — что это вы жевали на улице, опять из столовой таскаете?

Подруга опять была права, и я, сглотнув слюну, постаралась не думать о шоколадке. Но в голову тут же пришло другое.

— Слушай, а откуда Дэн её взял? Он же сказал, что в приюте таких быть не может.

Яринка удивлённо покосилась на меня.

— Да неверно оттуда же, откуда и книги берёт.

Мои шаги сбились. Вообще-то, я мало задумывалась о том, где Дэн достаёт для нас запрещённую литературу, а если когда и задавалась этим вопросом, то самым вероятным источником считала интернет. Ведь не зря по приюту ходят упорные слухи об умниках, умеющих обходить контроль на школьных компьютерах и скачивать из сети совершенно непозволительные вещи. Но как можно скачать шоколадку?

— Дайка, ты чего? — спросила Яринка, глядя на моё поглупевшее лицо, — Ты правда ни о чём не догадываешься?

— О чём?

Подруга возвела глаза к небу, остановилась, и, стянув капор с моей головы, прошептала в самое ухо:

— Дэн общается с *другими* снаружи. Неужели ты ещё не поняла?

Я ошалело потрясла головой, и Яринка досадливо притопнула.

— Дайка, ну ты иногда как с луны свалилась! Кем были родители Дэна? Ты же сама рассказывала, что их арестовали и казнили за то, что они хотели всё изменить. Думаешь,

таких мало?

Я уже ничего не думала, и просто смотрела на Яринку, ожидая хоть каких-то объяснений.

— Ну, это же просто, — она потёрла лицо варежками, — Есть люди, которых ты называешь *другими*, и они как бы против церкви. Их сажают, казнят, но появляются новые, и вроде их всё больше. Когда я только пошла в школу, они подожгли храм недалеко от нашего дома. Потом полицейские ходили по квартирам, всех расспрашивали. Даже детей пугают такими людьми, мол, в них нет ничего святого.

— Так ты думаешь, Дэн один из них?

— Точно не знаю, но у его родителей явно остались какие-то друзья, знакомые, которые приглядывают за Дэном. Те, кто *другие*. Летом он наверняка встречался с ними в лесу, вот вы и познакомились. Я это ещё тогда поняла, когда он нам книжки про Алису дал. Где он их взять-то мог?

Я вспомнила летний вечер после встречи с Белесым, мы втроём у забора, слова Дэна с запрещённых книгах, и непривычный испуг в Яринкиных глазах. От стыда мне захотелось по-страусиному спрятать голову в сугроб. Столько времени прошло, а я не удосужилась задуматься о том, что делал Дэн за забором в день нашего знакомства, где он брал для нас запрещённую литературу! Даже ни разу не спросила об этом. Слушала его рассказ о родителях, читала книги, смотрела фильмы, и не сопоставила очевидные факты!

— Ну откуда тебе было всё это знать? — Яринка сочувственно глядела на моё покрасневшее лицо, — Ты ведь жила в лесу. Слушай, а ваши люди из деревни, разве не общались с другими такими же?

Я вспомнила привезённые из города вещи — одежду, инструменты, книги, технику, продукты, оружие, всё то, чем мы не смогли бы обеспечить себя без связи с внешним миром.

— Да, были люди, которые нам помогали, а иногда приезжали в гости.

— Ну, вот видишь. И там они есть, и здесь. И Дэн таким станет. И наверно мы. Не зря же он с нами возится.

Я вспомнила, как Дэн сказал, что теперь, когда поедет на учения, ему будет легче доставать нам книги. И стукнула себя по ладонью по лбу.

— Точно! Зимой Дэн не мог встречаться с этими людьми за забором, но теперь он будет уезжать из приюта, и снова сможет.

— Вот-вот, — Яринка довольно кивнула, — Так что мы на шаг ближе к цели.

В ответ я тоже ограничилась кивком и улыбкой. О нашей цели мы не разговаривали, боясь спугнуть надежду. После прочтения книг об Алисе, Пеппи, ребятах из Хроник Нарнии, мы безумно желали такой жизни — свободной, весёлой, без вечной оглядки на правильность поведения и страха перед наказанием. Без ограничения выбора своего будущего.

— Даша! Ярина! — сдавлено донеслось сверху.

Здрав головы, мы увидели в окне дортуара машущую рукой Зину.

— Домой идите! Сейчас Агафья Викторовна с проверкой пойдёт!

— Спасибо! — так же "шёпотом" крикнули мы, и побежали к подъезду...

Глава 10.

Остатки детства.

Каникулы прошли замечательно. Благодаря уйме свободного времени, нам наконец-то

удалось полностью посвятить себя чтению, отвлекаясь только на внеклассные занятия. Я ходила в церковь на спевки, Яринка в пошивочную к Варваре Петровне. По вечерам мы катались на горках, и смотрели телевизор вместе с остальными девочками, а ночью продолжали чтение под одеялами. Хроники Нарнии подходили к концу, и это вселяло надежду, что после Рождества мы получим от Дэна новые книги, а может быть и фильмы.

Забавно, но посвящение в невесты словно дало нашим телам команду взростеть. Яринка пожаловалась, что у неё болит грудь, из-за чего она не может спать на животе. К такому, благодаря незабываемой речи Агафьи, мы уже были готовы и знали — болит, значит растёт. Правда, грядущие метаморфозы мою подругу не радовали, по ночам я слышала, как она капризно хнычет и ворочается у себя на нижнем ярусе, пытаюсь найти удобное положение.

Мне же стали сниться странные сны. В них снова было лето, и я привычно гуляла по лесу, но теперь совершенно без одежды. Вытягивалась на траве, прижималась к стволам деревьев, и замирала под тёплым дождём, чтобы почувствовать, как множество юрких струек щекочат кожу. После таких снов я просыпалась с учащённым дыханием и ленивой истомой во всём теле. Яринка моего беспокойства по этому поводу не разделила, и, пожав плечами, рассказала только, как однажды ей приснилось, что мы вместо нашего пня обстреливаем из рогаток Агафью.

— Это же просто сны. Они ничего не значат.

А одной ночью я увидела во сне Дэна. Я — снова обнажённая, сидела на нашем сосновом стволе, а он, стоя у меня за спиной, пальцами расчёсывал мои волосы. И про этот сон я не рассказала даже Яринке.

До моего двенадцатилетия оставалось ещё почти четыре месяца.

На Рождество, с вечера шестого января и до утра седьмого, нас, как уже старшегруппниц, заставили отстоять всенощную в церкви. Мне это далось тяжело, учитывая, что я впервые пела со всем хором на клиросе, и к утру еле держалась на ногах, а разговаривать могла только хриплым шёпотом. После такого испытания, мы спали до вечера, а Яринка при Зине и Настусе предположила, что богу наверно нравится ржать, глядя, как толпа идиотов всю ночь стоит на коленях и тыкается мордой в пол.

Зато на следующий день, последний день каникул, традиционно грянул рождественский бал. Мы наелись до отвала и неумело кружились под музыку в актовом зале, из которого вынесли ряды сидений и поставили большую ёлку. Яринка осуществила давние планы — надела свой припрятанный до времени костюм звездочёта. Мне приодеться было не во что, я не имела за этими стенами родственников, которые могли бы, как другим, более везучим воспитанникам, передать мне такой подарок на Рождество. Но я и не расстраивалась, жизнь в Маслятах не привила мне любви к нарядам. Единственная одежда, которую я желала бы иметь — брюки, мне бы всё равно здесь носить не позволили.

А в первый день нового учебного года, после завтрака, нас всех позвали в воспитательскую фотографироваться для анкеты. Поднялся переполох. Девочки судорожно переплетали косы, щипали себя за щёки, вызывая румянец, кусали губы, чтобы они выглядели более пухлыми, и массировали уголки глаз, стараясь придать им блеск. Оставалась только удивляться, откуда они нахватались подобных приёмов.

Я щёк не щипала и губ не кусала, так что на фотографиях (анфас, профиль) получилась такой же, как в жизни — тусклой и серенькой. Ну и наплевать, стараться выглядеть краше для стареющих женихов не хотелось. Яринка вообще подурачилась и во время съёмки

высунула кончик языка, что впрочем, её совершенно не испортило, а придало фотографии задорный вид.

Агафья торжественно сообщила, что с сегодняшнего дня все наши оценки, успехи, помощь в благоустройстве приюта, будут доступны потенциальным женихам, и теперь лишь от нас зависит наше будущее. Девочки, слушая её, лучились энтузиазмом, лишь мы с Яринкой уныло переглянулись.

Новый учебный год обещал быть насыщенным. У нас, как и говорил Дэн, появились новые предметы — этика, садоводство, и конечно уроки планирования семьи.

Правда, в первый день занятий не было. Нас сфотографировали, Агафья провела небольшое собрание, на котором опять говорила об ответственности и усилиях, которые мы должны будем приложить для своего будущего, велела встать в очередь с планшетами для закачивания новых учебных материалов, а после отправила восвояси, напутствовав:

— Ознакомьтесь с тем, что вам предстоит пройти, надеюсь, это настроит вас на серьёзный лад.

Не знаю, как в других дортуарах, а мы сразу полезли в учебник по планированию семьи. Даже скромница Настуся, хоть и покраснела до корней волос, но пояснила:

— Лучше посмотреть сейчас, а то на уроках я просто умру.

— А хочешь, я тебе расскажу все, что слышала об этом в городской школе? — ухмыльнулась Яринка, — Тогда на уроках ты будешь поправлять Агафью.

Мы с Зиной захихикали, а Настуся испуганно спросила:

— А разве планирование семьи будет вести Агафья?

— А кто же? Она наша воспитательница, ей в руки и самый типа важный предмет.

Настуся пискнула "Мамочка!" и прижала ладони к щекам. А я некстати подумала, что мама всегда остаётся мамой, единственной защитой, которую неосознанно призывают даже те дети, которым внушили, что их согрешившие матери не достойны памяти о себе.

Яринка уже всю листала виртуальные страницы учебника, иронично шевеля бровями.

— Что там? — наконец робко спросила Настуся, которая так и не решилась посмотреть сама.

— Ничего особенного. Зачем нужна семья, отношения между мужчиной и женщиной, откуда берутся дети... короче то, что и так всем известно. Лучше бы написали, когда грудь болеть перестанет.

— Сходи в медпункт, — предложила Зина.

— Зачем? Чтобы мне ещё раз рассказали о том, что я взрослею? Спасибо, мне Агафьиной лекции хватило.

— Для чего нам садоводство? — спросила я, открыв в планшете "Приусадебное хозяйство".

— Ну как это? — зевнула Яринка, — А вдруг ты выйдешь замуж в загородный дом? Думаешь, муж будет по грядкам кверху жопой ползать? Ты будешь.

— Ох, Ярина, — покачала головой Настуся, — Придётся тебе на том свете раскалённые сковородки языком лизать.

Яринка фыркнула, а я вопросительно уставилась на Настусю — такое слышала первый раз.

— Ну, это такое наказание после смерти для тех, кто лжёт или сквернословит, — пояснила она.

Я только pokrutila головой — ох и больная у кого-то была фантазия...

Анкеты с нашими данными, фотографиями и характеристиками, появились на сайте приюта уже на следующий день. Мы могли заходить в интернет с библиотечных компьютеров и проверять количество просмотров — считалось, что это хороший стимул для дальнейших успехов. Библиотекарь Ольга Сергеевна схватила за голову — сразу после уроков наша группа в полном составе выстроилась в очередь за своими законными сорока пятью минутами доступа в сеть.

И просмотры были. У всех. Дэн и тут оказался прав — дебюта новых невест многие ждали, и кинулись выбирать, как только появилась такая возможность. Наши наивные одноклассницы пришли в восторг от такого внимания потенциальных женихов, библиотека наполнилась радостными визгами и щебетом.

— Пошли отсюда? — шепнула я Яринке, — А то не сдержусь и начну им рассказывать про то, что на самом деле от них нужно этим... старпёрам.

— Я тоже, — кивнула подруга, и мы покинули библиотеку, бросив свои места в очереди.

Но это не спасло нас от информации о количестве желающих повторно обжениться. Вернувшиеся в дортуар Зина и Настуся радостно поделились:

— Мы ваши анкеты посмотрели тоже! Ярина, у тебя больше всех просмотров — тридцать шесть! У меня тридцать два. У Настуси двадцать семь. У Даши двадцать три.

Высокий рейтинг Яринку не обрадовал, а меня низкий — не огорчил. Чего не скажешь о Настусе. Она с самым мрачным видом села за стол и решительно придвинув в себе планшет, сказала:

— Это наверно, потому что я ничем не занимаюсь, кроме школы. Сейчас буду читать про садоводство, обгоню программу, и попрошусь помощницей в теплицы.

— И чего ты там сейчас делать будешь? Снег убирать? — съязвила Яринка.

— Сейчас — ничего, — не дрогнула Настуся, — Займусь теорией. А с весны стану лучшей практиканткой.

Я её пожалела.

— Если чего будет непонятно — спрашивай.

— А ты разбираешься? — удивилась Настуся.

Пришлось снисходительно пояснить:

— Мы в деревне жили огородом. Это первое в чём дети начинают помогать взрослым.

Настуся благодарно улыбнулась и с головой погрузилась в чтение. А Яринка как бы невзначай и ни к кому не обращаясь, заметила:

— У Даши просмотров меньше всего, а ведь она певчая в церкви. У Зины наоборот много, но Зина кроме школы ничем не занимается. Странно, да?

Это не возымело того действия, на какое видимо рассчитывала моя подруга. Настуся даже не обернулась, а Зина обеспокоенно сказала:

— Ты права. Надо тоже придумать, чем выделиться.

Яринка выразительно посмотрела на меня, и я едва заметно развела руками.

Наши соседки не были единственными, кто так эмоционально отреагировал на свою популярность или не популярность у потенциальных женихов. Группу охватила настоящая лихорадка. После занятий девочки бежали в библиотеку, проверять сколько просмотров их анкет добавилось со вчерашнего дня, сравнивали с другими, радовались или огорчались. На продлёнку, куда раньше ученицы попадали только по распоряжению Агафьи или кого-нибудь из учителей, теперь ходила вся группа — девочки желали иметь только высшие

оценки на всех предметах. Повара и посудомойщицы не успевали отмахиваться от желающих им помогать, батюшка Афанасий передвигался по территории короткими перебежками, поскольку каждая первая девочка предлагала ему свои услуги в церкви. Марфа Никитовна была вынуждена каждый день устраивать прослушивания кандидаток в певчие.

К счастью длилось это помешательство не больше недели. Когда каждая девочка выработала для себя стратегию успеваемости и повышения своей популярности на сайте, всё более-менее успокоилось.

А потом поступили и первые предложения. О них сообщала Агафья по утрам, в результате чего у нашей группы появилась новая привычка — перед тем, как отправиться на завтрак, всем собраться в гостиной, терпеливо ожидая новостей. Сама Агафья ничего против не имела, видимо сочтя это дополнительной стимуляцией к повышению успеваемости.

Как я и предполагала, в числе первых "счастливиц" оказались Яринка и Зина, как одни из самых красивых девочек. Причём предложения они получили в один день.

— Ярина Донаева и Зинаида Каховская! — торжественно объявила Агафья поутру, — Вчера вами заинтересовались солидные господа, уважаемые члены нашего общества, которые сегодня хотели бы вас увидеть.

Обычно сдержанная Зина расцвела и беззвучно захлопала в ладоши, а Яринка выдавила деланную улыбку.

— Ярина, сегодня ты подходи в воспитательскую к трём часам, а ты Зина — к пяти. Постарайтесь выглядеть опрятно и вести себя приветливо, но скромно. Помните, что первое впечатление самое важное.

Позже, на перемене, я подступилась к Яринке.

— Ты помнишь, что нужно сделать?

— Да помню, помню. Изобразить полные штаны счастья и соглашаться общаться дальше. Отстань уже!

Я отстала и не обиделась, понимая, что свободолюбивая Яринкина натура восстаёт против такого насилия над собой. Хотя немного и недоумевала — чего уж так-то психовать? В конце концов, замуж ей идти всё равно не придётся, а просто пообщаться с новым человеком — это даже интересно. Я, по крайней мере, сделаю это с радостью, разнообразие — оно всегда хорошо.

Яринка молчала до конца занятий. На уроках утыкалась в учебники, на переменах отходила в сторону от остальных. Зина, наоборот, с удовольствием принимала поздравления одноклассниц и охотно отвечала на вопросы. Я порадовалась, что не ей первой идти в воспитательскую — если уж Яринка намерена быть букой до самого онлайн-свидания с "женихом", то пусть это хотя бы поскорее кончится.

После обеда мы вчетвером вернулись в дортуар. До трёх часов оставалось ещё сорок минут. Смотреть на злую Яринку мне надоело, и я забралась на подоконник с планшетом, не пытаясь больше её разговорить. Зина и Настуся о чём-то шептались сидя рядышком на кровати, за окном не спеша падал снег...

А без десяти три явилась Агафья. Встала в дверях, обвела нас взглядом и сосредоточилась на Яринке.

— Ты почему ещё здесь?

— Так ведь рано...

— Являться для беседы нужно заранее, — раздражённо объявила воспитательница, — Чтобы сударю не пришлось ждать, если он вдруг выйдет на связь пораньше. Немедленно иди

умойся, и переплеться, у тебя на голове не пойми что!

На голове у Яринки была как всегда коса, а то, что несколько прядок из неё чуть выбились, на мой взгляд и внимания не стоило. Но Агафья так не считала. Она лично проконтролировала процесс умывания и заплетания, и лишь когда моя подруга предстала перед ней с безупречной причёской и розовым от горячей воды лицом, — благосклонно кивнула.

— Другое дело. Идём.

Я посмотрела на часы. Онлайн-свидание должно длиться четверть часа, значит, до четверти третьего можно спокойно делать уроки, надеясь, что Яринка вернётся не в таком дурном расположении духа, в каком уходила.

Надеялась я зря. Не прошло и десяти минут, как дверь с грохотом распахнулась, моя подруга ворвалась в дортуар, и кинулась на свою кровать лицом вниз. Я, Зина и Настуся замерли, испуганно глядя друг на друга. Ещё не легче! Что могло произойти за столь короткое время? И почему такое короткое?

Ответа долго ждать не пришлось. Дверь снова открылась, на этот раз пропуская в дортуар Агафью, от обычной сдержанности которой не осталось и следа.

— Донаева, что ты себе позволяешь?! — выкрикнула она так, что Настуся и Зина вжались в стену, а я чуть не выронила планшет.

Яринка взвилась на кровати, села, комкая руками покрывало, и бесстрашно встретила мокрыми глазами разъярённый Агафьин взгляд.

— Я?! Это он что себе позволяет?! Он обозвал мою маму!

— Этот сударь не сказал ничего, что было бы неправдой!

— Сказал! Моя мама не гулящая женщина и ни один старый козёл не смеет такое говорить!

— Ах ты... глупая соплячка! — задохнулась Агафья, — Ты думаешь, что устраивая подобные представления, делаешь хуже кому-то кроме себя?!

— А мне всё равно! — Яринка вскочила, сжимая кулаки, — Мне плевать, как вы меня накажете, но я никому не позволю так говорить о моей маме!

Агафья шагнула вперёд, толкнула её ладонями в грудь, отшвыривая обратно на кровать, и холодно процедила:

— Возьми себя в руки, дура. Иначе мне действительно придётся наказать тебя, и очень сурово. До ужина я запрещаю тебе покидать дортуар, а после мы продолжим этот разговор.

Самообладание вернулось к нашей воспитательнице, она провела ладонью по волосам, поправила воротник, и перевела взгляд на меня.

— Успокойте её. Только истерик мне тут не хватало.

Я торопливо закивала, и Агафья вышла, не закрыв за собой дверь.

Сейчас, я больше всего хотела как можно быстрее сгладить ситуацию, поэтому действовала решительно.

— Зина, Настуся, посидите в гостиной.

Дважды просить соседок не пришлось. Не обронив ни слова, они бесшумно, как тени выскользнули из дортуара. А я подошла к Яринке и взяла, почти схватила её за плечи. Что-то мне подсказывало, что вести себя с ней сейчас нужно именно так.

— А ну рассказывай, что там у вас произошло!

Подруга несколько секунд смотрела на меня, словно не узнавая, и вдруг начала плаксиво кривить лицо — сморщила нос, оттопырила нижнюю губу. Поняв, что вот-вот всё

выльется в слезливую истерику, я рывкнула, почти как Агафья:

— Не реви! Ты нам всё портишь!

И это подействовало. Яринка перестала кривить губы и упрямо сжала их, в её глазах снова появилась злость.

— Порчу? А ты бы не испортила?!

— Не знаю, — уже спокойно ответила я, усаживаясь рядом с ней, — Ты же не рассказываешь, из-за чего всё.

Яринка не отодвинулась, несколько раз вздохнула, с силой потёрла лицо, и наконец, монотонно заговорила, не глядя на меня:

— Ну, сначала всё нормально было. Оказался там старпёр, как Дэн и говорил. Но не очень противный, не толстый, не лысый, даже такой на вид добрый. Там садишься перед компьютером и в микрофон говоришь, а Агафья за другим столом слушает. Ну и вот он мне "Здравствуй, Ярина, меня зовут... какой-то там Львович", ну я с ним тоже поздоровалась. Потом он сказал, что сразу обратил на меня внимание, потому что в характеристике указано, что я люблю шить, и у меня это хорошо получается. А он хочет, чтобы его жена была рукодельница, не любит магазинские вещи. Я, говорит, мечтаю, чтобы в нашем доме всё было сшито руками любимой супруги, жадный хрен.

Я хихикнула. Яринка тоже слегка улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной.

— Вот, ну я сделала вид, что смущаюсь от того, что ему понравилась, глаза опустила, улыбаюсь, как дура, на всякие вопросы тупые отвечаю, ну вроде там — какой твой любимый предмет, а что ты больше всего шить любишь? Начала уже думать, что всё нормально, сейчас соглашусь с ним дальше общаться, и будем мы про уроки да тряпки разговаривать. А вот фигу! Тут он рожу строгую сделал и говорит "Ты хорошая девочка, Ярина, и я очень надеюсь, что тебе не передались гены гулящей матери".

Яринка опять принялась комкать покрывало, и я погладила её по плечу.

— А ты что?

— Я... я сначала просто онемела. Это же мой отец так сказал тогда "Мне не нужен ребёнок от гулящей женщины". Ну, отец, он всегда был уродом, от него я другого и не ожидала. А тут этот... так же... у меня просто в глазах покраснело всё, я сама удивляюсь, как не сказала ему то, что мы во дворе иногда говорили, когда ссорились.

— А что сказала-то?

— Сказала только "Лучше замолчите, десять таких как вы, не стоите моей мамы". У него аж рот открылся... а я встала и выбежала.

Я слегка перевела дух. Хорошо зная Яринку — могло быть намного хуже.

— Теперь Агафья тебя сожрёт.

— Подавится. Я просто не буду больше ходить ни на какие онлайн-свидания.

— Как это? А если пригласят?

— И что? Скажу, что не хочу замуж. Имею право.

Я задумалась. Пожалуй, это и правда было выходом. Заставлять не будут, как недавно сказала Агафья "Насильно замуж не выдаём". Но тогда...

— Яриш, лучше не надо. Мы должны сейчас ничем не отличаться от остальных, понимаешь? Даже лучше быть. Чтобы никаких подозрений в нашу сторону. А девочка, которая не хочет замуж, это очень странно.

Яринка с видом мученицы возвела глаза к потолку, и шумно набрала в грудь воздуха, явно намереваясь ответить что-то резкое, но тут дверь в очередной раз резко распахнулась, и

мы снова увидели Агафью.

Она не стала входить и не сразу заговорила. Вместо этого какое-то время задумчиво рассматривала Яринку, словно увидела её впервые. Потом изрекла:

— Тебе повезло, Донаева. Со мной только что связался Станислав Львович. Он просит не наказывать тебя, и передать, что не хотел показаться грубым.

Мы с Яринкой удивлённо переглянулись и снова уставились на Агафью.

— Я пообещала этому благородному человеку не быть к тебе строгой, и только поэтому ты не получишь розги за свою вопиющую грубость. Но это был последний раз, когда ты повышаешь голос на взрослого человека и подвергаешь риску репутацию приюта, тебе ясно?

У Яринки хватило ума кивнуть.

— Сегодня в шесть ко мне в воспитательскую, Станислав Львович даёт тебе ещё один шанс.

И Агафья, не дожидаясь ответа, хлопнула дверью.

Мы ошарашено молчали.

— Вот это да, — наконец пробормотала я, — Слушай, ты видимо сильно понравилась этому старику, раз он даже не разозлился.

— А может, наоборот? Он очень сильно разозлился и теперь хочет жениться на мне, чтобы уж тогда отомстить так отомстить? — мрачно предположила Яринка, откидываясь на подушку.

— Ты пойдёшь, понятно? — грозно сказала я, — Если он стерпел эту твою выходку, значит, стерпит и что-нибудь другое.

— Пойду, — неожиданно легко согласилась подруга, — Мне аж интересно стало, чего это он такой добренький?

В дортуар осторожно заглянули Зина с Настусей, и, увидев, что гроза миновала, присоединились к нам. Узнав о Яринкином помиловании, они пришли в восторг.

— Это любовь! — запищала впечатлительная Настуся, — Только любящий человек способен так прощать.

— Любовь, не любовь, — мудро рассудила Зина, — Но отходчивый муж — это тоже очень хорошо.

Мы с Яринкой только вымученно переглянулись.

И к вечеру этого беспокойного дня в нашем дортуаре имелись целых две невесты. Пожилой кавалер моей подруги решил, что девочка, с таким пылом защищающая свою, пусть и тяжело согрешившую мать, полна добродетели и заслуживает всяческого уважения. Яринка поняла, что разговоров о родителях не избежать и с другими претендентами на руку и сердце, поэтому лучше согласиться на общение с тем, с кем это уже пройдено. А Зина, не долго думая, решила строить отношения с первым, кто это предложил, благо по её словам, человек оказался ей симпатичен, хоть, как и следовало ожидать — далеко не молод.

Настуся рассыпалась в поздравлениях и чуть не пустила слезу, обнимая новоиспечённых невест, я вроде тоже неплохо изобразила радость, даже Яринка приклеила к лицу широкую улыбку, правда больше похожую на хищный оскал.

Так насыщенно начался учебный год. Скоро мы дочитали "Хроники Нарнии" и вернули флэшку в тайник вместе с запиской, где, как и просил Дэн коротко пересказали содержимое новых уроков по этике и планированию семьи. Впрочем, ничего особенного мы там пока не услышали, но, тем не менее, к заданию подошли ответственно.

— Давай перепишем названия пройденных глав из учебника, и то, что мы сами об этом

думаем? — предложила Яринка, сидя над чистым листом бумаги.

— А что мы сами думаем о возникновении института семьи? — неуверенно спросила я, вспомнив тему пройденных уроков, — Или о психологии межполовых отношений?

— Ну, лично я думаю, что всё это фигня, — пожала плечами подруга, — Слишком много шума из-за ничего.

— Ну, вот давай так и напишем? Дэну же важно именно то, что мы думаем.

Яринка зачем-то покусала ручку и написала вот что:

"История института семьи. Думаем, что раньше это было необходимо, а сейчас не очень. В психологии межполовых отношений почти то же самое, что и в Библии"

— Подробнее надо, — предложила я, и Яринка молча подвинула мне листок. Теперь уже я грызла ручку, не зная, что написать.

— Может, спросить у Дэна, почему, если жена должна быть хранительницей очага и нести ответственность за отношения, главный в семье всё равно муж? Разве не главный должен за всё отвечать? Я вот этого вообще не поняла.

— Спроси, — кивнула Яринка, — А ещё знаешь, что спроси? Почему на развод имеет право подать только мужчина, если это женщина рулит отношениями?

— Может, у Агафьи спросим? — хихикнула я и получила в ответ циничную улыбку.

Тот факт, что планирование семьи вела сама Агафья, обеспечил на уроках мёртвую тишину. Шуршали по бумаге ручки, чуть слышно щёлкали кнопки планшетов, перелистывая страницы учебника, а если иногда и звучал голос какой-нибудь ученицы, то лишь в ответ на Агафьины вопросы. Но задавала она их нечасто — учебный материал наша воспитательница подавала крайне сухо.

Закончив с вопросами, мы озадачились тем, как сообщить Дэну про успех Яринки, про то, что она уже выполнила его совет — обзавелась женихом? Пока невест в группе было всего трое, и попади наша записка в чужие руки — не составило бы труда вычислить о ком именно в ней говорится. Поломав головы, мы ограничились загадочной фразой "К одной из двух, яркой, найден Ж" и понадеялись на смекалку Дэна.

Наконец, долгими стараниями записка была написана и отправилась в тайник вместе с флэшкой, а мы перешли в режим ожидания. Январь подходил к концу.

А днём первого февраля в ворота приюта заехал тёмно-зелёный автобус и увёз всю шестнадцатую группу мальчишек. Я смотрела из окна, забравшись с ногами на подоконник, чтобы лучше видеть. Разглядеть Дэна не получилось, слишком много одинаково одетых и стриженных парней собралось в одном месте. Но я высунулась в форточку так далеко, как только могла, чтобы Дэн, если вдруг посмотрит на девчачий корпус, мог обязательно меня увидеть.

Яринку же беспокоило другое.

— Не мог Дэн уехать, не передав нам весточку! Пошли, посмотрим в тайнике.

Автобус укатил, охранник закрывал за ним тяжёлые железные ворота. Мне показалось на миг, что это Белесый, но разглядеть что-то наверняка с такого расстояния было трудно.

— Вечером туда пойдём, — с запозданием ответила я Яринке, — Когда стемнеет.

Нет, я не боялась быть замеченной, но мне было страшно вдруг узнать, что Дэн не успел ничего передать нам перед отъездом. Тогда ожидание его возвращения превратилось бы в бесконечность.

Но Дэн успел. Когда после ужина мы пошли "прогуляться", его записка вместе с флэшкой лежала в тайнике.

Встав на лестнице между этажами, почти стукаясь лбами над мелко исписанным листком, мы прочли:

"У вас месяц. Как и обещал, на этот раз передаю взрослые и некогда очень известные книги, отражающие отношения мужчин и женщин в другие времена, в других странах. Домашнее задание — узнать как можно больше про эти времена и страны. По поводу ваших вопросов — кое-что вы должны сами понять из книг, об остальном поговорим при встрече. Продолжайте запоминать всё, что слышите. Удачи."

Мы так торопились в дортуар, чтобы успеть перекинуть книги на планшеты, пока Зина и Настуся смотрят телевизор в гостиной, что записку Дэна доедали на ходу.

— Хоть бы толстые, хоть бы толстые, — бормотала Яринка, имея в виду желаемый объём книг. И не ошиблась. Книги было две, и они оказались толстыми, если конечно так можно сказать про килобайты электронного текста.

"Унесённые ветром", "Поющие в терновнике" — от одних только названий хотелось, забыв обо всём, с головой окунуться в чтение. И, забегаая вперёд, могу с уверенностью сказать, что мои первые представления о том, какой может и должна быть женщина, я извлекла из этих книг, а не из скучных уроков планирования семьи.

После "Хроник Нарнии" и космических сказок про Алису, местами эти взрослые и горькие истории читались очень тяжело, но оторваться от них не было никакой возможности. Каюсь, мы совсем потеряли бдительность, и читали каждую свободную минуту, рискуя такой увлечённостью привлечь внимание Агафьи. Теперь в Библиотеке нам не хватало времени, чтобы успеть найти и изучить всё новое, что свалилось на нас. Сверкающий калейдоскоп из давно ушедших в прошлое событий, далёких и удивительных стран, таких живых и настоящих героев, закружил и унёс нас опасно далеко от повседневной реальности. Просто везение, что при этом мы умудрились не запустить учёбу.

В сплошном чтении подошёл к концу февраль. А когда книги закончились, мы, словно проснулись, и с удивлением обнаружили надвигающуюся весну.

Было по-прежнему холодно, и снега не стало меньше, но увеличились дни, потеплел ветер, а зимние созвездия клонились к западу.

Я стала считать дни до возвращения Дэна. Яринка загорелась идеей сшить себе зелёное платье и шляпку, как у Скарлетт из "Унесённых ветром". Скарлетт стала её кумиром и примером для подражания. Теперь, когда читать было больше нечего, мы в свободное время уединялись на какой-нибудь скамейке, без конца обсуждая события из книг, и пытаюсь поставить себя на место героинь.

— На месте Мегги, я бы ни за что не пошла замуж за Люка, — поделилась я однажды вечером, полулёжа на одной из ледяных горок, и глядя на бледные звёзды в прорехах облаков, — Я бы вообще замуж не пошла. Разве ей плохо жилось?

— Ну, тогда ведь, как и у нас сейчас — считалось, что женщине нельзя без мужа, — пожалала плечами Яринка.

— Можно. Она же могла владеть собственностью, значит было можно.

— А мы спросим у Дэна. Не зря же он нам именно эти книги дал. Слушай, Дайка, а тои страны, где жила Мегги, тоже сейчас нет?

Я наморщила лоб.

— Австралии? Вроде её бомбили, но может, и нет. Всё равно она тоже за Занавесом.

— Я тут полистала учебник истории, мы скоро дойдём до Христианской революции и Третьей Мировой. Вам в деревне об этом рассказывали?

— Дед Венедикт рассказывал, — я попыталась сесть прямо, чуть не съехала с горки, и торопливо уцепилась за Яринку, — И родители иногда.

— У меня, когда отец про армию хвастал, любил говорить о том, как мы надрали задницу чёрным, жидам, и америкашкам, — Яринка подтащила меня поближе к себе, упираясь ногами в ледяной край горки, — Но мне казалось, что он врёт. Если Русь такая сильная, почему мы ото всех спрятались?

— Так мы же не спрятались, а вроде как сами их послали? Они же... как там Агафья говорила... безбожники все, а мы нет.

Яринка хихикнула и вдруг, схватив меня за плечи, сильно толкнула к краю. Визгнув, я не удержалась и заскользила по ледяному спуску, собирая одеждой снежную пыль, но в последний момент ухитрилась схватить подругу за ногу, так что вниз мы съехали вместе.

— Ну, я тебя! — собрав полную пригоршню снега, я швырнула её Яринке в лицо, она, хохоча, принялась уползать от меня на четвереньках. В этот поздний час после ужина, кроме нас в ледяном городке уже никого не было, и поднятый шум достиг чутких ушей Агафьи, которая не преминула высунуться из окна воспитательской и грозно крикнуть:

— Дарья! Ярина! А ну марш оттуда!

Но даже это не испортило нам веселья. До крыльца мы бежали наперегонки и прыгнули в высокий сугроб, что сгребли у входа дворники, поэтому в дортуар явились румяные и мокрые, с тающим в волосах снегом, под укоризненное молчание Зины и Настуси.

Последнее время мы с Яринкой часто устраивали такую вот совершенно малышovou возню, с визгами, потасовками и хохотом. Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что мы безошибочным детским чутьём угадывали, как мало нам осталось времени на игры и ребячество, и таким образом пытались удержать утекающие сквозь пальцы остатки детства.

Глава 11.

Драка.

До возвращения Дэна с учений оставалось три дня, когда и мою скромную персону осчастливила своим вниманием сильная половина человечества.

Утром, перед завтраком, когда мы по обыкновению собрались в гостиной, ожидая новостей, Агафья обратила на меня благосклонный взгляд.

— Дарья, сегодня в четыре часа жду в воспитательской. Тобой заинтересовался уважаемый человек и хочет разговора.

Я поймала на себе оживлённые взгляды девочек, услышала завистливые вздохи, и весьма неуклюже попыталась изобразить радость.

— Спасибо, сударыня. Я обязательно приду.

— Надеюсь, ты помнишь, что явиться желательно за десять минут и выглядеть опрятно, — Агафья поджала губы — её явно не обманула моя деланная улыбка.

Во время завтрака Яринка деловито говорила мне, не обращая внимания на остывающую еду.

— Этот хрен по-любому будет спрашивать тебя о прошлом, о семье. Тем более, что твой случай редкий. Не обращай внимания, не психуй. Такое придётся выслушать только один раз. Мой Львович вон больше даже не заикается о моих родителях.

С тех пор, как моя подруга обзавелась женихом, у них уже было три онлайн-свидания.

— О чём вы вообще там разговариваете? — обычно я старалась не задевать эту тему, помня Яринкину реакцию на первое общение с кандидатом в мужья. И она ничего не

рассказывала, из воспитательской после таких разговоров возвращалась кислая и сразу утыкалась в планшет. Но сейчас поделилась охотно.

— Да ни о чём. Он скучный как воскресная служба. Спрашивает про учёбу, про то, что я люблю, рассказывает, как хочет обустроить квартиру с такой рукодельницей, — Яринка закатила глаза, — Кажется, он думает, что я целыми днями буду вязать пледы и плести салфетки... или наоборот, не помню уже. Может, он ими торговать хочет?

Я хихикнула.

— Так начинай уже сейчас, приданое будет.

— Ах да! Пару раз он вздохнул, что вот мол — невеста бесприданница, а он всё равно меня берёт, благородный, что куда деваться.

— Так ты уже согласилась идти за него замуж? — я нервничала перед предстоящим знакомством, и как всегда в таких случаях мне хотелось болтать без передышки.

— Он и не спрашивал, — Яринка криво усмехнулась, — Старичок ведь и правда думает, что благодетельствовал меня своим вниманием, и я не могу отказаться от такого счастья. Когда появится следующий дурак, надо будет и его придержать.

— А разве можно общаться сразу с двумя?

— Ты Агафью совсем не слушала? Можно, пока не согласилась за одного замуж пойти. Тогда уже невеста. А так имеешь право общаться и выбирать.

Я деловито кивнула. Мало шансов, что меня выберет кто-то ещё, но если выберет, я поступлю так же. Дэн ведь говорил, что общение с людьми из внешнего мира пойдёт мне на пользу и поможет расширить кругозор, вот и буду стараться.

К счастью уроки отвлекли меня от предстоящего свидания, и помогли не нервничать. Теперь учителя стали к нам намного требовательнее и строже, поэтому считать ворон на занятиях уже не получалось.

А без десяти четыре, я, старательно причесавшись, отправилась в воспитательскую. Агафья встретила меня оценивающим взглядом, и, судя по тому, что замечаний не последовало — осталась довольна.

— Садись вот здесь, — я была водружена в кресло перед широким монитором (куда там стареньким компьютерам из библиотеки!), — Вот микрофон, вот камера. Говорить нужно глядя в неё, а не на экран, тогда собеседнику будет казаться, что ты смотришь ему в глаза. Будь вежлива, веди себя скромно, но не зажато. Улыбайся. На вопросы отвечай честно, но коротко, ничто так не раздражает мужчин, как женская болтовня.

Я рассеяно кивала, и теребила пальцами подол. Суэта Агафья лишь накрутила меня ещё больше, и теперь мне хотелось оказаться в любом другом месте кроме этого. Но давать задний ход было уже поздно, поэтому я откинулась на спинку кресла и постаралась думать о Дэне, о том, как он вернётся с учений, весёлый и повзрослевший, как мы будем разговаривать у скамейки, какие новые книги он нам привезёт. Нужно не забыть записать вопросы, которые я хочу ему задать...

Из приятных размышлений меня вывел громкий компьютерный трезвон. Я дёрнулась в кресле, отчего оно сделало пол-оборота, развернув меня спиной к монитору. Но Агафья железной рукой вернула нас с креслом в прежнее положение, хлопнула меня ладонью по спине веля выпрямиться, и, растянув губы в подобострастной улыбке, клацнула пальцами по клавиатуре.

Экран моргнул, на нём возникло окно, а в окне мужская голова с редкой седой порослью. Голова таращилась на нас, не моргая.

— Добрый день, Михаил Юрьевич, — пропела Агафья непривычно весёлым голосом. Голова едва заметно кивнула.

— Позвольте представить вам нашу воспитанницу — Дашеньку. Надеюсь, знакомство будет приятным.

Агафья слегка приобняла меня за плечи, при этом незаметно, но чувствительно ущипнув, и я торопливо сказала:

— Здравствуйте. Очень... рада.

Голова снова качнулась, а Агафья, продолжая неестественно улыбаться, подытожила:

— Оставляю вас наедине. Спасибо за внимание к нашим воспитанницам.

Конечно, наедине она нас не оставила, только отошла, и села за другой стол, не сводя с меня строгого взгляда. Под её взглядом, и перед этой неподвижной головой плящущейся с монитора, я совсем стушеввалась, и последние мысли покинули мою голову. Не знаю, как долго длилось молчание, но к счастью голова решила сама начать разговор.

— Ну, здравствуй, — голос у головы оказался глухой и надтреснутый, — Даша, значит? А я Михаил Юрьевич Шестаков, пятидесяти шести лет, заместитель директора завода "НикельСплав", вдовец, отец трёх взрослых детей, проживаю в Москве, но владею так же загородным участком. Кроме официальной работы занимаюсь небольшим частным бизнесом, дающим стабильный доход. Имею два высших образования, и многочисленные грамоты за добросовестный труд.

Я продолжала молчать, оторопев от объёма зачем-то вываленной на меня информации. Да и что тут вообще можно ответить? "Я Даша, мне одиннадцать лет, живу и учусь в приюте, не имею ни фига"? Так ведь это он и сам знает.

Агафья чуть слышно кашлянула, встревоженная моим молчанием. По-прежнему, не зная, что сказать, я только часто закивала, глупо моргая.

Седая голова, Михаил Юрьевич Шестаков, заместитель директора завода, отец и бизнесмен, изволили улыбнуться.

— Ты милая девочка, стеснительная и робкая, такой я тебя и представлял.

На этот раз мне удалось выдавить из себя еле слышное "спасибо" и улыбка головы стала шире.

— Ответишь мне на несколько вопросов, дитя?

Я снова закивала. Правильно, пусть лучше он спрашивает, а я буду отвечать, потому что о чём можно говорить самой, понятия не имею.

— Я прочитал в твоей анкете, что ты поёшь в церкви, Даша, это правда?

С моей стороны опять последовали кивки, ну а чего ещё? Однако следующий вопрос Головы оказался посложнее.

— Ты видимо набожная девочка, раз решила славить Господа нашего?

— Да, — ответила я, и чуть подумав, добавила — Набожная.

— Умница, — совсем уж расплылась в улыбке Голова, — Для женщины набожность, как я считаю, одно из главных достоинств. Скажи, Дашенька, ты решила прийти к Богу после того, как осознала здесь, насколько грешной и неправильной была жизнь твоих родителей?

Вот оно. Я прислушалась к себе, но злости, о которой меня предупреждала Яринка, не почувствовала. Скорее облегчение, что мы наконец-то коснулись этой темы, и можно больше её не бояться. В принципе — ничего сложного, буду просто соглашаться со всем, что говорит этот сноб.

И я снова кивнула, старательно потупив взгляд, чем Голова вполне удовлетворился.

— А что ты ещё любишь кроме пения в церкви?

На миг я представила как отвечаю "Люблю читать запрещённые книги, убегать в лес со взрослым парнем и стрелять из рогатки", и торопливо прикусила губу, чтобы не дать ехидной улыбке выдать эту мысль.

— Я люблю... люблю... — чёрт, чёрт, чёрт, что ответить? Что я могу любить из того, что не запрещено? — Я люблю природу и животных.

О чём это я? Какая здесь природа, какие животные?!

Но Голове, как ни странно, такой ответ очень понравился.

— Это же замечательно! Как я уже говорил, у меня есть загородный участок. Но, к сожалению, мало времени, чтобы заниматься им, хотя я очень люблю бывать там, — Голова грустно вздохнул и обратился на меня задумчивый взгляд.

Агафья кашлянула чуть громче, давая понять, что вечно кивать и отмалчиваться с моей стороны не есть хорошо.

— Мне, — я тоже прокашлялась, — Мне очень нравится ухаживать за растениями.

— Я рад, что у нас есть общие интересы, — Голова снова улыбнулся, потом озабоченно глянул куда-то вбок, — Однако наше время на исходе. Ты не будешь против поговорить со мной ещё раз?

— Да! То есть, нет, — запуталась я, — То есть я не буду против. С удовольствием.

Судя по снисходительному кивку, Голова другого ответа не ожидал.

— В таком случае позволь с тобой проститься. Рад знакомству.

— Я тоже... рада... очень, — успела сказать я, прежде чем экран опять моргнул и Голова исчез, успев зачем-то хитро подмигнуть. А может, мне показалось.

Я торопливо спрыгнула с высокого кресла, в котором чувствовала себя курицей на насесте, и вопросительно повернулась к Агафье. Как ни странно, та улыбалась.

— Поздравляю, Даша. Судя по тому, что этот сударь захотел продолжить общение, тебе удалось ему понравиться.

— А... он... когда теперь снова?

— Когда сочтёт нужным. Я тебе сообщу. Иди к себе, и девочкам сильно не хвастай, не зазнавайся.

Я согласно склонила голову, и шмыгнула за дверь. Не хвастай, не зазнавайся? Она правда думает, что когда старый пень желает сделать тебя своей временной игрушкой и по совместительству бесплатной рабочей силой на приусадебном участке, это повод для гордости?

Яринка ждала в гостиной, поминутно выглядывая в коридор, и устремила мне навстречу, как только увидела.

— Ну что, можно поздравить? Когда на свадьбе гулять будем?

Другие девочки, сидящие перед телевизором, как по команде повернулись к нам, и мне пришлось коротко поведать о своём первом свидании, изображая при этом смущение и радость. Яринка стояла рядом, ахала и качала головой вместе со всеми, а потом поволокла меня за руку в дортуар, где сразу став серьёзной, спросила:

— И как? Старый?

Я кисло кивнула и рассказала всё второй раз, но теперь уже в подробностях и, не скрывая того, что на самом деле думаю о "женихе".

— Ну, ясно. Набожность ему от тебя нужна, ага. Небось, по ночам хочет хором псалмы

петь.

Я передёрнула плечами. Представлять себя ночью наедине с обладателем седой головы совершенно не хотелось. Скорей бы вернулся Дэн, у меня к нему миллион вопросов!

Дэна и остальных мальчишек из шестнадцатой группы привезли первого марта, во второй половине дня. Мы к тому времени уже пообедали и сидели на подоконнике, следя за воротами. Коротко стриженные парни выплеснулись из зелёного автобуса и, перекинув за плечи сумки, зашагали к корпусам. Я расплющила нос о стекло, пытаясь разглядеть среди них Дэна. Это мне удалось, когда новоиспечённые защитники Родины проходили под нашими окнами. Дэн шёл одним из последних, о чём-то оживлённо разговаривая с одноклассниками, и на девчачий корпус даже не посмотрел. Ну и ладно, главное, что он снова здесь.

— Как думаешь, он сможет уже сегодня написать нам ответ? — ёрзала рядом Яринка.

— Вряд ли. Думаю у них и так много дел, да и отдыхать будут. Но на всякий случай проверим.

И мы проверили. И завтра проверили тоже. И на следующий день. Дэн не только не написал нам записку, но даже ещё не достал из тайника нашу. На территории я тоже его ни разу не видела.

— У них же наверняка теперь усложнилась программа, — успокаивала меня Яринка, — Тем более, сколько времени они потеряли на своих учениях? Сейчас догоняют.

Я это понимала, но сердце всё равно было не на месте.

Чтобы гнать от себя тревожные мысли, мы с Яринкой решили отдавать больше времени учёбе, и по-прежнему ходили в библиотеку. Это уже вошло в привычку, да и не хотелось привлекать внимание Агафьи внезапным изменением распорядка дня. Опять же — чего греха таить — было любопытно заглянуть в свои анкеты, узнать сколько людей просматривало её за прошедший день. Но бум интереса к новоявленным невестам спадал, просмотров становилось всё меньше, и всё реже Агафья перед завтраком сообщала девочкам о желающих пообщаться с ними мужчинах. Кроме меня, Яринки, и Зины, кавалерами обзавелись ещё пять девочек, остальные напряжённо ждали с лихорадочным блеском в глазах. Отличить одних от других было легко, и не только по умиротворённым лицам первых, но и по заметному расколу, который произошёл в группе после посвящения в невесты. Отношение к выбранным девочкам стало холоднее. Нет, с нами по-прежнему разговаривали, садились рядом в гостиной и столовой, даже интересовались общением с женихами, но гулять во дворе или кататься на горках с собой не звали, в свои дортуары на вечерние посиделки не приглашали. Раскол между одинокими и "невестами" хоть и не был заметен внешне, но хорошо чувствовался внутри группы.

Исключением стала, пожалуй, только Настуся. Она искренне радовалась за тех, кому повезло обзавестись женихами, одновременно не теряя веру и в свой успех.

Мы же, выбранные, общались со своими "сужеными" как и положено — каждую неделю, по пятнадцать минут. К моменту возвращения Дэна, я уже три раза имела сомнительную честь беседовать с Головой, как я про себя окрестила своего пожилого кавалера. К счастью он больше ни словом не задел моих родителей, хоть и говорили мы в основном о Маслятах, но интересовало его другое. Кажется, в моём лице Голова действительно увидел будущую работницу его загородного хозяйства, потому что подробно расспрашивал о способах которыми мы добивались хорошего урожая в холодных сибирских

краях. Спрашивал он и о содержании домашней скотины, причём вопросы были такие наивные и нелепые, что я невольно преисполнялась чувством превосходства над этим жителем каменных ульев.

Такие разговоры даже стали приносить мне удовольствие. Было приятно вспомнить деревенскую жизнь и почувствовать, что мои знания о ней кому-то нужны. Но больше всего меня радовали поджатые в бессильной злости губы Агафьи и её застывшая неестественно прямая спина. Услышь она, как я болтаю на подобные темы с девчонками, как расхваливаю жизнь "дикарей" и "безбожников", не избежать бы мне сурового наказания. Но в данном случае, я была не виновата и даже наоборот — добродетельна, ведь это мой "жених" хочет говорить об этом, разве можно проявить к нему неуважение и ослушаться? И я в красках расписывала способы удобрения огорода, ухода за скотиной, хранения урожая, при этом косясь на неподвижную Агафью и хохоча про себя.

Спустя четыре дня после возвращения шестнадцатой группы с учений, Яринка прибежала в дортуар, улыбаясь до ушей, и хитро подмигнула мне. Я возликовала, решив, что она принесла весть от Дэна, но как выяснилось позже, Дэн ничего не передал нам, он только забрал из тайника то, что положили туда мы. Велев себе не расстраиваться, я попыталась утешиться мыслью, что и это не мало. Он помнит о нас, он прочитает нашу записку, и обязательно ответит. Просто Яринка права, и у него сейчас совсем нет времени.

Но прошла неделя, за ней другая, а вестей не было. Ни флэшки с новыми книгами, ни какой-нибудь, пусть совсем короткой записки. И мне всё труднее становилось придумывать для этого оправдания. Дэна я несколько раз видела в школьном коридоре, но он не смотрел в мою сторону. Даже Яринка перестала преувеличено бодро говорить "Наверно завтра" и теперь чаще отмалчивалась, когда я заводила разговор о Дэне.

Минула ещё одна неделя. В воздухе носился весенний дух, дули порывистые влажные ветра, температура даже по ночам перестала опускаться ниже двадцати градусов. Каждый раз, выходя на улицу, я жадно отмечала эти перемены, с наслаждением втягивая ноздрями приносимые издалека запахи весны, но теперь к радости примешалась немалая тревога. Когда растает снег, неважно будет это уже в середине апреля, или только в начале мая, но когда сугробы больше не помешают мне пройти к забору, и перелезть на ту сторону, на сторону свободы — будет ли там Дэн, или уже нет? Что, если на этом наша дружба кончилась? Да и была ли она или я всё придумала, выдавая желаемое за действительное?

И с каждым днём мне всё больше казалось, что так и есть.

То, чего не смогла сделать загруженность чтением и порождённый ею отрыв от действительности, сделали растущие тревога и тоска — я начала отставать в учёбе. На уроках сидела, глядя в одну точку, пропуская мимо ушей почти всё сказанное учительницей, а если меня спрашивали — отвечала невпопад. На спевках в церкви не вызывалась как раньше первой на клирос, и не прыгала за фортепиано при каждом удобном случае, а больше отсиживалась в уголке, тихонько подпевая другим. Разумеется, такое поведение ни для кого не прошло незамеченным. Агафья прочитала мне нотацию о том, что обзавестись женихом — ещё не значит удержать его, и если я думаю, будто кому-то нужна нерадивая жена, то очень скоро останусь в одиночестве. Марфа Никитовна спросила, как я себя чувствую, и не начались ли у меня женские дни. Однорукницы решили, что я загордилась. И только Яринка правильно истолковала произошедшие во мне перемены, и как-то, уже в середине марта, когда мы остались в дортуаре вдвоём, решительно сказала:

— Завтра я подойду к Дэну и прямо спрошу его, что это за фигня.

— Не надо! — перепугалась я, — Вдруг кто-нибудь увидит?

— Обязательно увидит, — с мрачным удовольствием подтвердила Яринка, — Потому что я собираюсь сделать это прямо в школе на перемене. И пусть он только попробует мне не ответить — не отстану.

Поняв, что поколебать решимость подруги можно лишь выкинув что-то, чего она не ожидает, я прищурилась и твёрдо сказала:

— Ну, уж нет. Это сделаю я.

Яринка недоверчиво уставилась на меня.

— Ты? Ты подойдёшь к Дэну на перемене? При всех?

Я отчаянно кивнула.

— Да. Пусть он мне самой скажет, что же это за фигня.

— Ну-у, — Яринка поглядела на меня с уважением, — Да, наверно тебе он объяснит всё быстрее, вы дольше знакомы.

Я временно перевела дух, теперь осталось только придумать, как отвертеться от такого безумного поступка. Конечно, ничего ужасного бы не случилось, подойди я на самом деле к Дэну при всём честном народе. Самое неприятное, что может произойти — это чей-нибудь донос Агафье и ей последующие за этим вопросы. Но неужели я не смогу заранее придумать что-нибудь правдоподобное, что могло бы объяснить мой поступок? Смогу, раз плюнуть. Но я сама не хочу подходить к Дэну, и не хочу, чтобы это делала Яринка. Нет, я не обиделась на него за молчание, всё куда хуже. Я боюсь.

Боюсь, что Дэн посмотрев на меня удивлённо и холодно, ничего не ответит. Или ответит, но такое, что лучше бы не отвечал. Понятия не имею, какие перемены могли произойти с ним там, на неведомых учениях, в загадочной армии, но вдруг он теперь *совсем* взрослый? Настолько взрослый, что общение с нами кажется ему глупым и ненужным.

Я понимала, что прячу голову в песок, но намерена была поступать так и дальше, так долго, сколько понадобится для того, чтобы всё разъяснилось само собой. Либо мы рано или поздно обнаружим в тайнике записку Дэна, объясняющую его молчание, либо уже никогда ничего не обнаружим, и это тоже будет объяснением. Но пока я не готова узнать правду.

А на завтра ничего придумывать не пришлось, потому что случилось такое, что надолго привело приют в оцепенение, и отодвинуло на задний план всё остальное.

Ближе к утру меня разбудили крики с улицы. Сейчас по ночам уже не стояли суровые холода, и мы оставляли форточку приоткрытой, а поскольку я спала на верхнем ярусе койки стоящей ближе к окну, то мне было лучше всех слышно, что происходит снаружи. И в этот раз происходило там что-то плохое.

Сначала я подумала, что проспала подъём и теперь слышу голоса воспитанников идущих на завтрак, но открыв глаза, обнаружила, что дортуар погружён в темноту, а доносящиеся до меня крики принадлежат взрослым мужчинам. Потом их заглушил пронзительный женский визг, переходящий в рыдания. Кто-то отчётливо произнёс "О, господи!"

Я свесила ноги вниз, осторожно, чтобы не разбудить Яринку слезла на пол, и на цыпочках подбежала к окну.

Внизу метались лучи фонарей. Я разглядела несколько фигур у торца нашего корпуса, большинство из которых оказались охранниками. Того, что привлекло их внимание видно не было, оно находилось за углом корпуса, именно туда смотрели собравшиеся, и оттуда

продолжали доноситься рыдания.

Решив, что уснуть теперь всё равно не удастся, я растолкала и Яринку. Подруга не простит, если узнает, что я наблюдала что-то из ряда вон выходящим без неё. И мы, набросив поверх пижам покрывала, устроились на подоконнике, пытаюсь понять, что происходит.

А взрослые продолжали прибывать. Я увидела суетливо крестящегося батюшку Афанасия, сбежавшую с крыльца Агафью в наспех накинутом пальто, мужчин-воспитателей из мальчишеского корпуса. А потом, в заранее открытые охраной ворота заехали две машины, освещая всё вокруг красно-синими всполохами маячков.

— Ой-ой-ой, — прошептала Яринка, — И скорая, и полиция...

— Думаешь, кого-то убили? — ляпнула я первое, что пришло в голову.

— Не знаю... может быть...

Между тем ночь подошла к концу, за окном всё постепенно окрашивалось в серые тона. И в этом тусклом унылом полусвете, мы увидели, как в одну из машин один за другим занесли два продолговатых предмета в глухих чёрных мешках.

Яринка растерянно посмотрела на меня, я — на неё. Мы ничего не сказали, и не стали строить предположений, вместо этого молча и поспешно вернулись в постели. Такого в приюте на нашей памяти ещё не случалось. Разве что полтора года назад, тогда тяжело заболел один мальчик из седьмой группы, его увезли в больницу, где он и умер. Но он умер не здесь и не сразу, так что это событие никого особо не взволновало. Его отпели в церкви и всё забылось. Но то непонятное, что произошло сейчас, напугало нас. Мы не стали смотреть как развиваются события за окном дальше, и ни обмолвились ни словом до звонка будильника, хотя, конечно, уже не сомкнули глаз.

И я, и Яринка продолжали подавленно молчать, пока одевались, причёсывались, заправляли постели под недоумёнными взглядами Зины и Настуси. И не избежать бы нам их дотошных расспросов, если бы в дверь вдруг не заглянула мрачная больше обычного Агафья, и не велела всем срочно собраться в гостиной. Там, среди враз растерявших своё веселье одноклассниц, нам и было вкратце пересказано произошедшее ночью.

Парень и девушка семнадцати лет, которым до выпуска оставалось меньше года, вдвоём забрались на крышу нашего корпуса по пожарной лестнице, и спрыгнули вниз, взявшись за руки. Тела погибших увезли, сейчас на территории приюта работает полиция, поэтому школа сегодня отменяется.

— Теперь все тихо идём на завтрак, — распорядилась Агафья, не глядя на своих перепуганных питомцев, — Потом вы расходитесь по дортуарам, и носа не высовываете, пока я не разрешу, ясно?

Всем было ясно и не нашлось ни одной сумасшедшей, чтобы задавать вопросы.

Нам с Яринкой в какой-то степени повезло — мы не выспались, перенервничали, и поэтому, вернувшись в дортуар, залезли в койки, где благополучно отключились до полудня. Остальным же пришлось маяться в догадках, строить предположения о случившемся, и протирать носами окна, наблюдая за взрослыми на улице. Во второй половине дня полиция уехала, и воспитанникам было разрешено покинуть дортуары.

После обеда я заторопилась в церковь — сегодня должны были быть занятия в хоре, и я хотела узнать, не отменили ли и их. Неожиданно, в нашей комнатке за клиросом кроме Марфы Никитовны, обнаружились все четыре девочки-певчие во главе с батюшкой Афанасием.

Едва переступив порог, я поняла, что застала не самый приятный момент.

Нюра, с заплаканным лицом, судорожно комкала подол платья, Аня и Света с двух сторон придерживали её за плечи, а батюшка Афанасий стоял перед ними, ссутулив плечи, и говорил, кажется уже не в первый раз:

— Не могу... не положено... нельзя...

— Но ведь никто не узнает! — выкрикнула Нюра, резко подавшись к нему.

— Не могу, — глухо повторил батюшка, и круто развернувшись, бросился в двери — я едва успела отскочить.

Его уход словно лишил Нюру последних сил, она рухнула на стул и закрыла лицо руками. Девочки склонились над ней, а Марфа Никитовна устало оперлась о стол.

— Что случилось? — робко спросила я, и, судя по удивлённым взглядам, только сейчас была замечена.

Надо отдать должное солидарности нашей певчей компании, никто не стал скрывать от меня правду, как от самой младшей. И я постепенно узнала вот что.

Погибшая ночью девушка была старшей сестрой Нюры, и в приют они попали вместе, когда их отца и мать посадили за изготовление и продажу табачных изделий. Сюда Нюра прибежала просить батюшку Афанасия втайне провести заупокойную службу по сестре, в чём он был вынужден отказать — как известно, отпевать самоубийц запрещено.

— Почему они сделали это? — тихонько спросила я, имея в виду Нюрину сестру и того парня, что прыгнул с крыши вместе с ней.

Девочки разом посмотрели на Марфу Никитовну, словно спрашивая разрешения говорить, но та ответила сама.

— В этом возрасте... всё кажется серьёзным, даже если это не так. Мальчик и девочка понравились друг другу, решили, что это любовь. И понимая, что вместе быть не получится, подумали, что лучше вот так... глупые дети.

Нюра затрясла головой, но рук от лица не отняла и ничего не сказала.

А я вдруг поняла, что зная о запрете на отношения между воспитанниками приюта, никогда не интересовалась его причиной.

— Почему им нельзя было пожениться после выпуска?

Все изумлённо поглядели на меня, даже Нюра перестала всхлипывать. И снова ответила Марфа Никитовна:

— Евгеника, — сказала она непонятное слово, — В коррекционный приют попадают дети тех родителей, кто так или иначе был виноват перед законом и осужден. Таким детям разрешается в будущем образовать пару с кем-то из порядочной семьи, в надежде, что хорошая наследственность пересилит плохую. Но не друг с другом.

— Но ведь, — я не знала что сказать, и брякнула, не подумав, — Можно убежать...

Что-то, возможно тот самый голос-без-слов, что уже не раз выручал меня, помог и сейчас, только благодаря ему я не добавила два слова "на запад". Не знаю, что бы случилось тогда, может, что и ничего страшного, но озвучивать такие мысли, даже в кругу, как я считала близких людей, было бы крайне опрометчиво.

— Куда убежать? — грустно спросила Аня, осторожно глядя Нюру по голове, — Ну убежали бы, а где жить и на что? Парня на работу никто не возьмёт без протекции приюта, а девушку — вообще не возьмут.

Я опустила голову, надеясь, что это выглядит так, будто я застеснялась сказанной глупости. К счастью, о моих неосторожных словах сразу позабыли, сочтя их болтовнёй

ребёнка, который сам не понимает о чём говорит.

— Выпей, — Марфа Никитовна накапала что-то в стакан с водой и протянула Нюре, — Не злись на батюшку, он бы и рад тебе помочь, но не может.

Нюра не притронулась к стакану, вместо этого быстро заговорила, отняв руки от лица:

— Я же не просила при всех... службу не просила... только чтобы он... сам... помолился за неё...

Марфа Никитовна поставила отвергнутый стакан на стол и тяжело опустилась в кресло.

— Афанасий — божий человек, Нюрочка. Не может он идти против церковных канонов. Не может отпевать самоубиенных даже наедине с собой.

Я уже поняла, что ни занятий, ни спевки сегодня не будет, смотреть на горе Нюры было невыносимо, поэтому отступила к двери, и тихонько сказала:

— До свидания.

Но моего ухода тоже никто не заметил.

Вернувшись в дортуар, я застала девочек в прескверном настроении. Яринка сидела на подоконнике, мрачно уставившись в окно, Зина и Настуся пытались учить уроки, но судя по рассеянным взглядам, не очень-то им это удавалось.

При моём появлении Яринка слегка оживилась, повернула голову.

— Что, не будет занятий в церкви?

— Там Нюра, — грустно поделилась я, залезая на подоконник рядом с ней, — Оказывается погибшая девушка — её сестра.

Подруга присвистнула. То есть действительно вытянула губы трубочкой и издала протяжный свист. Агафья упала бы в обморок.

— Ничего себе! И как она сейчас?

— Плохо. Плачет. Просила батюшку Афанасия помолиться за сестру, а он не захотел.

Неожиданно раздался громкий стук — это Настуся с силой опустила на стол свой планшет, в котором до этого пыталась что-то читать. Мы удивлённо уставились на неё, и не потому, что она никогда не позволяла себе такого губительного обращения со школьными принадлежностями, но из-за ярости, горевшей в обычно кротких Настусиных глазах.

— Конечно, не захотел, — отчётливо сказала она таким же яростным голосом, — Ещё молиться за неё не хватало.

От изумления никто из нас не смог вымолвить ни слова, и, не дождавшись никакой реакции, Настуся спросила:

— А вы считаете было бы правильно отпевать таких, как она?

— Каких — таких? — наконец выдавила я.

— А вот таких! — Настуся, кажется, призвала на помощь все внутренние силы, и выплюнула слово, которое я никак не ожидала услышать в этих стенах, — Шлюх!

Снова повисло ошеломлённое молчание. А потом Яринка, тихим и вкрадчивым голосом, не предвещавшим ничего хорошего, почти ласково спросила:

— И почему же она была шлюха?

— А кто? — Настуся не опустила глаз, — Зачем ей понадобилось прыгать с крыши за ручку с парнем, если только не за тем, чтобы скрыть свой позор?

Боковым зрением я увидела, как медленно вздымается грудь Яринки, набирающей воздух для ответа, и поспешно спросила в жалкой попытке предотвратить грядущую ссору:

— Насть, ты же не можешь знать, что там на самом деле было. Почему сразу позор?

Настуся посмотрела на меня как на умственно-отсталую.

— Она была ночью наедине с парнем. На крыше. Никто не видел, как они туда поднялись и как вообще вышли из корпусов, а значит, делали это не первый раз. Этого мало?

Я тоже начала заводиться.

— Мало. Они поднялись на крышу, чтобы прыгнуть оттуда, с чего ты взяла, что было что-то ещё?

— Ага, просто вдруг решили, что хотят вместе прыгнуть с крыши, — неестественно рассмеялась Настуся, — Обычное дело.

— Она была беременна, — сказала вдруг молчавшая до этого Зина.

В который уже раз возникла немая сцена. Не многовато ли их для одного дня?

— С чего ты взяла? — наконец спросила Яринка, на время забывшая про Настусю. И Зина коротко отозвалась:

— Люди говорят.

Сплетни и слухи в приюте разлетались совершенно непостижимым образом. Как ни пытались взрослые скрыть тот или иной инцидент, но он моментально становился достоянием общественности, причём в мельчайших подробностях и с такими далеко идущими выводами, которых не могли сделать иные воспитатели. Взять хотя бы тот случай, когда Яринка пририсовала мозаичному Иисусу недостающие части тела. Не смотря на то, что произошло это в корпусе мальчишек, к вечеру каждая девочка из младшей группы семилеток узнала о том, что находится у мужчин в штанах.

Поэтому слова Зины меня не удивили и почти не вызвали сомнений в их правдивости. Но не Яринку.

— Слушайте больше! — фыркнула она, а потом сказала такое, за что была бы порота розгами, присутствуй здесь кто-нибудь из взрослых, — И вообще, беременна или нет, никого не касается!

Теперь настала очередь Настуси ошеломлённо хлопать глазами.

— Что... да это же... она же...

— Ну что, что? — подначивала Яринка, — Если она и забеременела от того парня, это только их дело!

Настуся, наконец, собралась с мыслями и почти закричала:

— Из-за таких как она потом обо всех девушках плохо думают! Она опозорила приют! Она спуталась с парнем, а они даже не были помолвлены! А ещё она убила своего ребёнка, прыгнула с крыши, зная, что беременна! Она такая же, как те, кто убивают детей во чреве! Её отпевать грех! Шлюха и убийца!

Я не переставала изумляться — скажи мне кто-нибудь час назад, что я услышу подобное от Настуси, от нашей скромницы, вздрагивающей от слова "чёрт" — ни за что бы не поверила. Я вообще сомневалась, что она знает откуда берутся дети, и уж тем более никак не могла представить что ей известны такие вещи, как искусственное прерывание беременности.

Яринка тоже выглядела ошарашенной, но от этого не менее злой. Она непримиримо процедила сквозь зубы:

— Ах ты, святоша! А как насчёт "не суди"?

— А я и не сужу, — вдруг совершенно спокойным голосом отозвалась Настуся, — Я просто говорю правду.

Но моя подруга от этого завелась ещё больше.

— Значит, шлюха? А как насчёт твоей мамы, а? Как ты у нас появилась на свет, если не так же?

Настуся слегка побледнела, но ответила сразу:

— А я мать и не оправдываю. Она получила по заслугам за свой грех. Но она хотя бы родила меня, не стала губить.

Яринка зло рассмеялась.

— А, так тебе и собственную мать не жалко? Правильно, чего шлюх жалеть.

На этот раз на щеках Настуси вспыхнули пятна румянца, она прикусила губу. А потом сказала:

— Да, моя мама шлюха. Как и твоя.

Глава 12.

Дух бунтарства.

— Да, моя мама шлюха, — сказала Настуся, — Как и твоя.

Дальнейшее произошло очень быстро, но от этого не менее некрасиво.

Яринка прыгнула с подоконника, как прыгает с дерева пантера на свою жертву. И роль жертвы, как и следовало ожидать, она отвела Настусе. Стул, на котором та сидела, опрокинулся, и обе девочки покатались по полу. У худенькой и маленькой Настуси не было никаких шансов против моей сумасбродной подруги, и, понимая это, я, одновременно с Зиной, бросилась вперёд, к сопящим на полу сплетённым телам. Но если в мои намерения входило разнять дерущихся, то Зина шла на подмогу Настусе в неравной схватке. И прежде чем я поняла, что вместо двух дерущихся оказалось уже три, она вцепилась Яринке в волосы, одновременно норовя попасть ногой в лицо.

Ох, зря.

Я и другие дети в Маслятах обычно жили дружно, но, как и бывает в любом коллективе — без конфликтов не обходилось. И в младшем возрасте частенько эти конфликты разрешались потасовками, что, однако не мешало нам почти сразу мириться. Поэтому в таких делах я поднаторела, в отличие от той же Зины, выросшей в приюте под строгим присмотром учителей и воспитателей.

От толчка и одновременной звонкой затрешины Зина не удержалась на ногах, и повалилась на пол, выпустив Яринкины волосы. Я прыгнула сверху. Когда противник уже под тобой, тут главное не дать ему опомниться, и я обрушила град ударов на лицо и голову Зины. К счастью на тот момент, я не успела совсем потерять над собой контроль, поэтому была не кулаками, а раскрытыми ладонями. Но Зине хватило. После нескольких неудачных попыток достать меня в ответ, она начала закрываться руками и скулить. Ударив ещё несколько раз для закрепления успеха, я вскочила и бросилась на помощь Яринке. Но моя помощь не требовалась — подруга прижимала Настусю лицом к полу, поставив колено ей на поясницу, и шипела:

— Извиняйся! А ну извиняйся!

На тот момент я была уже злая как чёрт, понимала весь кретинизм того, что мы делаем, поэтому церемониться не стала, а схватив Яринку под мышки, просто сдёрнула её с Настуси и толкнула на пол. Та вскинулась, порываясь вскочить, но увидев меня, осталась сидеть тяжело дыша.

Настуся всхлипывала, сжавшись в комочек. Зина трясущимися руками ощупывала лицо.

Стул валялся на полу, со стола слетели тетрадки, ручки и планшеты. Если ещё вдобавок кто-то слышал наши вопли...

— А ну вставайте! — прошипела я, и, подавая пример, кинулась собирать с пола разбросанные вещи, — Вдруг Агафья зайдёт?

— Пусть зайдёт, — проскулила Настуся, — Пусть видит, какие вы... что вы... чокнутые! Яринка хладнокровно поднялась на ноги, вернула стул в нормальное положение, и насмешливо ответила:

— Ага, пусть. Думаешь, она станет разбираться? Ввалит всем, а я ещё не забуду рассказать, какие ты слова знаешь.

— Я правду сказала!

— Ты ругалась! И на кого? На погибшую девушку и на собственную мать. Уж не грех ли это — плохо говорить о мёртвых и родителях? Может, спросим у батюшки? Епитимью тебе пропишет.

Настуся перестала размазывать слёзы по щекам, и кажется, призадумалась. Пользуясь моментом, я решила внести свою лепту:

— И, правда, Насть. Ты сейчас не лучше, гордыня — тоже смертный грех. А ты взялась судить.

Настуся промолчала, но что-то подсказало мне, что мои слова попали в цель. Зато заговорила Зина:

— Ты больная дикарка! Если у меня будут синяки на лице, я тебя в окно вышвырну!

Совершенно неожиданно эти слова показались мне очень смешными. Я хихикнула, прижала ладонь ко рту, глянула на Яринку — она тоже улыбалась. Зина непонимающе уставилась на нас.

— Ты сама виновата, — ответила я ей, — Набросилась на Ярину.

— Она била Настусю!

— Настуся обозвала мою маму!

— Ты первая начала про мою маму!

— Про свою маму ты сказала, что она шлюха, а не я!

Поняв, что вот-вот всё это выльется в новую драку, я набрала в грудь воздуха и как можно более грубым голосом рявкнула:

— Тихо!

А когда девочки замолчали, уставившись на меня, на цыпочках подбежала к двери и выглянула за неё. Если честно, то сделано это было лишь для того, чтобы придать вес словам, которые я собиралась сказать.

— Вот что, — плотно прикрыв дверь, я повернулась к Яринке, Зине и Настусе, которые после потасовки выглядели весьма живописно — раскрасневшиеся, лохматые, в помятых платьях, и с бесенятами в глазах, — Если кто-то слышал наш шум, то может позвать Агафью. И тогда она накажет всех. Поэтому давайте приведём себя в порядок. А если кто-то хочет пожаловаться, то пусть идёт прямо сейчас.

Настуся едва заметно покачала головой и, осторожно поднявшись на ноги, стала приглаживать руками выбившиеся из косы пряди. Зина наоборот вскочила резко, метнула на меня злой взгляд, и вытянулась на своей кровати, закинув руки за голову. Яринка вернулась на подоконник. Оглядев притихшую, но не ставшую менее враждебной компанию, я решила, что надо что-то с этим делать. В конце концов, это я принесла новость, которая и стала катализатором ссоры. А Агафья очень тонко чувствует настроения в своей группе, никакие

размолвки произошедшие между девочками, обычно от неё не ускользают.

Но меня опередила Настуся. Наверно ей было неловко из-за своего недавнего поведения, и она решила объясниться:

— Я не думаю плохо про ту девушку. Не хотела её так называть. Просто из-за этого... такого вот поведения, другим плохо. Если бы моя мама сначала вышла замуж за папу, а потом... ну детей взялась заводить, всё было бы иначе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Яринка искоса глянула на неё, буркнула:

— Откуда ты знаешь, как там всё было? Может твой отец не хотел на ней жениться?

— Может. Но ведь она тогда не должна была, — Настуся покраснела, но продолжила, — Не должна была разрешать ему... ну вы понимаете...

— Да понимаем, — перебила Яринка, — а всё равно ты не можешь знать, почему она так поступила. Может он её обманул?

— Может, — совсем тихо ответила Настуся, — Но всё равно. Я такого не понимаю.

— Я тоже, — подала голос с кровати Зина, — Моя мать не лучше. Ведь у неё уже был муж, а она спуталась с этим... с иноверцем. Зачем он ей нужен был? Из-за неё я сейчас здесь и вот такая вот!

— Ты очень красивая, — осторожно заметила я.

— Ага! — Зина злобно дёрнула себя за иссиня-чёрную косу, — Знаю, как называют таких как я — ублюдки. Кому я нужна от такого отца?

— Но ведь ты-то нашла себе жениха, — Настуся присела на краешек Зининой кровати.

— Жениха, — горько усмехнулась Зина, — Я просто согласилась на первого, кто предложил, потому что боюсь, что других не будет.

— Тебе хоть кто-то предложил. А мне до сих пор никто...

— Предложит ещё, — попробовала успокоить её я, — Ты же только-только стала невестой, впереди уйма времени.

Настуся слабо улыбнулась, а Яринка тоскливо сказала, ни на кого не глядя:

— Вы злитесь на своих мам, потому что не знали их. Если бы знали... Мама лучше всех, она не может быть плохой... хоть какая.

Я торопливо заморгала, прогоняя непрошенные слезинки. Не надо про маму... Ещё слишком много времени ждать до того момента, когда я смогу выйти отсюда, чтобы начать искать её...

Вечером, после ужина Агафья собрала нас в гостиной, где рассказала о том, что именно произошло. Как я и ожидала, сплетни подтвердились — погибшая девушка была беременна, и уже на том сроке, когда это становится заметно, что наверняка и послужило причиной самоубийства. Об этих подробностях Агафья сообщила, слегка потупив взор и понизив голос, тем самым подчёркивая неприличие сказанного. Девочки тоже опустили глаза. Мне подумалось, что каких-то месяца три назад, когда мы не были "девушками" от нас скрыли бы эту информацию, как постараются сейчас скрыть её от младших групп. А ещё я интуитивно чувствовала, что Агафья, не смотря на свой наигранно траурный вид даже рада, что у её питомиц в самом начале их становления взрослыми, перед глазами оказался такой наглядный пример того, что случается с нарушительницами приличий.

По дортуарам все расходились притихшие и напуганные.

Мы помирились с Настусей и Зиной. Никто не просил друг у друга прощения, не

обнимался, и не сцеплял мизинцы, но разногласия были забыты, и когда мы ложились спать, все душевно пожелали друг другу спокойной ночи.

Но я ещё долго не могла уснуть, думая о сестре Ньюры и парне, который ушёл из жизни, держа её за руку. Провалиться мне на месте, если это не любовь, о которой написано в двух последних книгах, переданных нам Дэном. Дэн... Опять накатила тоска. Дэн так и не дал себе знать, Дэн не связывался со мной с момента своего возвращения с учений. Может быть, Яринка права и мне надо подойти к нему? Просто подойти, спросить, и покончить с неизвестностью. Вот только после произошедшего сегодня, не будут ли хватать за шкуру любую девочку осмелившуюся заговорить с мальчиком?

Мысли снова вернулись к погибшим влюблённым. А как общались они? Что делали, чтобы скрыть свою связь? Может быть, когда я думала об очередной вылазке в лес, об очередной переданной записке, в тот самый момент о чём-то похожем думала та девушка и её парень? А сколько ещё воспитанников приюта думают о том же? Не может быть, чтобы только нам да погибшей паре хотелось запретного.

Как выяснилось, Яринка размышляла на ту же тему. Мы завтракали в столовой, лениво обсуждая до чёртиков надоевшее меню, когда она безо всякого перехода спросила:

— Как думаешь, где они встречались? Неужели тоже в лесу?

Я даже не стала уточнять о ком она говорит — погибшие влюблённые со вчерашнего дня словно ходили следом за нами, забыть о них не получалось ни на секунду.

— Вряд ли в лесу. Мы бы тогда наверно с ними столкнулись.

— А может они — ночью?

— Слишком опасно.

Яринка с полминуты сосредоточено смотрела в тарелку, а потом хлопнула себя ладонью по лбу. На нас оглянулись.

— Я догадалась! — зашептала подруга, склонившись к моему уху, — Крыша! Она встречались на крыше!

— На нашей крыше?

— Ну да! Это же так просто, как мы не додумались? Они по ночам сбегали из корпусов, и залезали на крышу. Там нет камер и снизу не ничего не видно, хоть всю ночь сиди.

Я прокрутила в уме такую возможность. И то верно — крыша идеальный вариант для тайных встреч. Тут самое сложное — забраться по пожарной лестнице никем не замеченными. А учитывая, что лестница располагается не со стороны подъездов, а с торца здания, то это вполне возможно.

— Надо подкинуть идею Дэну, — продолжала искрить энтузиазмом Яринка, — Это лучше, чем писать записки.

— Если Дэн ещё захочет иметь с нами дело, — грустно напомнила я.

— Захочет. А если нет, мы можем слазить на крышу и сами. Хоть разок. Посидим, посмотрим на звёзды, как той ночью, помнишь?

Конечно, я помнила. Тёмный лес, звездопад на фоне сосновых крон, наше обещание друг другу всегда быть вместе...

Это воспоминание придало мне уверенности. Как бы там не получилось с Дэном, но Яринку у меня никто не отнимет. Я кивнула ей.

— Давай, слазим. Вот чуть-чуть всё утихнет, и слазим.

Мы незаметно сжали друг другу ладони под столом, и продолжили завтрак.

А уже к обеду наш план пошёл прахом. Потому что в приют приехали хмурые дядьки в

оранжевых комбинезонах, и принялись возиться с камерами видеонаблюдения, протягивая к ним провода и меняя какие-то детали.

Мы наблюдали за работающими дядьками, сидя на одной из скамеек возле школы.

— Вот сволочи, — безнадёжно протянула я, — Если теперь все камеры будут работать, то, как мы летом в лес?

— Если днём, то не проблема, — мрачно буркнула Яринка, — У забора камер нет. А вот как ночью?

Но и это было ещё не всё. Закончив с камерами, дядьки вооружились какими-то громко и противно визжащими инструментами, которыми подрезали пожарные лестницы на всех корпусах. Теперь дотянуться до них не представлялось возможным.

— Надеюсь, когда будет пожар, идиоты пожалеют об этом, — прошипела Яринка, беспомощно стискивая кулаки, — свернут шеи.

Я впала в минутное замешательство, подумав, что Яринка имеет в виду рабочих, подрезающих лестницы, но потом сообразила, что речь о взрослых нашего приюта, придумавших такую подлость.

— Не свернут, — я прикинула расстояние от земли до нижней ступеньки лестницы, — Если слезая вниз, повиснуть на руках, то до земли совсем недалеко.

— Взрослому недалеко, — поправила Яринка, — А совсем маленьким?

— Ну, наверно их больше заботит, чтобы девочки не встречались с мальчиками, чем переломанные ноги какой-то мелюзги.

— Когда я только попала сюда, — Яринка зачерпнула со спинки скамьи горсть снега и стала катать снежок, — Рассказывали, как одна девочка повесилась в раздевалке. Её арестованных родителей казнили, и она узнала об этом. Потом в раздевалку все боялись ходить поодиночке, говорили, что она может опять оказаться там. Висеть среди одежды.

Мне стало зябко. Но о таком случае я слышала впервые.

— Когда это было?

— Точно никто не говорил. Когда-то.

— Так может это не правда? Ну, вроде той истории про гроб на колёсиках.

— Гроб на колёсиках — детская страшилка. А это...

Яринка не договорила, но я и так поняла. Даже если случай с повесившейся девочкой был одной из приютских легенд, но такое легко могло и может случиться. И никакие камеры или обрезанные лестницы не помогут, если кто-то из детей не захочет больше оставаться здесь.

— Люду и Сашу завтра хоронить будут, — сказала Яринка и запустила полурастаявший снежок в сторону школьного крыльца.

— Кого? — спросила я, прежде чем догадалась, что так звали погибших девушку и парня.

— Семнадцатые группы поедут на похороны. И Нюра, — сообщила подруга, — А отпевать не будут.

— Ну и пошли они, — я вспомнила растерянного батюшку Афанасия и разозлилась, — Святоши, тоже мне. Мне кажется, мёртвым вообще по фиг, отпевают их или нет.

— Мёртвым конечно по фиг, — мудро рассудила Яринка, — Но это делается не для мёртвых. Или не делается. Они думают, что другие не станут вешаться и прыгать с крыш, если будут знать, что их потом не отпоют. Такие дураки.

С этим я не могла не согласиться. Вообще чем дольше здесь жила, тем меньше

понимала, как могут на первый взгляд взрослые и разумные люди, соблюдать все эти глупые правила. Как они не видят, что это чистой воды надувательство?

— Пойду до церкви, — я поднялась, — Спрошу, как Нюра.

Яринка вяло кивнула, скатывая второй снежок.

Церковь была лишь предлогом, чтобы уйти от подруги, на самом деле я планировала другое. Обойти все здания приюта и посмотреть где на них находятся пожарные лестницы. Я не надеялась, что какую-то из них забыли обрезать, и сама толком ещё не знала, зачем мне это нужно, но в подсознании толкалась некая догадка, беспокойный зуд. И чтобы его унять, мне и требовалась эта прогулка.

Прогулка ничего не дала. Лестницы на обоих корпусах, школе, администрации и больнице были срезаны примерно на высоте двух с половиной метров — не дотянуться, не допрыгнуть. И не нашлось рядом ни деревьев, ни выступов на стенах. Я приуныла. Яринкина идея с вылазкой на крышу пришлась мне очень по душе, было в этом что-то символическое — подняться над приютом, обрести пусть краткую, но свободу на высоте и просторе. И отказываться от неё теперь было горько и обидно.

Чтобы моё шатание не оказалось совсем уж бесцельным, я решила всё-таки навеститься в церковь, спросить, когда теперь будут занятия в хоре. Но обнаружила там только грустного батюшку Афанасия, шепчущего что-то перед одной из икон. Он заметил меня не сразу, а когда заметил, сказал только, что сегодня Марфы Никитовны не будет, после чего вновь повернулся к иконе. А я продолжала стоять. Стояла и смотрела на узкую винтовую лестницу ведущую наверх. Там мне бывать не доводилось, но я не раз видела, как батюшка Афанасий поднимался по этой лестнице, когда приходило время бить в колокола...

... Я нашла Яринку там же, где оставила. Подруга сидела на скамейке, нахохлившись, втянув голову в плечи и спрятав ладони под мышками.

— Холодно? — я плюхнулась рядом.

Она кинула на меня сонный взгляд.

— Не холодно. Скучно.

— Сейчас будет весело, — пообещала я, и, дождавшись, когда в Яринкиных глазах разгорится огонёк интереса, сообщила, — Я нашла место, где можно встречаться по ночам.

С подруги слетело оцепенение, она восторженно вскрикнула, как птичка собирающаяся взлететь.

— Где?!

— В церкви, — ответила я, и сполна насладились немой сценой. Добрую минуту Яринка таращила на меня, словно пытаясь понять, действительно ли перед ней моя персона, или неожиданная галлюцинация. Потом осторожно переспросила:

— Где, где?

— В церкви, — не без удовольствия повторила я, и, не желая больше мучить подругу неизвестностью, объяснила, — Я же по вечерам хожу на спектакли. Мы там, бывает, до самого ужина сидим, и позже нас в церковь уже никто не заходит, её закрывает Марфа Никитовна. Если я незаметно открою окно, и оставлю его так — закрытым, но не защёлкнутым, то мы потом сможем с улицы забраться внутрь. И даже подняться наверх, на колокольню площадку, посмотреть на звёзды.

И снова Яринка молча глядела на меня, но на этот раз совсем по-другому — недоверчиво и восхищённо. А потом порывисто обняла, чуть не повалив на скамейку.

— Дайка, да! Да-да, это будет супер! Это же...

Она не нашла слов и за неимением их просто ещё крепче сжала меня в объятиях. Но я не

нуждалась в словах, и без того прекрасно зная, что чувствует подруга. Сама чувствовала то же самое, когда словно оглушённая вышла из церкви и брела, не глядя под ноги. Столько времени идеальное место для тайных встреч было у меня под носом, сколько раз мы могли бы увидеться там с Дэном, вместо того, чтобы ограничиваться короткими сухими записками! Но это сожаление лишь скользнуло по краешку сознания и исчезло, я не хотела думать об утраченных возможностях, меня переполнял восторг при мысли о предстоящих. А ещё я ликовала от дерзости своей затеи, которая могла бы соперничать с Яринкиной летней выходкой в корпусе мальчишек. Разве взрослым придёт в голову искать нарушителей в церкви? Предположить, что кто-то из воспитанников осмелится использовать дом божий для того, чтобы тайно потусоваться? Да никогда!

Яринка думала о том же, потому что, наконец, выпустив меня из объятий, лихорадочно забормотала.

— Никто не догадается, даже не подумает! Это же можно хоть всю ночь сидеть, и камеры обходить почти не придётся, церковь ближе, чем лес! Дайка, ты чокнутая!

Я зарделась от удовольствия, вот уж не думала, что услышу от Яринки слова, которые обычно сама говорю ей.

Готовящаяся авантюра подняла нам настроение на весь оставшийся день. Мы ещё не знали, когда собираемся воплотить её в жизнь, и не обсуждали деталей, просто наслаждались самим фактом обладания новой дерзкой тайной. Воодушевлённая ею, я даже подстерегла возле администрации Марфу Никитовну и спросила, когда у нас теперь будут занятия и спевка.

— После похорон, Дашенька, — ответила она, погладив меня по щеке, — Послезавтра. Надо помочь Нюрочке справиться с бедой, отвлечь её.

Я подумала, что вряд ли занятия музыкой, да ещё в церкви, которая отвернулась от её горя, помогут Нюре, но послушно кивнула.

— Я обязательно приду.

Конечно, приду. Мне ведь надо разведать, какое окно лучше открыть и как сделать это незаметно. О том, что последует, если мы будем пойманы на месте преступления, я не думала. По сравнению с тем, что Дэн не выходит на связь, это казалось сущим пустяком. И вылазка в церковь теперь была единственным, что меня радовало, поэтому от неё я бы не отказалась ни под каким предлогом.

Прощание с усопшими прошло более чем скромно. Гробы привезли и поставили перед школой, так чтобы все желающие могли подойти. И подошли почти все, правда большинство, подозреваю, сделало это скорее из любопытства, чем из приличия. Мы с Яринкой подходить не стали, посмотрели издалека на восковые лица, на прислонённые к гробам венки, и вернулись в дортуар. Скоро туда подошли и Зина с Настусей. О погибшей девушке и её парне мы по молчаливому согласию больше не разговаривали, чтобы опять всё не закончилось ссорой. Но я знала, что своего мнения они не изменили, как и мы своего. Чтобы там не говорили о грехе прелюбодеяния и самоубийства, но мне пара погибших влюблённых казалась куда более заслуживающей уважения, чем все наши правильные учителя и воспитатели вместе взятые.

На следующий день после полдника я явилась в церковь, и там узнала ещё одну печальную новость. Нюра передумала становиться певчей, и больше не будет заниматься с нами.

— Я только надеюсь, что это временное решение, — сказала расстроенная Марфа

Никитовна, — Нюра сейчас не в себе из-за смерти сестры, и это нормально. Нужно дать ей время.

Но я почему-то была уверена, что решение Нюры — окончательное. Сомневалась я и в том, что она по-прежнему хочет после приюта уйти в монастырь, чтобы посвятить свою жизнь богу. И тут я её прекрасно понимала.

Занятие получилось унылым и скомканным, зато мне хватило времени, чтобы выбрать окно, через которое будет удобнее проникнуть с улицы, и которое можно открыть незаметно для других, так что день всё равно прошёл не зря.

А на завтра я сделала ещё кое-что, чего делать до этого не собиралась.

После уроков, спустившись на первый этаж к раздевалкам, я увидела идущего мне навстречу Дэна, с кучей книг и тетрадей прижатых к груди. Дэн был полностью сосредоточен на том, чтобы удержать эту кипу, и меня не замечал.

Не знаю, что на меня нашло, возможно, задуманная вылазка в церковь придала храбрости и наплевательского отношения к приютским правилам, но я вдруг решила, что настало время расставить точки над "и" в нашем с Дэном общении.

Не сбавляя шага, я выхватила из сумки планшет, и уткнулась в него, словно чем-то там донельзя увлечённая. Но бросая взгляды из-под ресниц, проследила, чтобы загруженный Дэн оказался прямо у меня по курсу.

Столкновение произошло как по писаному. Опущенной головой я врезалась прямым в стопку тетрадей и книг, отчего они вылетели из рук Дэна и живописно рассыпались вокруг нас, хлопая страницами.

— Ой, извини! — воскликнула я так, чтобы слышали окружающие, и присев на корточки принялась собирать упавшее.

Как я и ожидала, Дэн тоже присел, чтобы помочь мне, и когда наши головы оказались рядом, я шепнула, не поднимая глаз:

— Почему не пишешь?

— Дайка, обстоятельства изменились, — таким же быстрым шепотом ответил Дэн, — Потерпи.

Но я не хотела терпеть и ждать неизвестно чего. Поселившийся во мне дух бунтарства требовал жертвы.

— Мы тебе напишем записку сегодня. Обязательно прочитай. Это важно.

— Прочитаю, — через секундную паузу пообещал Дэн, — А насчёт ответа...

Но я уже поднялась на ноги, держа в руках собранные книги, дождалась, когда Дэн тоже выпрямится, протянула их ему. И только сейчас заметила, что он изменился. Чуть отросшие пряди волос и косая чёлка уступили место короткому ёжику, лицо покрылось ровным загаром, свидетельствующим о том, что там, за пределами приюта, мой друг много времени проводил на свежем воздухе. Вроде бы он даже немного похудел и вытянулся. Я вдруг вспомнила, что у Дэна в феврале был день рождения, а значит, ему уже шестнадцать лет.

Спохватившись, что мы уже долго стоим, глядя друг на друга, я сунула охапку книг в руки Дэну и заспешила прочь, ликуя в душе. Ликовала, конечно, и от своей находчивости, но в основном от того, что Дэн сказал "Потерпи". Значит ли это, что он не собирался прекращать наше общение, что ему просто мешали некие обстоятельства, те которые, как он выразился, изменились? Если так, то обстоятельства — дело временное.

На радостях я сразу кинулась разыскивать Яринку, чтобы сообщить хорошую новость, но в корпусе меня перехватила Агафья. С подозрением всмотревшись в моё покрасневшееся

лицо, она сухо сказала:

— Наконец-то. С тобой желает поговорить Михаил Юрьевич. Надеюсь, ты ничего не натворила?

Как будто натвори я что-нибудь, Агафья не узнала бы об этом первой!

— Нет, сударыня. Он хочет поговорить прямо сейчас?

— Не он, а Михаил Юрьевич, — строго поправила меня воспитательница, — Да, только что связался со мной. Идём.

Недоумевая, я засемила следом за Агафьей. Обычно Голова и я беседовали по четвергам, в четыре часа, и я не ожидала, что мой педантичный жених вдруг изменит этой привычке.

Едва я водрузилась на высокий вертящийся стул, который словно норовистый жеребец, всегда норовил меня не то скинуть, не то умчаться в случайном направлении, как Голова возник на мониторе со скорбно поджатыми губами.

— Здравствуйте, — неуверенно пискнула я, гадая, что может означать его печальный вид. Неужто нашёл другую невесту, и теперь скрепя сердце собирается сообщить мне эту ужасную новость?

Стало смешно, и чтобы сдержать улыбку, я тоже поджала губы.

— Здравствуй, Даша, — покивал Голова, и сразу перешёл к делу, — Я слышал об ужасном случае в вашем приюте.

Я поморгала.

— Вы о самоубийстве?

Неужели женишок срочно связался со мной, чтобы выразить соболезнование?

— Увы, да. Какое пятно на заведении!

Боковым зрением я заметила, что Агафья, как обычно восседавшая за соседним столом, нервно дёрнулась.

Не зная, что можно ответить Голове, я неопределённо двинула плечами.

— И в связи с этим, я счёл себя обязанным с тобой поговорить, — продолжал он, — Поскольку теперь чувствую ответственность за твоё воспитание. Я никогда не спрашивал, пойдёшь ли ты за меня замуж, но мне кажется, что ответ очевиден, раз мы продолжаем общение, не правда ли?

Я только кивнула, дивясь про себя мужской самоуверенности.

— И поэтому, я считаю себя вправе, — зудел на одной ноте Голова, — корректировать твоё поведение. И сейчас хочу поговорить о твоём общении с мальчиками вашего приюта.

— Но я не общаюсь с мальчиками... — начала я, но Голова поднял ладонь, призывая меня к молчанию.

— Конечно, не общаешься, — он позволил себе снисходительную улыбку, — Тебе ведь нет даже двенадцати лет. Но со временем, тебя начнёт интересовать противоположный пол, возможно, какой-то мальчик понравится внешне, и ты станешь ловить себя на том, что всё чаще обращаешь на него внимание...

Я покосилась на Агафью со скрытым злорадством: посмеете вмешаться, сударыня? А то мы тут кажется, позволяем себе вольности. Точнее пока Голова позволяет, но и я не заставлю себя долго ждать.

— Михаил Юрьевич, — перебив его, спросила я, надеясь, что это будет выглядеть детской непосредственностью, — Вы боитесь, что я могу забеременеть до нашей свадьбы?

Агафья снова дёрнулась, а Голова умолк на полуслове. Потом, кашлянув в кулак, строго

спросил:

— Я тут интересовался вашей программой обучения, и мне кажется, что вы ещё не должны были проходить... кхм... способ... эээ... зачатия детей.

Я старательно захлопала ресницами.

— А мы и не проходили. Просто я же из дикарей, и давно всё знаю.

Ну, дядя, поглядим, сильно ли ты хочешь на мне жениться?

Агафья, наконец, перестала изображать отстранённость, повернулась ко мне всем корпусом, и метнула яростный взгляд. Но меня уже несло — дух бунтарства не унимался.

— Не беспокойтесь об этом, Михаил Юрьевич, — для убедительности я прижала ладонь к груди, — Вряд ли мне понравится какой-нибудь мальчик здесь, я считаю, что рожать следует от взрослого самца уже имеющего детей, чтобы было видно, какое потомство он может дать.

Это я озвучила принцип, по которому мы в Маслятах разводили охотничьих собак. Вязать молодую сучку следует с кобелём, от которого некогда уже были получены хорошие щенки.

У Головы смешно приоткрылся рот, Агафья застыла с выпученными глазами. Хорошо-то как!

— Эм... ну что же, — женишок обрёл дар речи, — Я вижу, что тебе объяснять ничего не нужно. Таким образом, буду надеяться на твой разум. Увидимся на следующей неделе.

И Голова поспешно пропал с монитора.

Изо всех сил стараясь не улыбаться и выглядеть невозмутимой, я повернулась к Агафье. Воспитательница продолжала таращиться на меня так, словно не верила своим глазам.

— Мне можно идти, сударыня? — безмятежно спросила я, спрыгивая со стула.

И тут Агафья вышла из ступора. Она поднялась и шагнула в мою сторону так стремительно, что я не успела отшатнуться. С силой, до боли сжала пальцами мои плечи. Я почувствовала исходящий от неё странный пыльный запах, как из старого шкафа, прежде чем она тряхнула меня так, что лязгнули зубы.

— Ты в своём уме?! — свистящим шепотом спросила Агафья, — Ты что несёшь?!

От её горящего взгляда стало жутко.

— Я... я пыталась успокоить Михаила Юрьевича, — мне ещё хватило самообладания на то, чтобы изобразить недоумение, — Я подумала, что ему будет спокойнее, если...

Хлёсткая затрещина отшвырнула меня обратно к креслу. Кресло от толчка откатилось в сторону, и я упала на пол, где и осталась сидеть, ошарашено прижав ладонь к щеке.

— Развлекаешься? — тем же сдавленным, будто её душили, шепотом, спросила Агафья, делая шаг в мою сторону, — Считаешь себя самой умной?

— Нет... я...

— Ты понимаешь, что репутации приюта и без того нанесён непоправимый урон? Беременная воспитанница! Двойное самоубийство! Теперь ещё и одиннадцатилетние девочки, рассуждающие о таинстве деторождения так, словно это животная случка?!

Как правильно она всё уловила.

— Если Михаил Юрьевич после этого забудет о тебе, это не беда, иного ты не заслуживаешь. Но если он станет рассказывать, чему мы учим детей — кто будет искать здесь невест?! Ты подумала о других девочках?!

Я хотела оправдаться, сказать, что сообщила Голове о том, откуда у меня такие сведения, что я просто "дикарка", и приют здесь ни при чём, но меня остановил страх.

Агафья вела себя не по правилам. Нет, факт рукоприкладства меня не удивил, наша воспитательница всегда была щедра на телесные наказания, но обычно это происходило по-другому. Она деловито отправляла провинившихся в "процедурную" за полагающейся им порцией розог, и не забывала отметить это в своём дисциплинарном журнале перед тем, как привести приговор в исполнение. Но она никогда не накидывалась на кого-то с кулаками, как на меня сейчас.

Поэтому я сочла за лучшее промолчать и не подниматься с пола, пока не получу такого распоряжения.

Агафья между тем взяла себя в руки, или, по крайней мере, попыталась это сделать. Отошла к окну и остановилась там. Её грудь вздымалась, а на скулах проступили два очень ярких красных пятна, словно это её, а не меня, кто-то бил по лицу.

Так мы провели томительную минуту, после чего воспитательница отрывисто бросила, не поворачивая головы:

— Убирайся.

Дважды просить не пришлось — я вскочила с пола и выскользнула за дверь так быстро, как только позволяла гудящая голова.

Когда я, шаркая ногами, забрела в дортуар, там по счастью обнаружилась одна Яринка. Поймав мой пустой взгляд, она встревожено приподнялась на кровати.

— Ты чего? Что-то случилось?

Я отняла ладонь от пылающей щеки, и показала на неё пальцем.

— Мне Агафья врезала.

Яринка среагировала мгновенно. Не задавая вопросов, подскочила ко мне, и, схватив за локоть, потащила к подоконнику.

— Залазь. Нет, на эту сторону. Залазь, говорю! Вот, а теперь прижимайся к окну тем местом, где болит. Надо к холодному, чтобы синяк не появился. Мы с мамой всегда так делали, когда отец кулаками махал.

Я послушалась. Больно мне уже не было, но щека горела, и соприкосновение с прохладным стеклом принесло облегчение.

Яринка тоже запрыгнула на подоконник и, устроившись напротив меня, велела:

— А теперь — рассказывай.

И я стала рассказывать, не отрывая щеки от стекла.

Яринка молодец, держалась до конца, и только когда я живописала, как вылетела из воспитательской, она уткнулась лицом в ладони и расхохоталась.

— Ой, не могу... рожать от взрослого самца... самца! А Агафья-то! Как сказала? Тайнство деторождения?

Я тоже улыбнулась, насколько позволяла притиснутая к окну половина лица. Ей-богу, временами взрослые до смешного наивны. Нашли тайнство, тоже мне. Уверена, в нашем приюте даже семилетки так или иначе осведомлены о том, что детей приносит далеко не аист.

Яринка отсмеялась, и бросила на меня виноватый взгляд.

— Извини, конечно, жаль, что Агафья тебя ударила, но ты ещё легко отделалась. За такое-то.

Я пожала плечами.

— Но это же глупо. Мы прекрасно знаем, что бывает после свадьбы, они знают, что мы знаем, но все зачем-то притворяются.

— Приличия, — важно ответила Яринка, и снова прыснула, — А этот-то твой? Голова? Сразу из онлайна убежал? Теперь наверно больше и не появится.

— Ну и фиг с ним, пусть ищет другую дуру, чтобы у него на грядках ковырялась,

— Ну да. Надо и мне своего послать куда подальше, — погрустнела Яринка, — Ведь это Дэну было нужно, чтобы мы ходили в невестах. А с Дэном теперь ничего не понятно...

— Ох! — я подпрыгнула, — Совсем забыла, мы же с ним говорили!

Яринка замолчала, приоткрыв рот, а я начала торопливо рассказывать.

— Что-то с тобой последнее время не того, — выслушав, покачала головой подруга, — Вылазки в церковь придумываешь, Агафью дразнишь, на парней в коридорах кидаешься.

Я довольно улыбнулась, но Яринка выглядела по-настоящему встревоженной.

— Ты это прекращай, — посоветовала она, — Я так же себя вела, когда попала сюда, думала, что ничего мне не страшно. А всё равно пришлось жить, как все, привыкать. Только зря по заднице получала.

Я обдумала её слова и кивнула. Теперь, когда я знаю, что Дэн не собирался забывать про меня, нужно снова становиться тихой и послушной Дашей. Только сначала...

— Ярин, давай, пока никого нет, придумаем, как лучше написать Дэну, чтобы он пришёл ночью в церковь. Он обещал прочитать нашу записку сегодня.

Наверно дух бунтарства снизошёл и на Яринку, потому что у нас не возникло разногласий на тему того, когда осуществить задуманное.

Как можно скорее.

Глава 13

Вершина.

Выбранная нами ночь оказалась первой по-настоящему весенней ночью в этом году. Мартовские ветра быстро гнали по небу рваные тучи, и было слышно, как в лесу деревья с глухим шумом стряхивают с себя сырые снежные шапки. Воздух пах талой водой и просыпающейся землёй.

Ночью всё по-другому, ночь выделяет, делает выпуклым то, чего не заметно днём. И я увидела уже наступившую весну, только под покровом темноты, когда мы с Яринкой бесшумно выскользнули на крыльцо, благополучно миновав коридор и лестницу спящего корпуса. Шальной, живой порыв ветра хлестнул в лицо, и я захлебнулась им, закашлялась от неожиданности. После сухого спёртого воздуха дортуара этот весенний поцелуй оказался почти болезненным.

Радостно охнула Яринка, вцепилась в сползающий с головы капор, но ветер уже перебирал её пряди, и она тихонько засмеялась.

— Как здесь... каждую ночь бы гуляла!

Я задрала голову, посмотрев вверх, туда, где на четвёртом этаже спали наши одногруппницы и воспитательница. На этот раз мы спускались поодиночке, боялись, что после произошедшего с сестрой Нюры и её мальчиком, воспитатели удвоят бдительность. Но всё было тихо. Тем не менее, расслабляться не хотелось, было бы обидно провалить всю затею из-за банальной неосторожности.

— Как думаешь, — спросила я Яринку, которая с наслаждением, словно изысканный напиток, смаковала пьяный ночной воздух, — они все муляжи камер заменили на настоящие?

Она качнула головой.

— Все и раньше думали, что они настоящие, и знали про слепые зоны. Так сейчас и пойдём. Авось прокатит.

Я мысленно согласилась. Всё равно отступать уже поздно, да и не хочется. Поймают, так поймают, не убьют же.

— Странно, что корпуса на ночь не стали запирасть..

Яринка хмыкнула.

— А смысл? Можно вылезти в окно на первом этаже. И вообще... мы думаем, что они теперь начнут нас пасти, а они думают, что мы так подумаем, и побоимся нарушать правила. Да сейчас лучший момент! Ну что, пошли?

Я зыркнула по сторонам. Тихо. Темно. Охранники сделали обход десять минут назад. Время третий час ночи. Пора.

Пригнувшись, мы двинулись вдоль стены, пока под прикрытием высаженных на газонах кустов акации. Но стена кончилась, и дальше до церкви нас ждало открытое пространство с редкими островками теней от подстриженных деревьев вдоль дорожек. Мы рассчитали траекторию передвижения с минимальным риском попасть под всевидящее око системы видеонаблюдения, и траектория получилась весьма извилистой, умножала то время, когда мы будем как на ладони у любого, кто вздумает вдруг выглянуть в окно.

— По одной или вместе? — спросила я, учащённо дыша и заранее напружинивая ноги.

— Давай вместе, — махнула рукой Яринка, — друг за дружкой.

И мы рванули по дорожке. От дерева к дереву, от скамейки к скамейке, замереть пригнувшись, прижаться к стволу, пытаясь слиться с ним, перелезть через сугроб, снова побежать... И церковь надвигалась на нас тёмной громадой, протягивала навстречу руки-тени.

По широкой дуге обогнув крыльцо, на которое был нацелен глаз, несомненно, одной из рабочих камер, мы шмыгнули к левой стене, к ряду окон, третье из которых было открыто мною этим вечером. Не теряя времени — в любой момент кому-нибудь страдающему бессонницей, может прийти в голову мысль посмотреть на улицу — я толкнула рукой раму, и она послушно подалась внутрь.

— Есть! — обрадовано шепнула сзади Яринка, как будто всё это время сомневалась в том, что окно и впрямь окажется не запертым.

Я толкнула себя вверх, подтянулась на руках, заскребла по стене коленками, и перевалилась по ту сторону подоконника, в темноту, в тишину, в запах ладана. И почти сразу рядом оказалась Яринка, спрыгнула на пол, торопливо закрыла окно и приникла к нему. Настал час истины. Если нас кто-то видел, то очень скоро сюда пожалует охрана.

Но шли минуты, мы опасливо сопели, вглядываясь в ночь за стеклом, но там по-прежнему было тихо и безлюдно, лишь качались деревья под натиском мартовского ветра.

— Кажется, пронесло, — наконец сказала Яринка, и шумно выдохнула.

В последний раз убедившись, что никто не спешит сюда по дорожкам, я тоже оторвалась от окна. И повернулась к темноте церкви.

Ночь и здесь изменила всё. Церковь, такая привычная и даже уютная днём, сейчас казалось величественной и таинственной. Потолок ушёл в высоту, там, под самым куполом мерцал слабый свет, я не сразу поняла, что это отблески фонарей, падающие с улицы сквозь мозаичные витражи. Этот же свет отражался от металлических рам, висящих по стенам икон, от подсвечников, он лежал на полу вытянутыми разноцветными пятнами и карабкался

по стенам, разбавляя тьму, делая её красивой.

Когда мы собирались сюда, меня немного беспокоила мысль о темноте, которая должна царить в церкви ночью. Ни фонариков, ни зажигалок у нас не было. Зато сейчас я вздохнула с облегчением — идти на ощупь нам точно не грозило.

Взяв Яринку за руку, я медленно пошла вдоль стены, почему-то опасаясь выходить на середину помещения. Деревянные половицы тихо поскрипывали под ногами, чего я никогда не замечала днём, иконы глядели со стен почти живыми глазами.

— Как думаешь, — прошептала идущая за мной след в след Яринка, — Если бог есть, он рассердится на нас, за то, что мы сюда вот так залезли?

Я оглянулась и увидела, что подруга тоже смотрит на нарисованных святых, которые сейчас в темноте совсем не казались нарисованными.

— Да ну, делать ему больше нечего, — ответила я, впрочем, не совсем уверенно, — Разве кому-то стало хуже от того, что мы сюда залезли? Никто и не узнает... надеюсь.

Мы поравнялись с большим — в натуральный рост распятым на кресте Иисусом, и я невольно задержалась, глядя вверх, на искажённое страданием лицо. Лицо, на которое падал свет фонарей с улицы, казалось живым, даже сомкнутые веки слегка подрагивали. Чтобы прогнать наваждение я крепко зажмурилась, и, помотав головой, посмотрела снова, но Иисус не пожелал превращаться обратно в привычную раскрашенную деревяшку. Более того, на этот раз я ясно увидела, как вздымается в тяжёлом дыхании обнажённая грудь.

— Это ветер, — торопливо сказала Яринка, руку, которой я слишком сильно сжала, — Ветер на улице качает деревья, вот и кажется, что он шевелится.

С трудом оторвав взгляд от распятия, я повернулась к подруге. Она тоже посмотрела на меня огромными перепуганными глазами, и повторила.

— Ветер. Видишь, тени от веток везде качаются? Вот и мерещится всякое...

С трудом кивнув, я повлекла её дальше, торопясь оставить позади вечно страдающего Иисуса. Никогда не понимала, почему человек под пыткой стал символом христианства? Почему нельзя было изобразить сына божьего живым и здоровым, с улыбкой на губах? Ведь он воскрес, стало быть, вся эта история обрела счастливый конец, так зачем верующие должны всю жизнь наблюдать агонию своего Спасителя? Не знаю, как им, а мне бы это не прибавило ни духовности, ни оптимизма.

Обогнув церковь вдоль стены, и стараясь больше не обращать внимания на окружающее, мы, наконец, приблизились к цели — винтовой лестнице наверх, по которой никогда не поднималась ни одна из нас. И вот там, наверху, было по-настоящему темно.

— Высоко? — безнадёжно спросила Яринка, и я не стала отвечать, потому что мы обе прекрасно понимали — высоко. Колокольня нашей церкви возносилась выше крыши четырёхэтажных корпусов, выше любого здания на территории приюта. И лезть на эту высоту, на ощупь, в кромешной тьме, совсем не хотелось.

Как не хотелось и отступать. Разве за этим мы крались сюда, рискуя быть наказанными так сурово, как не наказывали ещё никого в группе? Разве за этим всю зиму и половину осени не знали свободы, к которой уже почти привыкли за лето, скрашенное лесными прогулками?

— Там должны быть окна, — сказала Яринка, заглядывая наверх, в темноту, — С улицы же видно, помнишь? Маленькие такие.

Я помнила, Действительно, пусть маленькие, но они были, карабкались по стене до самого верха, до колоколов.

— Да и на втором этаже наверно тоже светло, — продолжала утешать не то меня, не то себя Яринка.

Я покачала головой.

— Лестница на второй этаж не здесь. Здесь только на колокольню.

— Да и какая разница? — вдруг повысила голос подруга, — Время идёт. Полезли уже.

Я кивнула, и, ухватившись за перила, начала подъём. А, уже оставив позади с десяток ступенек, вдруг вспомнила, что в нашей комнатке за клиросом, должны лежать спички, которые брал батюшка Афанасий, когда нужно было зажигать свечи перед службой. Так что мы бы тоже вполне могли сейчас зажечь одну свечу и ею освещать себе путь. Но я не стала озвучивать свою запоздалую мысль, не хотелось возвращаться, да и подъём не оказался трудным. Ноги быстро привыкли к высоте и ширине ступеней, рука скользила по перилам, не давая сбиться с пути, а маленькие окна, встречающиеся на каждом новом витке лестницы, давали достаточно света, чтобы тьма не была кромешной.

Яринка тоже приободрилась и бодро топала за мной, успевая выглядывать в каждое попадающееся на пути окно. И восклицания, которые она издавала при этом, становились тем эмоциональнее, чем выше мы поднимались.

— Ух, красота, как далеко видно! — шептала она за моей спиной, прикинув к последнему окну, но я не присоединилась к ней, я хотела увидеть всю панораму уже с площадки, не через маленькое окошко, не сквозь стекло, а всё и сразу. И когда мои ладони упёрлись в тяжёлую деревянную дверь, я лихорадочно зашарила по ней, пока не наткнулась на массивный засов. Ухватила за него, потянула...

Засов, видимо хорошо смазанный, поддался на удивление легко, а в следующую секунду меня чуть не смело вниз по лестнице распахнувшейся внутрь дверью и ворвавшимся в неё порывом шального ветра. Я успела схватиться за перила, и только благодаря этому удержалась на ногах, а в следующую секунду меня схватила за плечи подросшая Яринка.

— Ой-ой-ой! — радостно заголосила она, — Летим, улетаем!

Я хотела ответить, но закашлялась, захлебнувшись потоком холодного воздуха. Ведь знала, из тех же книжек, что на высоте должно быть ветрено, но ничего подобного не ожидала. Пожалуй, самая высокая открытая точка, на которой мне довелось побывать до сегодняшней ночи — это развесистая старая сосна на берегу речушки, недалеко от Маслят, на которую мы — дети, регулярно залезали. Но там не было такого простора, и тайга стояла стеной со всех сторон, препятствуя ветрам.

А здесь и сейчас, за распахнувшимися дверями зияла чёрная пустота.

Яринка опередила меня, выскочив на колокольную площадку первой, и застыла, торжественно вскинув руки. Ветер трепал её локоны, которые она, пользуясь ночью и свободой, не стала заплетать в косу.

Ступая осторожно, словно канатоходец, я прошла через дверной проём и замерла, стараясь привыкнуть к наполненной ветром высоте. Колокольная площадка имела форму полукруга. Три арки с висящими в них колоколами разных размеров, подпирали купол, который её венчал. И места здесь вполне хватало для нас двоих.

Яринка встала в средней арке, держась поднятыми руками за края самого большого колокола. Под порывами ветра он покачивался, и тонкая Яринкина фигурка качалась вместе с ним. Я понимала, что просить её отойти подальше от края бесполезно, поэтому сама подошла и встала рядом, вцепившись руками в опору арки.

Отсюда, сверху, приют больше не выглядел просторным, здания казались ближе друг к

другу, дорожки — уже, фонарные столбы — ниже, и только лес вокруг остался прежним — высокой тёмной стеной корабельных сосен за забором.

Яринке надоело качаться вместе с колоколом, она уселась на деревянный настил площадки, и я торопливо последовала её примеру — сидеть было не так страшно, как стоять. Несколько минут мы молчали, наслаждаясь панорамой и значимостью момента. Всё-таки мы это сделали! Поднялись над всеми, обрели свободу на высоте, доказали себе, что бывают вещи важнее и нужнее навязанных чужих правил.

— Хорошо, — наконец с чувством сказала Яринка, — Прямо бы жила здесь.

Я согласно кивнула, довольно подумав, как удивится Дэн, когда мы приведём его сюда, он-то думает, что весь наш план ограничивается тайной встречей в ночной церкви. Кстати, о Дэне...

— Сколько уже времени? — растерянно спросила я Яринку, только сейчас сообразив, что ответа на этот вопрос нам не получить. Наручных часов мы никогда не имели, и обычно узнавали время из планшетов, или по большим настенным часам, в изобилии развешанным по корпусу и школе. Сейчас не было ни того, ни другого.

Яринка растерянно хлопнула губами, уставилась на меня. Н-да, ситуация. В записке переданной Дэну, мы сообщили, что ждём его в три часа ночи под окнами церкви, слева от крыльца. Дортуар был нами покинут в третьем часу, сколько же времени прошло с той минуты? Как скоро Дэн появится внизу? И что нам делать, если появится уже сейчас? Кричать нельзя, а сам он вряд ли додумается посмотреть вверх, на колокольню.

— Чёрт, — отталкиваясь пятками, я отползла подальше от края, и только тогда вскочила на ноги, — Ярин, я вниз, буду ждать Дэна. А ты смотри здесь, и как только увидишь его, крикни мне с лестницы, чтобы я открыла окно.

— Ты думаешь, он придёт? — спросила подруга, глядя на меня снизу вверх.

Я не думала, но очень надеялась. Записка из тайника исчезла, Дэн выполнил обещание — забрал её в тот же вечер, он знает, что мы его ждём, и наверняка захочет прийти. Хотя бы для того, чтобы я больше не кидалась на него в коридорах. И потом — он такой же, как мы, он не упустит подобное приключение.

— Думаю, да, — твёрдо ответила я, поворачиваясь к тёмному дверному проёму. Неприятно кольнула мысль о том, что скоро я окажусь одна внизу, наедине с ожившими иконами и страдающим на кресте Иисусом. Я прогнала её усилием воли, и крепко взявшись за перила, начала спуск.

Боялась я напрасно — мне не пришлось вздрагивать от таинственных шорохов пустой церкви и избегать взглядов святых, укоризненно смотрящих со стен. Не успела я отойти от лестницы, как сверху раздался сдавленный голос Яринки:

— Дайка, он идёт! Дэн идёт сюда!

Сразу забыв про все страхи, я рысью метнулась к окну. Открыла его и высунулась наружу, завертев головой.

Дэн приближался нашим же маршрутом. От стены девчачьего корпуса и перебежками по открытому пространству до церкви. Я отчаянно замахала ему рукой, не смея подать голос. Ни на секунду не останавливаясь, Дэн оставил позади разделяющее нас пространство, и гибко забросил себя на подоконник — я едва успела отскочить. Совсем как мы, он сразу захлопнул окно и приник к нему, проверяя, не был ли кем-то замечен. Я подождала пока не станет ясно, что тревога не поднята, и только потом робко сказала:

— Я очень рада, что ты смог прийти.

Дэн повернулся и принялся внимательно разглядывать меня, пока я в смущении не потупилась. Потом спросил:

— Ты совсем рехнулась?

— А?

— Бэ! Сначала налетаешь на меня в школе, теперь забираешься посреди ночи в церковь, да ещё сразу после... после этого случая с самоубийством! Ты хоть понимаешь, что будет, если нас тут поймают?

— Не поймают! — я тоже начала заводится, — Если бы ты написал нам хоть одну записку, я бы не стала ни налетать на тебя, ни лезть сюда. Ты почему столько времени не отвечал?

Дэн раздражённо выдохнул, зачем-то оттащил меня на середину церкви, взяв за локоть, и там, наклонившись, прошипел:

— Обстоятельства изменились, я же говорил. Потом ещё эти двое с крыши сиганули. Я думал, у тебя хватит мозгов понять, что сейчас лучше сидеть как мыши и не высовываться!

— Если ты хотел, чтобы мы сидели как мыши, — тоже зашипела я, — Тебе нужно было нам это в записке написать! И про обстоятельства тоже! А не молчать всё это время!

Дэн помотал головой, но так и не нашёлся что сказать. Я тоже молчала, ожидая хоть каких-то объяснений. Секунды текли в тишине, только иконы строго смотрели на нас со стен, да вздыхал снаружи ветер. А потом Яринка маявшаяся в неизвестности, подала сверху голос:

— Дайка! Дайк! Ну что там? Он пришёл?

Дэн вздрогнул, начал оглядываться.

— Это Ярина, — поспешила я успокоить его, — Мы поднялись с ней наверх, на колокольную площадку.

— Да вашу... да вы совсем! — Дэн попытался взъерошить на голове то, что осталось от его волос после армейской стрижки, — Вас же могут увидеть снизу!

— Нет, не могут, — я взяла его пальцами за рукав, пытаюсь увлечь за собой, — Мы не подходим к краю. Пошли, сам увидишь.

— Подожди, — Дэн не двинулся с места, — Я всё скажу тебе здесь, а ты уже потом передашь Яринке.

— Скажешь что? — насторожилась я — его тон мне совсем не понравился.

Дэн сунул руки в карманы брюк, вздохнул, и, глядя в сторону, сухо произнёс:

— Нам не надо больше общаться, Дайка. Плохая это была идея.

Я уронила руки вдоль тела. Ну, зачем, зачем мне понадобилась эта "случайная" встреча в школьном коридоре, эта вылазка, этот разговор? Неужели в глубине души я не понимала, что именно так всё и будет? Неужели не лучше было бы ничего не зная продолжать надеяться до тех пор, пока надежда не растает сама, не превратиться в воспоминание?

Дэн ждал моей реакции на свои слова, и, не дождавшись, заговорил сам, быстро и виновато:

— Прости, что втянул тебя во всё это. Я сам не понимал, что делаю, я не думал, что это так серьёзно, что последствия могут быть ужасными. Вы с Яриной ещё дети и вам не нужно ввязываться в ... — он резко замолчал.

— Во что? — прошептала я. Прокашлялась и повторила громче, — Во что ввязываться?

— Уже не важно, — Дэн потёр ладонями лицо, — Просто забудь обо всём, что я тебе говорил. Прости меня.

И резко развернувшись, он зашагал к окну. Я наблюдала за ним как во сне, не в силах сдвинуться с места, не в силах окликнуть своего потерянного друга. Свистел за стенами ветер, качались вокруг тени ветвей, Иисус продолжал бесконечно страдать на кресте, и я страдала вместе с ним, и так же была не в силах что-либо изменить.

Дэн открыл окно, и порыв свежего воздуха пронёсся по церкви, хлестнув меня по лицу, откинув назад волосы. Он, этот воздух был наполнен запахом хвои и сосновой коры, запахом талых вод, он был по-настоящему живой, и он перебил, вытеснил застоявшийся запах ладана и старых церковных половиц.

Я сорвалась с места, подбежала к окну, и оттолкнула Дэна в сторону с такой силой, что он едва устоял на ногах.

— Дайка?!

Запрыгнув на подоконник, я села, свесив одну ногу наружу, одну оставив внутри. И отчеканила, глядя в растерянное лицо Дэна.

— Если ты сейчас попробуешь уйти, я заору на весь приют.

Настала его очередь бессильно ронять руки.

— Дайка, ну зачем это?

— Затем! — мой голос звенел от подступающих слёз, — Затем, что я имею право знать, почему ты больше не хочешь меня видеть!

— Я хочу! Хотел бы... но нельзя, понимаешь? Вы с Яриной ещё дети...

— Мы не дети! — перебила я, — Мы — девушки, невесты! И у нас уже есть женихи-старпёры, с которыми мы связались только потому, что ты сказал это сделать!

— Мне очень жаль...

— А мне нет! С тех пор как мы познакомились, я снова стала чему-то радоваться! Начала думать, что ещё всё будет хорошо, а до этого... до этого...

Я никогда не умела хорошо выражать свои мысли, не была такой острой на язык, как Яринка, или такой спокойно-рассудительной, как Зина. Но если бы я могла, то сейчас бы сказала, что только с появлением в моей жизни Дэна, снова стала собой. Именно тогда после долгого сна, больше похожего на кому, проснулась Дайка, почти вытесненная на тот момент послушной и безразличной ко всему Дашей. Я бы сказала, что его слова про то, что мы с ним *другие*, вдохнули в меня желание и жить по-другому. Что его рассказы, его книги, его стремление не дать сделать из меня здесь очередную безропотную марионетку, были той самой соломинкой, которая удержала меня на плаву, когда я уже готова была пойти на дно. И что если этой соломинки не станет, я может, уже не утону, но и никогда не вернусь на берег.

Ничего этого я не сказала, не нашла нужных слов, а которые нашла, не сумела собрать в предложения. И поэтому просто расплакалась, уткнувшись лбом в оконный косяк.

— Дайка, — рука Дэна легла мне на плечо, но я сбросила её, — Дайка, не реви. Ну, послушай меня...

Я не хотела слушать. Сейчас я хотела только одного — вернуть ему боль, которую он мне причинил, хоть как-то отомстить за разрушенные надежды.

— Ты не имел права! — я подняла мокрое лицо, — Ты не должен был мне ничего рассказывать, книги давать, в лес приходить! Наигрался, да? Интересно было дикарку вблизи разглядеть?!

Дэн кусал губу, не глядя на меня. Я понимала, что мои слова попали в цель, и радовалась этому. Держи ещё!

— Зачем ты вообще тогда хотел, чтобы мы виделись? Ведь это ты предложил! А если бы нас поймали с твоими книгами или записками? Не думал об этом?!

Дэн рывком приблизился ко мне вплотную. На миг я испугалась, подумав, что сейчас он просто отшвырнёт меня в сторону и выпрыгнет в окно, чтобы навсегда исчезнуть из моей жизни. Но вместо этого он вдруг схватил меня за плечи и почти закричал:

— Об этом я и думаю! Этого и боюсь! Вы не знаете, во что можете влипнуть, и я раньше не совсем понимал, поэтому и затеял всё это! Ну, дурак я был, дурак! Что мне сделать, чтобы это исправить?!

Неожиданно его крик подействовал на меня отрезвляюще, словно, выпустив своё отчаяние, я передала его Дэну. И перестав плакать, я почти спокойно ответила:

— Ничего уже не сделать. Думаешь, если ты перестанешь с нами общаться, всё будет как раньше? Мы продолжим учиться, а потом пойдём замуж или работать? Вот уж нет. Мы убежим.

Дэн выпустил мои плечи и, снова уронив руки, с длинным вздохом поднял глаза к потолку. Я понимала, что мои слова прозвучали глупо и по-детски, поэтому поспешила уточнить:

— Да не сейчас, конечно. Дождёмся как-нибудь шестнадцати — восемнадцати лет. А потом убежим.

— Куда? — в голосе Дэна звучала даже не ирония, а жалость, — На Запад?

Я фыркнула. Он совсем меня за дуру держит?

— На Запад без помощи других... *нудругих*, ты понимаешь — нам не попасть. Мы убежим в Сибирь, в тайгу. И будем искать такие деревни, как моя. Они есть. А ещё есть охотничьи избушки, где можно перезимовать, если поиски затянутся. Я знаю, как ставить силки на зверя и птицу, рыбачить, искать грибы и ягоды, заготавливать запасы на зиму, колоть дрова, топить печь, ходить на лыжах... И Яринку научу.

Дэн вглядывался в моё лицо, и я с удовольствием отметила, что ни жалости, ни снисхождения в его взгляде больше нет, что старший друг наконец-то воспринял мои слова всерьёз.

— Сибирь очень большая, — наконец ответил он, — Если вы не найдёте никакой деревни, что тогда?

Я слегка развела руками.

— Тогда рано или поздно мы погибнем, если это будет зима. Или выйдем в город и сдадимся в полицию. Что с нами сделают?

Дэн задумался.

— Документов не будет у вас, если вы убежите, но личность рано или поздно установят. Значит как минимум — побег из коррекционного приюта, бродяжничество, тунеядство. Значит — в тюрьму.

— Вот-вот, — мстительно подытожила я, — В лучшем случае. В худшем — в тайге даже наших косточек не найдут. И всё из-за тебя.

— А ведь это настоящий шантаж, — с угрозой в голосе заметил Дэн, но я не дрогнула.

— Вовсе нет. Я просто говорю тебе, что будет, если ты сейчас нас бросишь.

— Тогда может мне рассказать тебе, что будет, если не брошу? — предложил Дэн.

— Давай!

— А то же и будет. Или тюрьма или смертная казнь, если успеете погулять подольше и натворить побольше.

— А если мы не будем творить?

— Не получится.

Мы зашли в тупик и замолчали. Дэн выглядел раздражённым, но уйти больше не пытался, и я, расценив это как добрый знак, решила не останавливаться на достигнутом. Осторожно дотронулась до его руки и примирительным тоном спросила:

— Ну что с тобой случилось? Почему ты расхотел с нами дружить? Они запретили, да? Те, *другие* из города? Ты виделся с ними, и они этого не хотят?

Сказав это, я затаила дыхание. Сейчас выяснится, была ли права Яринка тем зимним вечером, когда говорила, что Дэн общается с *другими* за территорией приюта.

— Да нет же! Они-то как раз не против, нам нужны люди.

Ай да Яринка! Я с трудом сдержала ликующий взглас — мы не одиноки!

Дэн покусал губы, явно не зная говорить дальше или промолчать, но решил быть откровенным до конца:

— Особенно ты. Они думают, что ты могла бы... не сейчас конечно, а когда подрастёшь, помочь нам выйти на другие деревни, как ваша. Чтобы объединяться.

Я чуть не подскочила на подоконнике от радости и торопливо заверила:

— Конечно! Я смогу, я знаю, что есть другие деревни, и знаю, где надо искать.

Честно говоря, тут я лукавила. Другие деревни, конечно, были, взрослые говорили об этом, но точно не в пешей доступности от Маслят, и я понятия не имела где именно. Мы никогда мы не ходили в гости к "соседям", и никто из других деревень не приходил к нам. Как верно сказал Дэн — Сибирь большая. Конечно, круг поиска можно сузить до территорий, прилегающих к рекам и озёрам — никто не станет селиться вдали от воды, обеспечивающей утиную охоту и круглогодичный рыбный промысел. Но сколько их в Сибири — рек и озёр?

Дэн продолжал молчать, и это обнадеживало. Стараясь, чтобы мой голос не дрожал, и не звучал слишком просительно, я тихонько добавила:

— Если мы убежим одни, то я никогда не найду родителей, не смогу узнать в какой они тюрьме и когда их выпустят. Я же... в этой вашей городской жизни ничего не понимаю. Да и поймают нас быстро, если останемся в городе.

Дэн коротко вздохнул. Посмотрев на него исподлобья, я поймала полный жалости взгляд, и мысленно поздравила себя с очередным шагом к победе. Но требовать многого сейчас было бы не слишком благоразумно, и поэтому я решила пойти на компромисс.

— Давай, ты подумаешь? А пока просто продолжай переписываться с нами и давать книги, хорошо? А там... ну кто знает, что будет дальше?

Облегчение, промелькнувшее на лице Дэна, не осталось мною незамеченным, и я поспешила поставить себе ещё один плюсик.

Дэн снова мазнул ладонью по ёжику на голове, пытаясь по старой привычке взъерошить несуществующие пряди, и махнул рукой.

— Ладно. Но вы должны мне кое-что пообещать.

— Что угодно! — мысленно я запрыгала и хлопала в ладоши. А Дэн (прежний мой Дэн, сосредоточенный и серьёзный) уже перечислял, загибая пальцы.

— Во-первых — никаких больше ночных вылазок, это слишком опасно.

Я с готовностью закивала.

— Во-вторых — вы продолжаете общаться со своими старпёрами и выражаете согласие на все их предложения, свидание, венчание, что угодно.

На этот раз я помедлила, но Дэн ждал ответа, и пришлось опять кивнуть.

— И в-третьих — если вдруг я долго не отвечаю, то ни ты, ни Ярина, не бросаетесь на меня в коридорах, а ждёте столько, сколько потребуется.

Я кивнула в третий раз, и начала слезать с подоконника, рассудив, что разговор подошёл к концу, и пора освободить выход из церкви. Наверно вид у меня был донельзя довольный, потому что Дэн усмехнулся и слегка щёлкнул меня по носу.

— Мелкая шантажистка.

Я расплылась в улыбке, уже не скрывая радости.

— Так мы ждём книги, да?

Дэн рассеянно кивнул, глядя в окно.

— Ждите. И не забывайте про осторожность. Вот ещё что... в следующей записке опишите по возможности ваших старпё... женихов, в общем.

Я уже собралась спросить, зачем Дэну это понадобилось, но вовремя спохватилась и лишь уточнила:

— Описать, как выглядят, или кто они такие?

— Всё опишите, только без имён.

Меня это несколько удивило, потому что именно Дэн считал нужным при каждой встрече напомнить о крайней осторожности, которую мы должны блюсти при нашей переписке. Никаких подробностей, никаких мест и примет, ничего такого, что могло бы косвенно указать на адресата или адресанта.

Но задавать вопросы, а тем более спорить, я не осмелилась, боясь спугнуть чуть не упущенное счастье.

Дэн шагнул к окну, опёрся ладонями о подоконник и оглянулся на меня.

— Ярине привет. Записку и книги ждите на днях. Долго тут не засиживайтесь, наверху не мельтешите. И чтобы больше по ночам на улицу носа не казали!

— Как скажешь!

Высунувшись наружу, я наблюдала, как он возвращается в корпус, перебегая от тени до тени, от дерева до дерева, гибко перебрасывает себя через скамейки и сугробы. Приют по-прежнему спал, лишь ветер качал деревья и кусты, заставляя их непрестанно кланяться.

Когда Дэн пропал из виду, я с чувством глубокого удовлетворения, закрыла окно и, рассеянно улыбаясь, побрела через церковь к лестнице, больше не обращая внимания ни на иконы, ни на Иисуса. И испуганно отпрянула, когда мне навстречу из темноты бесшумно выступила чья-то тень.

— Это я, — поспешила успокоить Яринка, и я шумно выдохнула, машинально прижимая ладонь к груди, стараясь унять затрепыхавшееся сердце.

— Предупреждай хоть. Давно спустилась?

— Давно. Сразу как крикнула тебе, что Дэн идёт.

— А чего пряталась?

— Не хотела мешать вам разговаривать. Ты же меня знаешь, я бы скандалить начала, а ты вон как хорошо всё уладила.

Хорошо? Я вспомнила, как ревела, бросаясь в Дэна обвинениями, и кажется, покраснела, благо в полутьме церкви этого не было видно. Но Яринке и не нужно было видеть меня, чтобы знать, какими сомнениями обуреваема её подруга.

— Правда хорошо, — подтвердила она, — Тем более, что сказала ты правду. И про то, что ему вообще не следовало с нами связываться, раз это так опасно, и про то, что мы в

любом случае убежим отсюда.

Я кивнула. В конце концов, всё действительно улажено, разве нет? И почему бы мне в таком случае не принять похвалу как должное?

Яринка через моё плечо посмотрела в сторону окна.

— Ну что, дело сделано, пора уходить? Кажется, времени прошло уже много.

— О, чёрт, — начала я, но тут же виновато осеклась, покосившись в сторону Иисуса, — Ярин, мы же время не знаем. А вдруг охрана в обход пойдёт, и мы тут...

Судя по тому, как подружка округлила глаза, ей тоже не пришлось в голову задуматься об этом раньше.

Впрочем, я уже придумала, что делать.

— Полезли опять наверх. Будем смотреть оттуда, и как только охрана пройдёт, тогда и двинем.

На этот раз подъём не показался нам долгим, мы уже освоились в тёмном и тесном пространстве винтовой лестницы, и поднимались без задержек. Не знаю, как Яринка, а я была даже довольна отсрочкой возвращения в корпус — хотелось ещё раз оказаться на ветреной высоте, окинуть приют взглядом с непривычного ракурса, почувствовать себя победительницей. Тем более, что данное Дэну обещание вряд ли позволит мне ещё когда-нибудь побывать там.

На этот раз мы поступили умнее, и не стали маячить на колокольной площадке в полный рост. Вместо этого, легли на живот, и, высунув головы за край, молча любовались ночной панорамой. Светились внизу огни фонарей, бросая неровные пятна света на подтаявший снег, качались под ветром деревья и от леса шёл ровный успокаивающий гул. Эта ночь совсем не походила на ту, августовскую, когда мы с Яринкой впервые убежали из приюта вдвоём и, взявшись за руки, лежали на прохладной траве под кронами сосен. Не было ни падающих звёзд, ни прозрачной тишины, в которой слышался шум бегущих где-то поездов, ни тёплого запаха лета, но я всё равно ощутила острое дежа-вю. Мы снова лежим рядом в темноте, мы снова боимся быть увиденными, и снова от этого только интереснее, и чувство опасности острым пёрышком щекочет душу. Пропустить охрану, рвануть до корпуса, подняться незамеченными в дортуар, и, всё — дело сделано. Можно будет потом и эту ночь вспоминать с замиранием и гордостью за собственную смелость.

Но текли минуты, а охрана с обходом не торопилась. От порывистого ветра и лежания на впитавшем зимний холод полу колокольной площадки, меня начало пробирать дрожью. Судя по тому, как рядом возилась Яринка, сжимала и разжимала пальцы, горячо дыша на них — не меня одну. Какое-то время мы мужественно терпели, втягивая головы в воротники пальто и безнадёжно высматривая хоть какое-то движение внизу, но в итоге сдались.

— Может, вниз пойдём? Из окна смотреть? — предложила Яринка, стукнув зубами.

Я лишь кивнула. Пусть внизу обзор будет уже не тот, но так или иначе — охрана пройдёт мимо церкви. Мы на четвереньках отползли к дверям, и только там поднявшись на ноги, вошли во тьму лестничного пролёта, не забыв закрыть за собой дверь. А внизу, уже привыкнув с ночной церковью, и больше не замечая в ней ничего таинственного или жуткого, мы по-хозяйски расположились на подоконнике, лицом друг к другу, совсем как у себя в дортуаре. Уткнулись носами в колени, притихли, поглядывая за окно.

От испытанных переживаний и позднего часа, глаза начали закрываться сами собой. После холода наверху, уютное, пахнущее ладаном и воском тепло церкви действовало усыпляющее. Яринка заразительно зевнула, я тут же подхватила, и мы немного похихикали

над этим, надеясь смехом прогнать наступающий сон. Не помогло. Я попыталась подсчитать в уме, сколько времени могло пройти с момента появления Дэна, но уставший мозг отказывался соображать. А что, если наш с ним весьма эмоциональный разговор длился дольше, чем показалось, и сейчас уже почти утро? И если мы продолжим выжидать, то скоро начнёт просыпаться персонал приюта?

Не на шутку встревожившись, я высказала свои опасения клевавшей носом, совсем осоловевшей Яринке. Она покивала.

— Я совсем засыпаю. Давай в корпус, а? А то разбудят нас здесь утром...

Кто-то может подумать, что Яринка так пошутила, но угроза была реальной. Вопреки тому, что нас уже нарекли невестами и всю сватали замуж, — детский организм жил по своим законам, и требовали заслуженного сна так настойчиво, что шутками здесь и не пахло. Поэтому я согласилась на риск.

Сначала мы долго всматривались в ночь, по пояс высунувшись из окна. Потом спрыгнули на землю, и присели, затаившись. Наконец, не услышав ничего подозрительного, не увидев никакого движения, кроме качающихся под напором ветра деревьев, медленно двинулись к углу церкви, к открытому пространству, отделяющему нас от корпуса.

И прямо на это пространство, из-за этого чёртова угла, нам навстречу выступили две затянутые в камуфляж мужские фигуры.

Глава 14

Болезнь.

— Что это тут у нас? — удивлённо протянул один из охранников, и меня снова накрыло яркое ощущение дежа-вю. Потому что голос охранника был неприятно высоким, а слова "у нас", он произнёс как "у нья-ас".

Белесый.

Факта, что мы пойманы охраной ночью вне корпуса, уже вполне хватало для самых худших ожиданий, но то, что одним из них оказался Белесый, деморализовало меня полностью. В первую секунду я готова была броситься, не разбирая дороги, прочь, как тогда в лесу. Но этот порыв нахлынул и спал, оставив мне лишь дрожь в ногах и полное безразличие к происходящему. Мелькнула только обречённая мысль о том, что такой поворот событий — закономерная плата за сегодняшнюю удачу, за то, что я отвоевала у судьбы Дэна.

Снова сильно захотелось спать. И голос-без-слов на этот раз молчал.

— Ну и ну, — подал голос второй охранник, повыше и похудее Белесого, — Девочки!

Последнее слово он произнёс таким тоном, словно девочки были самым последним, что он ожидал увидеть в этой жизни.

— Да, — с готовностью подхватил Белесый, — вот такие у нас тут девочки. По ночам гуляют с распущенными волосами.

Я заметила, как Яринка машинально подняла руку и тронула свои расплескавшиеся по плечам пряди, будто сама не веря в то, что оказалась вдруг простоволосой перед посторонними мужчинами. Мне же на это было глубоко начихать. Как и на всё остальное. Что там говорил иногда мой папа? Укатали Сивку крутые горки.

— Ну что тогда? — неуверенно обратился к Белесому второй, — Звоним Николаичу?

Не смотря на апатичное и отстранённое состояние, я сообразила, что речь идёт о Петре Николаевиче, директоре приюта, но даже это не взволновало меня. Зато очень взволновало

Яринку.

— Судари, — тонко заговорила она, — Пожалуйста, не надо никому звонить! Мы же не сделали ничего плохого.

— Да ну? — хмыкнул Второй, — Ещё скажи, что вы не знали о запрете на прогулки в ночное время. Вам сейчас положено сопеть в подушку, а не здесь разгуливать.

— А мы и не разгуливаем. Мы в церковь ходили!

Такой ответ не только охранников привёл в замешательство, но и меня заставил выйти из оцепенения. Яринка рехнулась от страха? Собралась выложить всё, как на духу?

— Церковь закрыта! — рявкнул Белесый.

— Знаем, — вполне натурально всхлипнула Яринка, — Поэтому мы здесь молились, под окнами.

— Молились? — хором удивились охранники.

— Ну да, — подруга прижала стиснутые руки к груди и зачастила, — Мы ведь в этом году стали невестами, и очень хотим найти женихов, а нас всё никто не выбирает и не выбирает! Вот мы и решили прийти сюда ночью, помолиться, чтобы боженька послал нам кого-нибудь. Мы думали, что если будем одни и в тишине, то он лучше нас услышит.

Охранники заухмылялись. Не знаю, что их так развеселило — детское намерение докричаться до бога, или женское желание каким угодно способом выскочить замуж, но обстановка чуть разрядилась.

Второй снисходительно заявил:

— Если хотите жениха, то должны знать, что ничто так не красит женщину, как послушание. Что скажут кандидаты в женихи, если узнают, как вы по ночам гуляете?

Яринка снова сложила руки в молитвенном жесте.

— Поэтому мы и просим вас никому не звонить. Мы сейчас же вернёмся в корпус и больше никогда не выйдем оттуда ночью, честное слово!

Второй хмыкнул и покосился на Белесого.

— Может и правда — ну их? Пусть катятся. Дуры же.

— Ты сам дурак, — резко ответил Белесый, — они на камерах засветились. Если проверка посмотрит, нас же потом и натянут за то, что клювами прощёлкали. Набирай Николича, хватит ему дрыхнуть на сегодня.

Яринка в отчаянии уставилась на меня. А что я могу? Это же Белесый, и рядом нет Дэна, чтобы снова спасти меня...

Второй, пожав плечами, достал из кармана сотовый телефон. Я безразлично следила за ним, потом перевела взгляд на Белесого и вздрогнула, увидев, что он очень внимательно всматривается в меня. И его лицо больше не было насмешливым, сейчас на нём ясно отражались растерянность и смятение.

В следующую секунду я сделала единственное, на что оказалась способна. Просто дважды шагнула вперёд, выступила из тени отбрасываемой углом церкви, и подняла лицо, дав свету ближайшего фонаря упасть на него.

Белесый приоткрыл рот.

Яринка торопливо встала рядом со мной, и рот Белесого открылся ещё шире. Не думаю, что он запомнил мою подругу, ведь в прошлую встречу, она лишь на миг показалась ему. Но сейчас, на свету, её волосы вспыхнули рыжими искрами, и спутать Яринку с кем-то другим стало невозможно.

Второй копался в телефоне и не заметил ни нашего приближения, ни реакции на это

Белесого, пока тот вдруг не вырвал гаджет у него из рук.

— Эй!

— Подожди, — Белесый по-прежнему не отрывал от нас взгляда, — Я тут подумал... ты прав. Пусть идут.

Второй растерянно моргал.

— Но ты же сам сказал — камеры...

— С этим я разберусь. Мне в мою смену такая байда не нужна. Пусть валят.

— А если правда проверка? — Второй начал нерешительно топтаться на месте, — После того, как та парочка с крыши прыгнула, проверки должны пойти по-любому. А вдруг эти двое тоже хотели откуда-нибудь прыгнуть?

— И пусть! — резко развернулся к нему Белесый, — Я не против, если все местные ублюдки так сделают! Одна хрень — биомусор!

Второй, явно не ожидавший такой бурной реакции от напарника, слегка попятился, а Белесый уставился на нас:

— Вы чё встали, плохо слышите?! Брысь отсюда!

Мы с Яринкой переглянулись и сорвались с места. Уже не таясь ни камер, ни окон, опрометью пронеслись по дорожкам, мимо скамей и деревьев, за которыми так тщательно прятались по пути в церковь, мимо кустов и сугробов. Остановились только под козырьком подъезда, у спасительной двери корпуса.

Какое-то время переводили дыхание, приходя в себя.

— Это был он, — наконец выдавила я единственную мысль, оставшуюся в голове.

— Ага, я сразу узнала, — кивнула Яринка, — почему он нас отпустил?

Я только махнула рукой, на догадки не осталось сил.

— Пойдём спать, а?

Яринка снова закивала, и мы проскользнули в дверь, оставив за ней эту бесконечную ветреную ночь. Но на заключительном этапе сегодняшней вылазки нас поджидал ещё один сюрприз. Когда мы, благополучно миновав лестницу и коридор, на цыпочках вошли в дортуар, то первым что увидели в тусклом свете ночника — была Настуся, которая сидела у себя на кровати, шуря на нас сонные глаза.

— Вы где были? — спросила она сиплым шепотом.

— В туалете, — спустя паузу брякнула Яринка, видимо первое, до чего додумалась.

— А почему в одежде? — Настуся улеглась, но продолжала следить за нами.

Пальто и ботинки, мы, конечно, оставили внизу, в раздевалке, но недоумение Настуси я понимала — обычно девочки, выходящие посреди ночи "припудрить носик" не утруждали себя переодеванием из ночнушки в платье, и уж тем более не натягивали колготки.

— Почему, почему... холодно нам! — прошипела Яринка, и, пройдя к своему шкафчику, принялась, как ни в чём не бывало переодеваться. Я последовала её примеру.

— А почему так долго? — опять спросила Настуся, но, не дождавшись ответа, вдруг уронила голову на подушку, и спустя несколько секунд до нас донеслось её мерное посапывание.

Яринка посмотрела на меня и провела ребром ладони по горлу. Я её чувства понимала и разделяла — заключительный аккорд нашей ночной авантюры в виде не вовремя проснувшейся Настуси, не сколько уже напугал, сколько раздосадовал.

Я бросила взгляд на светящийся в темноте циферблат будильника. Пятый час. Выходит, мы выбрались из церкви как раз около четырёх, во время очередного обхода охраны. Стоило

подождать всего одну-две минуты, и Белесый с напарником прошли бы мимо. А всё равно странно, что дело закончилось миром, и Белесый нас просто отпустил. Вот только думать о нём самом и о мотивах его поступка, мне сейчас совершенно не хотелось.

Торопливо выбравшись из одежды и не утруждая себя переодеванием в ночнушку, я, в одних трусиках забралась к себе наверх и скользнула под одеяло, впрочем, без особой надежды на сон. Встреча с Белесым подействовала на меня, как десяток снежков сунутых за шиворот, и теперь я была уверена, что не сомкну глаз до утра. Тем не менее — стоит попытаться...

...Мне показалось, что сигнал будильника раздался сразу, стоило мне положить голову на подушку, но дортуар уже заливал утренний свет. Застонав, я перевернулась на живот и накрыла голову одеялом, чтобы ничего не видеть и не слышать. Снизу раздался такой же Яринкин стон. Кто-то, не то Зина, не то Настуся, выключил будильник, и наступила блаженная тишина, под которую мои веки опустились сами собой...

— Даша, Ярина, вы чего? — голос Зины ввинтился в уши, снова заставив меня застонать, — Завтрак через пятнадцать минут!

Ого. Значит, мы всё-таки умудрились урвать ещё немного сна. Жаль, что больше не получится.

Чтобы не мучить себя, я рывком откинула одеяло, и села на постели.

— Ты чего это — без ночнушки спишь? — неодобрительно спросила Настуся.

— Может мне ещё твой ночной чепчик одеть? — огрызнулась я, и, кряхтя, как старушка, начала спускаться вниз. Всё тело ныло, словно я долго пролежала в неудобной позе или заболела гриппом. Мысль о гриппе подкинула мне идею о том, что можно притвориться больной и не пойти в школу, но я её отмела, даже не додумав. Агафья сразу потащит меня в медпункт, и всё, чего я добьюсь — буду уличена во лжи и наказана.

Яринка мрачнее тучи сидела на краю кровати, уставившись в пол. Я поймала её взгляд и ободряюще улыбнулась. Следующей ночью мы выспимся, усталость пройдёт, но радость останется. Радость от того, что Дэн по-прежнему с нами, а значит, никуда не делась надежда на лучшую жизнь и свободу её выбора. Наверно мне удалось передать эту мысль Яринке, потому что её губы чуть заметно дрогнули в ответной улыбке.

В ритме марша мы оделись, умылись, почистили зубы, заплели косы, и успели вместе с остальными девочками в гостиную, где по уже сложившейся традиции, группа перед отправлением на завтрак, ждала новостей от Агафьи.

Агафья не разговаривала со мной с того момента, как прогнала из воспитательской, напутствовав оплеухой. Но сегодня, она, едва появившись, обратилась именно ко мне, отчего, учитывая события прошедшей ночи, моя душа стремительно провалилась даже не в пятки, а куда-то ниже уровня пола.

— Дарья?

— Да, сударыня? — пробормотала я, надеясь, что мои щёки не полыхают так, как вспыхнули они у Яринки.

Агафья выдержала эффектную паузу, и молвила:

— Ты родилась под счастливой звездой, девочка. Не смотря на твою безобразную выходку, Михаил Юрьевич, не отказался от общения с тобой, о чём счёл нужным сообщить. Жди вызова. Для остальных — ничего нового. Можете идти завтракать.

И, не взглянув больше на меня, тем самым давая понять, что пусть я прощена Михаилом Юрьевичем, но не прощена ею, Агафья зашагала прочь.

Я испустила длинный вздох облегчения, и только тут заметила, что вся группа смотрит на меня. Девочки, успевшие обзавестись женихами — с недоумением, не успевшие — с досадой.

— Что это за выходку ты устроила своему жениху? — первой, на правах соседки по дортуару, задала вопрос Зина, а Настуся укоризненно pokrutila пальцем у виска.

— Ничего особенного, — буркнула я, поднимаясь на ноги, и направляясь к лестнице. Не хватало ещё оправдываться перед девчонками!

За моей спиной раздался возмущённый ропот. Ну конечно — невзрачная мышь Даша не понимает своего счастья, и вместо того, чтобы в ножки кланяться благодетелю, удостоившему её своего внимания, смеет устраивать какие-то выходки! Да ещё и не скачет на одной ножке от радости, узнав о прощении!

Наверно на это коллективное осуждение и рассчитывала Агафья, объявляя о моём проступке и последующем помиловании в присутствии всей группы. Ну и ладно. И вообще, не буду врать, будто я совсем недовольна возвращением Головы. Знакомиться и общаться с новым кандидатом на руку и сердце мне лень, да и не факт, что он вообще появится. А ведь я уже обвинила Дэна в том, что только с его подачи и я, и Яринка, обзавелись кавалерами. Так что, как ни крути, а жених нужен.

А в остальном всё было замечательно. До обеда я ещё пребывала в напряжении, ожидая вызова к Агафье, а то и к директору, ведь может быть так, что Белесый передумал нас миловать? Или что нагрязнула упомянутая им проверка и посмотрела запись с камер? Но день шёл как любой другой учебный день, и постепенно я расслабилась. Вот только сонливость и ломота в теле не проходили. А когда ближе к концу занятий, к этим симптомам добавилась боль в горле, я поняла, что лежание на ледяном полу колокольной площадки под всеми ветрами, не прошло для меня даром.

К сожалению, не для меня одной. Это я поняла, когда к вечеру Яринка начала отчаянно шмыгать носом и жаловаться на плохое самочувствие. Обращаться к сестре Марье мы не стали, понадеявшись на то, что всё пройдёт, как только мы восполним недостаток сна. Тем более, что дело происходило в пятницу, и, предвкушая выходной, завтра мы рассчитывали на возможность проваляться в постелях как минимум до обеда.

И провалялись. Но не потому, что наслаждались заслуженным отдыхом, а просто не смогли встать. При единственной предпринятой мною попытке голова закружилась с такой силой, что я испугалась, как бы вздыбившаяся кровать не сбросила меня на пол. Судя по доносившемуся снизу почти непрерывному кашлю, Яринке было не лучше. И нам даже не пришлось звать сестру Марью, это сделали Зина и Настуся, напуганные нашим состоянием.

Вот так долгожданная ночная вылазка в церковь закончилась стационаром при приютской больнице. Если кто-то подумал, что мы расстроились, то его детство было очень давно. Кого не обрадует возможность пропустить школу? Пусть даже расплачиваться за это придётся таблетками и уколами. Единственным, что омрачало наше ничегонеделание в больничных постелях — невозможность сходить к тайнику и посмотреть, есть ли там уже весточка от Дэна. Но и тут мы не сильно беспокоились — для "ходячих" больных непродолжительные прогулки на свежем воздухе считались необходимым условием скорейшего выздоровления, так что уже на следующий день мы планировали это исправить.

Под вечер нас навестила Агафья. Сестра Марья, добрая душа, предупредила об этом заранее, так что мы успели стереть довольные улыбки с физиономий и бессильно разметаться по постелям.

— Как самочувствие, девушки? — спросила воспитательница, нависая над нами.

— Лучше, — просипела Яринка, закатывая глаза. На мой взгляд, она явно переигрывала, и чтобы отвлечь от этого внимание Агафьи, я спросила:

— Сударыня, а Михаил Юрьевич мне ещё не звонил?

Та перевела взгляд на меня.

— Пока нет. А если и позвонит, то до твоего выздоровления никаких контактов я не допущу. Мужчины не должны видеть вас с красными носами и слезящимися глазами.

Я покорно кивнула, подивившись про себя этой очередной взрослой глупости. А что, если я заболела уже будучи замужем? Мне надеть наволочку на голову или прятаться в чулане, чтобы дражайший муж, не приведи господь, не узрел жену в таком нелицеприятном виде?

— А теперь скажите мне, как вы умудрились простыть одновременно? — спросила Агафья, и с меня моментально слетела напускная сонливость, а Яринка замерла у себя под одеялом, как зверёк в норе.

— Я бы списала это на обычное весеннее недомогание, заболел бы одна Ярина, — продолжала размышлять вслух воспитательница, — Но вот для Дарьи такое совсем не свойственно.

Тут она подметила верно. За всё время пребывания в приюте, я ни разу не была вынуждена обратиться за медицинской помощью, не считая случая с разбитыми коленками. Яринка же простывала с регулярностью раз в несколько месяцев, в общем, как и остальные воспитанники, что меня поначалу удивляло. В Маслятах дети не болели. Физическая работа на свежем воздухе и адаптация к суровому сибирскому климату делали своё дело. Поэтому мне всегда было смешно слышать о пагубном влиянии антисанитарии и отсутствия медицины у "дикарей".

Но сейчас я лишь беспомощно пожала плечами в ответ на подозрительный взгляд Агафьи. Яринка тоже сочла за разумное промолчать, и наша воспитательница удалилась ни с чем, напоследок велев нам хорошенько задуматься над своими словами и поступками, потому что просто так господь болезни не посылает.

Ближе к вечеру нас навестили Зина и Настуся, принесли свои десерты с обеда, другие гостинцы здесь брать было неоткуда. Это проявление заботы тронуло даже Яринку, и последний холодок, оставшийся между нами и соседками после недавней драки, развеялся без следа.

Позже, когда дежурная медсестра прошла по этажу, гася свет, Яринка перебралась ко мне в кровать, и мы долго сонно шептались, обсуждая последние события, пока не уснули, перепутавшись ногами.

На следующий день записки от Дэна не было, но мы ничуть не огорчились, знали уже, что если Дэн обещал — он сделает, нужно просто немного подождать. Но даже эта короткая прогулка так вымотала нас, что вернувшись в палату, мы уткнулись в подушки и проспали до вечера. А разбудила нас Агафья. Точнее будила она одну меня, но Яринка проснулась тоже.

— Дарья, вставай. Тебя хочет видеть Михаил Юрьевич.

Мне снилась тайга. Точнее опушка возле нашей деревни, где рядами возвышались стоги сена, в которых мне нравилось лежать, глядя в небо, играя с собой в бессмертную детскую игру "На что похожи облака?". Поэтому когда очередное облако вдруг заговорило голосом Агафьи, я изрядно перепугалась.

— Что?!

Воспитательница подождала пока я проморгаюсь и сяду в постели, после чего терпеливо повторила:

— Михаил Юрьевич ждёт тебя на связь через двадцать минут. Умывайся, причёсывайся, и приходи.

— Но, сударыня, — слабо запротестовала я, — Как ждёт? Вы же сказали, что я больная не должна показываться ему на глаза.

— Я поставила Михаила Юрьевича в известность о твоём недуге, но он настоял на свидании. Хочет лично спросить тебя о самочувствии и поддержать морально. Золотой человек тебе встретился, Даша. Надеюсь, у тебя хватит ума оценить это.

Ума мне не хватило. После ухода Агафьи, я, ворча и скрипя, принялась приводить себя в порядок. Голова кружилась, в горле першило, и меньше всего мне сейчас хотелось тащиться в корпус, лицезреть там Голову, и выслушивать его планы относительно моего участия в благоустройстве загородного хозяйства. Яринка сочувственно наблюдала за мной из-под одеяла — её престарелый кавалер был педантичен до зубной боли, и никогда не устраивал сюрпризов в виде неожиданных свиданий.

Как я ни пыталась бодриться, но судя по недовольно поджатым губам Агафьи, встретившей меня в воспитательской — мой вид оставлял желать лучшего. Однако к чести вскоре возникшего на мониторе Головы, его лицо при взгляде на меня не выразило ничего кроме беспокойства.

— Дашенька, девочка моя! — воскликнул Михаил Юрьевич, на миг явив моему взору две руки, которыми он огорчённо всплеснул перед собой, — Мне сказали, что ты больна! Что случилось? Я надеюсь, ты не расстроилась из-за того, что мы в прошлый раз несколько скомкано пообщались?

Прежде чем ответить, я несколько секунд таращилась на Голову, пытаюсь понять, шутка ли это, или жених правда возомнил, будто я заболела из-за того что он тогда не соизволил беседовать со мной положенные пятнадцать минут?

— Кхе-кхе... сударь... Михаил Юрьевич, не беспокойтесь. Просто простыла немного, — боковым зрением я заметила, что Агафья активно мне жестикулирует, кажется, даже различила недвусмысленное движение — ребром ладони по горлу, и торопливо добавила, — Извините меня за прошлый разговор, я не должна была так себя вести.

— Что ты, что ты, — закивал Голова, — Я же всё понимаю, ты — девочка трудной судьбы, и я готов проявлять терпение столько, сколько нужно для того, чтобы ты забыла своё ужасное прошлое.

Ужасное прошлое пришлось проглотить. Я даже смиренно потупила взор, изображая раскаяние. Голова этим вполне удовлетворился и решил закрыть тему моего проступка.

— Мне бы хотелось чем-то порадовать тебя, — сказал он, — И я расскажу, как на выходных ездил на свой участок. Знаешь, из-за работы я не часто могу себе это позволить, но в этот раз выбрался...

Я выдавила улыбку, очень надеясь, что она не выглядит слишком фальшивой. Красота — я сижу в коррекционном приюте, как в клетке, а он разъезжает по дачам и думает, что это почему-то должно меня радовать!

— Я остался там с ночёвкой, — воодушевлённо продолжал Голова, — В доме почти ещё нет мебели, и я представлял, как мы обставим комнаты, когда поженимся. Я думаю, будет разумно, если ты постоянно станешь жить там, чтобы следить за огородом и оранжереей. А я

буду приезжать на выходные.

Замечательно. Мало было огорода, теперь мне грозит ещё какая-то оранжерея. И очень удобно, что ни говори. Не умеющая себя вести в обществе жена-дикарка не будет мозолить глаза и мешать привычной жизни своего повелителя, зато станет исправно трудиться на грядках, надо думать радостно встречая его разносолами и вареньями.

— Если бы ты видела, в каком чудесном местечке тебе предстоит жить, ты бы стала считать дни до своего четырнадцатилетия, — довольно засмеялся Голова, — Я позаботился о том, чтобы на участке было всё необходимое для здорового питания: теплицы, подсобные постройки для скотины, маслобойня, молочный сепаратор.

Да, не завидую той, кого угораздит-таки выйти замуж за Голову. Уверена, через пару месяцев она будет мечтать о работе на производстве.

Словно услышав мои мысли, Михаил Юрьевич спохватился:

— Работы много, но и об отдыхе я позаботился! Построил прекрасную баню, в доме есть камин, у которого можно будет греться холодными вечерами, а на террасе мы повесим гамак!

Я подозрительно всмотрелась в своего жениха искрящегося неестественным энтузиазмом. Странноватый он сегодня — глаза блестят, щёки лоснятся. Насколько я знаю, по закону принятие алкоголя в умеренных дозах мужчинам разрешено, и может ли быть такое, что Голова сейчас находится, как выражались у нас в Маслятах "под градусом"? Хотя какое мне дело? Моя задача — вытерпеть очередные пятнадцать минут нашего общения, делая вид, что получаю от этого удовольствие.

Михаил Юрьевич вдруг хитро подмигнул мне, прищёлкнул языком, и закатил глаза:

— А какие там ночи! Не то, что в городе. Над головой звёзды, рядом лес шумит, сверчки в траве поют... ты ведь любишь гулять по ночам, Дашенька?

По моему позвоночнику словно пробежали холодные пальцы, от чего волоски на коже встали дыбом. Вопрос был очень странным, учитывая то, что Голова не мог не знать — у меня, воспитанницы коррекционного приюта, нет и не может быть возможности гулять по ночам.

— Я имею в виду, — вдруг спохватился он, — Что когда ты жила у себя в деревне, ты же наверняка любила ночные прогулки?

С трудом заставив себя разлепить ставшие вдруг холодными губы, я ответила, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал равнодушно:

— Нет. Родители не разрешали. Опасно — тайга кругом. Если только перед домом посидеть, или на крыше.

— Вот, — Голова поднял перед собой палец, — Ключевое слово здесь — опасно. И поэтому я запрещаю тебе гулять ночью.

Меня посетила спасительная мысль о том, что на самом деле я до сих пор сплю в палате, и всё это — просто сон. Вызванный болезнью нереально яркий и достоверный сон.

— Именно запрещаю, — повторил Голова, не замечая моего поплывшего взгляда, — И я уверен, что когда привезу тебя на свой загородный участок, и ты останешься там одна, то не осмелишься нарушить мой запрет. Тем более, что по ночам возрастает риск простудиться, особенно если ночь ветреная, а мы ведь этого не хотим, правда?

Проснуться не получилось, и я сделала единственное разумное, что могла сделать в данной ситуации — послушно закивала.

— Конечно, Михаил Юрьевич, как скажете.

— Умница, — Голова удовлетворенно улыбнулся, — Не подумай, что я излишне строг с тобой, я просто проявляю заботу, как и положено будущему мужу. И чем раньше ты поймёшь, что моё слово для тебя — закон, тем лучше. Я всегда знал, что ты разумная девочка. Не смею тебя больше задерживать, ты нуждаешься в отдыхе. Надеюсь в следующий раз увидеть тебя в добром здравии.

Расстояние от воспитательской до крыльца больницы я пробежала бегом, забыв про слабость и головокружение, лишь у самых дверей перейдя на шаг, чтобы не получить нагоняй от врачей. Яринка выслушала мой панический рассказ с выражением крайнего скептицизма на лице.

— Ну и чего ты так всполошилась?

— А ты не понимаешь? Он же сказал...

— Ой, да слышала я, что твой Голова сказал. Не гулять ночью? Всё правильно, если его дача стоит где-то в ж... за городом, у леса, то там лучше не гулять по ночам.

— А тебе не кажется странным, что он вдруг заговорил об этом? До моего четырнадцатилетия ещё больше двух лет, раньше он меня забрать никак не сможет, и вдруг начал что-то запрещать?

Яринка закатила глаза.

— Так он же у тебя того... повёрнутый, сама говорила, что вечно про свою дачу бухтит.

— Он про другое бухтит! — я досадливо замотала головой, — Обычно спрашивал как лучше огород вести. Может он уже без меня там хочет что-то сажать, вот и советуется. А сегодня...

— Ну, хорошо, — подруга свесила с кровати ноги и подалась ко мне, — И ты думаешь, будто этот твой Юрий Михайлович...

— Михаил Юрьевич, — хмуро поправила я.

— Короче, твой старпёр! — Яринка повысила голос, — Каким-то образом прознал, что мы ночью лазили в церковь, и запретил тебе это делать снова?

Я промолчала. А что тут скажешь, звучит на самом деле бредово. Но и в совпадение мне не очень-то верится. Слишком уж странным был наш сегодняшний разговор, да и сам Михаил Юрьевич.

— Вот-вот, — подытожила Яринка, выслушав моё молчание, — Ты просто перенервничала из-за Дэна, из-за тех охранников, и пугаешься теперь всего подряд. Это пройдёт.

И мне осталось лишь согласиться, других объяснений всё равно не было, а бояться я уже устала.

Но на этом сюрпризы не закончились.

Уже перед самым ужином Агафья вновь почтила нас своим визитом и на этот раз выглядела почти добродушной, медово улыбалась, отчего её непривыкшее к таким гримасам лицо пошло складками. У меня мелькнула дурацкая мысль о том, что наша воспитательница приняла на грудь по примеру моего жениха. Да что за день-то такой?

— Ярина! — воскликнула Агафья, приблизившись к кровати моей подруги и нависая над ней, как коршун над цыплёнком, — Девочка моя! Я принесла тебе отличную новость.

Яринка кинула на меня испуганный взгляд. Я её понимала — отличные новости от Агафьи? Звучит угрожающе.

— Только что, — продолжала воспитательница, — С администрацией приюта связался твой папа. Он хочет приехать и увидиться с тобой. Учитывая то, что за всё время твоего здесь

пребывания, тебя ни разу не навещали родственники, мы решили пойти на уступку, и позволить вам встретиться завтра же.

Яринка не шелохнулась. Она смотрела на Агафью широко распахнутыми глазами и, неестественно побледневшая, напоминала сейчас скорее восковую куклу, чем живого человека. Поняв, что ситуацию надо срочно спасать, что Агафья не должна догадываться о том, какие чувства сейчас обуревают мою подругу, я решила действовать.

— Ой, сударыня, как здорово! — и соскочив с кровати, кинулась обнимать Яринку. Обхватила руками за шею, и, приблизив губы к её уху, угрожающе прошипела, — Радуйся! Быстро!

Но Яринка не спешила радоваться, сомневаюсь, что он вообще меня услышала. Её плечи под моими руками были как деревяшки, а на лице не дрогнул ни один мускул.

К счастью, Агафья не удивилась такой реакции, она понимающе улыбнулась, и, протянув руку, похлопала меня по плечу.

— Оставь, Даша. Ярине нужно время чтобы всё осознать. Возможно, она захочет поплакать. Напомни ей, чтобы завтра до обеда подошла ко мне.

— Хорошо, сударыня, — поспешила я согласиться, с огромным облегчением проследила, как воспитательница уходит, и только когда дверь палаты закрылась за ней, отпустила Яринку.

Та не шелохнулась. И тогда, не найдя ничего лучшего, я толкнула её двумя руками в грудь, так что подруга плашмя опрокинулась на кровать.

— Ай! Ты что, спятила?! — подскочив как ванька-встанька, она попыталась толкнуть меня в ответ, но я была к этому готова, и легко увернулась.

— Прости! Мне показалось, что ты впала в этот... в эту... в прострацию.

— Сама ты! — Яринка сердито стреляла глазами, а я с облегчением отметила, что краски вернулись к её лицу, — Я специально молчала, чтобы не улыбаться при Агафье, чтобы она не поняла, как я рада!

— Рада? — тут я снова не на шутку встревожилась.

— Конечно! — подруга злорадно прищурилась, — Я-то думала, что ещё долго не доберусь до этого уroda, а тут он сам в руки катит. Нет, я, конечно, удивилась, понятия не имею, зачем он прётся, но какая разница? Главное, что мы увидимся.

— Ты что же, — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал дурашливо, — Собралась прямо здесь его убить?

Но Яринка не улыбнулась шутке, напротив, её лицо приобрело угрожающе задумчивое выражение.

— Эй, — я помахала рукой перед глазами подруги, — Ты же не хочешь завтра что-нибудь учудить? Не забывай, что вокруг будут свидетели.

Встреча воспитанников с пришедшими навестить их родными происходила обычно либо в вестибюле школы, либо, при хорошей погоде, прямо на улице, где можно было прогуливаться по дорожкам и сидеть на скамейках.

— Да не собираюсь я его убивать, — отмахнулась Яринка, — Сил пока не хватит. Да и нечем.

— А ещё тебя отправят в колонию, и все наши планы накроются, — подытожила я.

— И это тоже, — она не стала спорить, — Поэтому за свою гавёную жизнь папашка может не бояться. Но я выскажу ему всё что думаю. И про маму, и про то, что он в своих рогах сам виноват, и про то, как от меня отказался, и про...

— Не вздумай! — я еле удержалась от того, чтобы не отправить Яринку валяться второй раз, — Агафья тебя за это накажет.

— Подумаешь! Оно того стоит.

— А ещё напишет в твоей анкете, что ты родного отца обругала! И этот твой Львович пошлёт тебя куда подальше! Зачем ему жена, которая не уважает родителей?!

— Да пусть Львович сам идёт куда подальше! Этот старый пень меня уже достал!

На этот раз я всё-таки подалась к Яринке, но не толкнула, лишь бессильно потрясла в воздухе кулаками. Я очень люблю свою единственную подругу, но как же иногда она достаёт своим ослиным упрямством и нежеланием думать о последствиях! Одно хорошо — у меня было достаточно времени, чтобы изучить эти её черты характера и разработать метод борьбы с ними. Тут помогут лишь спокойствие и аргументация.

— Яриша, — почти ласково заговорила я, спрятав кулаки за спину, — Мне с трудом удалось уговорить Дэна, чтобы он не посылал нас. А знаешь, почему он хотел это сделать? Ты же слышала наш разговор?

— Ну? — недовольно буркнула Яринка, чуявшая подвох.

— Он сказал, что мы ещё дети. И сейчас мне кажется, что это правда. По крайней мере, про тебя — точно.

Подруга вскинулась, но я повысила голос:

— Ты готова всё погубить просто потому, что тебе вдруг захотелось поругаться с отцом!

— Да что я погублю-то? — перешла в атаку Яринка, — Это только меня и его касается...

В коридоре зазвучали шаги, и мы притихли, прислушиваясь к тому, как кто-то идёт по коридору.

— Это нас всех касается, — на всякий случай я перешла на шепот, — Тебя накажут, жених бросит, думаешь, Агафья оставит это без внимания? Она будет тебя пасти! А заодно и меня. А ведь нам надо как-то переписываться с Дэном и читать книги. И скоро растает снег, разве ты не захочешь в лес? Мы сейчас должны быть пайныками, чтобы Агафья про нас даже не вспоминала лишний раз. Только тогда всё получится.

Яринка упрямо сопела, глядя в сторону, и обычно это было первым признаком её капитуляции. Пришла пора наносить решающий удар.

— И вообще, — вкрадчиво добавила я, — Ты же в итоге собираешься до него добраться? Так не лучше ли сейчас втереться в доверие, чтобы потом всё было легче?

Подруга заморгала и размякла, а я позволила себе перевести дух — самое трудное позади.

— Дайка, — она с сомнением посмотрела на меня, — А если он пришёл не мириться, а сделать ещё какую-нибудь гадость?

— Ну, какую гадость он может сделать? Ты ему даже по документам уже не дочь, он от тебя отказался.

— Фамилия-то у меня его, — грустно ответила Яринка, — И даже если он сегодня отказался, завтра может снова признать, закон это разрешает.

— Ну, — я развела руками, — Всё равно ты всё узнаешь только завтра.

— Ладно, — Яринка решительно тряхнула головой, — Только у меня одна просьба. Ты пойдёшь со мной.

Вот тут я удивилась.

— С тобой? К отцу? А разве так можно?

— Можно. Ты просто рядом побудешь. А если он не захочет разговаривать при тебе, то пусть проваливает, откуда пришёл. Если я с ним одна останусь, то боюсь — психану. А так — посмотрю на тебя, и вспомню, что нельзя.

— Ну, хорошо, — успела согласиться я, прежде чем в коридоре снова зазвучали шаги, и в палату зашли Настуся и Зина. Они принесли нам домашнее задание, и последние новости.

Визит соседок оказался очень кстати, он отвлёк Яринку от мыслей об отце, а меня от тревоги, вызванной сегодняшней беседой с Головой. И спать в ту ночь мы легли почти спокойными.

Глава 15

Телегония.

Яринкин отец оказался высоким худым мужчиной с глубокими морщинами на лице, костистым бритым черепом, и колючим взглядом водянисто-голубых глаз. Ничего общего между ним и своей подругой я не увидела, что не могло не радовать — пойдя Яринка внешностью не в мать, а в отца — не бывать ей такой красоткой.

Мы сидели на скамейке возле школы, куда суетливая и неестественно радостная Агафья и привела дорогого гостя. Гость брезгливо морщился, глядя под ноги, на кашницу талого снега.

— Ну, вот ваша девочка, Егор Васильевич — пропела она, останавливаясь перед нами, — Вы можете поговорить здесь, а можете пройти в школу, там удобнее.

Забавно, но за всё время нашей дружбы с подругой, я и не знала, что она — Егоровна.

— Спасибо, мы останемся на улице, — отрывисто бросил Яринкин отец, не глядя на Агафью, и как мне показалось, не слишком вежливо давая ей понять, что в услугах сопровождающего больше не нуждается. Но Агафья тоже посчитала свой вклад в воссоединение семьи выполненным, и ещё раз дежурно улыбнувшись, заспешила в сторону школы. И мы остались втроём.

Яринка не смотрела на отца, с момента его появления она даже не пошевелилась. А вот он разглядывал её пристально, и как мне показалось — удивлённо. А наглядевшись вдоволь, сунул кулаки в карманы брюк, и изрёк.

— Ты стала ещё больше похожа на мать.

Яринка и сейчас не посмотрела на родителя, лишь чуть шевельнула бровями.

— Ты пришёл, чтобы сказать мне об этом?

— Не только, — Егор Васильевич покосился на меня, — Мы можем остаться одни?

— Нет, не можем, — тем же ровным отсутствующим голосом ответила подруга, — Кстати, познакомься, это Дай... Даша. Даша — это мой папа.

От лошадиной порции яда вложенной в слово "папа" я поёжилась, и слабо пискнула:

— Здравствуйте, сударь.

Он недовольно дёрнул головой.

— Нам нужно поговорить наедине.

Яринка пожала плечами.

— Нам? Мне не нужно. И оставаться с тобой наедине я не хочу. От Даши у меня нет секретов, она, знаешь ли, единственный мой близкий человек после смерти мамы.

У Егора Васильевича заходили желваки — слушать возражения от дочери он явно не

привык. Вот только кого теперь это волнует? Яринка снова смотрела в сторону, всем своим видом демонстрируя равнодушие, я тоже решила, что недовольство этого во всех отношениях неприятного дядьки меня не касается. Пауза затянулась. И Яринкин отец сдался.

Он вынул руки из карманов, чуть поддёрнул брюки и присел на скамью рядом с дочерью. Она сразу отодвинулась, но папашу это не смутило.

— Слышал, ты замуж собралась?

— Может быть, — если Яринка и была удивлена, но никак этого не показала, — От кого слышал?

— Я заходил на сайт приюта, видел твою анкету. У тебя много просмотров. А вчера позвонил сюда и узнал, выбрал ли тебя уже кто-нибудь.

— Зачем?

Яринкин отец негромко хмыкнул.

— Ты моя дочь. И как я ни пытался забыть об этом — не получилось. Решил узнать, как у тебя идут дела.

— Ну вот, — Яринка проводила взглядом стайку малышни, прошмыгнувшую мимо, — Узнал. Теперь я могу идти?

— Кто он?

— Кто? — подруга, наконец, повернула голову и посмотрела на отца.

— Тот, кто тебя выбрал, — терпеливо повторил он, — Твой жених. Дата помолвки уже назначена?

Яринка сморщила нос и закусил губу, на миг мне показалось, что сейчас она безудержно расхохочется, что было бы вполне в её стиле. Но подруга лишь отрицательно покачала головой.

— Нет, о помолвке мы ещё не говорили.

— Не стоит тянуть, — назидательно изрёк Егор Васильевич, — Если мужчина относится к тебе серьёзно, то не откажет.

— Ты хочешь, чтобы я ему предложила помолвку? — удивилась Яринка, — Мне всегда казалось, что должно быть наоборот.

— Не в твоём положении ждать и надеяться, — отрезал Егор Васильевич, — Сама понимаешь, что твой единственный шанс обрести достойное будущее — это выйти замуж. И для этого стоит приложить все усилия. Так кто твой жених? Я отец и имею право знать.

Яринка запрокинула голову и стала с интересом рассматривать плывущие над нами облака. Я думала, что она не собирается отвечать, но подруга вдруг заговорила ровным монотонным голосом.

— Его зовут Станислав Львович, и он уже не молод. Разведён, есть взрослые дети. Про его работу я знаю мало, но он занимает высокий руководящий пост, владеет бизнесом, занимается инвестициями. Живёт в Подмоскowie, в Черешнино. Вроде один.

Егор Васильевич кивал в такт Яринкиным словам, а когда она замолчала, двинул рукой, словно собрался погладить её по голове, но передумал, лишь сказал:

— Молодец. Ты нашла себе хорошего жениха и не испугалась разницы в возрасте, это мудро. Что толку со смазливом юнца без гроша в кармане? Будь умницей, намекни ему о помолвке, пусть думает, что ты влюблена.

Как ни была я удивлена неожиданной Яринкиной откровенностью с родителем, но глупость последнего меня добила. Влюблена? Он, правда, думает, будто наши старпёры могут быть столь высокого мнения о себе, что поверят в любовь двенадцатилетней девочки?

Лично я ничуть не сомневалась, что мы просто ведём обоюдную игру, в которой обе стороны преследуют исключительно свои выгоды.

Но подруга и тут осталась невозмутима.

— Хорошо, я попробую, раз ты думаешь, что это поможет.

— Умница, — повторил Егор Васильевич, — С выбором жены я, конечно, ошибся, но начинаю думать, что ты хоть что-то взяла от меня, а не от неё. Если убедишь меня в этом, я снова признаю тебя дочерью.

Наверно, в понимании никчёмного папаши, это был наивысший комплимент. Но я почувствовала, как закаменела Яринка, вперив неподвижный взгляд себе под ноги, и послала ей мысленную просьбу: "Спокойно!" Словно услышав, подруга скользнула по мне глазами, и перевела взгляд на отца.

— Это всё? Я могу идти?

— Вот ещё что, — Егор Васильевич достал из кармана цветной картонный прямоугольник, — Я узнал у вашей воспитательницы, что вам раз в неделю разрешён звонок родственникам. Здесь мой телефон. Когда определишься с помолвкой — набери.

Яринка послушно взяла визитную карточку и опустила в карман пальто.

— Хорошо.

Егор Васильевич встал, поправил брюки, зачем-то шумно отряхнул ладони, и, коротко кивнув дочери, молча зашагал прочь. Шёл он странно — почти не двигая руками, сутулясь, но при этом высоко держа голову. Мы молча провожали его глазами. Когда высокая фигура скрылась из виду, Яринка повернулась ко мне всем корпусом, и, ткнув пальцем вслед отцу, спросила:

— Нет, ты это видела?

— Видела, — машинально ответила я.

— И хватило же наглости явиться сюда! Ну, ничего — об этом он ещё пожалеет.

С уходом Яринкиного папаши я смогла расслабиться и осмыслить только что произошедший между ними разговор.

— Зачем ты рассказала ему про своего Львовича? И согласилась на помолвку?

Подруга злорадно улыбнулась.

— А ты не поняла, чего это гавно сюда припёрлось? Он надеется, что я отхвачу богатого муженька. Вот я своего старпёра таким и расписала, даже наврала, что он живёт в Черешнино. У бати чуть слюна не закапала.

— Ну, если ты и отхватишь богатого муженька, то что? Он тут каким боком?

— Слышала же, что сказал? "Я снова признаю тебя дочерью" — ха! Рассчитывает на денежного зятя. Не поленился же мою анкету в интернете найти и просмотры считать.

— А ты не думаешь, — я с сомнением покосилась на подругу, — что он... ну того, по правде за тебя переживает? Может, виноватым себя чувствует?

Яринка округлила глаза и прыснула в ладошку.

— Он? Виноватым? Дайка, ты не знакома с моим папашей! Он слова-то такого не знает. Сама же видишь — нарисовался только когда я стала невестой и в моей анкете набралось много просмотров. Почуял, где можно пожить, о моей помолвке забеспокоился. Ну, я ему устрою помолвку...

— Что ты задумала? — встревожилась я.

— Не беспокойся, — Яринка довольно хмыкнула, — Ничего такого, что бы нам с тобой навредило.

Допытываться я не стала, бесполезно, если подруга решила что-то утаить, то утаит в любом случае. Вместо этого похвалила её:

— А ты молодец, хорошо держалась. Когда он сказал про твою маму... что ошибся с выбором жены, даже я чуть не взбесилась.

— Это потому что ты была рядом, — вернула мне комплимент Яринка, — Действуешь на меня как успокоительное, правда.

На крыльце школы замаячила Агафья и подруга поднялась.

— Пойду, скажу, что батя уже свалил, а то сейчас к нам потащится.

Я осталась на скамейке и наблюдала за их разговором издали, слов слышно не было, но судя по миролюбивому лицу Агафьи — она осталась удовлетворена.

— Что ты ей сказала? — спросила я Яринку, когда она вернулась.

— Что всё прошло замечательно, мой папаша вспылал отцовскими чувствами и явился справиться о здоровье единственной дочурки.

Я заставила себя улыбнуться, хоть и было совершенно не весело.

— Тогда понятно чего Агафья такая довольная.

— Ага, — Яринка закатила глаза, — Она надеется, что отцовский присмотр благотворно отразится на моём непростом характере. Пошли-ка отсюда, а то меня скоро стошнит.

Мы побрели было к корпусу, но вовремя вспомнили, что теперь наша временная обитель — больница, и изменили курс. Как оказалось — очень кстати, потому что мой взгляд упал на стадион, и я предложила:

— А давай дойдём до тайника, может уже есть записка от Дэна?

Яринка идею одобрила, и, соблюдая все предосторожности, мы осуществили задуманное. И были вознаграждены, правда, лишь наполовину. Записка в тайнике оказалась, но в нём не было флэшки, что нас несколько беспокоило.

По удачному стечению обстоятельств, в нашей палате рассчитанной на восемь человек, в эти дни кроме нас никого больше не было, и нам не пришлось прятаться на лестнице, чтобы прочесть долгожданное послание. Но мы всё равно на всякий случай подпёрли дверь палаты стулом, прежде чем развернуть сложенный в несколько раз лист.

"Я решил узнать, что именно вы хотели бы прочесть. Напишите темы и вопросы, а я подберу нужные книги. Не забудьте про мою последнюю просьбу."

Идея нам понравилась, и даже не столько тем, что такой подход смог бы удовлетворить наше любопытство именно в тех областях, которые нам наиболее интересны, а новым отношением к этому Дэна. Давая нам право выбора он словно подчеркивал своё серьёзное к этому отношение, очередной раз доказывал, что его слова в силе, и мы — одна команда.

Воодушевлённые этим, мы тут же, не откладывая дело в долгий ящик, решили составить список того, о чём хотим прочитать в первую очередь. Но не успели. Раздался стук в окно, и, повернувшись, мы увидели машущую нам рукой Зину. Она явно была чем-то взбуждена.

— Да что на этот раз? — процедила Яринка, раздосадовано пряча в карман записку Дэна.

Едва дождавшись пока мы откроем окно, Зина скороговоркой выпалила:

— Идите в корпус, в гостиную, Агафья Викторовна собирает всю группу, хочет что-то сказать.

— А чего вдруг? Что-то случи... — договаривать я не стала, потому что Зина уже спешила прочь.

— Дурдом какой-то, — продолжала ворчать Яринка, — То твой Голова чудит, то мой батя, теперь вот Агафья. Поболеть спокойно не дают...

— Ладно, раз зовёт, надо идти, — я пожала плечами, — Давай только сначала записку съедим.

В гостиной уже сидели все девочки во главе с Агафьей, ждали только нас.

— Ярина, Дарья, — очень официальным тоном обратилась к нам воспитательница, — Вы достаточно хорошо себя чувствуете, чтобы присутствовать здесь?

Я подумала, что такой вопрос было бы куда логичнее задать до того, как вытаскивать нас из палаты, но вслух конечно эту мысль не озвучила. Дождавшись, когда мы усядемся среди остальных, Агафья нервно прошлась туда-сюда, и все наблюдали за ней с настороженным ожиданием.

— Девушки, — наконец заговорила воспитательница, повернувшись к своей группе, — Мы с вами здесь — одна семья, и я всей душой желаю вам добра.

Насторожённость перешла в беспокойство, девочки начали испуганно переглядываться. Кроме того, что вряд ли кому-то хотелось быть семьёй Агафьи, сантиментов от неё тоже никто не ожидал. Даже на церемонии посвящения в невесты, обошлось без этого.

— И потому, — продолжала воспитательница, не замечая нашего смятения, — Я взяла на себя смелость опередить школьную программу, и провести с вами беседу по поводу межполовых отношений.

По группе пробежал вздох. Но если большинство девочек втянули в себя воздух от неожиданности и смущения, то я еле сдержала облегчённую улыбку. Велика важность! Это что, она сейчас будет нам рассказывать, откуда берутся дети? Ради вот этого и было столь эпатажное вступление?

— Все мы помним недавнее трагическое событие с двойным самоубийством в нашем приюте, — на миг, замолчав, Агафья траурно склонила голову, — Я общаюсь с Верой Яковлевной, воспитательницей семнадцатой группы, в которой училась погибшая девушка. Она не находит себе места, много времени проводит в церкви, винит в произошедшем себя. И как бы я ни сочувствовала этой женщине, но и оправдать её не могу. Мы — воспитатели, и всё, что случается с вами, именно наша заслуга, или наша вина. Поэтому я решилась на сегодняшний разговор, хотя эту тему вы должны будете проходить лишь в конце учебного года. И если руководство приюта сочтёт нужным наказать меня за эту вольность, я смиренно приму наказание.

Во Агафью пробрало, однако. Может, съела чего? Я покосилась на Яринку и поймала её недоумённый взгляд. Права подруга — дурдом какой-то последние дни.

— Я специально собрала вас здесь, в домашней обстановке, не в школе. Это не урок, а беседа на равных. Вы можете в любой момент задать любой вопрос, и я постараюсь ответить максимально честно. Прошу вас, не стесняйтесь. Тема очень важная и от того, насколько правильно вы всё поймёте, могут зависеть ваши будущие отношения.

Обведя группу внимательным взглядом, и убедившись, что все прониклись серьёзностью предстоящего разговора, Агафья ровно заговорила:

— Как вы знаете, для зачатия ребёнка, мужчина и женщина должны вступить в интимные отношения. Интимные отношения, это...

Я отключилась. Как уже упоминала — манера нашей воспитательницы подавать информацию всегда отличалась редкостной монотонностью. В этот раз дело усугублялось ещё и тем, что она явно зачитывала наизусть абзацы из учебника по планированию семьи, а

я уже успела его частично прочитать, и убедиться, что более скучного предмета найти трудно. И, похоже — не я одна, потому что лица одноклассниц очень быстро приобрели сонное выражение.

К облегчению всех присутствующих вступительная часть про тычинки и пестики оказалась короткой. И, не дождавшись вопросов по теме, Агафья, переведя дух, заговорила своими словами:

— Я не буду углубляться в физиологические подробности, всего этого мы ещё коснёмся на занятиях. Сегодняшняя моя цель — рассказать вам, почему очень важно со всей ответственностью подходить к началу половой жизни. Почему так важно прийти на брачное ложе девственницей? Девственность — это не только залог чистоты девушки, не только доказательство её добродетели, но и здоровье будущих детей. Лишаясь невинности, девушка навсегда запечатлевает в своём теле образ первого партнёра — именно он, а не отец её детей, закладывает генотип будущего потомства. Это было известно нашим предкам задолго до того, как появилась наука генетика, именно поэтому девственность во все времена была обязательным условием для вступления девушки в брак. Поэтому блуд считается тяжелейшим из возможных грехов, ведь выходя замуж не целомудренной, женщина, по сути, идёт на обман, подсовывая мужу чужих детей, продолжая чужой род, но используя при этом его ресурсы.

Я украдкой огляделась по сторонам. Одноклассницы больше не выглядели скучающими, большинство лиц вокруг выражали крайнюю озадаченность и недоумение. Я и сама мало что поняла из сказанного Агафьей, хоть и считала себя вполне осведомлённой в подобных вопросах.

— Телегония, а именно так называется знание о влиянии первого сексуального партнёра на всех будущих детей женщины, долго не была признана официальной наукой. Это было очень не выгодно тем, кто пытался погубить Русь, заставить выродиться наш народ, забыть традиционные ценности...

Агафья отвлеклась от темы, съехала на описание времён безбожья, предшествовавших христианской революции, и я, пользуясь моментом, снова задумалась о своём. Разумеется, о так называемом грехе прелюбодеяния, мы слышали и раньше. Всё наше воспитание, все здешние правила, базировались на строгих запретах, призванных, так или иначе, оградить нас от греха. Оградить, предупредить, и сохранить в чистоте. Физической и моральной. И мы настолько привыкли к этому, что никогда не задумывались — зачем и кому так нужна наша чистота? Сейчас, как я поняла, Агафья как раз и взялась это объяснить. Вот только получалось у неё из рук вон плохо. Я никак не могла уловить смысл сказанного, и от этого испытывала всё большее раздражение.

— Девушка, не сохранившая девственность для законного мужа, становится преступницей не только перед ним и Богом, но и перед всем народом, поскольку не исполнила главного своего предназначения — родить здоровых детей, будущее нашей с вами...

— Агафья Викторовна, — вверх из-за голов взметнулась чья-то рука, похоже, не у меня одной мозги закипели, — А почему дети не будут здоровы, если они родились в браке, от здоровых родителей?

Агафья прервалась на половине предложения, но раздосадованной не выглядела, наоборот, оживилась.

— А потому, дорогие мои, что девушка, лишившись девственности с чужим мужчиной,

допустила в своё тело и чужие гены. А вместе с ними — предрасположенность к болезням, которыми возможно страдал этот мужчина.

— А разве законный муж не может страдать болезнями? — спросила Яринка, и, судя по тому, что она не стала утруждать себя поднятием руки — подруга была раздражена не меньше моего.

На этот раз Агафья глянула недовольно.

— Может. Любой человек может передать своему потомству не только положительные, но и отрицательные черты. Именно поэтому у женщины должен быть только один сексуальный партнёр — её муж. Сборная солянка из генотипов нескольких мужчин в разы увеличивает риск родить нездорового ребёнка. Я уже не говорю о том, каково мужу такой девушки осознавать, что он воспитывает не своих детей, что он лишён продолжения рода!

Я вспомнила Михаила Юрьевича, свою плешивую Голову, и стало смешно. Вот чего он так всполошился, узнав о несчастье с Нюриной сестрой. Вот почему срочно вызвал меня на серьёзную беседу. Если одна воспитанница коррекционного приюта умудрилась забеременеть, выходит, и остальные не защищены. И есть риск получить во владение порченный товар.

— Что тебе кажется весёлым, Дарья?

Сердитый голос Агафьи выдернул меня из размышлений, и оказалось, что я улыбаюсь во весь рот. Хотя здесь точнее будет употребить слово — скалюсь, уж чего-чего, а веселья я не чувствовала. Только злорадство.

— Сударыня, — после некоторых усилий, мне удалось вернуть лицу серьёзное выражение, — А почему, после того, как женщина родит детей, ей нельзя поменять мужа?

Агафья вздёрнула брови.

— Не поняла вопроса.

— Ну, — боковым зрением, я видела, как таращатся на меня одноклассницы, — Вот женщина родила детей, больше рожать не собирается, почему ей нельзя развестись с мужем, и выйти замуж за другого?

Воспитательница издала звук похожий на кудяхтанье, несколько секунд хлопала губами, но ответила почти спокойно, даже торжественно:

— Потому что брак — это святое! Муж — один на всю жизнь.

— Но если брак — это святое, — я проигнорировала Яринкин щипок, — Почему тогда мужчинам можно разводиться, и можно жениться второй раз?

Теперь Агафья сверлила меня откровенно недобрым взглядом.

— Потому что женщина отвечает за благополучие в семье, не сумевшая его сохранить — семьи не заслуживает. И если мужчина недоволен своей женой, он вправе найти себе более достойную.

— Но ведь мужчина уже был женат, как же тогда тиле... тели...

— Телегония, ты хочешь сказать? — голос воспитательницы звучал зловеще спокойно.

— Да! Ведь получается, что от такого мужа не выйдет здоровых детей.

— Телегония не влияет на мужчин, — от доброжелательности Агафьи, с которой она начинала разговор, теперь не осталось и следа. Но я не думала останавливаться, ведь она сама сказала, чтобы мы не стеснялись и задавали любые вопросы. А у меня их накопилось очень много.

— А почему нельзя использовать телегонию наоборот?

Несколько секунд Агафья промедлила с ответом, явно не зная, то ли уже заткнуть меня,

то ли до конца следовать своему намерению донести до питомиц важность поднятой темы. Победило намерение.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, вот смотрите, — заторопилась я, пока не прервали, — Когда мужчина уже в возрасте, то он не может быть совсем здоровым. И если девушка должна выйти за него замуж, как мы за наших женихов, то может лучше было бы сначала... ну... взять этот... генотип молодого и здорового мужчины, а потом уже идти замуж за старого? Ведь тогда наверняка родится здоровый ре...

Тут Яринка отчаянно закашлялась, только вот простуда была здесь совершенно не при чём, потому что, сотрясаясь в приступах кашля, подруга успевала больно поддавать мне локтем в бок. От этого неожиданного нападения я сбилась с мысли, и замолчала. Агафья тоже молчала и пялилась на меня во все глаза, постепенно краснея, как если бы я вдруг превратилась во что-то непристойное.

Яринка прекратила кашлять, воцарилась тишина, девочки переглядывались, а воспитательница всё так же сверлила меня взглядом. И когда я уже почти уверилась в том, что на этот раз перегнула палку, и не избежать мне чего-то куда более болезненного, чем одна оплеуха, Агафья отвела глаза.

— Похоже, я всё-таки поспешила, — произнесла она чуть подрагивающим голосом, — Вряд ли сейчас вы сделаете правильные выводы из услышанного, и осознаете свою ответственность. По крайней мере, не все из вас.

По группе снова пронёсся еле слышный вздох, и на этот раз в нём явно слышалось облегчение. Агафья это тоже поняла, её лицо разочарованно вытянулось.

— Что же, — на этот раз голос воспитательницы был холоден, — В заключение скажу вам просто и ясно — расплата за необдуманные поступки будет суровой, как со стороны закона, так и от самой жизни. Напомню, что девушка, забеременевшая до брака, лишается прав на ребёнка, подвергается стерилизации, и отбывает срок в тюрьме. После чего, как сами понимаете, у неё нет никаких шансов на создание семьи.

Могла бы и не напоминать. Большинство воспитанников приюта оказались здесь именно в результате действия этого закона. А благодаря такой пессимистичной ноте, коей закончилась наша "беседа на равных в домашней обстановке", все разошлись угрюмыми и подавленными.

Я ожидала разноса от Яринки, понимала, что, дразня Агафью, вела себя не очень разумно, особенно после того, как запретила ей ругаться с отцом. Но подруга лишь устало сказала:

— Нам очень повезёт, если Агафья забудет про твою болтовню.

Я что-то виновато буркнула в ответ, и сама постаралась поскорее забыть дурацкий разговор

Забегая вперёд, скажу, что Яринка, хоть и бывала зачастую легкомысленной, зато её редко подводило природное чутьё на опасность. Не подвело и в тот раз — Агафья ничего не забыла.

Нет худа без добра. По возвращении в палату, ни у меня, ни у Яринки больше не возникло вопросов о том, книги на какую тему просить у Дэна. Мы твёрдо решили раз и навсегда выяснить для себя, что же собственно представляют из себя загадочные интимные отношения между мужчинами и женщинами, и почему вокруг них столько недосказанности

и запретов. На школьное образование надежды больше не было — если уроки планирования семьи будут проходить так же, как сегодняшнее выступление Агафьи, мы рискуем так ничего и не понять.

На написание записки много времени не ушло. После того, как мы задали все интересующие нас вопросы, я вспомнила о просьбе Дэна рассказать про наших женишков. Это странное пожелание по-прежнему ничего кроме недоумения у нас не вызывало, но мы сдержали слово и по возможности подробно описали и моего Голову и Яринкиного Львовича. Без упоминания имён естественно, хотя попади наша записка в посторонние руки, при должном внимании не составило бы труда понять, о ком идёт речь.

К сожалению, передать послание в тот же день, не получилось. Лечащий нас врач решил, что на сегодня мы достаточно времени провели вне палаты, и на остаток дня прописал постельный режим. Мы действительно чувствовали себя хуже, чем с утра, Явление Яринкиного папаши и Агафья со своими откровениями, вымотали наши и без того ослабленные болезнью организмы, и уже к ужину больше всего на свете нам хотелось спать.

Зато со следующего дня, дела стремительно пошли на поправку. И пусть в больнице нас продержали до конца недели, но лишь для перестраховки, чтобы мы не заразили кого-нибудь ещё. Чувствовали же мы себя прекрасно, и теперь, когда болезнь отпустила, сумели по достоинству оценить преимущества палаты перед дортуаром. Чтобы обсудить что-то не предназначенное для посторонних ушей, больше не нужно было выходить на лестницу или на улицу, по ночам мы могли сколько угодно сидеть на подоконнике, болтая обо всём на свете и не боясь разбудить соседок, а по утрам долго нежиться в постелях, не ожидая рассерженных Агафьиных окриков. Поэтому когда радостная сестра Марья объявила, что с понедельника мы считаемся здоровыми, и можем отправляться в корпус — мы не обрадовались.

Кроме возвращения к привычному образу жизни, нас ждали дополнительные занятия на продлёнке, во время которых мы навёрстывали упущенное во время болезни. После продлёнки тоже нужно было спешить, мне — на спевки в церкви, Яринке — к Варваре Петровне, где она вдохновенно мастерила какой-то новый наряд. И за недостатком свободного времени, мы даже не очень огорчались, что Дэн задерживается с ответом. Задерживается — значит, так надо.

К середине недели моя подруга опять отчудила. Вернулась после очередного онлайн-свидания со своим женихом довольная и умиротворённая, как кошка, объевшаяся сметаны, разве что не облизывалась. Упала на кровать, закинув руки за голову и сыто жмурясь. Задавать ей вопросы в присутствии Зины и Настуси, я не стала, и сделала вид, что не замечаю её загадочного вида. Как и следовало ожидать, долго она сама не выдержала, и, покосившись на наших соседок, небрежно обронила:

— Даш, пойдём в библиотеку? Как раз успеем до ужина.

Я обречённо кивнула, уже догадываясь, что хороших новостей ждать не стоит.

Едва мы вышли на лестницу, как Яринка радостно затанцевала на месте, беззвучно хлопая в ладоши.

— Ну? — поторопила я.

— Я свободна! — объявила она, и торжественно замолчала, сложив руки на груди.

— От чего ты свободна? — такое поведение начало меня раздражать, и я пошла вниз по лестнице, давая подруге понять, что не намерена играть с ней в угадайки.

— Да от Львовича же, — она поспешила за мной, — Прикинь, он сказал, что мы больше

не будем общаться.

Я резко остановилась и Яринка налетела на меня.

— Не можете? В смысле — он отказался от тебя? Почему?

— Так спасибо папочке, — захихикала она, — Он же мне посоветовал попроситься на помолвку.

Я взяла подругу за руку и оттащила к подоконнику.

— Рассказывай.

— Ну, я ему сегодня сказала, что мы уже давно общаемся, и хотелось бы увидеться вживую. Тут он даже обрадовался, ответил, что сам думал об этом и может приехать в приют на днях. А я предложила в выходные, мол, тогда и обвенчаться можно будет сразу, чего два раза ездить? Агафья чуть со стула не упала.

Я невольно прыснула, представив лицо нашей воспитательницы, вынужденной раз за разом выслушивать, как её питомицы позорят приют, демонстрируя отвратительные манеры.

— А жених чего?

— Он давай глазами моргать. Смешно так, как сова — луп, луп. А потом спросил, будто ушам своим не верит — ты хочешь помолвку? Тут ещё Агафья начала мне руками махать и страшные рожи корчить, но я сделала вид, что не замечаю, и рассказала Львовичу про наказ отца. А у него вдруг аж лицо перекосило. Спрашивает, какой такой отец, у тебя в анкете указано, что сирота! Я ему давай объяснять про то, как батя от меня отказался, а теперь кажется, передумал, но женишок и слушать не стал. Сделал морду кирпичом и говорит: "Я не люблю, когда меня вводят в заблуждение и преподносят такие сюрпризы. Если обман начался с первых дней знакомства, то чего ждать дальше? Не вижу смысла в дальнейшем общении". И отключился.

— Ого, — я помотала головой, — Чего так? Я думала, он серьёзно на тебя нацелился.

Яринка недобро усмехнулась.

— Он нацелился. На сироту. Помнишь, что Дэн говорил? Поиграет и выбросит, ни детей, ни наследства, и вступиться некому. А тут у меня вдруг отец нарисовался, уже всё гладко не пройдёт. Спорим, сейчас найдёт другую дурочку?

— А тебя кто за язык тянул с этой помолвкой?

— Ну как это? — Яринка сделала невинные глаза, — Мне батя велел это сделать, разве я могу ослушаться родного отца?

С трудом подавив желание как следует потрясти подругу, я прошептала:

— Это ты Агафье заливай! Думаешь, отцу так нагадила, да?

Яринка радостно закивала.

— Конечно, нагадила. Он губёшки раскатал на богатого зятя, и думал, что знает, как надо действовать. Ну, я сделала, как он сказал, и вот что вышло. Пусть теперь почувствует себя полным идиотом, и больше ко мне не лезет.

Я вскарабкалась на подоконник и прислонилась спиной к стеклу, задумчиво глядя на подругу. Видя, что я не тороплюсь разделять её восторг, Яринка надулась:

— Да ну, на фиг мне этот Львович? Другого найду, если уж так надо. А может уже и не надо? Дэн говорил, что такое общение пойдёт нам на пользу, но я что-то никакой пользы не увидела. Одни проблемы.

Честно говоря, я начинала думать так же. С помощью Головы мне не удалось узнать ничего нового о мире за пределами приюта, как предполагал Дэн. Единственное, что мы до сих пор обсуждали — это его дурацкая дача и способы её улучшения с помощью моего опыта

деревенской жизни. Забавно, но всё это время он получал от меня новую информацию, а не наоборот.

Яринка вдруг затуманилась.

— Вот только сейчас мне нужно выпросить у Агафьи один звонок отцу, чтобы рассказать, как меня жених с помолвкой послал, а она теперь наверно не разрешит.

— Почему?

— Ну, она психанула. Налетела на меня, идиоткой обозвала, лекцию прочитала про то, как девушка должна быть скромной и не навязываться мужчине. Спасло только то, что я дуру включила, типа отец велел мне так сделать.

— Теперь наверно надо Дэну рассказать, что ты у нас опять одна.

— Зачем? — Яринка вновь приняла беззаботный вид, — Вот увидишь, я скоро другого старичка найду. У меня на странице каждый день новые просмотры. И до папаши дозвонюсь, вот только пережду пару дней, чтобы Агафья успокоилась.

— А если отец разочаруется, и опять про тебя забудет?

— Зато я про него теперь не забуду. Он мне свою визитку дал, а там не только номер телефона, но и место работы.

И Яринка зловеще улыбнулась.

Глава 16.

Процедурная.

Последующие после мартовских событий недели потекли для нас относительно спокойно. Даже Яринкин телефонный разговор с отцом, который она выпросила у Агафьи, прошёл на удивление мирно, что немало разочаровало мою подругу. Вопреки её ожиданиям отец не расстроился сорвавшемуся с крючка богатому зятю и не стал орать не непутёвую дочь, а здраво рассудил, что впереди у неё ещё много времени, и она вполне сможет заполучить кого-нибудь не хуже, а то и получше. Похоже, Яринкин папаша был тот ещё пройдоха, и, при встрече, по достоинству оценив внешние данные повзрослевшей дочери, за её успех на брачном рынке, не переживал.

Яринка тоже не стала теряться, и уже через неделю после своего последнего разговора с Львовичем, шла на онлайн-свидание со следующим кандидатом в женихи. Правда, вернулась она оттуда плюясь, и от дальнейшего общения наотрез отказалась, чем вызвала немалое возмущение, как Агафьи, так и одиноких одноклассниц, мечтающих хоть о чьём-нибудь внимании. Всеобщее неодобрение подругу не смутило, скорее наоборот — раззадорило, и она так же отшила следующего желающего юной невесты. А потом — ещё одного.

Я наблюдала за тем, как резвится подруга совершенно спокойно — по сравнению с её планами отмищения отцу, которые я была вынуждена выслушивать чуть ли не каждый день, это были цветочки. Тем временем мой "роман" с Головой тянулся без изменений, так же скучно и однообразно, как рисовал мне женишок нашу будущую совместную жизнь. Михаил Юрьевич не желал ни навестить меня в приюте, чтобы увидаться вживую, ни тем более заключить помолвку. Он хотел только по пятнадцать минут в неделю разговаривать о грядках и овощах. Как же я жалела тех девушек, других наших приютских невест, которым на самом деле предстоял брак с такими вот скучными, уставшими от жизни дядечками! И не переставала благодарить судьбу за Дэна, сулившего мне избавление от подобной участи.

Дэн ответил нам только в конце месяца. В записке он говорил, что достать книги на

интересующую нас тему сможет только после того как вернётся. Откуда именно, Дэн не писал, но мы и так прекрасно поняли, что имеются в виду очередные учения, во время которых он сможет встретиться с *другими*. А сейчас, чтобы скрасить нам месяц ожидания, он посылает несколько книг, написанных до христианской революции, из которых мы можем лучше узнать, как жили люди в то время.

Книг оказалось пять, и все они были, как выразилась Яринка, мыльными операми. Рассказывалось в них о девушках, которые неизменно влюблялись в красавцев-мужчин и на протяжении всего повествования, то сходились с ними, то наоборот расходились. Не смотря на то, что сюжеты были крайне предсказуемыми, читалось интересно. Нас абсолютно пленила та лёгкость и вседозволенность, с которой эти жившие когда-то девушки, не знающие запретов и ограничений, распоряжались своей жизнью. К чему ещё можно было стремиться?

Также Дэн счёл нужным напомнить нам об осторожности, велел не искать с ним встреч, и вообще не устраивать никакой самостоятельности. Но это оказалось уже лишним — разговор в ночной церкви и выставленные им условия, были и без того очень свежи в нашей памяти. Поэтому, когда начался апрель и в ворота приюта заехал тёмно-зелёный автобус, чтобы снова на месяц увезти старшегруппников, я даже не подошла к окну, и попрощалась с Дэном лишь мысленно.

Быть терпеливыми нам очень помогала вступающая в свои права весна. Каждое утро, глядя в окно, мы подмечали появление новых проталин, а по ночам слушали звон капли. Отступающая зима ещё огрызалась снегопадами и заморозками, но от этого было только радостнее встречать каждый по-весеннему ясный денёк. Гуляя, мы смотрели на лес за забором, на его освободившиеся от снежных шапок кроны, мы вдыхали запах просыпающейся под талым снегом земли, и всей душой торопили наступление лета. Лета, а с ним — пусть временной, но свободы.

Ещё, по вечерам, перед сном, я любила высунуться в окно, и смотреть на плывущую в высоте колокольную церкви — свою покорённую вершину. Это наполняло меня гордостью и давало надежду на то, что впереди будут и другие вершины, на которые я поднимусь.

А потом нагрянула Пасха. Но отдыха мне это не принесло. Нюра, после смерти сестры так и не вернулась в хор, и теперь я заняла её место, став полноценной певчей. Поэтому и после школы у меня не было времени заскучать. Яринка тоже не бездельничала. Варвара Петровна попросила её, как одну из лучших рукодельниц, помочь ей на продлёнках с обучением младших девочек, и теперь подруга целые вечера проводила в пошивочной.

Мой день рождения очень удачно пришёлся на весенние каникулы и пасхальные праздники, что позволило ему более-менее походить на торжество. Яринка подарила мне собственноручно сшитое нарядное платье. Лёгкое и очень яркое, с порхающими по жёлтому фону разноцветными бабочками. И хоть обычно я была равнодушна к одежде, но в это платье просто влюбилась. Было в нём что-то от душистых таёжных полей, от цветочных речных берегов. Одногоруппницы принесли в дортуар десерты с обеда, и мы устроили праздничное чаепитие. В церкви про мой день рождения тоже не забыли, Марфа Никитовна привезла мне в подарок из города толстую нотную тетрадь и набор разноцветных ручек. А также небольшой торт, который мы съели нашим маленьким коллективом, после чего все хором исполнили "Каравай" в мою честь.

Да, день получился замечательным, но сама по себе двенадцатая дата моего рождения не вызвала у меня никаких особых чувств, и мало чем отличалась от одиннадцатой или

десятой. И девушкой я себя не почувствовала, не смотря на пафосное поздравление Агафьи по поводу оставшегося позади детства, и вступления в юность.

С Агафьей мы больше не препирались, неудобных вопросов не задавали, и она теперь обращала на нас внимание, не больше чем на других воспитанниц.

Зато начала чудить Настуся. Время от времени, по вечерам, когда мы все собирались в дортуаре, она заводила проникновенные монологи, смысл которых сводился к тому, как правильно и справедливо устроен мир божий, и что любая попытка пойти против его законов, будет неизбежно наказана.

— Вы только подумайте, сколько лет назад написана Библия, — ни с того, ни с сего начинала вдруг бубнить соседка, — Как изменился мир с тех пор, а люди всё живут и живут согласно её заповедям...

Я, Яринка, и даже Зина, переглядывались и закатывали глаза, но Настуся не унималась:

— Ведь как только люди ни пытались изменить всё, и у них даже иногда это получалось. Но всё равно потом всё становилось как прежде, и снова народ возвращался к богу...

Мы пробовали ругаться, не обращать на Настусю внимания, громко разговаривать друг с другом, или просто молча разбежаться, но это не помогало.

— И ведь те, кто недоволен, кто не хочет жить по христианским законам, так или иначе, несут наказание. Поэтому нужно иметь страх божий и, даже если соблазн велик, не поддаваться ему. Даже, когда, кажется, что так будет лучше, всегда надо сначала мысленно спросить себя — а стоит ли оно того, чтобы погубить свою душу?

Сначала нас это забавляло и служило поводом для шуточек. Мы называли Настусю матушкой Афанасией и спрашивали, как давно она надумала податься в монастырь. Настуся выслушивала наши подколки с отсутствующим видом, и, дождавшись, когда мы иссякнем, заводила пластинку сначала. Скоро нам стало не до смеха, особенно, когда она взялась вслух зачитывать отрывки из Библии, как будто мало нам этого было на уроках божьего слова. Мы скрипели зубами, отворачивались, уходили, но спасало это лишь до следующего Настусино, как назвала это Яринка, припадка.

Когда весенние каникулы закончились и на нас снова навалились уроки и домашние задания, слушать неумелые проповеди Настуси стало совершенно невозможно. Голова гудела и без того. Как назло она повадилась заводить свою нудную пластинку именно тогда, когда мы с Яринкой выкраивали время для чтения. Стоило пристроиться с планшетами в тишине дортуара, как она, глядя в пространство, и вроде, ни к кому не обращаясь, начинала бубнить.

— Бог прощает всё. Даже если мы согрешили, достаточно обратиться к Богу, покаяться, и грех будет забыт. Господь милостив, он не держит зла, не надо бояться признаться ему и себе в совершённом проступке. Тем более, когда впереди достаточно времени, чтобы суметь искупить любое грехопадение...

И ближе к концу апреля, когда мы уже предвкушали возвращение Дэна, и торопились дочитать переданные им книги, а Настуся этому очень мешала, терпение Яринки лопнуло окончательно.

С шумом втянув в себя воздух, она вскочила с кровати, уставилась на Настусю бешеными глазами, и возопила:

— Да заткнётся ты или нет?! Уши вянут! Иди в коридор! В туалет! На улицу! И там гуди сколько влезет! Достала!

Настуся глянула на неё обиженно и кротно.

— Разве вам не интересно послушать? Ведь мы все из-за чего-то расстраиваемся, на что-то злимся. А такие мысли учат смирению.

Яринка ударила кулаком по подушке.

— Я вот сейчас точно совсем огорчусь и разозлюсь! И тогда Библия тебе не поможет! В прошлый раз мало получила?

Настуся дёрнулась как от пощёчины, потом бросила взгляд на сидящую за столом Зину, ища поддержки, но та уткнулась в тетради. Глаза Настуси прищурились, на щеках вспыхнули яркие пятна румянца, от кроткого вида не осталось и следа. Но ответила она спокойно:

— За тот раз я тебя простила. Бог велел прощать тех, кто наносит нам обиды.

Если и был способ разозлить Яринку ещё сильнее, то Настуся выбрала его безошибочно. Моя подруга фыркнула так, что чёлка надо лбом взлетела и опала, а потом ткнула пальцем в Настусю.

— Простила? Меня? А что тебе оставалось? Ты же сама тогда повела себя не лучше. Что там в Библии говорится про уважение родителей? А про осуждение других? А слово шлюха, ты тоже в Библии вычитала?

Настуся снова стрельнула глазами в сторону Зины. Та уже перестала делать вид, что выполняет домашнее задание, и наблюдала за происходящим, но на ищущий взгляд подруги не отреагировала, и Настусе пришлось отвечать самой:

— Да, я согрешила. Но после сходила к батюшке Афанасию и исповедалась. А вот ты ходила?

— Чего-о? — Яринка заморгала, — Ты ходила к батюшке и рассказала ему про то, как мы тут... как...

Я почувствовала, как горят щёки. Наша драка вчетвером явно не входила в число поступков, которыми можно гордиться, и до сих пор я искренне надеялась, что это осталась между нами.

— Тайна исповеди нерушима, — назидательно ответила Настуся в ответ на наши безумные взгляды, — Чтобы снять с души грех, необходимо покаяться. Странно, что вы этого не сделали.

Яринка издала глубокий стон и уткнулась носом в колени. Я по-прежнему не знала, что сказать. Батюшка Афанасий был одним из немногих взрослых здесь, к кому я испытывала если не привязанность, то симпатию и глубокое уважение. Добрый, деликатный, с беззащитным взглядом карих глаз, верующий без малейшей фальши, и поэтому не вызывающий этим раздражения. Его мнением я дорожила. И мне была очень неприятна мысль о том, что теперь, благодаря Настусе, он посвящён в подробности нашей безобразной потасовки.

— Ты просто дура, — сказала я, — Кой чёрт тянул тебя за язык?

Настуся растерянно заморгала. Похоже, она ожидала нападок со стороны Яринки, но не от меня. И её голос теперь чуть дрожал:

— Я не дура. Я просто сделала то, что и нужно было сделать. Я поступила плохо, но раскаялась в этом, и пошла в церковь, чтобы снять с души грех.

— Ну и снимала бы молча! — снова взорвалась Яринка, а молчавшая до этого Зина вдруг виноватым голосом сказала:

— Насть, девочки правы. Не надо было батюшке об этом говорить. Ты же знаешь, как он за всех переживает. И эти твои... проповеди тоже уже поперёк горла. Зачем ты это делаешь?

Теперь Настуся бросала загнанные взгляды поочерёдно на нас троих, и мне вдруг стало очень неловко. Чем бы она ни руководствовалась, заводя свои дурацкие душеспасительные речи — это явно делалось из благородных побуждений. И я уже открыла рот, чтобы как-то смягчить всё прозвучавшее здесь ранее, постараться обратить в шутку, но Яринка опередила меня.

— Тебя уже сто раз просили просто замолчать, и не лить нам в уши этот бред. Как будто в школе и в церкви мало!

Настуся прижала к груди растопыренную ладонь и тонко воскликнула:

— Так я же для вас стараюсь!

— А для нас зачем? — удивилась Зина, но Настуся махнула на неё рукой.

— Да с тобой-то всё нормально. Для Даши и Ярины.

— Ого! — Яринка явно была заинтригована, — А с нами что не так? Недостаточно хорошие? Грешные? Недостойные?

— Испорченные, — тихо и серьёзно ответила Настуся.

Теперь уже мне стало обидно. Нет, разумеется, ни я, ни моя подруга, далеко не примеры для подражания, нас нельзя назвать набожными или (любимое слово Агафьи) добродетельными, но чтобы испорченными?

Похоже, на наших лицах очень живописно отразились все возникшие вопросы, и Настуся торопливо начала загибать пальцы.

— Вы не достаточно верите, даже ты, Даша, а ведь ты поёшь в хоре! Вы постоянно посмеиваетесь над уроками божьего слова, над тем, что написано в Библии. Вы не уважаете мужчин, я же слышала, как вы своих женихов называли! А эти вопросы, которые вы задаёте Агафье Викторовне? Все молчат, а вам вот надо. И девушку, которая покончила с собой, вы оправдывали, а ведь она совершила самые страшные грехи, которые только было можно!

Настуся говорила что-то ещё, но я не слушала, потому что отвлеклась на Яринку. А та вела себя угрожающе. Сжала, закусил губу, и, напрягшись всем телом, подалась вперёд. Точь в точь как в тот незабываемый вечер нашей коллективной драки, перед тем как броситься в бой. И чтобы предотвратить непоправимое, я громко, перебивая Настусю, позвала:

— Ярина!

Бесполезно. Она, лишь на миг, скосив на меня глаза, снова повернулась к Настусе, и всё-таки атаковала. И хоть атаковала на этот раз только словами, но, как оказалось позже, это имело последствия, куда более серьёзные, чем от нашей прошлой стычки.

— Ух ты, какая святоша отыскалась! Ты кого обмануть хочешь? Мы все здесь знаем, отчего ты на самом деле так бесишься. Завидуешь нам, потому что у нас есть женихи, а у тебя нет, и вряд ли когда-нибудь будут. Думаешь, овечкой прослыть, чтобы это у тебя в анкете записали? На большее мозгов не хватает?

Настуся вскочила на ноги. Её глаза сверкали, губы округлились, и на них явно дрожало готовое сорваться ругательство. Пару секунд я обречённо ждала, что сейчас они с Яринкой всё же сцепятся не на жизнь, а на смерть. Но Настуся вдруг расправила плечи и посмотрела куда-то в пустоту, между нами. Потом спокойно сказала ни к кому не обращаясь.

— Видит бог, я сделала всё, что могла.

И развернувшись на пятках, покинула дортуар, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Несколько секунд мы молчали. Яринка сопела от сдерживаемой ярости, Зина шевелила губами, не глядя на нас. Я же чувствовала одновременно и облегчение оттого, что, похоже,

надоедливые Настусины проповеди остались в прошлом, и вину перед ней, за то, что пришлось добиться этого таким грубым образом.

— Ничего, — буркнула Яринка, которой, кажется, тоже стало неловко, — Перебесится и придёт. Зато заткнётся теперь.

Тут она оказалась права — Настуся заткнулась, никаких душеспасительных речей мы от неё больше не слышали. Позже она вернулась в дортуар, как ни в чём не бывало, о чём-то похихикала с Зиной, потом, как и в другие вечера, пожелала всем спокойной ночи и забралась в постель. Досадный инцидент с руганью скоро забылся, и, как казалось на первый взгляд, никак не отразился на наших отношениях. Единственную перемену, которую я смогла заметить в Настусе — теперь при разговоре со мной или с Яринкой она избегала смотреть нам в глаза. Быстро глянет — и тут же отводит взгляд. Сначала я принимала это за остаточную обиду, а потом привыкла и перестала обращать внимание. Тем более, что апрель подошёл к концу и первого мая с учений вернулся Дэн.

На этот раз я не смогла побороть искушение, и вышла на улицу, когда только что приехавшие парни, шли от автобуса к своему корпусу. Выглядели они, как и в прошлый раз оживлённо и весело. Присев на скамейку у подъезда, я высматривала среди них Дэна, когда один из ребят, с выгоревшими на солнце почти до полной белизны волосами, проходя мимо, вдруг чмокнул губами и крикнул:

— Малышка, поцелуй солдата!

Я вспыхнула, а его друзья захохотали. Как назло, со мной рядом не оказалось Яринки, которая опять пропадала в пошивочной, а уж у неё, я уверена, нашёлся бы достойный ответ для белобрысого. Я же смогла только отвернуться, делая вид, что ничего не слышу.

А потом увидела Дэна. Он отделился от группы товарищей, и шёл прямо ко мне, широко улыбаясь.

Раскрыв от удивления рот, я наблюдала за его приближением, и не верила своим глазам. Даже оглянулась назад, подумав, что может, на самом деле, он просто увидел кого-то знакомого за моей спиной. Но нет — Дэн остановился в двух шагах от меня и сказал:

— Привет, малявка. Что, мальчишки начали подкатывать?

Я неожиданно вспомнила выражение, популярное у Маслятовских детей, и ляпнула:

— Ты с дубу рухнул? — и шепотом добавила, — Нас же все видят...

Дэн улыбался. Выглядел он окрепшим, загоревшим, и даже более взрослым. А ещё я не могла не заметить, как идёт ему обычная повседневная одежда, вместо дурацкой школьной формы.

— Достал я вам одну книжку, — сообщил Дэн, — Завтра считаешь. Про мальчиков в том числе.

Он подмигнул мне и поспешил за остальными.

— Завтра? — жадно переспросила Яринка, — Значит, он завтра нам напишет?

— Ну-у, наверно...

— А чего там ну? — подруга пританцовывала от нетерпения, — "Завтра считаешь". После уроков тайник и проверим.

— Тайник-то проверим, — отмахнулась я, — А тебе не кажется странным, что он подошёл ко мне при всех?

Яринка фыркнула:

— Ой, брось. Ну, подошёл и подошёл. Вы там что, два часа разговаривали?

Разумеется, наша встреча не заняла и десяти секунд, а для остальных, скорее всего вообще прошла незамеченной, но меня не оставляло чувство тревоги. Такая неосторожность была Дэнэу совсем не свойственна.

— Он сказал, что книга только одна? — Яринка моих опасений не разделяла.

— Он сказал — одну книжку, — я начала раздражаться, — А тебе сколько надо?

— Вообще-то чем больше, тем лучше, — не смутилась подруга, — Но и одна тоже хорошо.

Честно говоря, не только она с нетерпением ждала завтрашнего дня. Мне тоже было очень интересно, правильно ли Дэн понял наш заказ, и насколько точно выполнил его. Я боялась, что когда мы писали ему о теме, на которую хотели бы видеть следующие книги, то недостаточно верно выразились. Может, стоило быть посмелее, и вместо "отношения между мужчиной и женщиной", просто написать "секс"? Собственно, сам физиологический процесс нас не интересовал, это всё мы давно знали, да и в любовных романах, переданных нам Дэнэом перед его отъездом, хватало постельных сцен. Куда больше занимало другое — правда ли то, что нам рассказывала Агафья? И если нет, то почему так важно, чтобы мы думали, будто правда? Что вообще в этом сексе такого, из-за чего потребовалось возводить вокруг него столько запретов и недосказанности?

Поэтому если Дэн сейчас передаст нам что-то вроде иллюстрированной брошюры "Откуда берутся дети", которую я прочитала ещё в Маслятах, толку будет мало.

Но Дэн всё понял правильно.

На следующий день, проверив тайник, мы обнаружили там флэшку с одной единственной книгой. И это была не какая-нибудь глупая энциклопедия для подростков, а вполне себе серьёзная вещь "Сексология для всех". В предисловии обещалось в доступной форме просветить читателя на тему мужской и женской сексуальности, её истоков и развития. Более чем откровенные иллюстрации тоже обещали много интересного. К собственному удивлению я почувствовала, что краснею, и поспешила свернуть файл, косясь на Яринку. Подруга же, как и следовало ожидать, выглядела отнюдь не смущённой, скорее деловитой.

— Ну, хоть что-то может понятно станет. Слушай, с этой книгой нужно быть осторожнее, чем с другими. Может, будем читать по очереди? Если хочешь, читай первая.

Я удивилась. Обычно Яринка не страдает излишней предосторожностью, а уж в нетерпеливости ей вообще нет равных. Хотя решение разумное, в конце концов, один экземпляр запретной литературы на территории приюта, это вдвое безопаснее, чем два экземпляра.

Как выяснилось позже, в этом случае у Яринки снова безошибочно сработала интуиция, что в будущем уберёгло её от весьма неприятных последствий.

Хотя и без того скоро всё стало хуже некуда.

Снег сошёл окончательно ещё в конце апреля, и хоть я всё чаще с предвкушением облизывалась в сторону леса, отправиться туда без разрешения Дэна не думала. И помнила наш осенний разговор о том, что нельзя пытаться делать этого пока на деревьях не появится листва. Сейчас, глядя на прозрачную рощицу, сквозь которую забор был виден, как на ладони, я понимала, что старший друг как всегда оказался прав.

Но я не могла отказать себе в удовольствии просто приходить к границе приюта, сидеть возле прудика, и вдыхать запах близкой свободы, торопя набухающие на ветвях почки.

Иногда Яринка составляла мне компанию, но чаще я приходила сюда одна, в послеобеденный промежуток между школой и занятиями в хоре.

Пришла и сегодня, забежав в дортуар только, чтобы бросить там школьную сумку. Хотелось побыть наедине с собой, прежде чем отправляться на спевку в церковь. Но и там сегодня задерживаться сверх положенного я тоже не собиралась — хотелось начать читать книгу, полученную вчера от Дэна. Конечно, я уже успела бегло её пролистать, но от этого любопытство и нетерпение только усилилось.

Денёк выдался солнечным, по-настоящему весенним, и в воздухе радостно носились ожившие после долгой зимы насекомые. Я сладко жмурилась, подставляя лицо солнышку и смакуя запахи молодой травы, в общем, переживала те редко дающиеся нам минуты полной гармонии с собой и миром.

А потом на меня упала тень.

Испуганно распахнув глаза, я на миг испытала облегчение, увидев перед собой не Белесого, мысль о котором, почему-то первой пришла в голову, а всего лишь Агафью. Но потом разглядела её побелевшие губы, дрожащий от ярости подбородок, гротескно выпученные глаза, и сердце сбилось с ритма, ухнуло в пустоту.

Я как-то сразу всё поняла. До того, как воспитательница поднесла к моему лицу мой же планшет, на дисплее которого светилась яркая книжная обложка. "Сексология для всех".

— Что это? — свистящим шёпотом спросила Агафья, почти тыча гаджетом мне в нос, — Что. Это. Такое.

Я молчала. И потому что горло перехватило от осознания непоправимости случившегося, и потому что отвечать по существу тут было нечего. Агафья сама прекрасно видела и знала что это такое.

В тяжелом, вязком молчании прошли, кажется, геологические эпохи. Воспитательница со свистом дышала, продолжая сжимать планшет в трясущейся руке, я закаменела, вцепившись руками в край скамейки, как в спасательный круг. И даже удивительно, что всё осталось прежним, так же светило солнце, так же жужжали в воздухе невидимые насекомые. Сейчас я бы с радостью поменялась местами с любым из них, даже с тем, кто живёт на свете всего один день.

— Идём, — наконец обронила Агафья единственное слово, и, резко развернувшись, зашагала по дорожке. Она не оглядывалась, ни на секунду не сомневаясь, что я последую за ней. И я последовала, терять всё равно было уже нечего.

Мы прошли мимо прудика, мимо стадиона. Агафья, высокая и негибкая, как сухая палка, и я — втянувшая голову в плечи, не смеющая поднять глаза. Сначала я была уверена, что мы направляемся в школу, в кабинет Петра Николаевича, насколько я знала — все чрезвычайные происшествия должны были сразу доводиться до сведения директора. Но Агафья не свернула к школьному крыльцу, а, не замедляя шаг, прошла дальше, к нашему корпусу. Я слегка приободрилась, может быть, мой случай всё же не попадает под категорию серьёзных? Но нам навстречу попала девочка с нашего этажа, и Агафья обратилась к ней с просьбой:

— Будь добра, дойди до сестры Марьи и скажи, что я жду её в процедурной.

Тогда я поняла, что мне предстоит, и сердце, до сих пор где-то затаившееся и замершее, вернулось на место, и затрепыхалось в груди, как в клетке.

Процедурной называли комнату, отведённую для телесных наказаний. Маленькую, всегда закрытую комнату, на первом этаже корпуса. Мне там до сих пор бывать не

доводилось, но по рассказам Яринки я знала, что комната эта так же неприятна, как и то, что ожидает туда попавших.

На миг я готова была броситься к Агафье, вцепиться в её подол, подвывая, размазывая по лицу слёзы, умолять о пощаде... И остановила меня никакая не гордость или упрямство, а ясное понимание того, что это бесполезно.

Девочка, к которой обратилась Агафья, раскрыв рот, смотрела на меня. Вроде с искренним сочувствием. Она сразу поняла, что означает просьба воспитательницы — телесное наказание может происходить только в процедурной и обязательно в присутствии медработника. Да и мой пришибленный вид лучше любых слов говорил о том, что меня ожидает.

Агафья нетерпеливо глянула на нее, и девочка заторопилась исполнить её указание, бросив на меня последний жалостливый взгляд. Понятно, не так часто кто-то из воспитанников, а тем более из воспитанниц, нарывается на порку. Это надо постараться.

По пути в корпус мы встретили ещё несколько воспитанниц, к счастью почти незнакомых — мне и без того было невыносимо стыдно. Конечно, новость о наказании наверняка разлетится по этажам раньше, чем я вернусь в дортуар, но, по крайней мере, тогда всё уже будет позади.

Процедурная оправдала мои худшие ожидания. Окон там не было, и когда Агафья щёлкнула выключателем, тусклый свет лампочки, одиноко висящей под потолком без абажура, осветил голые стены и цементный пол. Из мебели, если конечно эту вещь можно было назвать мебелью, присутствовала лишь длинная скамья с висящими на ней ремнями. И её предназначение было мне хорошо известно из рассказов Яринки, вынужденной в своё время не единожды посетить это место.

— Раздевайся, — сухо бросила Агафья. На меня она не смотрела и продолжала держаться за ручку двери, словно готовясь в любой момент выскочить вон.

— Совсем раздеваться? — спросила я, чтобы хоть немного оттянуть неизбежное.

Агафья дёрнула щекой.

— Платье можешь оставить, но ниже пояса снимай всё.

Процедурная явно не отапливалась, открывалась редко, здесь до сих пор царила зимняя зябкость. И когда я без колготок и без трусиков, встала босыми ногами на цементный пол, меня тряхнуло такой дрожью, что лязгнули зубы.

Дверь бесшумно приоткрылась, через порог шагнула сестра Марья с длинным и плоским футляром в руке. Испуганно глянула на меня, затем вопросительно — на Агафью.

— Вот, — та явно была не настроена на долгие объяснения, и показала сестре Марье мой планшет, — Это я сегодня обнаружила у одной из воспитанниц. Страшно представить, чего ожидать дальше.

Сестра Марья пригляделась, тихо охнула, прижала ладонь ко рту.

— Именно, — кивнула Агафья, — Вы принесли всё необходимое? Тогда приступим.

Резко лязгнул дверной засов, отрезая меня от внешнего мира. Я всё ждала, когда придёт настоящий страх, с обмиранием и слабостью, но ощущала только отстранённое недоумение. Не считая пощёчины, недавно полученной от Агафьи, никогда ещё взрослый человек не поднимал на меня руку. У родителей это было не принято, да и за мной обычно не водилось настолько тяжёлых проступков. В прошлом году Белесый хватал меня и удерживал силой, но не бил. Наверно поэтому сейчас мне было трудно до конца осознать предстоящее, и страх не появлялся.

Агафья повернулась ко мне, беспристрастно сообщила:

— Сейчас я накажу тебя за эту гадость в твоём планшете. А уже после мы подробно разберёмся в том, откуда она там взялась. И только от тебя зависит, будет ли это наказание последним. Ложись на скамью животом.

Я подчинилась. Не потому, что боялась послушаться, просто босые ноги совсем заledenели на голом цементном полу. Легла, положила голову на скрещенные под подбородком руки, как будто собиралась почитать, валяясь у себя на кровати. Но Агафья оказалась рядом, и одним движением закинула подол платья мне на спину. Вот тут я дёрнулась и попыталась вскочить, но она упёрла твёрдую, как палка руку мне между лопаток, и прошипела:

— Если ты станешь сопротивляться, я буду вынуждена позвать кого-нибудь из воспитателей-мужчин, чтобы держали тебя!

Я замерла. Мысль о том, что какой-то мужик увидит меня вот такую, распластанную, полуголую, с унижительно задранном подолом, буквально парализовала. И я не двигалась, пока Агафья сначала зафиксировала ремнями мои лодыжки и кисти рук, а потом один ремень, самый широкий, перекинула через поясницу, и так резко затянула, прижимая меня животом к скамье, что из лёгких с шипением вышел воздух. Теперь я могла шевелить только головой, чем и воспользовалась, наблюдая за зловещими приготовлениями.

Из плоского футляра, принесённого сестрой Марьей, Агафья извлекла несколько длинных и гибких, явно резиновых прутков, ядовито-зелёного цвета. Надо же, а я-то думала, что розги они и есть розги — ветки от деревьев или кустов. Однако всё куда продуманнее.

— Я ударю тебя двенадцать раз, — безличным голосом сообщила Агафья.

Не удивила. Я знала правила — количество ударов, нанесённых провинившемуся воспитаннику, не может превышать количество прожитых им лет. Меньше можно, по решению воспитателя. Но я не ждала от Агафьи снисхождения.

Как не ждала и того, что это так больно.

После первого удара я даже не закричала, настолько была ошеломлена. Резкая, яркая вспышка боли огнём прокатилась по телу, отдавшись даже в макушке и пятках, все мышцы непроизвольно напряглись, ремни врезались в кожу.

— Один, — ровно произнесла надо мной Агафья, и я зажмурилась, осознав вдруг, что число двенадцать — совсем не такое малое, как мне всегда казалось.

Дальше следить за счётом я уже не могла, как не могла и молчать. Но кричать и плакать от боли вовсе не оказалось унижительным, как я раньше думала. Наоборот — пронзительными криками прекрасно получилось выразить ненависть и протест, выплеснуть то, что копилось в душе в течение долгих лет, проведённых в приюте. За свои двенадцать ударов я успела выкрикнуть всё — тоску по родителям и отнятому у меня детству, злость на здешние правила и ограничения, и конечно — отчаянное желание вырваться, во что бы то ни стало оставить позади эту лицемерную жизнь, убежать, как убегает в тайгу выскользнувший из капкана свободный зверь.

— Двенадцать, — сказала чуть запыхавшаяся Агафья, опуская розги. А я бессильно обмякла в путах, испытывая болезненное почти до экстаза облегчение, от того, что всё закончилось.

Сестра Мария двинулась было ко мне, но воспитательница остановила её движением руки.

— Подождите. Прежде я задам девочке несколько вопросов.

Сестра Марья попыталась что-то возразить, но Агафья только нетерпеливо дёрнула головой, и обратилась ко мне:

— Кто дал тебе эту книгу?

Я лежала щекой на скамье, глядя на неё снизу вверх сквозь мокрые ресницы. Боль никак не отпускала, но если Агафья специально решила допрашивать меня сразу после наказания, в надежде, что я буду морально сломлена, то она очень ошиблась. Ещё никогда я не чувствовала в себе такого упрямства и воли к сопротивлению. Как же я сейчас понимала Яринку, которая раз за разом напрашивалась на наказание, в попытках доказать всем здесь, что у них нет власти над ней.

И я молчала. Даже не потому, что хотела этим продемонстрировать Агафье своё презрение, нет, наоборот, мне бы очень хотелось высказать всё, что я думаю и о ней лично, и обо всем грёбаном приюте, но после выпускаемых недавно воплей, горло саднило, и я боялась, что голос сорвётся.

Агафья повторила вопрос, поняла, что отвечать я не собираюсь, и её ноздри угрожающе раздулись.

— Думаешь, что тебе удастся отмолчаться, и я просто забуду об этом вопиющем в своей пошлости инциденте? Я твой воспитатель и я решаю, какое наказание и в каких количествах тебе назначить.

Мне удалось искривить губы в усмешке и еле слышно фыркнуть. Интересно, чем она хочет меня напугать после такого? В угол поставит? Десерта лишит?

Агафья вернула мне усмешку.

— Я могу пороть тебя до тех пор, пока ты не расскажешь всё, что нужно. По двенадцать ударов. Каждый день.

Я поспешно прикрыла глаза, чтобы бы не дать Агафье прочитать в них страх. Проходить через сегодняшнее каждый день? Сколько же я выдержу?

В стороне кашлянула сестра Марья, и когда Агафья оглянулась на ней, учтиво заметила:

— Осмелюсь вам напомнить, что повторное телесное наказание воспитанницы, не достигшей четырнадцати лет, может быть осуществлено не раньше чем через три дня после первого. Это условие обязательно для соблюдения по медицинским показаниям.

Глаза Агафьи сверкнули, руки сжались в кулаки, но голос остался ровным:

— Я прекрасно помню правила. А вам бы посоветовала не вмешиваться в мои беседы с воспитанниками.

Что же, раз в четыре дня, это конечно не каждый день. Я мысленно поблагодарила добрую сестру Марью, так вовремя пришедшую мне на помощь в момент слабости, и уже почти спокойно встретила взгляд Агафьи. Та выдержала долгую зловещую паузу, и наконец, изрекла:

— Сегодня я запрещаю тебе покидать дортуар, в последующие дни лишаю десерта, а так же отлучаю от занятий в церковном хоре. Ещё я сегодня же... нет, сейчас же свяжусь с Михаилом Юрьевичем, и сообщу ему о том, кого он выбрал себе в невесты. Уверена, он подыщет себе более достойную кандидатуру.

Не смотря на не стихающую боль, мне еле удалось сдержать смех. Вот уж о чём я беспокоюсь в последнюю очередь, так это о мнении Головы. Дядя с возу — меньше навозу.

— Сегодня вторник, — продолжала Агафья, — Если до субботы я не дождусь от тебя ответа на свои вопросы, то мы снова окажемся здесь. И чем дольше ты будешь упрямиться, тем хуже будет. И не только тебе.

Я вспомнила Яринкино предложение о том, чтобы "Сексология" хранилась только у одной из нас, и мысленно похвалила подругу за сообразительность. Уж против неё Агафья точно ничего не найдёт.

А воспитательница вдруг наклонилась ко мне и тихо, но отчётливо произнесла.

— Я знаю, что эту книгу тебе дал парень из шестнадцатой группы. Даже если ты не назовёшь имя, я сама найду его. Но до этого — буду тебя пороть. Каждые четыре дня.

И, резко выпрямившись, Агафья вышла за дверь.

Глава 17

Страх.

Когда за Агафьей захлопнулась дверь, сестра Марья причитая, кинулась ко мне. Осторожно освободила от ремней, но когда я попыталась приподняться, торопливо сказала:

— Лежи, лежи. Мне нужно обработать ссадины.

Сдерживая стон, я оглянулась через плечо на пострадавшую часть тела, и ничего хорошего, как и следовало ожидать, не увидела. На бледной коже — множество ярко-алых вспухших полос, и поверх них — россыпь кровавых бусин. Сестра Марья полезла в свой зловещий футляр, но на этот раз оттуда появился безобидный пузырёк с прозрачной жидкостью и большой клочок ваты. Я приготовилась к новой боли, но прикосновение влажной прохлады принесло только облегчение. И теперь, когда физические страдания поубавились, я смогла осознать последние слова Агафьи. А осознав, заплакала от страха и бессилия.

— Уже всё, — поспешно сказала сестра Марья, слегка погладив меня по волосам, — Самое плохое позади, теперь будет только легче.

Она выпрямилась, воровато оглянулась на дверь, и, запустив руку в карман, вынула две таблетки. Положила на скамью перед моим лицом.

— Вот. Одну выпей сейчас, а вторую перед сном, это хорошее обезболивающее.

— Спасибо, — всхлипнула я, подцепила трясущимися пальцами одну таблетку, проглотила не запивая, и начала подниматься.

Руки и ноги гудели как после долгой физической нагрузки, на них краснели следы от ремней. Слегка подташнивало. А ещё было очень холодно, и я заторопилась одеваться. От прикосновения лёгкой ткани трусиков к истерзанной коже снова захотелось кричать, и я даже не стала пробовать натянуть колготки, просто скомкала их в кулаке.

— Может, тебя проводить? — обеспокоенно спросила сестра Марья, но я мотнула головой и, сунув босые ноги в ботинки, побрела к дверям...

Когда я вошла в дортуар, с опухшим от слёз лицом, растрепавшейся косой, и колготками в руках, там оказалась только Зина. Она настороженно уставилась на меня.

— Где Ярина? — сипло спросила я, придерживаясь за косяк.

— Её Агафья к себе вызвала, — после паузы ответила Зина, и, заметив, что я пошатываюсь, спросила, — Ты как?

— Чудесно, — мне удалось отлепиться от косяка и пройти три метра до кровати. Путь с первого этажа на четвёртый, который я обычно преодолевала за полминуты, прыгая через одну ступеньку, сейчас отнял у меня все силы.

— Не хочу доживать до старости, — зачем-то сообщила я Зине, и лицом вниз легла на Яринкину постель. Лезть к себе наверх сейчас представлялось делом не менее трудным, чем подняться на церковную колокольню.

Зина сообразила, что расспрашивать меня о произошедшем будет не лучшей идеей, и сказала только:

— Агафья велела всем сдать планшеты в воспитательскую. И Яринка до сих пор там с ней.

Я кивнула и опустила веки. По фиг. Сейчас всё по фиг. Сначала дождусь, когда подействует таблетка сестры Марьи, когда перестанут дрожать ноги, и пройдет озноб после стылого воздуха процедурной.

Не берусь утверждать точно, но, кажется, на какое-то время я не то уснула, не то просто сбежала в какое-то тёмное безмолвное место, потому что, открыв глаза, увидела перед собой Яринку. Она сидела на полу, прислонившись спиной к кровати, и судя по расслабленной позе, сидела уже давно. Однако стоило мне шевельнуться, и подруга сразу обернулась, рывком приблизилась вплотную.

— Дайка... ты как?

Зелёные Яринкины глаза сейчас были огромными и блестели, как стёклышки. Я не сразу поняла, что это от стоящих в них слёз, а когда поняла, чуть не заплакала сама. Чтобы предотвратить это и подбодрить подругу, попробовала улыбнуться.

— Уже лучше. Мне сестра Марья таблетку дала.

— Она молодец. Мне тоже давала... хотя нельзя.

— А ты? Тебя не...

— Нет, — поспешно заверила Яринка, — У меня же ничего не было. И у других. Агафья все планшеты у девочек забрала, проверять будет, отдаст только завтра. Меня полчаса допытывала. Я сказала, что ничего про тебя не знала, что ты мне не рассказываешь, и вообще мы не так уж и дружим.

Я кивнула. Это не было предательством со стороны Яринки, и не вызвало у меня обиды. На её месте, я сказала бы то же самое. Нет смысла доставить Агафье удовольствие наказать нас обеих, если этого можно избежать.

— Она тебе говорила, — меня снова начал бить озноб, — Что знает, откуда у меня книга?

Яринка замерла и медленно качнула головой.

— Нет... не сказала. Как знает? Про Дэна?

Я поспешно обвела взглядом дортуар, но Зина куда-то ушла, и теперь мы были здесь вдвоём.

— Она не знает, что Дэн. Она знает только, что парень из шестнадцатой группы.

— Откуда?

Я попыталась пожать плечами, но снова почувствовала боль, и замерла.

— Яринка, это конец... Она сказала, что всё вынюхает, а до этого будет меня бить каждые четыре дня. Если не скажу. Я не смогу, не выдержу...

Подруга торопливо погладила меня по волосам.

— Тшшш. За три дня мы что-нибудь придумаем.

— Надо предупредить Дэна, — я сжала зубы и завозилась, пытаюсь встать, но Яринка твёрдо положила мне на спину тёплую ладонь.

— Лежи, тебе вообще нельзя куда сегодня выходить.

— А что делать? — безнадежно забормотала я, снова ужасаясь безнадежности случившегося, — Что нам теперь делать?

— Тебе — отдыхать, — спокойно ответила подруга, — Сегодня останешься здесь,

внизу, а я на твоё место полезу. Ужин тебе принесу сюда. А завтра придумаем, что делать.

Неожиданно она подалась ко мне, и быстро поцеловав сухими губами в щёку, прошептала:

— Просто ложись и спи, лето придёт во сне...

До вечера я так и пролежала на животе, то погружаясь в тревожную дрему, то вновь всплывая на поверхность. После того, как Яринка укрыла меня одеялом, я, наконец, сумела согреться, от чего стало чуть легче. Один раз на пороге возникла Агафья, молча окинула нас взглядом, и исчезла. Откуда-то вернулась Зина, села за тетрадки, искоса поглядывая на меня. Ужин, Яринка, как и обещала, принесла мне в дортуар, я через силу проглотила несколько ложек остывшего картофельного пюре и выпила компот. А уже когда подошло время ложиться спать, появилась Настуся, которую я не видела весь день. Она неслышно скользнула к своей кровати и принялась переодеваться, ни на кого не глядя.

— Настусь, — вкрадчиво окликнула её Яринка, и та вдруг вздрогнула всем телом, — Ты где была?

Голос подруги прозвучал странно, была в нём некая нарочитая взвинченность, словно она собиралась сделать что-то неприятное, и подбадривала саму себя.

— Я? — Настуся упрямо не смотрела на нас.

— Ну не я же, — Яринка делано зевнула, — Тебя весь день не было.

— На улице я сидела. Такая хорошая погода.

— Ну, кому-то хорошо, кому-то не очень, — туманно заметила Яринка и задала следующий вопрос, — А уроки тоже на улице делала?

— Тебе-то что? — попыталась огрызнуться Настуся, но получилось это у неё очень неуверенно, даже жалко.

— А то, — Яринка медленно поднялась на ноги и небрежно облокотилась о шкафчик, — Что я тебя видела. Ты на скамейке возле школы читала.

— Ну, читала, и что?

— С планшета читала, — уточнила Яринка, и Настуся вдруг съёжилась, опустила голову, — Планшет у тебя Агафья не забрала. У всех забрала, а у тебя — нет. Странно, да?

Зина подняла голову от тетрадей, оглянулась, обвела всех взглядом и приоткрыла рот. А Настуся посмотрела на неё, на Яринку, наконец, на меня, и вдруг, как подрубленная, упала на кровать и закрыла лицо руками.

С полминуты мы слушали её беспомощные всхлипы. До меня доходило медленно, как до жирафа, и даже когда Яринка презрительно плюнула, а Зина с бесконечным разочарованием протянула "Да ну-у-у...", я всё ещё ничего не поняла.

А потом Настуся быстро заговорила, беспрестанно шмыгая носом и размазывая слёзы по лицу.

— Я не хотела... я не думала, что всё так получится... я же, как лучше... Она сказала, что так надо, и как я могла отказаться? Я же долго молчала, а вы всё равно... я вам пыталась сказать, что так нельзя. А вы только хуже...

Я окончательно запуталась. Судя по недоумённым лицам Яринки и Зины, они тоже. А Настуся продолжала причитать, всё повышая и повышая голос, грозя сорваться в истерику:

— Я же не просто так это всё говорила! Я думала, вы задумаетесь и поймёте, как плохо поступаете, и тогда мне не придётся ничего рассказывать! А вы на меня накричали, обозвали, посмеялись... тогда я и подумала, что пусть, что значит так надо. Даша, прости, я

не знала, что тебя будут бить! Если бы знала, то никогда не...

Неожиданно Яринка протянула руку, схватила со второго яруса кровати мою подушку и метко, с силой швырнула её в лицо Настусе. Та пискнула, захлебнулась рыданиями.

— Не надо её трогать, — глухо сказала Зина, но не двинулась с места.

— Не собираюсь я трогать эту овцу, — с бесконечным презрением ответила моя подруга, — Пусть только заткнётся, а то слушать противно.

Она устало вздохнула, и осторожно присела рядом со мной.

— Это что же? — наконец решилась я облечь в слова свою догадку, — Это Настуся Агафье всё рассказала?

— А кто ещё? — Яринка криво улыбнулась, — Она, святоша наша.

— Но, — я помотала головой, — Откуда? Как она могла узнать?

Зина поднялась на ноги, подошла к Настусе и тронула её за плечо, от чего та вздрогнула и съёжилась.

— Расскажи, — велела Зина, — Перестань реветь, и расскажи всё, чего уж теперь...

Как ни странно, Настуся действительно перестала реветь, как будто её выключили. Подняла на нас покрасневшие глаза, и торопливо, словно боясь, что мы не дослушаем, начала рассказывать.

Всё оказалось просто и так очевидно, что мне оставалось только ругать себя за неосторожность вкупе с глупой бравадой. Агафья насторожилась, когда я принялась паясничать в разговоре с Михаилом Юрьевичем, чем и заработала от неё пощёчину. Потом ей показалась странной наша с Яринкой одновременная простуда. Затем моя подруга попыталась напроситься на помолвку со своим пожилым ухажёром, продемонстрировав верх нескромности. И после, как будто этого было мало, начала с непозволительной для девушки её положения, небрежностью, отмахиваться от новых предложений. Но больше всего нашу воспитательницу насторожили мои высказывания во время её импровизированной лекции в гостинной на тему девичьего целомудрия. Рассудив, что последнее время мы очень подозрительно себя ведём, и здесь явно не всё так просто, Агафья вызвала к себе Настусю и велела следить за нами. Тут нужно отдать ей должное, Агафья хорошо знала своих питомиц, наши слабости, чаяния, и надежды. Завербовать Настусю ей не составило труда, просто напомнив о её христианском долге помогать всем заблудшим ради спасения их душ. Даже если для этого придётся причинить им боль, насильно наставить на путь истинный, ведь люди глупы и не ведают, что творят... особенно женщины.

Настуся, хоть и простушка, тоже оказалась не душой. Она и сама давно заметила странности моего и Яринкиного поведения. А после того, как однажды проснулась ночью и увидела, как мы возвращаемся откуда-то под утро, одетые и возбуждённые, не могла не согласиться с Агафьей в том, что нас нужно спасать.

Она стала исподтишка наблюдать за нами, и скоро заметила, что мы много времени проводим с планшетами в руках. Слишком много, чтобы списать это на выполнение уроков и повторение пройденного в школе. Как-то, воспользовавшись нашим отсутствием, она по очереди заглянула в мой и Яринкин планшеты, где и обнаружила любовные романы с декольтированными красавицами на обложках, тающими в объятиях мускулистых мачо.

Но как ни прониклась Настуся своей новой ролью спасительницы грешниц, она долго надеялась, что сумеет вразумить нас сама, не прибегая к помощи Агафьи. Для этого и нужны были её нудные импровизированные проповеди по вечерам, зачитывание цитат из Библии, рассуждения в пространство о грехах и их искуплении. Наивная Настуся, не смотря на то,

что этим, как она думала, навлекает божий гнев и на себя, до последнего пыталась воззвать к нашей совести, заставить устыдиться, и тем самым избежать наказания.

Неизвестно, как долго бы это продолжалось, но мы сильно обидели Настусю во время последней ссоры.

— Отомстила, значит? — хмыкнула Яринка, выслушав слезливую исповедь.

Настуся замотала головой.

— Не хотела мстить! Да, мне было обидно, что ты сказала, будто я... ну, выслужиться хочу, чтобы в анкету занесли... чтобы жених появился. Я об этом и не думала, правда! Но после того случая, я поняла, что вы не хотите... не исправитесь сами.

— Думаешь, мы теперь исправимся, дура?! — Яринка снова вскочила, но я ухватила её рукой за подол и усадила обратно. А у Настуси спросила:

— Так ты просто пошла к Агафье и всё выложила? Про книги?

Настуся уставилась в пол и еле слышно ответила:

— Не про книги... не только.

— Ну, рассказывай уже, — простила я, испытывая ужасную неловкость и от души желая, чтобы этот тягостный разговор поскорее остался позади.

Настуся рассказала. Выполняя наказ Агафьи, она продолжала следить за нами. И ей показалось подозрительным, что я, увидев в окно возвращение старшекурсников с учений, вдруг заторопилась на улицу. Она пошла следом, и, притаившись за приоткрытой дверью подъезда, слышала мой разговор с Дэном. Слышала каждое слово, но побоявшись быть замеченной, не выглянула наружу, и не увидела, с кем именно я разговариваю. Дальше ей осталось только рассказать всё Агафье, которая улучила время, когда наш дортуар был пуст, и проверила мой планшет.

Окончив покаянный рассказ, Настуся уронила голову и снова начала всхлипывать.

Мы молчали. Яринка презрительно, Зина растерянно. А я опустошенно. Разозлиться на Настусю у меня не получалось. Может быть потом, но сейчас она не вызывала ничего кроме жалости. Конечно, в её поступке было больше глупости и самолюбования, чем желания помочь заблудшим душам, но ведь не было и злого умысла. А то, как быстро она во всём призналась и как пропадала где-то целый день, не смея показаться нам на глаза, говорило об искренности её раскаяния.

— Простите меня, — тихонько попросила Настуся, отнимая ладони от лица и пытаясь поймать мой взгляд, — Я не думала, что будет так.

— А как? — спросила Яринка, и по её неестественно ровному голосу, я поняла, какого труда подруге стоит держать себя в руках, — Как? Ты думала, что Агафья Дашке пальцем погрозит?

Ответить на это было нечего, и Настуся снова спрятала лицо в ладонях.

— Вы как хотите, а я в душ и спать, — вдруг решительно заявила Зина, поднимаясь. Она выхватила из своего шкафчика полотенце и выскользнула за дверь. Настуся проводила её несчастным взглядом — обычно они всегда ходили вместе.

А я подумала, что тоже надо бы принять душ, смыть с себя стылый запах процедурной и собственного страха. Но пошевелилась, почувствовала вновь проснувшуюся боль, и поняла, что ничего не выйдет. Максимум на что меня хватило — с помощью Яринки переодеться в ночную рубашку и залезть под одеяло. После чего я выпила вторую таблетку, полученную от доброй сестры Марьи, и на удивление быстро и крепко уснула. Но даже во сне я слышала эхо моих сегодняшних криков.

На следующее утро, первой мыслью пришедшей мне в голову после тяжкого пробуждения, была мысль о трёх днях. Трёх днях оставшихся до субботы. До следующего визита в процедурную. Если конечно в течении этих дней я не подойду к Агафье, и не признаюсь во всём добровольно. А признаваться нельзя, потому что это будет конец для Дэна. Не стану врать, что я не попыталась просчитать последствия такого поступка, но они в любом случае оказывались настолько ужасными, что даже рассматривать это как вариант, было бы кощунством.

На завтрак я не пошла, аппетита не было совершенно, и я подозревала, что он появится ещё очень и очень не скоро. А вот от школы меня никто не освобождал, и там я осознала, что порка сама по себе была лишь частью уготованного мне физического наказания. Сидеть на твёрдых пластиковых стульях в течении шести сорокаминутных уроков, оказалось бесконечным мучением.

— Потерпи сегодня, — уговаривала Яринка, в своё время прошедшая через всё это, — Завтра будет уже намного легче.

Её слова наверно могли бы меня утешить, не думай я постоянно о надвигающейся субботе и неизбежном повторении всех мук. После занятий, даже не вспомнив про обед, я поспешила в дортуар, где, уже привычно — лицом вниз, упала на Яринкину кровать. Почти сразу появилась она сама, и воровато оглянувшись на дверь, протянула мне на ладони таблетку.

— Выпей.

— Откуда? — простонала я, но таблетку взяла без промедления.

— Я сходила до сестры Марьи и попросила для тебя. Она сразу дала, даже сама хотела принести. Тебе досталось больше других. Сестра Марья говорит, что обычно Агафья рассчитывает силу ударов, а тебя лупила со всей дури.

Я вспомнила серое Агафьино лицо, трясущиеся от ярости губы, и ни на миг не усомнилась в сказанном.

Настуся, как и вчера, не появлялась в дортуаре до самого отбоя. А когда пришла, не сказав ни слова, стала укладываться. Меня это вполне устраивало, слушать её слезливые извинения совсем не хотелось, тем более, что я так и не разобралась в том, что чувствую к провинившейся соседке. Как сказал бы батюшка Афанасий — бог ей судья.

На следующий день стало и лучше и хуже. Лучше в том смысле, что долгое сидение на уроках, конечно, доставляло мне неудобство, но уже не боль. Я даже сходила со всеми в столовую. А хуже, потому что суббота приблизилась на сутки. И теперь, всё сильнее и сильнее, я начала ощущать то, что тщетно пыталась отыскать в себе перед первым наказанием. Страх. Выматывающий душу, почти животный, унижительный страх. Когда-то давно, я не то где-то слышала, не то вычитала утверждение, что пугать должно не само наказание, а его неизбежность. И теперь готова была подписаться под каждым словом.

Агафья за это время ни разу не подошла ко мне, и не заглянула в наш дортуар. Или была уверена, что я не выдержу пытку ожиданием, или твёрдо рассчитывала на свои силы в расследовании дела о запрещённой литературе.

На третий день я уже не могла думать ни о чём кроме надвигающегося ужаса. На уроках отвечала невпопад, спотыкалась на ровном месте, снова не могла есть. Яринка терзалась, глядя на меня, пыталась то отвлекать, то утешать, и, в конце концов, уже на исходе дня, решительно сказала:

— Завтра в школе я подойду к Дэну, и всё ему расскажу. Он придумает что-нибудь.

— Не смей! — новый страх подбросил меня на месте, — Если кто-то донесёт Агафье, что ты разговаривала с парнем из шестнадцатой группы, она сразу поймёт, что это он и есть!

— Что же тогда делать? — спросила Яринка, глядя на меня с бесконечной жалостью.

Я не знала что делать. Зато я точно знала чего делать не надо. Не надо ничего рассказывать и не надо совершать никаких поступков, которые, так или иначе, укажут на Дэна. И будь что будет. Ещё одну порку я как-нибудь выдержу, пусть мне и понадобятся на это все душевные и телесные силы, а потом... в конце концов, не может ведь Агафья наказывать меня бесконечно? Или может?

Этой ночью, последней перед субботой, я почти не спала. Забывалась время от времени тяжёлой дремой, но меня раз за разом выбрасывали из неё накатывающие волны страха. К утру я была настолько истощена эмоционально, что погрузилась в некое почти сомнамбулическое состояние. Поскольку наступил выходной, после завтрака мы все остались в дортуаре, но не разговаривали друг с другом. Настуся не вылезала из постели, лежала, отвернувшись к стене, не то спала, не то терзалась угрызениями совести. Зина уткнулась в возвращённый планшет. Яринка сидела на подоконнике, тоскливо глядя вдаль, как узник сквозь прутья решётки.

Я же старалась гнать от себя мысли о том, когда же за дверью раздадутся деревянные шаги Агафьи, и она, открыв дверь, велит мне идти в процедурную. Этого я боялась до обморочной слабости, но в то же время отчаянно ждала. Пусть уж всё случится побыстрее, и, наконец, останется позади. До следующего раза...

Шаги раздались незадолго до обеда. Дверь зловеще медленно приоткрылась, и я, как и ожидала, увидела за ней Агафью с сурово поджатыми губами.

— Дарья, — отрывисто бросила она, — Идём. Быстро.

Яринка на подоконнике издала короткий шипящий звук, Настуся едва слышно всхлипнула, Зина ещё ниже склонилась над планшетом. Я встала. Обулась. Машинально провела ладонью по волосам — не растрепалась ли коса? И пошла.

Агафья не стала ждать, когда я покину дортуар, она уже шагала по коридору, не оглядываясь, уверенная, что я никуда не денусь и последую за ней. Я следовала, пытаюсь утешить себя тем, что уже через каких-то пятнадцать минут всё кончится, я вернусь в дортуар, выпью очередную таблетку, и выматывающий душу страх, наконец, меня отпустит.

А Агафья почему-то не пошла вниз по лестнице. Она остановилась у двери воспитательской, дождалась, когда я приближусь к ней, и, толкнув дверь, велела:

— Заходи.

Недоумевая, и с уже зародившейся отчаянной надеждой на избавление, я вошла.

За столом, тем самым, за которым обычно восседала Агафья во время моих свиданий с Головой, обнаружился грузный мужчина. Пожилой, с залысинами, и очень знакомый. Я много раз видела его на территории приюта, и знала, что это воспитатель одной из мальчишеских групп. И кажется даже шестнадцатой.

В том, что моя догадка верна, я убедилась в следующий момент, когда увидела стоящего рядом с мужчиной Дэна.

— Вот! — объявила Агафья, толкая меня в спину, отчего я чуть не упала, потому что ноги вдруг отказались идти, — Любуйтесь!

Мы с Дэном смотрели друг на друга, и я отчаянно боялась увидеть в его глазах упрёк,

обвинение в том, что всё это случилось из-за меня, из-за моей неосторожности, из-за самого факта моего появления в его жизни. Но Дэн смотрел спокойно, и даже чуть улыбнулся уголками губ.

— Агафья Викторовна, — баском протянул воспитатель Дэна, после того, как "налюбовался" мной, — Вы хотите сказать, что этот ребёнок, и есть та самая девушка, уличённая в связи с моим питомцем?

Не дожидаясь ответа, он обернулся к Дэну.

— Денис, это она?

— Да, — кивнул он, — Но это не та связь, про которую вы подумали.

— Да неужели? — ядовито спросила Агафья, и взяла со стола мой злосчастный планшет, на дисплее которого, разумеется, красовалась обложка "Сексологии для всех", — Ты признался, что дал ей эту гадость. Зачем же это было сделано, как не с целью развратить девочку?

— С целью образования и просвещения, — учтиво ответил Дэн, продолжая чуть заметно улыбаться, и судя по всему именно это, а вовсе не его ответ, окончательно взбесило Агафью.

Она швырнула планшет обратно на стол с такой силой, что я мысленно с ним попрощалась, и обратила покрасневшее лицо к мужчине.

— Вы слышите, сударь? Этот негодяй считает, что подсовывать двенадцатилетней девочке пошлую книжонку, это образование и просвещение! Почему же я должна поверить, будто он не зашёл ещё дальше?

Мужчина не успел ответить, его опередил Дэн.

— Эту двенадцатилетнюю девочку, насколько я знаю, обхаживает разведённый старик, но вы почему-то не находите в этом ничего предосудительного.

Агафья потеряла дар речи, и даже воспитатель Дэна утратил часть спокойствия — нахмурился, шумно задышал.

— Денис, пока тебя не спросят, будь добр молчать, — бросил он, и обратился к Агафье, — Почему бы нам не спросить саму девочку?

— Спросите! — с вызовом ответила Агафья, — Лично мне она не изволила сказать ни слова.

— Кхм... Дарья? — мужчина явно не привык общаться с девочками, и теперь нервно ёрзал, подбирая слова, — Скажи... ты и Денис... вы что-то делали вместе? Ты понимаешь... что-то, чего нельзя делать?

Я отрицательно мотнула головой, а Агафья закатила глаза, явно выражая этим свою оценку такому методу допроса. Потом схватила меня за плечо, и резко развернула к себе.

— Отвечай! — гаркнула она, — Он трогал тебя? Раздевал?

— Нет.

— Целовал? Просил потрогать его?

— Нет!

— Где вы встречались?!

Я повернула голову, пытаясь поймать взгляд Дэна, но Агафья ударила меня по щеке, заставляя снова посмотреть на неё.

— Отвечай!

— Агафья Викторовна, — укоризненно протянул воспитатель, — Я не считаю, что побои в этом случае будут способствовать откровенности ребёнка.

— Вадим Никанорович, — она даже не поглядела на него, — Я не указываю вам, как нужно воспитывать мальчиков, и буду очень признательна, если и вы оставите своё мнение при себе.

Мужчина замолчал, а Агафья снова взялась за меня.

— Отвечай, мерзавка, или прямо сейчас мы снова отправимся в процедурную. Где вы встречались?!

Внезапно, нарушая запрет своего воспитателя, опять заговорил Дэн.

— Мы встречались у прудика. Я приходил заранее и прятался за скамейку, Даша садилась на неё, и так мы разговаривали. Со стороны не было видно. И встречались мы всего четыре раза, в последний раз я и дал ей эту книгу.

Спасибо, Дэн. Теперь я знаю, что говорить.

— Заткнись! — взвизгнула почуявшая подвох Агафья, — Вадим Никанорович, ваш воспитанник ведёт себя ужасно, похоже, вы для него не авторитет.

И тогда, чтобы отвлечь их внимание от Дэна, я, наконец, заговорила, громко и вызывающе.

— Я сама попросила дать мне такую книгу! Потому что, сударыня, то, что вы нам рассказывали про... про мужчин и женщин, про телиге... теле... в общем, это совсем не то, что я знала до приюта. Чушь полная! И рассказывать вы не умеете! Вот я и хотела всё выяснить сама.

Агафья и Вадим Никанорович безмолвно вытаращились на меня, а Дэн добавил:

— И я счёл, что девочка имеет полное право знать правду, раз уж через каких-то два года ей предстоит ублажать старика.

— Денис, если ты не перестанешь открывать рот без моего на то распоряжения, — тихо, но угрожающе произнёс воспитатель, — Я не посмотрю, что ты уже солдат, сниму ремень, и всыплю тебе по первое число.

— Как вы вообще познакомились?! — снова взвилась Агафья, — Что у вас может быть общего?

На этот раз Дэн не посмел послушаться Вадима Никаноровича, но я уже приблизительно поняла в каком направлении нужно врать, и ответила почти без задержки.

— Он бегал на стадионе. А я раньше, до приюта, тоже очень любила бегать, вот и спросила у него, где он жил раньше. Подумала, а вдруг тоже, как я, в тайге? У нас все были очень сильными и могли бежать без остановки хоть...

— Избавь нас от пропаганды вашего безбожного образа жизни! — перебила меня Агафья, — То есть ты сама подошла к незнакомому парню на несколько лет старше тебя, и стала задавать вопросы? Воистину, можно изъять человека из дикости, но дикость из него не изыметь!

— Денис, так всё и было? — спросил Вадим Никанорович, и Дэн кивнул:

— Мне было интересно с ней пообщаться, всё-таки я первый раз встретил кого-то из дикарей, а она рассказывала увлекательные вещи.

Агафья обвиняюще ткнула в него пальцем.

— И ты, небось, решил, что с такой девочкой будет куда легче проделать... всё, что написано в твоей книжонке?

Дэн деланно рассмеялся.

— Сударыня, неужели я бы не нашёл для этой цели кого-нибудь покрупнее?

— Денис! — возмущённо воскликнул Вадим Никанорович, но тут же без всякой паузы

согласился с Дэном, — Агафья Викторовна, а ведь действительно. Девочка очень мала, не выглядит даже на свои двенадцать лет. Возможно ли допустить...

— О, уверяю вас, возможно! — ядовито усмехнулась Агафья, — За свой стаж работы в приютах, я повидала всякое, и поверьте мне — двенадцать лет — это не минимальный возраст в котором девочки подвергались растлению.

— Я понимаю, но... — воспитатель искоса поглядел на Дэна, — Из всех своих воспитанников, Дениса я бы заподозрил в последнюю очередь. Он талантливый ученик, подающий надежды спортсмен, и на учениях показал себя исключительно с хорошей стороны.

— Думаете, я ждала от Дарьи чего-то подобного? — фыркнула Агафья, — Она всегда была скромной девочкой, неплохо училась, а последнее время с успехом выступала в церковном хоре. Нужно ли вам объяснять, сударь, что именно из таких вот тихих омутов и следует в первую очередь ожидать чертей?

Вадим Никанорович помолчал, задумавшись, потом глухо произнёс:

— И всё-таки это очень серьёзное обвинение. Как видите, дети всё отрицают.

— Ещё бы они не отрицали, — Агафья метнула на меня уничтожающий взгляд, — Это не повод им верить. Сейчас я отведу Дарью в поликлинику на гинекологический осмотр. Впрочем, я уверена, что физически она невинна, но ведь ни для кого не секрет, что есть и другие способы развратить девушку. Было бы желание. А после, мы поставим в известность директора, как это и нужно было сделать с самого начала. При всём моём к вам уважении, сударь, это не то дело, которое можно уладить между собой.

— Но, — Вадим Никанорович глубоко вздохнул, — Вы ведь понимаете, что даже самого факта, что такая книга попала к девочке из рук Дениса, хватит для сурового наказания.

Агафья вздёрнула бровь.

— А вы считаете, что этот юноша его не заслуживает? По-моему, таким, как он, молодым да ранним, самое место в колонии! Впрочем, решать всё равно не нам. А сейчас я должна сопроводить девушку к врачу. Буду благодарна, если подождёте.

У так называемого между нами "женского доктора" я уже была. Когда только попала в приют и проходила обследование в клинике. Но что тогда, что сейчас, сам визит не произвёл на меня впечатления. Я не почувствовала ни страха, ни унижения, всё это без следа растворила в себе чёрная непомерная утрата. В прошлый раз я потеряла родителей, а сейчас теряла друга, а вместе с ним всё то хорошее, на что могла надеяться в будущем. И мне некого было винить в этом кроме себя.

На какой-то миг, когда после осмотра врач подтвердила мою девственность, во мне зародилась надежда на более-менее благополучный исход, но увидев, как Агафья в ответ скептически поджала губы, я окончательно упала духом.

Когда мы вернулись в воспитательскую, там нас кроме Вадима Николаевича и Дэна, уже ждал Пётр Николаевич, красный и запыхавшийся. Уже тот факт, что директор, презрев неудобства, которые доставлял ему лишний вес, сам пришёл сюда, да ещё так быстро, не сулил ничего хорошего.

Взрослые принялись что-то горячо обсуждать и спорить, но я их не слушала. Я смотрела на Дэна, пытаюсь мысленно докричаться до него, и сказать о том, как я виновата, и как мне жаль. Он тоже глядел на меня, и от его взгляда хотелось зажмуриться, потому что в нём не было ни злости, ни обвинения, зато была жалость и бесконечная печаль — Дэн прощался со мной.

— Агафья Викторовна, — вдруг сказал Пётр Николаевич, — присутствие девочки обязательно? Мне кажется, что её можно отпустить, она тут скорее пострадавшая сторона.

— Ну, это ещё надо выяснить! — вскинулся воспитатель Дэна, — Девочка призналась, что сама попросила книгу у Дениса.

— Девочке нет четырнадцати лет, с юридической точки зрения она ни за что не несёт ответственность, — мягко напомнил директор, — В любом случае её наказание будет оставлено на усмотрение Агафьи Викторовны. А вот с юношей всё намного сложнее. Не забывайте, что нам ещё предстоит узнать, каким образом к нему попала эта книга.

— Я отведу воспитанницу, — Агафья поднялась и шагнула ко мне, — Идём, Дарья.

Я беспомощно посмотрела на Дэна, он коротко кивнул. А когда передо мной уже открывалась дверь, вдруг громко позвал:

— Дайка!

Я обернулась и замерла, не обращая внимания на шипенье и тычки Агафьи.

— Дайка, помни, — быстро заговорил Дэн, — Я никогда не хотел от тебя того, что думают они. Ты мне — сестрёнка!

О плохих вещах лучше не рассказывать долго. Дэн не смог себя оправдать и через несколько дней его перевели из приюта в колонию для несовершеннолетних.

Глава 18.

Михаил Юрьевич.

Мой голос одиноко летел под купол церкви, туда, где косые лучи заходящего солнца пробивались сквозь витражи, рассыпая по стенам разноцветные блики. Девочки-певчие молча расходились, шепотом прощаясь друг с другом, и бросая на меня осторожные взгляды. Я пела уже долго, очень долго, понимала, что теперь весь вечер будет болеть горло, но не могла остановиться.

Сразу после того, как полицейская машина увезла Дэна, Агафья разрешила мне вернуться в церковный хор. Возможно, тому поспособствовало ходатайство Марфы Никитовны, а может сама Агафья решила, что с меня достаточно наказаний и пора всё возвращать в прежнее русло. И только тогда, снова взойдя на клирос, я поняла, как мне этого не хватало. Теперь пение стало моей отдушиной, моим самовыражением, способом дать выход бесконечной тоске. Плакать у меня не получалось, я не хотела больше показывать свою слабость, ругаться и бунтовать уже не было смысла. И оставалось только петь. И делать это, по словам Марфы Никитовны, я стала куда лучше, чем раньше. Наивная преподавательница думала, что просто пришло моё время "раскрыться", но я-то знала, что это непролитые слёзы хрусталём звучат в моём голосе, не находя другого выхода.

И чаще всего пела я теперь медвежью колыбельную. Её слова, особенно припев, чуть-чуть успокаивали меня, помогали поверить, что зима — не навсегда. И мне достаточно, как тому медведю просто уснуть. А проснусь я уже посреди солнечного лета...

— Просто ложись и спи, лето придёт во сне, — пела я, закрыв глаза, почти веря в такие моменты, что так и будет. Надо просто чуть-чуть подождать, отключиться, не думать ни о чём. Уснуть...

Но когда у меня это почти получалось, всегда находился тот, кто будил.

Как и в этот раз.

— Дашенька, — окликнула меня Марфа Никитовна, и пришлось замолчать — Пора

закрывать церковь, спускайся.

Я послушалась. Я теперь всегда и всех слушалась, совсем как до встречи с Дэном. Ведь если нет никакой возможности что-то изменить к лучшему, зачем навлекать на себя неприятности? Нет, я не боялась новых наказаний, но мне была глубоко противна мысль о том, что опять придётся смотреть в лицо Агафье, и что-то ей отвечать.

Агафью я старалась избегать, как только могла, а когда приходилось находиться с ней в одном помещении, старалась не поднимать глаз. Но даже при одном звуке голоса воспитательницы или запахе её духов, на меня накатывала душная ненависть. Я не испытывала ненависти ни к Петру Николаевичу, сдавшему Дэна в полицию, ни к полицейским, навсегда забравшим его от меня, ни к Настусе, с которой всё началось. Только к Агафье. Именно она, сухая, невозмутимая, бесчувственная, стала для меня теперь сосредоточием зла.

Когда я вышла на улицу, приют уже погружался в сумерки, солнце почти спустилось за лес, и золотило лишь верхушку колокольни. Это было красиво. Я невольно задержалась на миг, задрав голову, и как всегда, глядя на сияющие в вышине колокола, вспомнила, что была там, наверху. Но теперь в этом воспоминании не было ни следа прежней радости, ни предвкушения новых. Всё утонуло в тоске по Дэну и в чувстве вины перед ним.

В дортуаре стояла тишина. Теперь здесь почти всегда было тихо. Настуся превратилась в тень самой себя, Яринка не разговаривала ни с ней, ни с Зиной, я теперь вообще почти всё время молчала. Да никто и не горел желанием со мной общаться. Слухи по приюту как всегда разлетелись моментально, по пути обрастая подробностями, как существующими, так и вымышленными. И теперь для всех я была "та самая дикарка, которую поймали со старшегруппником". Изгой. Девушка, запятнавшая себя блудной связью. Косые взгляды, шепот за спиной, презрительные усмешки парней. Яринка рассказала мне, что многие воспитанники возмущались тем, что я после всего продолжаю петь в церкви и даже задавали вопросы батюшке Афанасию, но он ответил, что я всего лишь оступившееся дитя, а господь велел прощать оступившихся. Мнение недовольных меня не волновало, но батюшке я была благодарна за доброту и за подаренную мне возможность продолжать петь. Церковь была теперь единственным местом, где ко мне продолжали хорошо относиться. Никто не спрашивал о том, что же в действительности произошло между мной и Дэном, и правдивы ли слухи, ползающие по приюту. Здесь я продолжала оставаться Дашенькой, самой младшей девочки в хоре, знающей песни далёких таёжных краёв.

Я швырнула сумку на пол, и забралась на подоконник с планшетом, собираясь учить уроки. По идее мне это было не нужно, плохие оценки не пугали, но зубрёжка помогала отвлечься, убежать от тоски. И от Яринки. Я чувствовала, что подруга хочет вытащить меня из скорлупы, заставить разговаривать обо всём произошедшем, чего я до сих пор умудрялась избегать. Нет, от самих воспоминаний я не убегала, хоть и не видела смысла их ворошить, но очень боялась, что Яринка, в конце концов, спросит — а что нам теперь делать? Что нам делать теперь, когда нет Дэна? И как я ей отвечу? Будем учиться, молиться, и если не выйдем замуж, отправимся до старости жить в общежитии и работать на фабрике? Или, подрастём и убежим в тайгу, искать *других*? Второй ответ понравился бы подруге куда больше, но он был бы обманом. Не смотря на то, что я говорила Дэну в церкви той ветреной ночью, я совсем не была уверена, что мы продержимся в тайге хотя бы одно лето. Пожалуй, если наткнёмся на охотничью избушку и если не вовремя нагрянувший охотник или лесник не сдаст нас властям. О зиме и думать смешно — никаких шансов. Не говоря уже о том, что

и до Сибири ещё нужно как-то добраться...

Сейчас Яринка смотрела на меня со своей кровати, я чувствовала щекой её пристальный и требовательный взгляд, но делала вид, что увлечена уроками. Не спрашивай меня ни о чём, не отбирай у себя надежду...

Дверь приоткрылась и в дортуар заглянула Агафья. При виде её мои пальцы так сжали планшет, что он жалобно скрипнул, и я торопливо потупила глаза, чтобы воспитательница не успела увидеть в них откровенную ненависть. Но это не избавило меня от её внимания.

— Дарья, выйди-ка, — велела Агафья, и пришлось сползти с подоконника. Я не боялась нового наказания за непослушание, просто хотелось побыстрее отвязаться. Агафья ждала прямо за дверями, не стала приглашать меня на разговор в воспитательскую — видимо тоже не горела жаждой общения.

— Михаил Юрьевич хочет с тобой увидеться, — обронила она, глядя в стену, — Завтра.

— Разве вы ему не рассказали о... о моём проступке? — удивились я. Только Головы мне сейчас не хватало!

— Разумеется, рассказала, — Агафья досадливо дёрнула плечом, — Я не имела права утаивать такую информацию, не хватало еще, чтобы приют подсовывал порядочным людям таких...

Договаривать она не стала, но по резко сжавшимся губам воспитательницы, я поняла, что не рисковала услышать о себе ничего хорошего.

— ... и я очень удивлена, что после этого, он хочет тебя видеть.

А я-то как удивлена.

— Когда мне завтра приходить в воспитательскую? — уныло уточнила я. Если вдруг Голова вздумает читать мораль или упрекать за потраченное не меня время, клянусь, тоже выскажу всё, что думаю о старых извращенцах!

— Не в воспитательскую, — процедила Агафья, — Михаил Юрьевич хочет приехать лично, и поговорить с тобой наедине.

Тут уж я открыла рот. От удивления и возмущения. Насколько мне известно, о визите жених просит у невесты, а потом уже, в случае её согласия — у администрации приюта. А эти как-то ухитрились всё решить за моей спиной?!

— Завтра к двенадцати будь добра, опрятная и причёсанная, явиться к крыльцу школы. С последних уроков можешь уйти, разрешаю, — и Агафья отвернулась от меня, не дожидаясь ответа. Но не ушла, а снова дёрнула двери нашего дортуара.

— Ярина, выйди, — заметив, что я стою на прежнем месте, раздражённо бросила, — А ты зайди.

Я послушалась, проводив глазами подругу, и вернулась на подоконник. За Яринку можно было не беспокоиться, скорее всего, её снова возжелал видеть очередной кандидат на руку и сердце, вот Агафья и явилась сообщить и мне, и ей, о предстоящих свиданиях. Надеюсь, подруга пойдёт и этого желающего, вызвав тем самым возмущение наших "старых дев" и самой Агафьи.

Но когда Яринка вернулась, то по её слишком задумчивому лицу, я поняла, что не всё так просто. Обменявшись кивками, мы молча отправились на лестницу, впервые после того, как раскрылось моё общение с Дэном. С тех пор секретничать здесь нам стало не о чём...

— Ну что там у тебя? — спросила я, прислоняясь к стенке. Получилось устало, почти раздражённо, и чтобы сгладить это, я торопливо добавила, — Потом тоже тебе кое-что расскажу.

Яринка повела плечами.

— Да вот, батя опять хочет меня видеть. Завтра припрётся.

Опаньки. Сговорились они все что ли, завтра приезжать?

— Что ему на этот раз нужно?

— Пока не знаю. Но, правда, странно.

— А чего странного? Будет тебя на нового богатого жениха науськивать. А то ишь — выбирать вздумала.

— Так это он бы мог и по телефону. Ты моего батю не знаешь, он за копейку удавится, а сюда ехать, это же надо тратиться на дорогу!

— Разве ты не можешь отказаться от этой встречи?

Яринка помялась.

— Могу наверно. Так-то он мне никто, по закону я ему больше не дочь. Но я согласилась. Ты не подумай чего, на самом деле глаза бы мои его не видели, просто интересно. Не просто же так он едет.

— Да я и не думаю, — мысль о том, что Яринка вдруг вспыхнет дочерней любовью к своему блудному папаше, вряд ли могла прийти мне в голову, — Сходи, конечно. Всё какое-то разнообразие в этом отстойнике. Во сколько он прикатит?

— К двенадцати, — скривилась Яринка, — Агафья меня даже с уроков отпускает пораньше ради такого случая.

— Ой, и мне к двенадцати! — спохватилась я, — Не смогу в этот раз с тобой пойти.

— Ничего, — подруга решительно тряхнула головой, — Я его не боюсь. Поговорим, наконец, с глазу на глаз... подожди, а тебе куда?

Я торопливо рассказала ей о разговоре с Агафьей. Яринка фыркнула.

— Вот им неймётся!

— Наверно хочет меня отругать за то, что время у него отняла, а сама вот такой оказалась, — уныло предположила я.

— В таком случае пусть сразу разворачивается и обратно едет. Не бойся, ты ему ничего не должна.

— Я не боюсь. Просто хочется, чтобы все уже оставили меня в покое...

До завтрашнего дня я придумывала, что бы такого ответить Голове, ехидного и циничного, но не грубого? Такого, за что меня нельзя наказать, но что поставит на место этого надутого индюка, вздумай он осуждать моё поведение. Ничего подходящего не придумалось, и я решила импровизировать на месте, авось да придёт на ум достойный ответ.

Этой мыслью я утешала себя, когда (опрятная и причёсанная, разумеется) отправилась на встречу с бывшим женихом, пришла к школьному крыльцу и остановилась там, озираясь. Агафью долго ждать не пришлось, почти сразу она замаячила на крыльце, повелительно махнула мне рукой.

Раньше я как-то не задавалась вопросом, где именно происходят встречи наших невест с женихами. Оказалось — в одном из кабинетов на первом этаже школы. Кабинет этот был разделён пополам прозрачной стеной, с одной стороны которой размещалась воркующая парочка, с другой же — воспитательница невесты, бдящая за тем, чтобы парочка не позволяла себе вольности. Разумно, конечно, учитывая цели, преследуемые престарелыми женихами.

Голова уже был на месте, сидел за небольшим столиком, сложив перед собой руки, как

прилежный ученик. Кроме этого столика и двух стульев, в нашей с ним половине кабинета, больше ничего не было.

Агафья подтолкнула меня в спину, и я, войдя в стеклянную дверь, уселась на свободный стул, вызывающе глядя на Голову.

— Привет, — чуть улыбнулся Михаил Юрьевич.

Лицезреть его целым и объёмным, а не в чёрной рамке монитора, было очень странно. Когда я раньше пыталась представить себе, как выглядит мой жених в реальной жизни, мне почему-то казалось, что он должен быть мал ростом и упитан. Но сейчас я видела перед собой сухопарого высокого мужчину, с широкими плечами атлета, на лице которого не было ни намёка на прежнюю обрюзглость и унылость. Разумеется, он был не молод, но назвать его теперь старпёром, у меня бы язык не повернулся.

— Здравствуйте, — тихонько ответила я, настороженно глядя на него. Но мой бывший жених не выглядел сердитым, как я ожидала, взгляд его был спокойным, и как мне показалось, даже сочувствующим. Подтверждая эту догадку, он мягко спросил:

— Ну, как ты?

Я дёрнула плечом. А что тут ответишь? Нормально? Так это неправда, а изливать Голове душу, я не собиралась. И вообще, пусть уже говорит, что хотел, и катится куда подальше, ищет другую идиотку для работ на своей тухлой даче. Главное, не пожелать ему этого вслух.

Я покосилась в сторону. В другой половине кабинета Агафья сидела за столом, и, демонстративно не глядя в нашу сторону, барабанила пальцами по столу. Голова перехватил мой взгляд, и вдруг, подавшись вперёд, негромко сказал:

— Не бойся, она нас не слышит. Здесь уважают право гостей секретничать со своими невестами.

Тоже мне, гость нашёлся. И начинал бы тогда уже секретничать, если на то пошло. Я одарила бывшего женишка раздражённым взглядом, но он не смутился, а деловым тоном велел:

— Сейчас, главное, следи за выражением лица. На нём не должно быть ни удивления, ни тем более радости. Представь, что я опять рассказываю тебе про свою дачу, и ты мечтаешь о том, чтобы я поскорее заткнулся. п

Я изумлённо уставилась на него, и Голова досадливо щёлкнул языком.

— Ну, просил же — никаких эмоций. Давай так, не смотри на меня, смотри в стол. Только в стол. Вообще не шевелись.

Я послушно опустила глаза, окончательно переставая что-либо понимать. А Михаил Юрьевич, стрельнув глазами на Агафью, отдельно произнёс.

— Тебе привет от Дэна... Дайка.

Выйдя из школы, я не стала возвращаться в дортуар. Вместо этого отправилась к пруду, где и села на скамейку. Ту самую, с которой Агафья увела меня напрямик в процедурную. Но сейчас я не боялась этих воспоминаний. Напротив, приветствовала их. Ведь, как оказалось, все последующие за этим события, пусть они были так болезненны и унижительны, произошли к лучшему. Радость, вначале робкая, ошеломлённая, боящаяся спугнуть саму себя, постепенно выходила из-под контроля, становилась неуправляемой. И я уже с трудом оставалась неподвижной, вместо того, чтобы запрыгать, затанцевать, запеть, и, разбежавшись плюхнуться плашмя в прудик, так, чтобы брызги веером взмыли в солнечный

воздух, чтобы в них вспыхнули разноцветные радуги...

Но эта скамейка явно была заколдована, не иначе, на ней никак не получалось посидеть в одиночестве. Не успела я до конца осознать резкие перемены вот-вот грядущие наступить в моей жизни, как услышала частый топот, и, обернувшись, увидела несущуюся ко мне Яринку. Рыжая коса стлалась по воздуху за её спиной, глаза зеленели на пол-лица.

Затормозив передо мной так, что пыль взлетела из-под ног, подруга упала на скамейку и попыталась отдышаться. А потом сказала короткое, но ёмкое слово из шести букв, которое я от неё раньше не слышала, зато неоднократно слышала в Маслятах, например, когда у нас загорелся сеновал.

— Что-то случилось? — осторожно спросила я, решив сначала выслушать подругу, а потом уже сообщить ей фантастические новости.

— Случилось! — нервно выкрикнула она, — Ещё как случилось! Этот козёл хочет забрать меня!

Я потрясла головой.

— Какой козёл? Куда забрать?

— Да отец же! Он собирается снова признать меня дочерью и забрать домой!

Две девочки, идущие под руку по дорожке, замедлили шаг, и тревожно оглянулись на нас.

— Тише! — я успокаивающе положила ладонь на Яринкину коленку, — Разве так можно? Он же от тебя отказался.

— Вчера отказался, сегодня передумал! — Яринкин голос дрожал от ярости, но громкость она поубавила, — Он же у нас мужчина, отец, а я — его собственность. Захотел — выкинул, захотел — подобрал.

Она ударила кулаком по скамейке.

— Подожди... да как так? А отказаться ты можешь?

— Нет. Я ему сразу сказала, что не хочу, а он ответил, что никто и не спрашивает, что ему осталось уладить какие-то бумажные дела и тогда он за мной приедет.

Я помолчала, переваривая новость. Случись это часом раньше, не знаю, как бы мне удалось пережить этот второй и сокрушительный удар. Однако теперь всё по-другому.

Но Яринка этого не знала, она ссутулила плечи, вцепилась руками в край скамейки и чуть не плача, бормотала:

— Ненавижу, ненавижу... ну почему он просто не оставит меня в покое? Да я... если он приедет за мной, я просто возьму что-нибудь тяжёлое и разобью его тупую башку. Пусть лучше меня отправят в колонию, чем к нему... Что смешного?!

— Прости, — я и правда улыбалась от предвкушения того, как сейчас удивлю и обрадую подругу, — Тебе не нужно ни в колонию, ни к отцу. Нас здесь скоро не будет.

Яринка уставилась на меня с такой надеждой во взгляде, что я, не желая её мучить, заговорила торопливо, путаясь в словах:

— Я только что была на свидание с Головой... тьфу, с Михаилом Юрьевичем. Он пришёл от Дэна. Он *другой*, понимаешь? Дэн рассказал им про нас, и Голо... в общем, он специально со мной познакомился. Помнишь, Дэн сказал нам, чтобы мы соглашались на первого жениха? Он знал, что нас будут проверять, но не знал, тебя или меня. Поэтому и просил в последний раз описать их внешность, хотел догадаться у кого из нас жених не настоящий!

Я торопливо перевела дух и торжественно закончила:

— Так вот, сегодня Михаил Юрьевич пришёл сказать, чтобы мы не делали глупостей, потому что о нас помнят, и скоро заберут отсюда!

Яринка моргала. На её лице поочерёдно отражались самые разные чувства: удивление, радость, смятение, восторг. Она схватила меня за руку.

— Подожди... ой. Это точно? А Дэн? Как нас отсюда заберут? Когда? Нет-нет, не отвечай, расскажи всё по порядку!

Я кивнула, и сосредоточилась, пытаясь оживить в памяти разговор с экс женихом.

Вообще-то разговором это назвать можно было разве что с натяжкой. Говорил в основном Михаил Юрьевич, а я лишь потрясённо кивала, иногда задавая вопросы. Разумеется, первое, о чём я спросила — Дэн. Где он и что с ним?

— О Денисе не беспокойся, — строго ответил Михаил Юрьевич, — Это наша забота. Скажу лишь, что он очень просил за тебя. Если честно, мы сомневались, и уже почти решили оставить всё как есть, но он уговорил. Поэтому я здесь. Ты готова покинуть приют?

Я уже хотела со всем энтузиазмом подтвердить свою готовность, но вспомнила про Яринку и сникла.

— Я без Яринки никуда не уйду. Яринка это...

— Знаю, — перебил Михаил Юрьевич, — Никто и не собирался вас разлучать. Надеюсь, ты можешь дать ответ за двоих?

Конечно, я дала ответ, и Голова... нет, называть его Головой даже про себя я больше не собиралась... и Михаил Юрьевич подробно разъяснил, что от нас требуется.

— В ночь с этой пятницы на субботу вы должны убежать за территорию. Да, именно вы, сами, здесь мы ничем не можем помочь. Но ведь это для вас не проблема, если судить по рассказам Дениса? От вас требуется просто перелезть через забор, как вы уже не раз это делали. От забора, не сворачивая нужно пойти по лесу прямо, и примерно через полчаса будет дорога. Там налево и до поворота. Это, в зависимости от того, где вы выйдете из леса, ещё минут десять-пятнадцать. Советую идти не по самой дороге, а вдоль неё под прикрытием деревьев. На повороте будет ждать машина. Машина простоит там всю ночь, пока не начнёт светать. Но если вы так и не появитесь, на этом наше знакомство оборвётся. Помните — у вас есть только один шанс. Всё понятно?

От волнения у меня пересохло во рту, и я смогла лишь часто закивать, но Михаила Юрьевича это не удовлетворило.

— Повтори.

— В пятницу ночью... на субботу, убежать через забор. Идти по лесу прямо и прямо, до дороги. Повернуть налево. До поворота. Там — машина.

— Именно. Какая точно машина приедет, я ещё не знаю, но у неё обязательно будут подняты дворники. Запомни, это важно. Если дворники подняты — смело подходите. Если нет — оставайтесь за деревьями. Поняла?

— Да.

На самом деле поняла не очень. В Маслятах у нас не было машин, до ближайшей дороги взрослые летом добирались пешком, зимой — на лыжах. Так что с этим видом транспорта я познакомилась, лишь по пути в приют, да и то, разглядеть из закрытого фургона, где там дворники, а где всё остальное, было сложно. Но уточнять я не стала, решив, что у Яринки, городской жительницы, хватит опыта разобраться что к чему.

— Много вещей с собой не берите, уходите налегке. Выдвигайтесь лучше после

полуночи, когда полностью стемнеет, И пошевеливайтесь, любая задержка опасна. Вопросы?

Вопросов хватало, и я судорожно пыталась выбрать из них самый важный, но спросила первое, что подвернулось.

— Помните, по видеосвязи... вы мне запретили гулять по ночам? Вы же имели в виду церковь, да? Откуда вы узнали, что мы... гуляли?

Михаил Юрьевич чуть улыбнулся.

— От Дэна, от кого же ещё. Тогда он и решил опять, что вас нужно забрать, до этого передумал.

— А почему, — во мне вновь всколыхнулась забывшаяся обида, — Почему он тогда передумал и перестал с нами общаться?

— Видишь ли, — Михаил Юрьевич задумчиво прищурился, — Денис сам ещё почти ребёнок, и до недавних пор весьма романтизировал... эээ... нашу деятельность. А когда понял что к чему — испугался. Не за себя — за вас.

Выходит, тогда я всё поняла правильно. Когда Дэн первый раз уехал на учения, там он общался с кем-то из *других*. И они ему рассказали что-то такое, от чего он решил уберечь меня и Яринку. И что это может быть? Впервые в моей душе всколыхнулось опасение, но тут же пропало. Всё равно терять нам нечего.

— Денис вообще очень переживает за тебя, — поделился Михаил Юрьевич, — когда он узнал, что ты попала с книгой, то, не задумываясь пошёл сдаваться.

Забыв о наказе не проявлять эмоций, я вскинула голову и приоткрыла рот.

— А... почему? Разве это не Агафья про него вынюхала?

— Смотри на стол! Вовсе нет. Денис сам признался своему воспитателю, а тот уже рассказал ей.

— А Дэн откуда мог узнать, что она меня поймала?

— Так ваша Агафья позвонила мне сразу, как поймала тебя. А уже я, по возможности, связался с Денисом.

Ах, ну да... Я словно наяву услышала сухой Агафьин голос "С прискорбием должна вам сообщить о недостойнейшем поведении вашей избранницы, но будьте уверены — она уже понесла строгое наказание, и мы обязательно найдём остальных виновных..." Значит, Дэн, поняв, как я влипла, не задумываясь, взял вину на себя, хоть и не мог не знать, что для него, в силу возраста, наказание будет намного строже.

В груди зародилось ласковое тепло, глаза намокли. А ведь я уже забыла, как это приятно, когда о тебе кто-то беспокоится вот так, как старший о младшем. Дэн, где же ты сейчас? Но второй раз спрашивать об этом у Михаила Юрьевича, я не решилась. И он заговорил сам.

— Должен признать, что ваша ночная вылазка в церковь и послужила причиной того, что мы подумывали вас тут оставить. Дерзость хороша в разумных пределах, а не когда ею бравируют, подвергая опасности себя и друзей.

Я виновато понурилась, а он продолжал:

— Но с другой стороны — то, как упорно вы шли к цели, заслуживает уважения. Ты как-никак добилась своего, сумела убедить Дениса продолжать ваши встречи. А он, прямо скажем, тот ещё упрямец. Так что думаю, если за вас хорошо взяться, толк выйдет. Поэтому я здесь.

В приступе самобичевания, я призналась:

— Вы правы, лезть ночью в церковь было очень... неумно. Нас ведь потом охрана поймала.

Михаил Юрьевич поднял брови, и я сбивчиво рассказала ему историю своей второй встречи с Белесым.

— А, этот! Тогда нет ничего удивительного в том, что он вас отпустил. Он узнал тебя, а может и твою подружку. А поскольку волею обстоятельств этот человек сейчас сотрудничает с нами, то он просто не мог поступить по-другому.

Поймав мой вопросительный взгляд, Михаил Юрьевич снисходительно объяснил:

— Тот компромат, который вам с Денисом удалось получить на него прошлым летом... кстати, отличная работа! Так вот он оказался слишком серьёзным, чтобы этим не воспользоваться. Да, к сожалению, люди в наши ряды попадают и таким образом.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы разобраться в услышанном. И не скажу, чтобы мне понравилось то, как *другие* использовали тот случай, а вместе с ним мой страх и моё унижение, для своей выгоды.

Наверно, я насупилась, а может и покраснела, потому что голос Михаила Юрьевича смягчился.

— Боюсь, к такому тебе тоже нужно привыкать. Не всегда получается играть чисто. Впрочем, ещё не поздно передумать и остаться.

Я испуганно замотала головой. Остаться? Да лучше прыгнуть с крыши как сестра Нюры! Ах да, на крышу теперь не подняться, лестницы обрезают, а ещё...

Меня тряхнуло нервным ознобом, пальцы непроизвольно вцепились в край столешницы.

— Что? — напрягся Михаил Юрьевич.

— Здесь... на всей территории... камеры, — я чуть прокашлялась и заставила голос звучать почти нормально, — В прошлый раз, когда мы ночью лазили за забор, не все камеры были настоящие. Муляжи. А теперь их заменили. Нас охрана увидит!

Михаил Юрьевич помолчал, и вдруг улыбнулся почти безмятежно.

— Что же, считайте это последней проверкой. В церковь же вы пробраться смогли.

— Но... — я чувствовала растущее отчаяние, — От нашего корпуса до церкви совсем недалеко, и камер мало, а до забора...

— Вот и хорошо, — экс жених продолжал улыбаться, и сейчас я его за это почти ненавидела, — Сможете убежать — замечательно, не сможете — выходит, не ваше это. Не судьба. Думайте. Я в вас верю.

И не дав мне ответить, Михаил Юрьевич оглянулся на скучающую за стеклом Агафью, и заговорил уже другим, холодным тоном:

— Теперь последнее. Твоя воспитательница будет спрашивать, зачем я приходил, и о чём мы разговаривали. Ты должна усыпить её бдительность, поэтому отвечай, что я решил дать тебе ещё один шанс, и буду через сайт приюта строго следить за твоей успеваемостью и поведением.

А он умный человек. Тут я снова могла только кивнуть, потому что с Агафьей лучшей тактики и не придумаешь. Пусть она считает, что теперь, когда меня оградили от тлетворного влияния Дэна, я стану изо всех сил держаться за свой последний шанс — жениха, снова буду тихой и послушной Дашей.

— Пожалуй, на этом всё, — Михаил Юрьевич поднялся, — Что же, будем надеяться на скорую встречу, Дайка. Удачи.

Я не успела ответить, он уже широко шагнул к двери, потянул её на себя, впус­тив внут­рь звуки доносящиеся из коридора школы, и, сразу ушёл, кивнув встре­пенувшейся Агафье. Она вроде двинулась за ним, но поняв, что с ней не собираются что-либо обсуждать, недовольно поджала губы.

Я продолжала сидеть за столом. Мне нужно было хотя бы чуть-чуть времени, чтобы заставить свой мир измениться согласно только что полученным новостям. Но Агафья не пожелала дать мне его.

— Дарья, уснула что ли? Выходи.

Пришлось встать. Ноги слегка дрожали.

— Что сказал тебе сударь? — воспитательница нетерпеливо притопывала носком туфли, сверля меня глазами.

— Он сказал, — голос тоже дрожал, — Он сказал, что хочет дать мне последний шанс. Что пока не будет со мной общаться, но станет следить... через сайт. И если я... ну, исправлюсь, то он снова будет моим женихом.

Агафья покачала головой.

— Святой человек. Ты хоть понимаешь, как тебе повезло? Другой на его месте, не только не захотел бы тебя больше видеть, но и вообще разочаровался в женщинах. Из-за тебя!

Я сжала зубы. Повезло мне? Разочаровался бы он в женщинах, ну надо же... Интересно, она сама верит в то, что говорит?

Подняв голову я, впервые со дня порки посмотрела своей воспитательнице прямо в глаза. Глаза были холодные как стекляшки, пустые, непроницаемые.

— Сударыня, — медленно начала я, прекрасно осознавая, что лучше бы промолчать, но не в силах остановиться, — В чём мне повезло? В том, что меня возьмут поиграться, а потом выкинут? Вы же это знаете? Вы не можете не знать, как всё это бывает. Что ни у кого из нас не будет детей, да и муж будет недолго, только пока мы ему не надоедим. А потом мы всё равно окажемся на производстве, в общежитии. Почему вы не хотите, чтобы мы сразу отправились туда? Вам обязательно нужно сначала подложить нас старикам?

Агафья чуть подалась назад, как от порыва ветра, её глаза беспомощно, совсем по­детски распахнулись, губы дрогнули... Но продолжалось это долю секунды, она почти сразу стала прежней, закрылась, за­каменела, вернула на лицо привычную для всех маску отрешённости. Но я успела увидеть, какой она может быть, какой она, возможно, была до того, как навсегда отгородилась этой маской от мира. А потом, словно желая загладить свой промах и наказать меня за то, что заставила его совершить, Агафья стремительно шагнула ко мне, подняла руку...

Я не пошевелилась, даже не прикрыла глаза, подумала только, что Михаил Юрьевич был прав, когда говорил о том, что дерзость хороша лишь в разумных пределах.

Но удара не последовало. Вместо этого Агафья схватила меня за плечо, наклонилась и сдавлено прошептала мне в лицо:

— Ты думаешь, я ничего не понимаю? Думаешь, я не знаю, чем заканчиваются браки моих воспитанниц? Думаешь, не знаю, зачем на самом деле вы нужны всем этим мужикам? Прекрасно знаю! Но пока есть шанс, что хоть одна из десяти девочек сумеет сохранить брак, и стать матерью, я буду выдавать вас замуж! Я буду делать всё возможное, чтобы вы сами этого хотели! Лучше попытаться, лучше потерпеть, чем сразу смириться и остаться пустоцветом до конца жизни!

Агафья оттолкнула меня, её грудь вздымалась, на щеках горел нездоровый румянец.

— Иди. И приложи все усилия, чтобы этот мужчина не отказался от тебя. Если выйдешь замуж, даже пусть потом он с тобой разведётся, хоть что-то увидишь, хоть немного поживёшь по-человечески, перед чем у тебя не останется ничего, кроме койко-места в общежитии. Пошла вон!

Почему-то боясь повернуться к Агафье спиной, я пятилась до двери, ударила плечом о косяк, еле нащупала ручку, и, наконец, выскочила в коридор.

Так вот и закончилось моё свидание с экс женихом, и, как оказалось, мой последний разговор с Агафьей.

Всё это я сейчас и рассказала Яринке, не так складно конечно, путаясь и сбиваясь от избытка чувств, но смысл передать смогла. Примечательно, что подруга ни разу меня не перебила и не задала ни одного вопроса. Она слушала в напряжённой позе, с застывшим взглядом, а когда я, наконец, замолчала, вдруг расхохоталась, запрокинув голову.

— Ты чего? — перепугалась я, запоздало подумав, что может быть, не стоило всё на неё вываливать вот так, без подготовки? А то такие новости, да сразу после общения с ненавистным отцом, пожалуй, совсем добили мою подругу. Но Яринка и не думала "добиваться", она всю веселилась.

— Ахахаха! Ой! Я представляю рожу папашки, когда ему скажут, что я сбежала и пропала! Он же ночей спать не будет, станет ждать, что я за ним в белых тапочках приду! Хахаха, не могу!

— Почему в белых тапочках? — спросила я, оторопев от такой реакции.

А Яринка оборвала смех так же резко, как начала, и довольно объяснила.

— Да он суеверный до жути. Когда мама умерла, этот дурак в косяки и пороги булавки втыкал, чтобы она не смогла зайти.

— Но ты же не умерла, а только убежала.

— Так меня не найдут, значит умерла. Знаешь, сколько в полиции отводится времени на поиск живого ребёнка? Трое суток. Потом уже ищут труп.

Я не стала уточнять у Яринки, откуда такие познания, не стала и подкалывать на тему того, что она уже не ребенок, а вполне себе девушка. Предстояло обсудить куда более важные вещи.

— Значит, убегаем?

Подруга удивлённо глянула на меня.

— Спрашиваешь! Моя воля — я бы прямо сейчас стартанула. Сегодня же понедельник? Эх, ещё до пятницы ждать...

— Что берём с собой? Голова... Михаил Юрьевич сказал — только самое необходимое. Яринка помрачнела.

— Я хочу взять всё, что сшила. Так старалась, не оставлять же.

Я знала, как Яринке дороги её чудные вещицы, и отнеслась к этому со всей серьёзностью.

— Мы же будем складывать вещи в школьные сумки?

— Так других у нас и нет, — хмыкнула она.

— Ну вот, твои костюмы можно распахать по обеим сумкам, в две влезут.

— А твои вещи?

Я задумалась. Что взять? Личных вещей, в смысле своих, а не тех, что выдали в приюте, у меня почти нет. Так что кроме смены белья, колготок, цветастого платяца подаренного

мне Яринкой, да ещё пожалуй нотной тетради, брать нечего. Хотя... Я злорадно улыбнулась. Возьму злосчастный планшет. Пусть останется на память, вместе со всеми учебниками, видео-уроками, и годовыми оценками. Буду потом иногда его включать и радоваться тому, что всё это осталось в прошлом. А ещё читать с него книги, уже не таясь, столько, сколько захочу.

Только теперь я поняла, что до сих пор не осознавала по-настоящему грядущие перемены. Обсуждала их с Михаилом Юрьевичем, рассказывала Яринке, но делала это так словно речь шла о каком-то приключенческом фильме или той же книжке. И почему-то, лишь сейчас, представив свой планшет отдельно от всего остального, от школы, от дортуара, от учителей и воспитателей, я, наконец, поняла — эта часть моей жизни действительно подошла к концу. И хоть была она далеко не лучшей, но в горле неожиданно встал комок, а дыхание перехватило.

Яринка рядом тоже подозрительно примолкла, зашмыгала носом. Мы посмотрели друг на друга, и, поддавшись единому порыву, крепко обнялись.

Глава 19.

Падучие звёзды.

Ах, это сладкое предвкушение перемен! Одновременно волнующее и пугающее, заставляющее торопить время, но и успевать наслаждаться настоящим.

Весь остаток дня и я, и Яринка буквально растворялись в ощущении счастья, которое особенно остро воспринималось после недавних тяжёлых событий. Мы почти не разговаривали друг с другом, но и в дортуаре, и в столовой, и на прогулке, переглядывались с затаённой радостью, словно ища друг у друга подтверждения, что всё происходит с нами по правде. Даже ночью я долго боялась уснуть, чтобы поутру не оказалось, что это был просто сон. Вместо этого плавала в невесомой полудрёме и представляла падающие с бархатно-чёрного неба звёзды, те, что мы видели в прошлом августе. Теперь они казались мне чем-то вроде доброй приметы, символом того, что мы собирались сделать. Исчезнуть, улететь, сорваться вольными звёздочками с неба, кануть в лесную чащу...

Убаюканная этими мыслями, я уснула незаметно для себя, а первое, о чём я подумала, проснувшись, что уже совсем скоро буду по утрам открывать глаза в другом месте, и видеть перед собой других людей. Не Зину, деловито заправляющую свою постель, не Настусю, похудевшую и осунувшуюся, виновато косящуюся в мою сторону. И за окном не будет привычного пейзажа, да и само окно будет другое. Я понятия не имела, где нас поселят, но почему-то представляла маленькую деревеньку вроде Маслят, только не с бревенчатыми домами, а из красного кирпича, как в приюте.

Захотелось срочно узнать, что думает по этому поводу Яринка, и я свесилась с постели, заглядывая на нижний ярус кровати. Но Яринка спала, презрев звонок будильника, спала, разметавшись на спине, и чуть улыбаясь уголками губ. Будить её я не стала, осторожно спустилась на пол босыми ногами, скинула ночную рубашку, и уже привычно оглянулась через плечо на зеркало, проверяя, сходят ли с попы следы от розог. Следы сходили, правда, не так быстро, как мне хотелось. Сестра Марья сказала, что шрамов не останется, и это радовало, слишком унижительным было бы такое напоминание.

Зина и Настуся, перекинув через плечи полотенца, шмыгнули за дверь, избегая моего взгляда — они снова везде ходили вместе, но нас с Яринкой сторонились. Мы тоже не искали их общества, и даже сейчас я вздохнула с облегчением, оставшись в дортуаре наедине

с подругой. Которой, кстати, пора уже просыпаться. На сегодня у нас есть планы. Я должна сходить в церковь и под каким-нибудь предлогом, забрать оттуда свою нотную тетрадь, подаренную мне на день рождения Марфой Никитовной. В эту тетрадь я не только записывала этюды и пьесы, заданные для изучения, но и кое-что придуманное лично мною. Эти опусы я ещё никому не показывала и не думала, что создаю шедевры, но бросать не собиралась. Если будет возможность, то там, в другом месте, я продолжу занятия музыкой, и может быть, вернусь к этим наброскам, чтобы довести их до ума.

Яринка просыпалась тяжело, хныкала и пряталась под одеяло, пока я пыталась его с неё стянуть. Она тоже должна была сегодня забрать из пошивочной то, что успела там смастерить. Конечно, и моя тетрадь, и Яринкины наряды, вполне могли бы и подождать ещё пару дней, но нам не терпелось хоть как-то начать сборы в дорогу, самим себе показать насколько серьёзно мы настроены.

А возможно, это нам подсказал голос-без-слов, который знал, что собираться нужно уже сейчас.

В гостиную мы явились самыми последними — поднять Яринку с постели, если она не выспалась, дело не пяти минут. Вся группа уже сидела там, терпеливо ожидая Агафью с новостями. Хотя теперь, ожидание это стало скорее символичным, воспитательница уже давно не приносила своим питомицам приглашений к знакомству. Интерес к новоиспечённым невестам спал, самых симпатичных уже выбрали, но оставшиеся продолжали на что-то надеяться, и каждое утро приходили в гостиную с выражением смиренного терпения на лицах. Остальным ничего не оставалось, как по инерции составить им компанию.

Сегодня Агафья не заставила себя ждать. И появилась она, не как обычно, хмурой и строгой, а очень даже оживлённой, что в свою очередь вызвало оживление среди ожидающей половины группы. Сейчас даже несведущему в наших делах человеку было бы легко отличить девочек, успевших обзавестись кавалерами, от одиноких. У первых на лицах отобразилось лишь доброжелательное любопытство, в то время как вторые, с загоревшимися глазами, в едином порыве подались вперёд, успевая награждать друг друга ревнивыми взглядами.

Но надеялись они напрасно. Сегодня Агафья никого не осчастливила, хоть и думала, что несёт замечательное известие.

— Девушки, — она встала перед нами, сложив руки на животе, и глядя почти умильно, — Думаю, что сейчас мне удастся вас и огорчить и обрадовать.

Повисла значительная пауза, от которой все ещё больше насторожились.

— Огорчить, потому что, скоро мы попрощаемся с одной из нас навсегда, — торжественно провозгласила воспитательница, — Чему же тут радоваться, подумали вы? Я отвечу. Воссоединение семьи — всегда радостное событие!

Разумеется, никто ничего не понял, и группа начала удивлённо переглядываться, разве что пальцами у виска ещё не вертели. Но Агафья этого не заметила, она вдруг зашагала вперёд, ловко лавируя между пуфиками, и приблизилась к Яринке. Несколько секунд растроганно смотрела на мою начавшую стремительно краснеть подругу, потом порывисто обняла.

Концентрация недоумения вокруг достигла критической отметки, когда воспитательница, наконец, сочла нужным объяснить своё странное поведение.

— Завтра, — неестественно высоким от восторженных ноток голосом объявила она, — Наша Ярина возвращается в родительский дом! Её отец осознал ошибочность своего поступка, совершённого, надо думать в состоянии аффекта после смерти супруги, и теперь хочет вернуть дочь.

По гостиной пронёсся поражённый вздох. Такого наша группа ещё не видела. Как-то уже повелось считать, что попасть в коррекционный приют, всё равно, что на тот свет — обратной дороги быть не может. И если найти жениха и выйти замуж в четырнадцать лет, по местным меркам — удивительное везение, то вырваться из этих стен ещё раньше, и ни куда-нибудь, а домой — просто выигрыш в миллионную лотерею.

И никто не понял, почему Яринка не кричит от радости, не бросается на шею Агафье, и не плачет от избытка чувств, а сидит с остановившимся взглядом.

— Ты меня слышала? — Агафья положила руку ей на плечо, — Твой отец хочет забрать тебя, завтра он будет здесь. Ты поедешь домой.

Яринка, наконец, разжала судорожно стиснутые челюсти, и заговорила глухим ровным голосом:

— Почему завтра? Он же должен ещё оформить документы.

— Оформление не заняло много времени, — Агафья, казалось, не заметила её подозрительного спокойствия, — Он твой родной отец, а это облегчило дело.

Яринка закусил губу, отчаянно посмотрела на меня. Воспитательница растолковала этот взгляд по-своему и снова приобняла её.

— Не расстраивайся, дорогая. Я разрешу Дарье звонить тебе раз в неделю, и возможно, как-нибудь, вы с папой сможете её навестить.

Яринка не пошевелилась, и я поняла, что мне пора выступить на сцену, иначе сейчас моя слишком эмоциональная подруга чего-нибудь учудит.

Демонстративно всхлипнув, я кинулась обнимать её, бормоча всякую ерунду вроде "так за тебя счастлива" и "ты это заслужила". Спустя секунду, ко мне присоединились другие девочки, и Яринка утонула в волне поцелуев и поздравлений. Насколько они были искренними, оставалось только предполагать, но подозреваю, что многие действительно радовались устранению красивой соперницы, ведь Яринкина анкета на сайте приюта, исчезнет вместе с ней.

Некоторое время Агафья растроганно наблюдала за нашей кучей-малой, потом терпеливо поторопила:

— Девушки, завтрак, — и обратилась к Яринке, выпавшей из коллективных объятий ошалевшей и взъерошенной, — А тебя, дорогая, я сегодня освобождаю от школы, тем более, что твои документы уже собраны, и сегодняшние оценки засчитаны не будут. Можешь погулять, попрощаться с приютом, побыть наедине с собой, тебе сейчас это нужно.

— Сударыня, — Яринка рассеяно пригладила выбившиеся из косы пряди, — Агафья Викторовна, пожалуйста, можно Дашу тоже освободить? Нам надо... мы хотели бы...

Воспитательница бросила на меня недовольный взгляд, на её лице ясно отобразилась внутренняя борьба. С одной стороны, она ещё слишком хорошо помнила все мои художества, с другой — даже наша железобетонная Агафья обладала каким-то состраданием, и понимала, что, не смотря на её недавние слова о возможных звонках и визитах, скорее всего, мы с Яринкой видимся последний раз.

— Хорошо, — наконец изрекла она после продолжительной паузы, — Ради такого случая я пойду вам навстречу, и очень надеюсь, что пропущенный день не отразится на

успеваемости Дарьи.

— Спасибо, — искренне сказала я, — Большое спасибо.

Но Агафья лишь устало отмахнулась.

— Однако на завтрак извольте пойти.

И мы пошли. Пришлось отсидеть положенное время в столовой и даже через силу проглотить несколько ложек каши, пока наши одноклассницы не отправились в школу, и мы наконец-то не остались вдвоём.

— На лестницу? — спросила Яринка, с отвращением отодвигая от себя тарелку.

— Лучше на улицу, — ответила я, и передразнила Агафью, — Тебе же надо попрощаться с приютом.

Снаружи было почти лето. Зеленела трава, на газонах часто высыпали маленькие солнышки одуванчиков, в воздухе гудели шмели. Я привычно глянула в сторону леса — забора уже почти не было видно за распускающейся на деревьях листвой.

— Дайка, — сказала Яринка, нервно оглянувшись на корпус, — Если отец меня завтра заберёт, я не смогу в пятницу прийти в лес. Я думала за завтраком... даже если убегу из дома, то не доберусь сюда без денег. А убежать я не смогу, отец не дурак... то есть дурак конечно, но за мной будет следить. Он знает, что я не хочу с ним жить.

— Он далеко отсюда живёт?

— Далеко. Мне бы пришлось ехать на вокзал, потом сюда на электричке. А как от электрички до нашего леса добраться, я вообще не знаю.

— Не нужно куда добираться. И с отцом уезжать не нужно, — я говорила совершенно спокойно. Не только Яринка за завтраком не теряла времени, я тоже думала, что теперь делать. И придумала. Впрочем, ничего другого нам не оставалось, так что особо напрягать фантазию не пришлось.

Подруга выжидательно молчала, глядя на меня с робкой надеждой, и я вдруг ощутила прилив решимости. Раз уж судьбе угодно нас поторопить, пусть будет так.

— Мы убежим сегодня ночью.

Яринка растерянно моргала.

— Но ведь сегодня понедельник. А машина придёт за нами только в пятницу... почти в субботу. Где мы будем...

— В лесу. Придётся эти дни прятаться в лесу.

— Нас будут искать!

— Значит, надо сделать так, чтобы не нашли.

— Дайка, — Яринка почти кричала, — Вас в тайге нашли! А тут даже не лес, а...

— Знаю! Не ори. Сама тогда что-нибудь предлагай.

Яринке предлагать было нечего, и она сникла, уткнулась глазами себе под ноги, и забормотала вполголоса:

— Тварь, урод, ненавижу, почему он всегда всё портит? Да что б его об угол шанадарахнуло...

Я не стала вслушиваться. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться о том, кого именно прокликает моя подруга. И сейчас я, как никогда, была близка к тому, чтобы присоединиться к этим проклятиям. Её отец даже при желании не смог бы выбрать момента хуже, чтобы внезапно предъявить свои права на дочь. И зачем он это сделал? Никаких предположений у меня даже близко не было, но одно я знала точно — нельзя дать ему добраться до Яринки. Даже на один день — нельзя. Если раньше при неудачном побеге я

рисковала кроме заслуженного наказания, которое было бы крайне суровым, навсегда потерять связь с Дэном и *другими*, то теперь всё обстояло намного хуже. Потерять Яринку я не могу. А значит, и ошибиться ни в чём нельзя, слишком дороги ставки. Или сегодня ночью у нас всё получится, или мы больше никогда не увидимся.

Яринка продолжала бубнить себе под нос, суля папаше жуткие кары, и этим очень мешая мне думать. А я должна была думать, потому что времени у нас теперь почти нет, как нет и права на ошибку.

— Сходила бы ты к Варваре, — торопливо посоветовала я, дождавшись, когда подруга на секунду замолчит, переводя дух между ругательствами, — Забери свои платья. А я как раз пока в церковь смотаюсь.

Яринка недовольно глянула на меня, прервавшись, надо думать, на самом интересном, но спорить не стала.

— Тогда увидимся в дортуаре? Как раз вещи соберём, пока эти в школе...

Я кивнула, и мы разошлись в разные стороны. Оглянувшись один раз, я увидела, что Яринка не торопится — она брела по дорожке, еле переставляя ноги, и опустив голову. Не то продолжала обдумывать планы мести отцу, не то последовала совету Агафьи, и мысленно прощалась с приютом.

В церкви было тихо и пусто. Кружились в воздухе пылинки, золотились рамы икон, солнечные лучи, падая сквозь витражи, украсили пол и стены разноцветными пятнами. Горело несколько свечей. Сама не зная зачем, я взяла одну из них и поочерёдно зажгла остальные, успевшие погаснуть. Но в ярком дневном свете их огоньки были почти не различимы.

В нашей комнатке за клиросом так же никого не оказалось, Марфа Никитовна приходила сюда только после обеда. Я выдвинула один за другим ящики стола, и там, среди беспорядочно сваленных книг, учебных пособий по сольфеджио, и нотных сборников, нашла свою тетрадь. Достала, прижала к груди. Но вместо того, чтобы уйти, села на один из стульев, прислонившись затылком к стене. Нужно многое обдумать, а лучшего места для этого сейчас не найти. Здесь меня никто не потревожит.

А когда, спустя полчаса я вышла из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь, и шурясь от яркого торжественного света, льющегося в окна, то уже точно знала, что делать дальше. Почти никакой моей заслуги в этом не было, всё нашептал голос-без-слов, слышимый в пустой церкви отчётливо, как никогда.

И, повинувшись ему, прежде чем уйти, я подошла к одному из окон, и приоткрыла его.

Яринка, внимательно выслушав мой план, не стала возражать и говорить, что я сошла с ума, не стала и напоминать о возможных последствиях. Лишь глаза её расширились и потемнели, а пальцы нервно скребнули по покрывалу. Но она сразу вязал себя в руки, и сказала, глядя в сторону:

— Значит, сжечь мосты. А что... так даже правильно будет. Пусть они нас запомнят. Помирать, так с музыкой.

— Сжечь, — эхом отозвалась я, и добавила, пытаясь успокоить скорее себя, чем подругу, — Зато точно убежим.

Яринка кивнула, взяла аккуратно сложенную стопку платьев, принесённых из пошивочной, и принялась запихивать в школьную сумку. Платья не влезали, и я подвинула ей свою. В очередной раз напомнила себе, что как бы мы не торопились ночью, но надо не

забыть забрать из тайника наши рогатки, мою, Дэна, и Яринкину. Пчёлку, Рога дьявола, и Бланку. И не важно, останется ли место в сумках, рогатки можно просто повесить на шею.

— Вторник, среда, четверг, пятница, — вслух посчитала Яринка, загибая пальцы, — Дайка, что мы будем есть все эти дни?

Я беспомощно пожала плечами. Об этом тоже думала, сидя в церкви, даже спрашивала голос-без-слов, но всё, что он смог подкинуть мне по этому поводу — напоминание о прочитанной где-то информации о том, что человек живёт без еды месяц и больше. Нельзя сказать, что это меня утешило, но и тревожить голос-без-слов по таким пустякам я больше не стала. Он был занят куда более важной проблемой — безопасностью нашего побега.

— Может, попробовать принести хлеба из столовой? — продолжала переживать Яринка, — Хотя немного взять с собой?

Я подумала и мотнула головой.

— Нет. Если заметят, могут что-то заподозрить. Тогда конец.

— Ладно, хоть на ужин постараемся нажраться от пуза, — буркнула подруга, запихивая раздувшуюся сумку в свой шкафчик.

— И на обед тоже, — кивнула я и предложила, — Давай сходим в библиотеку, посмотрим карту местности, может, сообразим, где лучше прятаться.

Но карта мало что нам дала. Конечно, мы увидели там и наш приют, и храмовый комплекс к югу от него, и даже тот самый поворот на шоссе, возле которого нас должна будет ждать машина *других*. Но вокруг всего этого было совсем немного леса, где надёжно прятаться в течении четырёх дней представлялось затруднительным.

Чтобы не впадать в уныние и не пугаться ещё больше, я запретила себе пока думать об этом. На текущий момент наша главная задача — убежать. И сделать это так, чтобы никто не помешал, и хотя бы первые два-три часа не пустился в погоню. Для этого и нужен отвлекающий маневр, придуманный мною в церкви.

День тянулся как резиновый. Мы вернулись в дортуар и попытались поспать, помня о предстоящей трудной ночи, но были слишком взвинчены даже для того, чтобы просто закрыть глаза. Потом сходили на обед, где постарались упихать в себя всё до чего дотянулись. Из школы вернулись Зина и Настуся, смущаясь, преподнесли Яринке разрисованную фломастерами самодельную открытку, с пожеланиями и подписями от всех одноклассниц. Яринка поблагодарила, обняла Зину, а немного замешкавшись, и Настусю, отчего та жалобно заморгала и зашмыгала носом. Я подумала, что нельзя прощаться с ней вот так, навсегда оставляя с чувством вины. Но нужных слов не нашлось — я просто поймала Настусин взгляд и постаралась улыбнуться ей как можно теплее. Настуся несмело улыбнулась в ответ, и на душе у меня стало одним камнем меньше. Зла на дурёху я уже давно не держала, понимая, что она всего лишь жертва обстоятельств, как и я сама.

С приходом соседок возможность разговаривать о своём исчезла, и мы ушли на улицу. Гуляли по дорожкам, сидели на скамейках, кидали камешки в пруд, в общем, следовали совету Агафьи — прощались с приютом. Не то чтобы мне было грустно, но без некоторой ностальгии не обошлось, всё-таки были здесь и хорошие времена и ценные приобретения. Моя дружба с Яринкой, знакомство с Дэном, первые попытки спорить с судьбой и понимание того, что я способна на борьбу. Так что, если всё получится, и я больше не вернусь в это место, то вспоминать о нём буду без зла.

Только бы не вернуться...

Ближе к вечеру, измотавшись от ожидания, мы всё-таки уснули прижавшись друг к другу на Яринкиной кровати, чем чуть не провалили всё дело — Зина забеспокоилась, что мы опять заболели, и хотела позвать сестру Марью, чьё пристальное внимание нам сейчас было совсем не кстати. Кое-как успокоив добрых соседок, мы, придав себе преувеличенно бодрый вид, отправились на ужин. От волнения кусок не лез в горло, но я заставила себя съесть всё до последней крошки, помня о том, что нам предстоит четыре дня голода.

После ужина мы снова ушли на улицу, где последний раз в деталях обсудили весь план, от и до. Момент истины приближался.

Самыми трудными оказались часы, проведённые в темноте, в постели, когда приют отошёл ко сну, а мы лежали под одеялами, чутко прислушиваясь к ночным звукам. Бежать следовало в самое глухое время ночи, между двумя и тремя часами, и я чуть не сошла с ума, подгоняя каждую минуту. Яринка возилась и вздыхала внизу, часы тикали в тишине, а меня по очереди волнами накрывали то отчаянная надежда, то почти неконтролируемый страх.

Всё имеет свой конец, кончилось и это выматывающее душу ожидание. Уже одетые, на подоконнике, мы дождались, когда под окнами, с очередного обхода пройдёт охрана, потом бесшумно подхватили сумки, и на цыпочках, босиком, скользнули к двери. На пороге, я, на миг задержавшись, оглянулась на комнату, в которой прожила последние три с половиной года, и сердце сжалось, тюкнуло невпопад. Особенно грустно было смотреть на свою уже остывающую постель, с откинутым одеялом и брошенной поверх него ночнушкой. Я запоздало подумала, что ночнушку можно было бы и забрать с собой, но возвращаться не стала. Всё это, и моя постель, и скомканная ночнушка, и тапочки, одиноко стоящие на полу, было уже в прошлом. А прошлое лучше не ворошить.

В вестибюле двери оказались заперты на засов изнутри, чему я уже в который раз удивилась. Зачем? Снаружи запирается не от кого, а тех, кто захочет выйти, засов не удержит.

У дверей мы накинули пальто, которые до этого несли в руках. Для пальто было уже слишком тепло, но нас ожидали ночёвки без крыши над головой, и мы постарались предусмотреть это. Тем более, что пояса от этих пальто оченьгодились нам, чтобы закрепить школьные сумки на спине, по типу рюкзаков, освободив руки.

Закончив с приготовлениями, мы осторожно отодвинули засов, и выскользнули на улицу. Майская ночь встретила нас тишиной и ясным небом. Ничего общего с той, ветреной ночью, когда мы выбрались в церковь на встречу с Дэном — сейчас не шевелилась ни одна веточка.

Пригнувшись, прячась за кустами акации, мы вдоль стены корпуса прокрались до его угла. И здесь нам предстояло повторить мартовский маршрут по открытому пространству к церкви. Камеры, как недремлющие ночные птицы, сидели на фонарных столбах, бдительно глядя сверху вниз. И теперь уже не приходилось сомневаться, что все они — зрячие. Ещё днём, гуляя здесь, мы постарались максимально просчитать самую безопасную траекторию между ними. Но даже, если наши расчёты оказались верны, ничто не могло защитить нас от чьего-то случайного взгляда из окон или со стороны проходной. Поэтому мы и замерли а нерешительности, перед решающим рывком. Отсюда ещё можно было вернуться, ещё не поздно передумать, и я невольно оглянулась назад, на подъезд корпуса, и выше — на окно нашего дортуара, туда, где за отражающим тёмное небо стеклом, ждала моя расправленная постель с приглашающе откинутым одеялом.

Яринка тоже посмотрела через плечо, но, не задержавшись там взглядом, перевела его

на меня.

— Ну? Может, помолимся?

Я не поняла, в шутку это было сказано, или всерьёз, поэтому ответила так же неопределённо:

— Нам сейчас лучше не привлекать внимания бога. А то он узнает, что мы хотим сделать в его церкви, и пошлёт сюда охрану.

— И то верно, — Яринка поправила на плечах поясok от пальто, заменяющий лямки импровизированного рюкзака, — Тогда просто вперёд?

— Вперёд, — вздохнула я, — Раз. Два. Три!

И снова — дорожки, кусты, скамейки, фонари. И опять — пригнуться, побежать, замереть, оглянуться на ближайшую камеру — не видишь? И тут же — по сторонам, нет ли кого? И назад — много ли прошли? И вперёд — сколько осталось?

Подозреваю, что когда лет в двадцать с чем-нибудь я найду у себя первый седой волос, то обязательно вспомню одну из этих ночей.

Последние метры оказались самыми напряжёнными, в голову мне пришла страшная мысль — а вдруг в течении дня, кто-нибудь в церкви заметил открытое мною днём окно, и ничтоже сумняшеся закрыл его? Конечно, это нас не остановит, но тогда придётся обойтись без придуманного мною отвлекающего манёвра, бежать напролом под всеми камерами, и скорее всего, увлечь за собой погоню. А погоня — это конец. Без форы в несколько часов нам не уйти далеко.

Подстёгнутая этими мыслями, оставшееся до церкви расстояние, я перемахнула несколькими гигантскими скачками, и, подпрыгнув, толкнула раму крайнего окна. Толкнула слишком сильно, и окно, распахнувшись внутрь, ударилось о стоящий на подоконнике цветочный горшок. Горшок с грохотом рухнул в темноту ночной церкви, а я присела на корточки, зачем-то прижав ладони к ушам, словно таким образом могла заглушить устроенный мною шум.

Яринка плюхнулась на колени рядом со мной, что-то испуганно забормотала, оглядываясь по сторонам. Так мы просидели несколько томительных минут, каждый момент ожидая, что из-за угла, совсем как в прошлый раз, выступят камуфляжные фигуры. Но вокруг по-прежнему было тихо, только где-то очень далеко, на грани слышимости, простучал колёсами ночной поезд.

Очень медленно, боясь поверить в своё везение, мы выпрямились, и заглянули в окно. Но отсюда, с улицы, казалось, что там сплошная темень. На этот раз, Яринка забралась внутрь первой, подала мне руку. Спрыгнув на половицы церкви, я поспешила захлопнуть раму, словно это могло отсечь нас ото всех опасностей. Мы ещё чуть-чуть постояли, мысленно свыкаясь с тем, что сейчас предстоит сделать. Я до сих пор не верила в это до конца, как не верила и в то, что подобный план действительно мог родиться в моей голове. Ведь я любила церковь. Любила не как дом навязанного мне бога, но как свой собственный дом, где любили и меня. Где я была кем-то, не просто очередной безликой воспитанницей приюта, ни странной и чуждой дикаркой, а своей среди своих, той, кому всегда рады. Именно здесь меня выделили, признали, и оценили. И только здесь от меня не отвернулись после последних событий.

Но я уже успела понять — в этой жизни приходится жертвовать хорошим ради лучшего.

Яринка не разделяла моих чувств, а то, что она тоже замешкалась, объяснялась лишь тем, что нашим глазам требовалось время, чтобы привыкнуть к темноте. И когда это

произошло, она нетерпеливо пошевелилась рядом, азартно шепнула:

— Ну? Давай?

Я позволила себе ещё несколько секунд тишины, мысленно прося прощения у этого места, и вздохнула:

— Пошли.

Мы направились в комнатку за клиросом, в нашу комнатку, где было проведено столько хороших вечеров, и спето столько хороших песен. Там я велела Яринке:

— Вынеси стулья в зал, они деревянные, а я пока соберу бумагу.

Подруга кинулась выполнять распоряжение, а я второй раз за сегодня начала выдвигать ящики стола, но теперь сгребала оттуда всё подряд: песенники, тетради, журналы, распечатанные учебные пособия, сгребала и вываливала на стол. А последним осторожно взяла из верхнего ящика коробок спичек. Тот самый, наткнувшись на который днём, и поняла, чем можно отвлечь охрану.

Рядом опять появилась Яринка, ни слова не говоря, схватила в охапку добрую половину всего извлечённого мною из стола, потащила за дверь. Я подхватила оставшееся. А выскочив следом за подругой в зал, увидела, что она проявила прямо-таки кощунственную изобретательность.

Три стула, вынесенных ею из комнаты, теперь стояли прямо под Иисусом, под деревянным, покрытым масляной краской, в натуральный рост Иисусом, подпирая спинками нижний край его креста. И под эти стулья Яринка сейчас запихивала скомканные бумажные листы, которые торопливо выдирала из книг и тетрадей.

Я присоединилась к ней, избегая смотреть вверх, на искажённое страданием лицо Спасителя. Какого чёрта? Если у нас всё получится, он всё равно сгорит вместе со всем остальным, так почему бы и не увеличить свои шансы на успех, воспользовавшись такой хорошей растопкой?

Когда под стульями и вокруг них выросла бумажная гора, мы выпрямились, хищно оглядываясь — что ещё подойдёт? Но обнаружили только пару Библий, тонкие цветные брошюры с текстами молитв, да большой отрез красной ткани. Его мы содрали с алтаря и набросили поверх стульев.

— Думаешь, хватит? — чуть запыхавшаяся Яринка критически окинула взглядом дело наших рук, — Разгорится?

— Думаю, да. Пол тоже деревянный. Стулья, бумага, тряпка, Иисус... с него на стены перекинется, а там иконы... холст, краска... должно хорошо гореть...

Бормоча это, я подрагивающими пальцами доставала из кармана коробок, открывала его, нащупывала спичку... Неожиданно Яринка протянула руку.

— Мне тоже дай. Вместе...

Она зажгла свою спичку первой, я же сломала две, прежде чем добыла трепещущий огонёк, торопливо прикрыла его свободной ладонью, засмотрелась заворожёно. Надо же — такой маленький, такой хрупкий, даже тепла не чувствуется, но с его помощью я собираюсь погубить всё, что сейчас меня окружает. И не только это помещение с его иконами, Иисусом, клиросом, и фортепиано, из которого мне так нравилось извлекать простенькие мелодии, но и свою нынешнюю жизнь. Потому что одно дело — сбежать из приюта, и совсем другое — поджечь церковь. Такое нам не простят даже со скидкой на возраст.

Яринка не стала ждать, когда я закончу с размышлениями и созрею для действий — она швырнула свою спичку в ворох бумаги. Тот занялся сразу. Оранжевый, неожиданно очень

яркий огонь взметнулся с пола, пополз в стороны, обнял снизу один из стульев. Тогда я тоже выронила почти догоревший огонёк себе под ноги. Он упал на скомканную страницу из нотного сборника, я чётко увидела часть названия "Адажио — Вива...", а в следующую секунду угольная чернота, разбегающаяся по бумаге, поглотила его, а сам лист свернулся и исчез в жадном огненном языке.

Мы стали медленно отступать к окну. Костёр на полу разгорался, гнал волны жара, бросал на стены рваные пляшущие тени. Сильно запахло гарью, затрещал лак на стульях. Я не выдержала и всё-таки посмотрела на Иисуса, но к счастью яркий свет изгнал иллюзии, теперь это была просто грубо раскрашенная деревянная фигура. Зато ожили иконы. В дрожащем неровном танце света и теней их лица начали кривиться, гримасничать, словно в страхе перед надвигающейся огненной смертью, глаза вращались, искали кого-то. Нас?

Спиной я наткнулась на подоконник, вздрогнула всем телом, оглянулась на Яринку. Как ни странно, она тоже выглядела испуганной — ресницы трепетали, рот приоткрылся буквой О.

Мамочка, что же мы делаем?

Жар догнал нас и здесь, я почувствовала, как увлажняется кожа лица от выступающего пота. Едкий дым зацарапал горло, огонь уже охватил стулья и теперь тянулся к Иисусу, лизал его ступни.

— Уходим? — полувопросительно окликнула меня Яринка, — Уже не погаснет.

Я кивнула, влезла на подоконник, и с жадностью вдохнув ртом свежий ночной воздух, прыгнула вниз, в траву. Через секунду рядом мягко упала Яринка. Мы одновременно оглянулись — приоткрытое окно багровело изнутри зловещим красным светом. Я вскочила на ноги, потянулась его закрыть, но подруга остановила меня, схватив за руку:

— Не надо! Должна быть тяга, а то погаснет.

Я заглянула внутрь и подумала, что теперь уже вряд ли погаснет даже с закрытым окном. В церкви было светло, как днём, огонь охватил Иисуса до пояса, по полу в разные стороны ползли огненные змейки, искры бесновались в воздухе.

Теперь счёт шёл на секунды, пожар вот-вот будет замечен.

— Бежим!

Стараясь максимально торопиться, но не поддаваться панике, мы обогнули церковь, держась в тени её стен. Придерживаясь рассчитанной днём траектории, бросились к больнице, точнее к кустам акации, высаженным перед нею. В эти кусты мы и вломились, упали на четвереньки, поползли вглубь, под укрытие веток. Замерли, стараясь сквозь просветы листьев разглядеть, что происходит снаружи.

Окна церкви светились, багровые отблески ложились на траву, на асфальт, мне показалось, что я отсюда слышу гул бушующего внутри пламени. А приют спал. Никто не спешил по дорожкам, не кричал заполошно, не звал остальных.

— Да что они там, слепые что ли? — озвучила мои мысли Яринка, нервно кусающая губы.

— Ничего, ничего, — ответила я, не в силах отвести глаз от церкви, — Пусть горит как следует, чем позже заметят, тем легче нам будет убежать.

И мы ждали, сидя на холодной земле, прижавшись, друг к другу. Ждали, пока в церкви что-то не бабахнуло, густо, оглушительно. Одновременно с этим окна первого этажа разлетелись стеклянными брызгами, выбросив наружу снопы искр и языки пламени.

И тогда всё стало происходить сразу. Один за другим начали загораться окна корпусов,

администрации, и больницы за нашими спинами. От проходной раздался, приближаясь, топот ног, на дорожках показались бегущие фигуры, и зазвучал, наконец, со всех сторон, многоголосый хор, сливающийся в одно слово "Пожар!".

Ну вот. Получилось. Теперь вряд ли охрана смотрит в камеры, теперь вряд ли чьё-то внимание привлекут два бегущих человека, и вряд ли в ближайшие часы кто-то хватится двух пропавших воспитанниц.

— Всё, — я чуть приподнялась, поправляя за плечами сумку, посмотрела на Яринку.

В её глазах светилось по маленькой горящей церкви, губы растягивала нервная улыбка-grimаса, но голос прозвучал почти спокойно и даже беззаботно:

— Уходим?

— Уходим, — я облизнула пересохшие губы, теперь жарко было даже здесь, со стороны церкви порывами налетал горячий ветер, — Теперь точно уходим. Не останавливайся, что бы ни увидела.

— Ты тоже, — радостно согласилась подруга.

А потом мы просто бежали. Бежали не скрываясь, бежали на виду у камер, на виду у окон, на виду у тех, кто выскакивал на улицу привлечённый, как мотылёк ярким пламенем, бежали освещённые ровным светом фонарей, и неровным — устроенного нами пожара.

Бежали мимо стадиона, и крупный гравий больно бил по стопам сквозь непредназначенные для бега девичьи сапожки, бежали мимо прудика, и в нём отражалось зарево бушующего огня, бежали сквозь деревья к забору, туда, куда его жар уже не доставал.

Я взлетела на дерево первая, обдирая ладони о кору начала отчаянно карабкаться вверх, держась за ветки, ступила на забор, прыгнула на ствол по ту сторону. Яринка не отставала, и на землю мы спустились почти одновременно. Не останавливаясь, бросились дальше, в спасительную темноту.

Я совсем забыла о наших спрятанных до лета рогатках, но ноги сами вели меня привычной дорогой, к поваленной сосне, я почти споткнулась об неё, и только тогда вспомнила о тайнике. Упала на колени, принялась судорожно разбрасывать прошлогоднюю листву и дёрн. Яринка завозилась рядом. Наконец руки провалились в пустоту, нащупали шуршащий целлофан. Одну рогатку — Бланку, я бросила подруге, две другие, свою Пчёлку и Рога Дьявола Дэна, повесила на шею. В последний момент, когда уже собралась уходить, выхватила из тайника нож, украденный мною у поваров в прошлом году, сжала в руке.

И снова мы бежали. Не разговаривая друг с другом, но неизменно держась плечом к плечу, надсадно дыша, спотыкаясь в темноте, и прикрываясь ладонями от несущихся навстречу ветвей. Бежали, пока не выскочили на дорогу, ту самую, про которую говорил Михаил Юрьевич.

Яринка остановилась, наклонилась, упёршись руками в колени, пыталась отдышаться. Я тоже позволила себе передышку, но только чтобы сообразить — куда дальше. Постаралась выдернуть из памяти карту местности, которую мы сегодня днём (целую вечность назад!) смотрели в интернете. И так — налево нельзя, там идёт ещё одна дорога к храмовому комплексу, велик риск на кого-то наткнуться. Значит, только направо, подальше отсюда и глубже в лес.

Яринка словно слышала мои мысли, простонала:

— Только не снова по лесу, я больше не могу...

Я тоже не могла. И мы побежали по дороге. Сначала во весь дух, так чтобы ветер свистел в ушах, потом усталой рысью, уже борясь за каждый метр. А дорога как назло, вдрут

стала резко забирать вверх, карабкаться на холм. Пришлось перейти на быстрый шаг, а скоро и вовсе взяться за руки, поддерживая друг друга. Дыхание с хрипом рвалось из груди, в боку кололо. Всё-таки за годы, проведённые в приюте, я совсем отвыкла от физических нагрузок. Но останавливаться было страшно, и мы упрямо тащились вверх, подавшись вперёд, глядя себе под ноги...

Крутой подъём закончился неожиданно, в лицо ударил ветер.

— Смотри! — вдруг выдохнула Яринка, сжав мою ладонь.

Я обернулась.

Здесь, холм, на который мы с таким трудом забрались, поднялся почти вровень с верхушками сосен, с лесом, из которого мы вышли, теперь оставшимся сзади и в стороне. И над ним сияло яркое зарево. Грозно клубящийся столб дыма, подсвеченный снизу багровыми всполохами, поднимался вверх, в чёрное небо.

Продолжала гореть церковь.

Не размыкая рук, прижимаясь друг к другу плечами, долго стояли мы, глядя на злое свечение, не в силах заставить себя идти дальше, не в силах вымолвить ни слова.

А потом, краем глаза, я уловила другой свет — чистый, серебряный, и на этот раз сама сжала Яринкину ладонь, заставляя её повернуть голову, проследить за моим взглядом.

Высоко над нами, одна за другой, ярко вспыхивая и почти сразу угасая, падали с неба звёзды.

Эпилог.

О, весенние сны в дортуаре,
О, блужданье в раздумье средь спящих.
Звук шагов, как нарочно, скрипящих,
И тоска, и мечты о пожаре.

Неспокойны уснувшие лица,
Газ заботливо кем-то убавлен,
Воздух прян и как будто отравлен,
Дортуар — как большая теплица.

Тихи вздохи. На призрачном свете
Все бледны. От тоски ль ожидания,
Оттого ль, что солгали гаданья,
Но тревожны уснувшие дети.

Косы длинные, а руки так тонки!
Бред внезапный: «От вражеских пушек
Войско турок...» Недвижны иконки,
Что склонились над снегом подушек.

Кто-то плачет во сне, не упрямо...
Так слабы эти детские всхлипы!
Снятся девочке старые липы

И умершая, бледная мама.

Расцветает в душе небылица.

Кто там бродит? Неспящая поздно?

Иль цветок, воскресающий грозно,

Что сгубила весною теплица?

Марина Цветаева.

Больше книг на сайте - Knigolub.net